

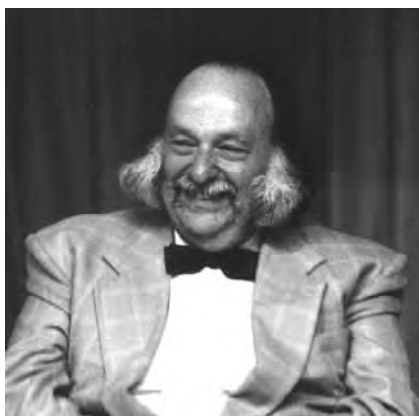
Рашид Мурадович
КАПЛАНОВ

Труды. Интервью. Воспоминания

Rashid Muradovich
KAPLANOV

Works. Interviews. Memoirs

Центр научных работников и преподавателей иудаики
в вузах «Сэфер»

Рашид Мурадович
КАПЛАНОВ

Труды. Интервью. Воспоминания

ספר

Москва

2010

Некоммерческое издание

Редколлегия:

Константин Бурмистров, Владимир Ведюшкин, Анатолий Воробьев,
Аркадий Ковельман, Ирина Копченова, Виктория Мочалова (отв. ред.),
Артем Федорчук

Editorial Board:

Konstantin Burmistrov, Artem Fedorchuk, Irina Kopchenova,
Arkady Kovelman, Victoria Mochalova (chief ed.), Vladimir Vedyushkin,
Anatoly Vorobyov

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Published with the support of

Американского Еврейского
Объединенного Распределительного Комитета (Джойнт)
The American Jewish Joint Distribution Committee (Joint)

Благотворительного Фонда Ави Хай
The Avi Chai Foundation

Евроазиатского Еврейского Конгресса
Euro-Asian Jewish Congress

На авантитуле:

Михаил Бруня. Эскиз портрета Рашида Капланова (2003 г.)

Художник – *Сергей Трофимов*
Верстка – *Марина Горшенкова, Ольга Волкова*
Корректор – *Татьяна Базилевич*

ISBN %%%%

© Р.М. Капланов, наследники
© Коллектив авторов, 2010

От редколлегии

Мы посвящаем эту книгу памяти Рашида Мурадовича Капанова (18.1.1949–27.11.2007)¹, известного ученого и замечательного педагога, ушедшего от нас после тяжелой болезни на 59 году жизни².

Р.М. Капанов родился в Москве, в семье профессора Мурада Рашидовича Капанова (1915–1980), специалиста в области самолетных систем и аппаратуры радиосвязи, систем дальней космической радиосвязи и ТВ-вещания, доктора технических наук³, и Лилианы Исаевны Рамбах (1918–1999). Дед Рашида Мурадовича, кумыкский князь Рашидхан Завитович Капанов был расстрелян в 1937 г., отец – репрессирован как сын «врага народа», в 1943 г. ушел на фронт, а после демобилизации работал в своей научной области (стал лауреатом Государственных премий), много публиковался и преподавал в Московском институте радиотехники, электроники и автоматизики⁴.

Рашид Мурадович не пошел по стопам отца в научной сфере – в 1971 г. окончил исторический факультет Московского Государственного Университета им. М.В. Ломоносова, в 1971–1974 гг. учился в аспирантуре Института Всеобщей истории АН СССР, где в 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию по политической истории Португалии XX века, затем многие годы был старшим научным сотрудником этого Института.

С 80-х годов Рашид Мурадович активно занимался изучением различных аспектов еврейской истории, с 1992 г. был одним из руководителей Еврейского исторического общества в Москве, с 1994 г. и до конца своей жизни был председателем Академического совета Центра «Сэфер», с 1995 г. возглавлял редколлегию «Вестника Еврейского университета в Москве». В 1995 г. он был избран в члены Европейской Академии (Лондон), с 1997 г. был членом Совета Всемирной Ассоциации иудаики, в 2002–2006 гг. был Президентом Европейской Ассоциации иудаики.

Его научные интересы были весьма обширны и охватывали историю евреев в Европе в XVIII–XX вв., проблемы национальных меньшинств и национальных движений в Европе новейшего времени, историю европейского фашизма; политологию, этнологию, социоллингвистику, новую и новейшую историю Португалии и Испании.

Рашид Мурадович принимал участие во многих научных конференциях в разных странах (Болгария, Великобритания, Германия, Израиль, Испания, Италия, Польша, Португалия, Россия, США, Украина, Франция, Чехия, ЮАР).

В 1994 г. он был приглашен в Оксфорд (scribal fellow, Oxford Centre for Hebrew and Jewish Studies), в 1995 г. – в Прагу (visiting fellow, Central and East European Studies Program).

В течение многих лет Рашид Мурадович преподавал в различных университетах не только Москвы (например, в Еврейском университете в Москве, позднее – Высшей Гуманитарной школе им. Ш. Дубнова, в Государственной классической Академии им. Маймонида, на кафедре иудаики Института стран Азии и Африки при МГУ), но и России (Казань, Тверь, Петрозаводск), Украины (Киев, Львов, Черновцы), Центральной и Западной Европы: Великобритания (Оксфорд, Абердин, Кингстон), Венгрия (Центрально-Европейский университет в Будапеште), Германия (Гейдельберг, Тюбинген, Потсдам), Дания (Орхус), Италия (Турин, Удине, Пиза), США (Стэнфордский университет, Университет Брандайса, Калифорнийский Университет в Лос-Анжелесе, Университет Юты), читал курсы лекций, посвященные разным эпохам еврейской истории.

Его преподавательская деятельность не ограничивалась университетами – в течение десяти лет Рашид Мурадович преподавал также на организуемых Центром «Сэфер» зимних и летних школах по иудаике в различных городах СНГ и Балтии. На одной из них – в Черновцах – его и постиг инфаркт, оказавшийся смертельным.

В предлагаемый вниманию читателя сборник включены преимущественно работы Рашида Мурадовича по иудаике, а также записи некоторых его лекций, рецензии, тезисы выступлений (к сожалению, нам далеко не всегда удавалось установить, для каких конференций они предназначались), интервью разного времени. Мы также публикуем статью Рашида Мурадовича, посвященную его деду – “R.Z. Kaplanov: A Political Profile”, и эссе “Le Voyage au bout de l’Empire”, название которого отсылает к знаменитому роману Л.-Ф. Селина «Путешествие на край ночи» (1932).

Особый раздел сборника составляют воспоминания о Рашиде Мурадовиче его родственников, друзей, коллег, учеников. Нам представляется, что в этих воспоминаниях воссоздается портрет эпохи – через образ ее нетипичного представителя. Возможно, в этом будет заключаться и особая ценность данного сборника.

Завершает сборник список трудов Р.М. Капланова, составленный на основе его собственных отчетов о публикациях и наших библиотечных разысканий, а также беглого и далекого от желательной основательности знакомства с его личным архивом. Мы отдаем себе отчет в том, что список заведомо не полон; вместе с тем, он позволяет получить представление об основных направлениях научных интересов Рашида Мурадовича. Мы будем благодарны за любые дополнения и исправления, что позволило бы в дальнейшем составить более полную библиографию трудов Р.М. Капланова. Работы, отмеченные в списке знаком *, публикуются в настоящем сборнике.

В Приложении также помещено исследование Анатолия Воробьева о генеалогии рода Каплановых.

Мы чрезвычайно признательны всем тем, кто помогал в работе над этим сборником: родственникам Рашида Мурадовича – Галине и Нонне Окуневым, Михаилу Гребневу, Ирине Любимовой, а также его коллегам, сотрудникам, ученикам, друзьям – Елене Александровой, Виталию Гнатиюку, Максиму Ефимову, Максиму Гаммалу, Галине Зелениной, Сергею Карпу, Семену Козлову, Александру Либерману, Диане Пинто, Татьяне Солодухиной, Людмиле Чулковой, Шаулю Штампферу.

Примечания

¹ Среди уже вышедших посвященных ему публикаций «Сэфера» – Материалы Пятнадцатой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 2. Памяти Рашида Мурадовича Капланова. Академическая серия. Вып. 23. М., 2008; Проблемы еврейской истории. Материалы научных конференций центра «Сэфер» по иудаике. Ч. II. Памяти профессора Рашида Мурадовича Капланова. М.: Книжники, 2009. Кроме того, ряд коллег посвятил Р.М. Капланову свои работы: Переписка Мак-Магона – Хусейна 1915–1916 гг.: Документы и материалы / Предисл., вступит. ст., пер. документов и комментарии Д.Л. Шевелева. М.: РОССПЭН, 2008; Наедине с многообразием мира: стереотип – ксенофобия – толерантность. Сб. статей. Петрозаводск: Карельское рег. отд. «Молодежной правозащитной группы», 2008; *Монолатій І. Життя і смерть Станіславського гетто в записках Фозрмана // Фозрман Ю. Щоденник зі Станіслава (1941–1943). Івано-Франківськ, 2009; Монолатій І. Проблематика міжетнічних стосунків у Галичині межі ХІХ–ХХ століть (На прикладі Франкових Перехресних стежок та Гольдemanових Листів жидівського соціал-демократа про Україну) // TeKa Komisji Polsko-Ukraińskich Związków Kulturowych. Vol. IV. Lublin: Oddział PAN w Lublinie, 2009. S. 179–190; Асланов С. Фернандо Пессоа, Пауль Целан, Эдмон Жабес: от аннигиляции поэта до уничтожения поэзии // Вопросы еврейской истории. Материалы XVI Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 2. М., 2009. С. 243–254; Фадеев И. Отношение Уинстона Черчилля к сионистскому движению в период дебатов о разделе Палестины во второй половине 1930-х годов // Еврейская культура и ее контексты. Материалы XVI Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 3. М., 2009. С. 128–147.*

² См. некрологи: <http://www.sefer.ru/knyaz.html>; The Times. January 7, 2008 (<http://www.timesonline.co.uk/tol/comment/obituaries/article3141684.ece>); «Еврейский журнал» (<http://jjew.ru/index.php?cnt=10492>); *Носоновский М.* // Заметки по еврейской истории № 1 (92) (<http://berkovich-zametki.com/2008/Zametki/Nomer1/MN85.htm>); <http://booknik.ru/news/?id=25268>; *Estraikh G.; Krupnik I.; Krutikov M.* // East European Jewish Affairs, Vol. 38, Issue 1. April 2008, p. 3-5; Евроазиатский еврейский ежегодник 5768. М., 2008. С. 271–271; Euro-Asian Jewish Yearbook 5768. М., 2009. P. 277–278.

³ См. о нем: Капланов Мурад Рашидович // Отечественная радиоэлектроника: Биографическая энциклопедия. Т. 1, 2003. С. 182; *Чертюк Б.Е.* Ракеты и люди. Горячие дни холодной войны. М., 1999. С. 162; *Лейтес Л.С.* Развитие техники ТВ-вещания в России: Справочник. М., 2008.

⁴ Более подробную информацию о семье Р.М. Капланова см. в публикуемых в настоящем сборнике исследовании А.Б. Воробьева и воспоминаниях М.Н. Гребнева, Г.И. Окуневой.

From the Editorial Board

We dedicate this book to the memory of Rashid Muradovich Kaplanov (18.1.1949–27.11.2007)¹, a well known scholar and remarkable teacher, who left us after a protracted illness at the age of 58².

R.M. Kaplanov was born in Moscow where his father, Murad Rashidovich Kaplanov (1915–1980), was professor in technical sciences specialising in the field of aircraft systems and radio communication equipment, space radio and TV-broadcasting³. His mother was Liliana Isaevna Rambach (1918–1999). Rashid's Grandfather, a Kumyk Prince Rashidkhan Zavitovich Kaplanov was executed in 1937, and his father repressed as the son of an "enemy of nation". Murad Rashidovich went to the front in 1943, and after demobilization, returned to his scientific field where he (honored by the State Prizes) published his scholarly works, and taught at the Moscow Institute of Radio Engineering, Electronics and Automation⁴.

Rashid Muradovich did not follow in the footsteps of his father – in 1971 he graduated from the Department of History, Moscow State Lomonosov University, in 1971–1974 went on for doctoral studies at the Institute for World History, USSR Academy of Sciences. In 1977 he defended his doctoral thesis on the political history of Portugal in the XX century, and for many years worked as a senior research fellow at the Institute.

In the 1980s Rashid Muradovich became very active studying different aspects of Jewish history. From 1992 he was one of the leaders of the Jewish Historical Society in Moscow and from 1994 until his untimely death he was the Academic Chair of the "Sefer" Center. He also headed the editorial board of the "Vestnik Evrejskogo Universiteta v Moskve" from 1995 and in the same year he was elected a member of the European Academy (London). Starting in 1997, he was a Council member of the World Association of Jewish Studies and during 2002–2006 he was the President of the European Association of Jewish Studies.

His scientific interests were very extensive and covered the history of Jews in Europe in the XVIII–XX centuries, ethnic minorities and national movements in modern Europe, the history of European fascism, political science, ethnology, sociolinguistics, and the history of Portugal and Spain.

He took part in many scholarly conferences in different countries including Bulgaria, Czech Republic, France, Germany, Italy, Israel, Poland, Portugal, Russia, SAR, Spain, UK, Ukraine and the USA.

In 1994 Rashid Muradovich was invited to Oxford (Scribal fellow, Oxford Centre for Hebrew and Jewish Studies), and in 1995 – to Prague (Visiting fellow, Central and East European Studies Program).

For many years Rashid Muradovich taught courses on different epochs of Jewish history at different universities – not only those in Moscow (for example, at the Jewish university in Moscow, later – at the Shimon Dubnov High School for Humanities, State Classical Maimonides Academy, Department of Jewish Studies, IAAS, MSU), and also in different cities of Russia (Kazan, Tver, Petrozavodsk), Ukraine (Kiev, Lvov, Chernovtsy), Central and West Europe: Denmark (Arhus), Germany (Heidelberg, Tübingen, Potsdam), Hungary (Central European University in Budapest), Italy (Torino, Udine, Pisa), United Kingdom (Oxford, Aberdeen, Kingston), and the USA (Stanford, Brandeis, UCLA, University of Utah).

His teaching activities were not confined to universities – for over a decade Rashid Muradovich taught at the winter and summer Judaica Schools organized by the “Sefer” in different places of the CIS and Baltics. At the last one of them – in Chernovtsy, he suffered a terminal heart attack.

The present book includes a selection of articles by Rashid Muradovich, as well as records of some of his lectures, and reviews, abstracts of speeches (unfortunately, we were unable to determine for what conferences they were intended), interviews at different times. Most, but not all are in Jewish Studies. We have also published the article by Rashid Muradovich *R.Z. Kaplanov: A Political Profile*, devoted to his grandfather, and the essay *Le Voyage au bout de l'Empire*, the title of which refers to the famous novel by L.-F. Celine *Voyage au bout de la nuit* (1932).

A special section of the book includes memories of Rashid Muradovich by his relatives, friends, colleagues and students.

The Appendix includes a list of publications by R.M. Kaplanov, completed on the base of his own reports as well as our research in libraries, and unfortunately sketchy in his personal archive. We are aware that the list is not complete; however, it gives an idea of the main directions of Rashid Muradovich's scientific interests. We would appreciate any additions, corrections, suggestions which could improve the bibliography for future use. Articles marked with *, are published in our book. Appendix also includes the Kaplanovs genealogy' research by Anatoly Vorobyov.

We are extremely grateful to all those who helped work on this book: relatives of Rashid Muradovich – Galina and Nonna Okunevs, Irina Lubimiov, Michail Grebnev, as well as to his colleagues, friends, and students – Elena Alexandrova, Ludmila Chulkova, Maxim Efimov, Maxim Gammal, Vitaly Gnatyuk, Sergey Karp, Semyon Kozlov, Alexander Liberman, Diana Pinto, Tatyana Solodukhina, Shaul Stampfer, Galina Zelenina.

Notes

¹ Among “Sefer” publications dedicated to his memory, there are already: Материалы Пятнадцатой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 2. Памяти Рашида Мурадовича Капканова. Академическая серия. Вып. 23. М., 2008; Проблемы еврейской истории. Материалы научных конференций

центра «Сэфер» по иудаике. Ч. II. Памяти профессора Рашида Мурадовича Капланова. М.: Книжники, 2009. Besides, some colleagues have dedicated to R.M. Kaplanov their works: Переписка Мак-Магона – Хусейна 1915–1916 гг.: Документы и материалы / Предисл., вступит. ст., пер. документов и комментарии Д.Л. Шевелева. М.: РОССПЭН, 2008; Наедине с многообразием мира: стереотип – ксенофобия – толерантность. Сб. статей. Петрозаводск: Карельское рег. отд. «Молодежной правозащитной группы», 2008; *Монолатій І.* Життя і смерть Станіславського гетто в записах Фозрмана // *Фозрман Ю.* Щоденник зі Станіслава (1941–1943). Івано-Франківськ, 2009; *Монолатій І.* Проблематика міжетнічних стосунків у Галичині межі XIX–XX століть (На прикладі Франкових Перехресних стежок та Гольдеманових Листів жидівського соціал-демократа про Україну) // *TeKa Komisji Polsko-Ukraińskich Związków Kulturowych.* Vol. IV. Lublin: Oddział PAN w Lublinie, 2009. S. 179–190; *Асланов С.* Фернандо Пессоа, Пауль Целан, Эдмон Жабес: от аннигиляции поэта до уничтожения поэзии // Вопросы еврейской истории. Материалы XVI Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 2. М., 2009. С. 243–254; *Фадеев И.* Отношение Уинстона Черчилля к сионистскому движению в период дебатов о разделе Палестины во второй половине 1930-х годов // Еврейская культура и ее контексты. Материалы XVI Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 3. М., 2009. С. 128–147.

² See obituaries: <http://www.sefer.ru/knyaz.html>; The Times. January 7, 2008 (<http://www.timesonline.co.uk/tol/comment/obituaries/article3141684.ece>); «Еврейский журнал» (<http://jjew.ru/index.php?cnt=10492>); *М. Носоновский* // Заметки по еврейской истории № 1 (92) (<http://berkovich-zametki.com/2008/Zametki/Nomer1/MN85.htm>); <http://booknik.ru/news/?id=25268>; *G. Estraikh; I. Krupnik; M. Krutikov* // East European Jewish Affairs, Vol. 38, Issue 1. April 2008, p. 3–5.

³ See: Капланов Мурад Рашидович // Отечественная радиоэлектроника: Биографическая энциклопедия. Т. 1, 2003. С. 182; *Черток Б.Е.* Ракеты и люди. Горячие дни холодной войны. М., 1999. С. 162; *Лейтес Л.С.* Развитие техники ТВ-вещания в России: Справочник. М., 2008.

⁴ See more detailed information about Kaplanovs in article by A.B. Vorobyov, and the memoirs by M.N. Grebnev, G.I. Okuneva published in this book.

**РАБОТЫ
Р.М. КАПЛАНОВА**

К истории караимского литературного языка

Караимы, небольшая тюркоязычная народность (3,341 человек по переписи 1979 г.¹), принадлежит к числу наименее исследованных этнических групп в СССР. Изучение этнической истории и культуры караимов немыслимо без привлечения лингвистических данных.

Караимскому языку посвящено немало научных трудов²; однако при относительно активной работе в области грамматики и лексикографии социолингвистический анализ караимского языка и литературы – чрезвычайно важный для историка и этнографа, еще не проводился. Настоящая статья ставит себе ограниченную задачу дать представление об основных этапах караимского литературно-языкового процесса в тесной связи с этнической историей караимов. Следует сказать, что само понятие «караимского литературного языка» еще не завоевало прав гражданства в языкознании. Караимский язык часто рассматривается как бесписьменный³; в лучшем случае говорится о «попытках» создания караимского литературного языка³. Насколько справедлива эта точка зрения, как мы надеемся, станет ясно из данной статьи.

Договоримся сразу, что речь пойдет, прежде всего, о литературном языке западных (литовских и западноукраинских) караимов, имеющем две формы – тракайскую и луцко-галицкую. Культовый язык крымских караимов, первоначально очень близкий к западнокараимским диалектам (о чем свидетельствуют известные караимские переводы Библии XVII в.)⁴, впоследствии подвергся столь сильной османизации, что, скажем, произведения караимского поэта-переводчика XIX в. И. Эрака, скорее принадлежат турецкой или крымскотатарской литературе⁵. Таким образом, факты языка и литературы крымских караимов будут привлекаться лишь для сопоставления с языковыми и культурными процессами в западнокараимской среде.

В рамках данной статьи не представляется возможным проследить раннюю этническую историю литовско-украинских караимов. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что с XIV–XV вв. караимский язык за пределами Крыма существует в виде двух островов (или, точнее, «ар-

хипелагов») – литовского и луцко-галицкого. Разумеется, полной изоляции между этими ареалами, а также между ними и Крымом, не было. Но факт сохранения глубоких различий между тракайским и луцко-галицким диалектами свидетельствует о том, что, несмотря на более или менее частые контакты каждой общины с внешним миром, влияние внешних факторов на языковое развитие не было определяющим.

Подобная ситуация отнюдь не была неблагоприятной для развития караимского языка. Уже в силу самой малочисленности общин число людей, знакомых с основным литературным и богослужебным языком средневекового караимства – ивритом, было ограниченным. В некоторых общинах такие лица зачастую вообще отсутствовали. Об этом свидетельствует, в частности, опыт караимского путешественника с Ближнего Востока Давида Хаззана, посетившего Галич в 1640 г. и не обнаружившего там ни одного человека, с которым он мог бы объяснить на иврите⁶.

Был и другой фактор, благоприятствующий развитию караимского литературного языка – сама специфика караимского богослужения, при которой особое значение придавалось тому, чтобы молящийся понимал произносимый текст. Глубокие религиозно-философские предпосылки этой традиции связаны с возникновением караимской конфессии как реформатского движения в иудаизме в VIII в. нашей эры. Поскольку знание иврита в массе восточноевропейских караимов было весьма ограниченным, в их литургии сложился своеобразный билингвизм: религиозный текст на иврите (именуемый в караимском богослужебном переводе «гирса») читался сразу в устном караимском переводе («пешат»). Пешаты различных ритуальных текстов заучивались наизусть в религиозных школах («мидраши»). Устные переводы молитв и библейских текстов создавались задолго до того, как они были зафиксированы на письме и тем более в печати. Об этом свидетельствует изобилующий архаизмами язык крымско-караимских переводов Библии, напечатанных в XIX в.

Таким образом, в религиозном быту караимов Литвы и Украины в XV–XIX вв. их народный разговорный язык играл гораздо более значительную роль, чем у большинства окружающих их народов. Достаточно вспомнить преобладание латинского и отчасти польского языков в литургии литовцев и белорусов-католиков; церковнославянского у украинцев и белорусов, как православных, так и униатов; иврита у евреев-ашкеназов; наконец, арабского у литовских татар. Последний пример особенно важен, так как представляет ряд интересных моментов, как сходства, так и различия с караимским опытом. Литовские татары утратили свой тюркский язык уже в XVI в., что обычно объясняется браками с женщинами из местного населения и особенностями социального

статуса татар, служивших в польском войске. На наш взгляд, свою роль могло сыграть сравнительно неблагоприятное положение татарского языка в религиозной и культурной жизни литовских татар⁷.

Все это не значит, что караимы Литвы и Западной Украины не владели другими языками.

Прежде всего, иврит продолжал играть важную роль в их культурной жизни. Важным фактором его распространения с XV в. была зависимость западных караимов от ближневосточных караимских центров (в особенности – Стамбула), часто через посредничество Крыма. Однако духовные руководители западных общин (в частности, тракайской) ещё до начала систематических контактов с константинопольскими законоучителями во второй половине XV в. обнаруживали солидное знание иврита⁸.

О хорошем знании иврита свидетельствуют теологические и правовые сочинения, вышедшие из-под пера литовских (с конца XVII в. и западноукраинских) караимских богословов, а также религиозно-поэтические произведения, создававшиеся в караимской среде (чаще всего теми же авторами)⁹. Литургические поэмы, составленные на иврите восточноевропейскими караимскими стихотворцами, до сих пор исполняются при богослужении верующими караимами в различных странах мира (Египет, Турция, Израиль).

С другой стороны, караимы, разумеется, знали языки окружающего населения. Об их свободном владении польским языком говорят как они сами (см.: Меморандум, направленный сейму караимской общиной г. Луцка в 1790 г.), так и посещавшие караимские центры польские путешественники¹⁰. Со второй половины XIX в. в Литве (на Вольни – в Луцке, видимо, еще раньше) среди караимов большое распространение получает русский язык.

Тем не менее, родным языком для подавляющего большинства литовских и западноукраинских караимов оставался караимский. По крайней мере до начала XX в. сохранялась ситуация, описанная немецким путешественником XVII в. Г. Перингером, посетившим Тракай, в письме к известному востоковеду И. Лудольфу: «Священное Писание толкуют они в школах на своём языке», который Перингер назвал «татарским»¹¹.

Первый печатный текст на караимском языке увидел свет в 1528 г. в Венеции в сборнике караимских молитв. Это молитва на крымском диалекте, напечатанная, как все караимские печатные тексты до начала XX в. еврейским квадратным шрифтом. Первым западнокараимским печатным текстом (на тракайском диалекте) стал перевод первых строк библейской книги Бытия, приведенных в качестве иллюстрации в упомянутом письме Перингера (опубликованном в 1691 г.). До XIX в. литературное творчество на караимском языке сосредотачивалось в рукописных сборниках. Большинство этих произведений носило религиоз-

ный характер. Часто они представляли собой переводы оригинальных литургических сочинений караимских религиозных поэтов с иврита на караимский, нередко выполнявшиеся самими авторами¹².

Известны и обратные примеры: элегия караимского экзегета и стихотворца XVII в. Иосифа Малиновского была переведена на иврит его учеником Зерахом бен Натаном¹³. К наиболее известным авторам религиозной поэзии на караимском языке принадлежат, наряду с уже упомянутыми, Соломоном бен Аарон из Посволя, Иосиф бен Иошуа из Деражни (оба XVII в.). Большое влияние на западнокараимскую литературу оказывали переводы из Библии. Было переведено подавляющее большинство библейских книг; все эти переводы известны в рукописях XVIII–XX вв.

Относительно характера и ценности традиционной караимской словесности высказывались различные суждения. Так, по мнению К.М. Мусаева, автора фундаментальной грамматики караимского языка, религия «подавляла у караимов светскую литературу, в связи с чем до нас не дошло ни одного произведения светского содержания на караимском языке до XX в.»¹⁴.

Прежде всего, отметим, что даже формально этот тезис не вполне точен. Даже если отвлечься от фольклора (у западных караимов – действительно весьма небогатого), по крайней мере в XIX в. существовала караимская светская поэзия, представленная, в частности, в рукописных сборниках. Образцы этих сборников тракайские караимы передали известному тюркологу В. Радлову, много работавшему в 1880-х гг. над караимским языком. Только по ним можно составить представление о светской поэзии караимов в XIX в., например творчестве И. Каплановского.

Учет особенностей традиционного мировоззрения караимов XVII–XX вв. позволяет внести оговорки во вряд ли уместное жесткое разделение их литературы на светскую и религиозную. В частности, по справедливому замечанию крупнейшего знатока караимской литературы А. Зайончковского, песня «Музхул канла» («Опечаленная невеста»), написанная в XVII в. Зерахом бен Натаном и исполнявшаяся во время церемонии религиозного бракосочетания, по своему содержанию носит вполне светский характер¹⁵. То же относится к описаниям путешествий в Святую землю (Палестину) – одному из основных жанров караимской прозы.

Наконец, караимский язык применялся в административных и юридических документах караимских общин – параллельно, а иногда и вперемешку с ивритом. Знакомство с весьма разнообразными по содержанию материалами архива тракайской общины (в отделе рукописей Библиотеки АН Литовской ССР) не подтверждает распространенного мнения, что до начала XX в. «...караимская письменность использовалась в весьма узких религиозных целях»¹⁶.

Таким образом, к концу XIX в. караимский письменный язык накопил значительный материал, который мог служить базой для дальнейшего развития национальной литературы.

На рубеже XIX и XX вв. наряду с частичным вытеснением караимского языка из повседневного обихода (под влиянием польского и русского) действительно значительное развитие получает светская караимская литература. Делаются попытки кодификации литературной нормы; расширяется сфера применения караимского письменного языка. Напомним о некоторых исторических причинах этих процессов.

В рамках средневекового мировоззрения караимов вряд ли можно говорить о четко выраженном этническом самосознании, поскольку на первом плане стояли конфессиональные факторы. Впрочем, уже в XVIII в. возникавшие этнические и социальные конфликты стимулировали у караимов обостренное ощущение своей этнической и языковой самобытности. В уже упоминавшемся письме луцкой караимской общины 1790 г., где авторы протестуют против намерения властей подчинить ее в фискальных вопросах еврейскому кагалу, подчеркивается, что караимы «отличаются от евреев, как своими обычаями, так и своим «турецким» обиходным языком, а иврит используют лишь в религиозных целях»¹⁷. Этот документ свидетельствует о появлении новых, «светских» элементов в самосознании караимов. Мотив этнической самобытности наложил отпечаток на всю караимскую культуру XIX–XX вв., чему весьма способствовала активная полемика вокруг вопроса о гражданских правах караимов, принявшая в XIX в. крайне острые формы; сыграло свою роль также создание таких караимских учреждений, как Таврическо-Одесское и Трокское (Тракайское) духовные правления, Александровское караимское духовное училище и т.д. Следует отметить, однако, что подъем этнического самосознания среди караимов не сразу распространился на языковую сферу. Крупнейшие караимские общественные и культурные деятели XIX – начала XX в., в частности, известный ученый и собиратель древностей А.С. Фиркович, писатели И.И. Казас, С.Ш. Пигит, Д.М. Кокизов пользовались в своих трудах преимущественно ивритом.

Даже сам лингвоним «караимский язык» в караимской литературе второй половины XIX – начала XX в. не всегда имел свое нынешнее значение. Обостренное этническое самосознание своеобразно сочеталось в ней с традиционной приверженностью к ивриту. На рубеже веков в караимской религиозной литературе «караимским» языком нередко назывался именно иврит¹⁸. То же относится и ко многим публикациям издававшегося в 1911–1912 гг. в Москве на русском языке журнала «Караимская жизнь». Что же касается собственно караимского языка, то отношение к нему было довольно нигилистическим и на страницах «Караимской жизни» он нередко именовался «жаргоном». По мнению

автора статьи «К статистике караимов» В. Синани, опубликованной в первом номере этого журнала (1911 г.), ответ, который дали на вопрос переписи 1897 г. о своем родном языке 35 караимок из Виленской губернии (указавшие, что их родным языком является «караимский») – не более чем «куръез»¹⁹. Вообще для большинства помещенных в журнале статей и заметок характерно представление о караимском языке, как о чем-то «навязанном караимам чуждым окружением», «наследии средневековья» и т.п. Это объясняется тем, что точка зрения журнала выражала, прежде всего, настроения, господствовавшие среди караимов Крыма. Хотя в первые десятилетия XX в. крымскими караимами было создано несколько литературных произведений на своем языке, среди караимской интеллигенции Крыма, живших в крупных русских и украинских городах, преобладало скептическое отношение к родному языку.

Следует иметь в виду, что из-за чрезвычайной близости к крымско-татарскому караимский язык не мог рассматриваться караимами Крыма как их специфическое национальное достояние – в отличие от Литвы и Западной Украины, где он выделял караимов из среды местного населения. Характерно, что проходивший в Симферополе в 1924 г. I Всекрымский съезд караимских общин не смог принять окончательного решения по вопросу о том, какой язык считать родным для караимов – «тюрко-татарский» или иврит, который именовался в материалах съезда «древне-караимским»²⁰.

Но по прошествии первого десятилетия XX в. караимская литература на иврите фактически прекратила свое существование. В те годы могло показаться вполне оправданным пророчество известного библиографа-гебраиста С. Познанского, что караимская библиография, и без того не очень богатая, вскоре «станет еще меньше»²¹. Однако совершенно неожиданно кризис сменился новым подъемом. В 1890 г. тракайский газзан (священнослужитель) Ф.А. Малецкий издал в Вильне сборник караимских молитв на тракайском диалекте «Руна Паллет», за которым в 1900 г. последовало описание пасхального ритуала «Седер Галлел Гаккатан». Хотя даже здесь термин «караимский язык» применен не был (на титульном листе «Седер Галлел Гаккатан» стоит «перевел на татарское наречие Ф.А. Малецкий»), в изданиях Малецкого продолжена свойственная западным караимам традиция позитивного отношения к своему языковому наследию²². Важно и то, что историко-эзегетическое предисловие к «Руна Паллет» автор, отступая от общепринятых норм, написал опять-таки на караимском языке, а не на иврите.

В светской караимской литературе первым был издан также на тракайском диалекте в 1904 г. сборник стихотворений «Ирлар» («Песни») С.А. Кобецкого. Это первое караимское литературное произведение в Восточной Европе, написанное и напечатанное нееврейским шрифтом

(в данном случае – кириллицей). Другой важной особенностью «Песен» Кобецкого было преобладание в них разговорного повседневного языка, чем они резко отличались от всей предшествующей западнокараимской литературы. Впоследствии Кобецкий стал также первым караимским драматургом.

Одновременно с С. Кобецким пионерами караимской светской литературы были драматург А.С. Новицкий (Луцк), поэт З. Абрахамович (Галич). Отдельные стихотворения последнего были переведены в 1917 и 1927 гг. на русский, а в 1979 – на украинский язык²³.

Революционные события в России и социально-политические преобразования во всей Восточной Европе радикальным образом изменили этническое самосознание караимов. Крах полуабсолютистских империй, подъем национальных движений у народов во всей Восточной Европы ускорили процесс культурно-языкового возрождения в их среде. Как и прежде, основными центрами караимской культурной жизни были Тракай, Вильнюс, Луцк и Галич – на Украине (все эти города были в 1918–1920 гг. оккупированы панской Польшей), а также находившийся на территории Литвы г. Паневежис. В 1920 г. под знаком борьбы за культурно-языковое возрождение начинается деятельность тракайского газзана С.А. Фирковича, еще в очень молодом возрасте ставшего видным караимским литератором и педагогом. С.А. Фирковичу постоянной энергичной работой как в тракайской караимской школе, так и вне ее в значительной мере удалось способствовать сохранению в Тракае караимского языка в качестве разговорного, предотвратить его размывание в окружающей языковой среде. По словам крупнейшего польского филолога-караимоведа Т. Ковальского, лишь благодаря деятельности С.А. Фирковича караимская молодежь в Тракае в 1920-ые г. говорила и писала по-караимски лучше, чем старшее поколение²⁴. Будучи знатоком старых караимских рукописей, Фиркович, как правило, с большим языковым тактом вводил в употребление различные тюркские архаизмы. В своих теоретических статьях, публиковавшихся в выходившем в 1924–1947 гг. журнале “*Myśl karaïmska*”, он отстаивал чистоту караимского языка²⁵. Фиркович, как и все другие караимские авторы 20–30 гг., пользовался латинской графикой.

С.А. Фиркович известен также как поэт и переводчик, обладавший подлинным поэтическим талантом. Ему, наряду с собственными стихотворениями, принадлежат переводы на караимский язык из Мицкевича, Некрасова, Надсона. В свою очередь, некоторые стихотворения С.А. Фирковича были опубликованы в 1968 г. в переводе на татарский язык²⁶.

Другими видными деятелями караимского литературного возрождения были выходец из Крыма С.М. Шапшал – профессор-востоковед и хахам (духовный глава) караимов с 1928 г., филолог А. Зайончковский,

поэты С. Рудковский, Ш. Лопатто, И. Лобанос, И. Малецкий. Особое значение имели труды языковеда, поэта, прозаика, журналиста и издателя из Луцка А. Мардковича, выпускавшего в 1930–1938 гг. на караимском языке журнал “Karaj Awazy”²⁷. В караимском литературном процессе принимали активное участие также польские лингвисты-тюркологи Т. Ковальский и Я. Гжегожевский.

В 1920–1930 гг. выходят в свет словари и грамматики обоих вариантов литературного языка – тракайского и луцко-галицкого. Быстро растет караимская литературная продукция, продолжается борьба за нормативный литературный язык. Из религиозной терминологии активно вытесняются гебраизмы²⁸. Делаются попытки полного перевода караимской литургии на караимский язык.

Однако после Второй Мировой войны начался стремительный процесс сокращения сферы использования караимского языка, который вступил в полосу затухания. Неблагоприятные последствия для развития караимской культуры имела репатриация нескольких сот караимов – польских граждан на территорию ПНР. В настоящее время караимский литературный язык сохраняется лишь в личной переписке и (среди верующих) в богослужении. В литературе же он используется в чрезвычайно редких случаях²⁹. В специальных журналах изредка продолжают публиковаться караимские литературные тексты, как старинные, так и современные³⁰.

Тот факт, что караимский литературный язык сейчас находится в стадии затухания, не дает основания отрицать сам факт его существования в прошлом. Ссылки на его первоначальный «церковный» характер вряд ли достаточны, поскольку то же можно сказать и о таких языках, как, например, баскский или подавляющее большинство языков малых славянских групп, на которых первыми литературными произведениями были также литургические тексты. Неубедителен и тезис о недостаточно широкой распространенности языка, поскольку книги на караимском языке, например, в Луцке или Галиче, имелись практически во всех караимских семьях. Разумеется, и в этом случае читателей было очень мало и в силу крайней малочисленности самого этноса, однако пропорционально к числу караимского населения их количество было весьма велико. Наконец, тот факт, что караимский язык никогда не был унифицирован, также не может быть использован против признания караимского языка. Несколько литературных норм, основанных на различных диалектах, встречается у басков, ретороманцев; в прошлом – также у албанцев и т.д.

В свете всего вышеизложенного представляется возможным применить к караимскому введенное А.Д. Дуличенко понятие «литературного микроязыка» (ЛМЯ), где «компонент микро... призван подчеркнуть...

небольшой ареал распространения диалектно-говорной основы, небольшое количество носителей, скромные возможности функционального использования»³¹.

В истории караимского языка, как можно судить даже по ограниченному материалу, представленному в данной статье, существовали все те условия, которые способствуют становлению ЛМЯ: территориальная обособленность от основного близкородственного диалектного континуума, создание этноязыковой специфичности, наличие культурно-языковых предтрадиций, а также такой важный субъективный фактор, как наличие «образованных представителей», способных перейти от полусредневековой словесности к литературному творчеству современного типа³². Последнее особенно важно, поскольку, как показывает сложная история понятия «караимский язык», иноязычная «предтрадиция» может на какое-то время нейтрализовать влияние всех остальных факторов, способствующих возникновению ЛМЯ. Таким образом, в социолингвистическом отношении караимский язык представляет сейчас единственный тюркский литературный микроязык в Европейской части СССР и в целом в современной Европе.

Примечания

¹ См. подробнее: *Куповецкий М.С.* Динамика численности и расселение караимов и крымчаков за последние двести лет. ГКЭГТ, 1983, с. 80–82.

² См., например: Караимско-русско-польский словарь. М.: Русский язык, 1974; *Мусаев К.М.* Грамматика караимского языка (Фонетика и морфология). М.: Наука, 1964; *он же.* Краткий грамматический очерк караимского языка. М.: Наука, 1977; *Прик О.Я.* Очерк грамматики караимского языка (Крымский диалект). Махачкала: Дагучпедгиз, 1976 и др.

³ См.: Караимско-русско-польский словарь..., с. 5; *Мусаев К.М.* Грамматика..., с. 7.

⁴ *Гордлевский В.А.* Лексика караимского перевода Библии // ДАН, № 5, серия В. Л., 1928, с. 87–91.

⁵ *Zajaczkowski A.* Die Karaimische Literatur // *Philologiae Turcicae Fundamenta*. 1964, Bd. II, Wiesbaden, S. 796.

⁶ *Balaban M.* Karaici w Polsce // *Studja historyczne*. Warszawa, 1927, s. 21.

⁷ См.: *Дубинский А.И.* Заметки о языке литовских татар // ВЯ, 1972, № 1, с. 82–88.

⁸ *Mann I.* Texts and Studies in Jewish History and Literature. V. II (Karaimica). Philadelphia, 1935, p. 699–700.

⁹ *Munkácsi B.* Karäisch-tatarische Hymnen aus Polen // KS. Bd. X, 1909, S. 185–210.

¹⁰ *Balaban M.* Op. cit., s.51–53, 87; “La Pologne”. 1984, №1, p. 34, 56.

¹¹ *Szyszman S.* Gustav Peringers Mission bei den Karaern // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1952. Bd. 101, S. 215–228.

¹² *Zajaczkowski A.* Op. cit., S. 793

¹³ *Mann I.* Op. cit., p. 714

¹⁴ Мусаев К.М. Грамматика..., с. 8. Эта точка зрения К.М. Мусаева уже была подвергнута критике в рецензии А.И. Дубинского на его книгу // Известия АН СССР. Серия литературы и языка». Т. XXVI. М., 1967, вып. 2, с. 176–178.

¹⁵ Zajaczkowski A. Op. cit., S. 795–796.

¹⁶ Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М.: Высшая школа, 1969, с. 278.

¹⁷ Balaban M. Op. cit., s. 52

¹⁸ Poznanski S. Die Karäische Literatur der letzten dreißig Jahre, 1878–1908 // Zeitschrift für hebräische Bibliographie. 1910, № XIV, S. 59.

¹⁹ КЖ. 1911, № 1, 6, 34.

²⁰ Бизым Иол (Наш путь). Симферополь, 1927, № 1, с. 28.

²¹ Poznanski S. Karäisch-tatarische Literatur // KS. Bd. XIII, 1912, S. 46.

²² Во введении Ф. Малецкий писал, в частности: «Да будут прославлены наши общины за то, что они ввели эти переводы в обычай и из года в год читают их». Цит. по: Zajaczkowski A. Op. cit., S. 794.

²³ Известия Таврического и Одесского Караимского духовного правления, 1917, № 4, с. 22; Бизым Иол. № 1, с. 66; Прапор перемоги. Ивано-Франковск. 13 июня 1970.

²⁴ Kowalski T. Karaimische Texte im Dialekt von Troki. Krakow, 1929, S. 293.

²⁵ МК. 1936, z. 11, s. 69–72.

²⁶ Казан Утлары. 1968, № 1, с. 82–85.

²⁷ Меньшее значение имели журналы «Сагышымыз» (Вильна, 1927, 1-й номер); «Dostu karajnu» (Троки, 1931–1935, машинописный); «Onamach» (Паневежис, 1935–1939, 3 номера).

²⁸ Firkowicz S. Kołtchalar. Wilno, 1935, s. 22–25.

²⁹ UAJ. 1965, Bd. fasc. 3–4, s. 233.

³⁰ Zajaczkowski A. Karaimische kultische Lieder // UAJ. 1976, Bd. 48, S. 249–257; его же. Караимский поэт Михаил Тинферович (1912–1924) и его творчество // RO, 1982, t. XLII, z. 2, s. 35–64.

³¹ Дуличенко А.Д. Славянские литературные микроязыки. Таллин: Валгус, 1981, с. 10, 2 5–26, 228, 233.

³² Там же.

Велвл Чернин*

А как это звучит на идиш?

В нынешнем Израиле так уж повелось, что нередко, изложив историю из жизни, шутку, притчу или произведение иного малого фольклорного жанра, рассказчик добавляет: «Аваль бе-идиш зе нишма йотер тов» («Но на идише это звучит лучше»). Идиш обладает некой аурой аутентичности и народности, которой порой не хватает в современном иврите.

Публикуемый ниже текст статьи Рашида Капланова «Шпаниш-португалише йидн ин Русланд ун Украине (XVI–XVIII йорхундерт)» представляет собой вариант русскоязычного текста того же автора и носящего тот же заголовок – «Испано-португальские евреи в России и Украине (XVI–XVIII вв.)». Эти два текста не идентичны, и я не решился бы употребить в данном случае приведенную выше израильскую фигуру речи.

Итак, в чем состоят различия между двумя вариантами этой работы Рашида Капланова, поскольку в основе это все-таки два варианта одного текста? – Еврейский текст является переводом изначального русского варианта статьи, переведенного на идиш специально для публикации в журнале «Советиш геймланд». Судя по языковому стилю, переводчиком был Борис Гершман, работавший в редакции журнала корректором.

Это был, несомненно, начальный вариант статьи, предшествующий и опубликованной в «Вестнике Еврейского университета» (1997) еще одной версии текста – «Антонио Нунес Рибейро Саншес – первый еврейский интеллигент в Российской империи», публикуемой в этом издании. Например, упоминание романа русскоязычного израильского писателя Давида Маркиша, встречающееся в этой версии статьи, было немыслимо в открытой советской печати начала и середины 80-х гг. прошлого века, хотя Рашид читал «тамиздат» и на момент написания

* Велвл (Владимир) Чернин – специалист по литературе на идише, PhD (диссертацию защитил в Бар-Иланском университете), идишский поэт и переводчик. С середины 1980-х годов – участник еврейского культурного движения в СССР, преподаватель иврита, редактор самиздатского журнала на идиш «Маме-лошн».

статьи (1984 г.) в принципе мог быть знаком с романом «Шуты», вышедшем в свет в Тель-Авиве в 1983 году.

На более ранний характер дошедшего до нас рукописного русского варианта статьи «Испано-португальские евреи в России и Украине (XVI–XVIII вв.)» указывает и упоминание о работах Бен-Циона Нетаньяху (Нетаньягу). Рашид был знаком с работами этого выдающегося израильского историка и в 80-е гг., но он никак не мог бы тогда вставить в текст следующее пояснение: «кстати, отец нынешнего премьер-министра Израиля», поскольку первая каденция Биньямина Нетаньягу в качестве премьер-министра Израиля пришлась на 1996–1999 годы. Эта фраза, отсутствующая в рукописном варианте и присутствующая в статье, посвященной Саншесу, ясно свидетельствует о более позднем времени написания последней.

Есть и еще одно существенное различие. Более поздний вариант статьи делает основной акцент на персоналиях, в то время как еврейский и первоначальный русский вариант – на этнографичности повествования. И это не случайно. Статья была написана и опубликована Рашидом Каплановым в «Советиш геймланд» в рамках усилий по легализации академической иудаики в СССР, осуществлявшихся Еврейской историко-этнографической комиссией, одним из основателей и активных участников которой был Рашид.

Я тогда работал в редакции «Советиш геймланд» и мы, члены комиссии, попытались использовать это обстоятельство для налаживания регулярных научных и научно-популярных публикаций по иудаике в единственном легальном советском еврейском журнале. Языком большинства советских евреев к этому времени был русский, но легальных русскоязычных еврейских изданий не существовало. В этих условиях выходом стали публикации на идиш. Отдельные члены комиссии владели идиш свободно. Гораздо больше было таких, кто объяснялся и читал на этом языке, но написать статью не мог. К их числу принадлежал и Рашид, владевший в той или иной степени десятками языков. В таком случае статьи писались по-русски, а потом переводились для публикации. Во многих случаях русские оригиналы не сохранились. На первых порах нам удалось достигнуть договоренности с главным редактором журнала, Ароном Вергелисом, о создании специальной рубрики «Ди йидише этнографие» («Еврейская этнография»). Вскоре под давлением властей эта рубрика была ликвидирована, но статьи членов Еврейской историко-этнографической комиссии, так и не получившей легального статуса, продолжали выходить под традиционной для «Советиш геймланд» рубрикой «Ундзере митейлунген» («Наши сообщения»). Под этой рубрикой появилась и статья Рашида.

В условиях железного занавеса и крайне затрудненного доступа к зарубежным научным публикациям по иудаике сефарды Пиренейско-

го полуострова и их потомки не могли не представляться группой весьма экзотичной, такими «красноликими израильтянами» из-за реки Самбатсион. В то время я пытался написать кандидатскую диссертацию по этнической истории балканских сефардов и даже опубликовал пару статей по этой тематике в аспирантских сборниках. С научными мэтрами, которые могли наставлять аспиранта-заочника по этой экзотической теме, была проблема. Они сами были не меньшей экзотикой. В таком качестве для меня выступали сефардский лингвист и фольклорист из Болгарии Исаак Москона (по переписке), Лев Черенков и Рашид Капанов. Именно в этом контексте я перечитываю сейчас статью Рашида Капанова, опубликованную в «Советиш геймланд» четверть века назад.

Итак, «звучит ли это на идише лучше»? – Да, в том смысле, что факсимильно воспроизводимый еврейский текст с теперь уже архаичной советской еврейской орфографией рассказывает не только об испано-португальских евреях в России и на Украине, но и об одном из значительных эпизодов в жизни Рашида Капанова, человека многогранного, яркого и интересного. Эта статья – свидетельство его мужества и четкой гражданской позиции тогда, на первом этапе борьбы за возрождение российской академической иудаики.

Испано-португальские евреи в России и на Украине (XVI–XVIII вв.)*

Этнографическая группа, о которой пойдет речь в этой статье, всегда была крайне немногочисленной на территории России и Украины. Однако временами отдельные ее представители играли не столь уж незаметную роль в их экономической и культурной жизни.

Еврейское население появилось на Иберийском [Пиренейском] полуострове в глубокой древности. Достаточно известны его высокий культурный уровень и активное участие в международной торговле. Не удивительно, что еврейские выходцы из Испании появляются весьма рано на территориях, впоследствии вошедших в состав Русского государства. По данным еврейско-хазарской переписки X в. в Хазарском каганате незадолго до его падения обосновались два испанских еврея – «Иехуда, сын рабби Меера, сына рабби Натана, человек умный, понимающий и ученый», и «рабби Иосиф Хагрис, также человек знающий»¹.

[В сочинениях] средневековых испано-еврейских путешественников – дипломата и купца Ибрагима ибн-Якуба ат-Тартуши (X в.) и раввина Бениамина Тудельского (XII в.) имеются ценные сведения о Руси и русских, однако, сами они на Руси не были.

Через несколько столетий культурный облик попадавших в Восточную Европу испано-португальских евреев начинает изменяться. В связи с возникновением в XII в. Генуэзской морской империи, подчинившей себе и значительную часть черноморского побережья Крыма и Кавказа, в эти районы в больших количествах начинают проникать жители христианских государств Западной Европы, в том числе и евреи, уже не арабоязычные, а говорящие на западноевропейских языках. Так, в круп-

* Эта статья, публикуемая по рукописи, подлинный объем которой установить не удалось, ибо в нашем распоряжении оказался лишь ее фрагмент – 16 машинописных страниц (с правкой от руки), по-видимому, представляет собой начальную, вводную часть задуманного автором более обширного текста. Некоторые ее сюжеты развиваются (отчасти – повторяются) в последующих работах этого тематического цикла, публикуемых в настоящем сборнике. – *Ред.*

нейшей генуэзской торговой колонии на берегах Черного моря, городе Кафе (ныне Феодосия) в XIV в. проживает каталонский еврей, маэстро Леон. Тот факт, что имени Леона в документах предшествует титул «маэстро», показывает, что Леон был врачом, единственным евреем-врачом в Кафе XIV в., о котором упоминают генуэзские архивы. В следующем столетии упоминания об испанских евреях в Кафе встречаются чаще. В 60-70-х гг. XV в. там жил некий Исаак Ансельма. После взятия Кафы турками в 1475 г. он, как и многие другие кафские евреи, переселился на территорию польско-литовского государства.

В Польше закончил свой жизненный путь такой выдающийся представитель кафского еврейства, как врач и дипломат Исаак Испанский. Хотя о нем писали: «по вере иудей, по национальной принадлежности испанец», Исаак Испанский, как и его тезка, подвизавшийся в Речи Посполитой несколькими десятилетиями позднее, мог быть и выходцем из Португалии. Вплоть до XVIII в. под «Испанией» часто подразумевали Пиренейский полуостров в целом. В Кафу он попал в 1447 г. с дипломатической миссией от правителя одного из иранских княжеств, а после Кафы он находился при дворе молдавского господаря, а затем – польского короля Казимира IV².

В самом конце XV в. произошли события, приведшие к стремительному росту числа испано-португальских евреев за пределами соответствующих стран. Первым из них явилось изгнание евреев из Испании в 1492 г. по приказу Католических королей Фердинанда и Изабеллы. Хотя большая часть изгнанников обосновалась в странах Северной Африки, Балканского полуострова, Турции, отдельные эмигранты, во многих случаях врачи, расселились на территории Польско-Литовского государства. В частности, при дворе польских королей Яна Ольбрахта³ и Александра⁴ служил медик и дипломат Исаак Испанский, земляк, тезка и коллега уже упоминавшегося кафского еврея. В отличие от своего тезки, Исаак Испанский «Второй», вероятно, принадлежал к изгнанникам 1492 г. Для нас он интересен тем, что в 1504 г. он с миссией от польского короля посетил одно из поволжских татарских ханств⁵. (Отметим, что в своих сношениях с Польшей татарские государства – прежде всего, Крым – нередко также использовали евреев)⁶.

Начиная с XVI в., наряду с индивидуальной иммиграцией испано-португальские евреи предпринимают ряд попыток образовать компактные поселения на Украине, входившей тогда в состав Речи Посполитой, и в граничащих с Украиной районах Польши. В еще больших масштабах еврейские выходцы с Иберийского полуострова пытаются осваивать Восточную Европу в XVI–XVII вв., причем особенную активность проявляют выходцы из Португалии и их потомки, так называемые португизы.

Выдающаяся роль, которую португальские евреи в XVI в. начинают играть в сефардском мире, объясняется рядом исторических причин.

В конце XV в. еврейское население Португалии, зажиточное и культурное, но не особенно многочисленное, резко возросло за счет иммиграции из соседней Испании. Часть еврейских подданных Католических королей, не желая отказаться от религии своих предков, нашла убежище на территории Португалии.

Предоставляя убежище изгнанникам соседней страны, португальский король Жуан II руководствовался отнюдь не филантропическими мотивами, а желанием поставить себе на службу финансовые ресурсы и профессиональную квалификацию испанских беженцев, среди которых было немало состоятельных людей и искусных ремесленников. Иммигранты, не принадлежавшие ни к той, ни к другой категории, встретили в Португалии крайне холодный прием. Многие из них были обращены в рабство и отправлены в африканские владения Португалии.

Но и этой, весьма двусмысленной, терпимости пришел конец, когда вступивший на престол в 1495 г. молодой король Мануэл попросил руки инфанты Изабеллы, дочери Католических королей. Ни инфанта, ни ее родители не соглашались на этот брак, пока Португалия не будет очищена от «иудейского нечестия». Король Мануэл, однако, не собирался жертвовать ни выгодной партией, ни экономически ценным еврейским населением, которое привлек в Португалию его отец. Он нашел гениально простое решение проблемы. В 1497 г. евреи Португалии, как старожилы, так и недавние иммигранты из Испании, были насильственно крещены.

Эти действия короля, вызвавшие серьезные сомнения даже у иерархов католической церкви, привели к тому, что в Португалии сложилась сильная традиция «подпольного иудаизма». Формированию особой этноконфессиональной группы «новых христиан» способствовало и то, что инквизиция была введена в Португалию лишь в 30-х гг. XVI в. До того времени португальские короли, стремясь удержать в стране своих «новохристианских» подданных, смотрели сквозь пальцы на тайное соблюдение ими иудейских обрядов. Тем не менее, и до введения инквизиции жизнь «новых христиан» была не слишком спокойной. Нафанатизированная католическим духовенством чернь часто устраивала погромы «новых христиан», или, как их презрительно называли, «марранов». И уж особенно тяжело пришлось новообращенным португальским евреям после введения инквизиции, открывшей собой эру кровавых гонений, массовых аутодафе, постоянной слежки и дискриминации, закончившуюся только в середине XVIII в.

Одновременно растет еврейская эмиграция из Португалии. Традиционная еврейская историография полагала, что «новые христиане»

в подавляющем большинстве оставались верны иудаизму и что эмигрировали они из Португалии исключительно по религиозным причинам.

В современной науке – как израильской (Б. Нетаньяху), так и португальской (А.Ж. Сарайва) – часто высказываются предположения, что португальские евреи давно утратили бы свою этноконфессиональную обособленность, если бы не политика дискриминации и репрессий, затруднявшая ассимиляцию и провоцировавшая массовый выезд из страны. Сторонники этой точки зрения считают, что инквизиция стремилась не столько спасти души «марранов», сколько прибрать к рукам их имущество. Она сознательно «фабриковала евреев», облыжно обвиняя в иудаизме вполне искренних христиан. Эмигрировали же, по мнению этих авторов, преследуемые «новые христиане» почти исключительно с целью самосохранения. Здесь не место решать этот сложный вопрос. Скажем лишь, что деятельность инквизиции, какими бы мотивами она ни была вызвана, привела и к массовой эмиграции, и к определенному возрождению иудаизма, захватившему не только Португалию, но и соседнюю Испанию, куда португальские евреи начали переселяться после временного объединения двух государств в 1581 г.

Португальская «новохристианская» эмиграция представляла собой абсолютно новое явление среди всех известных до этого волн еврейской эмиграции в том отношении, что выезжали люди, принадлежавшие к европейской цивилизации, знакомые «изнутри» с религиозной, культурной, политической жизнью одной из самых передовых европейских стран того времени. Не удивительно, что эмигранты сохраняли привязанность к португальскому и испанскому языкам и культуре. Это объяснялось еще и тем, что в некоторых странах (Франция, Южные Нидерланды) они не могли открыто исповедовать иудаизм, и им приходилось официально выступать в качестве «португальской общины».

Даже на Востоке (прежде всего, в Турции), куда вслед за испанскими изгнанниками 1492 г. направилась часть «новых христиан», в них часто ценили именно хорошее знание европейской культуры, как политической, так и экономической. На Украине и в Крыму первые португальские евреи появляются именно из Турции. Следует оговориться, что точных данных о переселении португальских евреев в Крым пока не имеется, однако о присутствии португальского элемента среди еврейского населения Крыма свидетельствует наличие у крымчаков (тюркоязычных крымских евреев) фамилии Ломброзо, которая уже в XVIII в. была распространенной среди португальской диаспоры от Мэриленда до Туниса. Отдельные «марраны» видимо, проникали в Крым, скорее всего, через Венецию, где было много португальских евреев и откуда был родом знаменитый криминалист XIX века, еврей по происхожде-

нию, Чезаре Ломброзо. Ряд других фамилий крымчаков свидетельствует об их генетической связи с испанскими и итальянскими евреями.

Гораздо более полная информация имеется у нас относительно расселения португальских евреев в таких крупных центрах торговли между европейскими государствами и Османской империей, как Львов и Замостье (ныне г. Замосць в Польше).

Первые португальские евреи, видимо, появились во Львове еще до насильственного крещения 1497 г. На это указывает датированная 1523 г. надпись на надгробном памятнике раввина Авраама Бен-Иехиеля, в соответствии с которой предки покойного были португальскими евреями. Однако серьезную попытку образовать во Львове свою колонию испано-португальские евреи предпринимают лишь в середине XVI в., и связана она с именем Иосефа Мигеса ха-Наси, герцога Наксосского⁷, одной из колоритнейших личностей во всей еврейской истории.

Мигес вырос в семье личного врача португальского короля, однако еще молодым человеком покинул Лиссабон и переселился в Турцию. Благодаря своей недюжинной энергии, тонкому знанию европейской политики, также огромным капиталам своей жены, происходившей из банкирской семьи Мендес⁸, он приобрел огромное влияние при стамбульском дворе. [...]

Даже сам Иосеф Наси, при всем своем влиянии в Стамбуле и Варшаве, нашел львовскую атмосферу не слишком для себя благоприятной. Посетив Львов в 1570 г., он подвергся судебному преследованию по обвинению в организации нелегального вывоза стратегического сырья. Хотя инцидент был очень быстро улажен, он подтвердил, что испано-португальские евреи не были во Львове желанными гостями. К тому же, в 70-е гг. XVI в. влияние самого Иосефа в Стамбуле в силу ряда обстоятельств сильно пошатнулось. Хотя еще в 1581 г. львовские сефарды смогли заключить новое выгодное соглашение с магистратом, в целом львовский эксперимент не удался. Однако это не означало конца сефардской колонизации на землях Речи Посполитой.

У испано-португальских евреев нашелся могущественный покровитель – великий коронный гетман Ян Замойский, по приглашению которого группа «турецких евреев», в том числе – из Львова (среди них была и семья Моссо Коэн), переселилась в основанный им город Замостье (ныне Замосць в Польше), расположенный на тогдашней этнографической границе между польским и украинским населением Речи Посполитой). По приглашению самого гетмана и его наследников в конце XVI в. – первой половине XVII в. несколько десятков семей испано-португальских евреев из Италии, Голландии и других западноевропейских стран присоединились к первоначальной группе «турецких» иммигрантов.

Сефарды Замостья специализировались в области торговли восточными товарами и в выделке высококачественных сортов шелка (последнее – в 20-х гг. XVII в.). Во многих отраслях у сефардских ремесленников не было конкурентов ни среди христиан, ни среди крайне немногочисленного в те годы ашкеназского населения Замостья. Город оказался более привлекательным для сефардской колонизации, чем Львов. Кроме того, Замойские даровали сефардской, или, как она официально называлась в документах, «испано-португальской» общине привилегии, гарантировавшие ей широкое самоуправление. Характерно, что еврей-ашкеназы не имели права приписываться к привилегированной общине иначе, как с ее согласия, получить которое им было чрезвычайно трудно.

Процветание сефардской общины Замостья продолжалось недолго. Хотя она не исчезла в результате бурных потрясений середины XVII в., ее чисто сефардский и привилегированный характер был нарушен в связи с притоком беженцев-ашкеназов из других районов Речи Посполитой. Участились смешанные браки между сефардами и ашкеназами. Поскольку многие беженцы занимались промыслами, которые уже были широко представлены среди местного христианского населения, их наплыв привел к росту напряженности между цехами и общиной, что отразилось на ее положении. Наконец, предпринятая попытка Замойских превратить Замостье в крупный торговый центр в целом не принесла долгосрочных результатов. Испано-португальские евреи, занимавшиеся международной торговлей, как и многие их христианские коллеги, выехали из оскудевшего города.

Оставшаяся горстка сефардов за столетие почти совершенно растворилась в среде ашкеназского еврейства. Однако память о сефардском происхождении части евреев Замостья сохранилась. Еще в XVIII в. некий член местной еврейской общины требовал финансовой помощи для ремонта дома, ссылаясь на «лузитанское происхождение» своей жены⁹.

В целом, однако, в связи с общим экономическим и политическим упадком Османской империи, сефарды Турции и Балкан с XVIII в. проявляют меньшую активность на польско-украинских торговых путях, чем в предшествующие два столетия. Поэтому на территории собственно России, о которых в дальнейшем будет идти речь, впервые появляются не они, а выходцы из португальской диаспоры в Голландии с Северной Германии. Уже отмечалось присутствие голландско-португальских евреев в Замостье в XVII в.

Сравнительно рано португальско-еврейские купцы и финансисты начинают проявлять интерес к Московскому государству. В XVII в. в связи с затяжными турецко-испанскими и турецко-шведскими войнами старые центры традиционной торговли европейских государств с Персией и другими странами Востока оказываются парализованными. Голш-

тинский герцог Фридрих III предпринимает попытку проложить новый торговый путь на Восток через Россию. В 1633 г. он отправляет в Москву посольство, которое было милостиво принято царем, давшим согласие на подписание соответствующего договора с голштинской торговой компанией. Хотя в связи с изменившейся международной конъюнктурой договор так и не возымел действия, голштинское посольство оставило значительный след в истории дипломатических и культурных отношений между Россией и Западом. В его состав входили историк Олеарий, чьи записки являются ценнейшим источником по истории допетровской России¹⁰, а также поэт Флеминг¹¹. Как доказал немецкий историк Герман Келленбенц, самое тесное участие в подготовке посольства в Россию и Персию принимал известный врач и политический агент голштинского герцога в Гамбурге, португальский еврей, доктор Мусафия, а кредиты на осуществление герцогского замысла были предоставлены португальско-еврейскими купцами Диего Сарайвой Коронелем и Микаэлом ди Азеведу¹².

Однако лишь в начале XVIII в., в царствование Петра I интерес испано-португальских евреев к России и к транзитной торговле с Востоком через русскую территорию начал встречать некоторую взаимность. В городском архиве Гамбурга немецкий историк Г. Келленбенц нашел любопытный документ – обращение, изданное русским правительством в 1717 г. и адресованное немецкому купечеству. В нем подчеркивалось, что в России существуют прекрасные условия для организации транзитной торговли восточными товарами, прежде всего, шелком, и упоминалось о намерении царя создать с этой целью ряд торговых компаний. Всем немецким купцам, готовым вложить в это начинание свои капиталы, предоставлялась свобода проживания в России. Келленбенц подчеркивает, что призыв Петербурга был обращен и к гамбургским евреям, прежде всего испано-португальским¹³. Неизвестно, однако, воспользовался ли кто-либо из северогерманских «португальцев» этим приглашением. Во всяком случае, в отличие от Львова и Замостья, сефардских торговых колоний на территории России не существовало.

Тем не менее, именно при непосредственных преемниках Петра I, который, судя по гамбургскому документу, поощрял иммиграцию испано-португальских евреев, отдельные сефарды из стран Северной Европы действительно переселились в Россию. Однако сферой их деятельности была, как мы увидим, отнюдь не торговля.

Во время визита царя Петра I в Голландию в 1697 г. в его честь были устроены морские маневры. Юнга голландского корабля, которым командовал царь, своей «ловкостью и расторопностью» обратил на себя его внимание. Этот юноша, Антониу Мануэл Визэйра, был сыном крещеного португальского еврея, переселившегося в Голландию и вско-

ре там умершего, после чего семья осталась без средств к существованию.

Царь проникся такой симпатией к Виэйре, что тут же сделал его своим пажом. Впоследствии Виэйра, или, как его звали в России, Антон Мануилович Дивьер, становится царским денщиком, а впоследствии и генерал-адъютантом. По свидетельству как современников, так и позднейших историков, Дивьер был царю «способным, исполнительным и честным слугой. Не обладая большим умом, он был, однако же, смыслен, вкрадчив, бескорыстен, неутомим и, кроме всего прочего, отличался живым, веселым характером»¹⁴.

В 1718 г. Дивьер становится первым генерал-полицмейстером Петербурга. Навести порядок в только что основанной столице было не так уж просто. Помимо организации полицейской службы, Дивьеру приходилось руководить строительными работами в городе, заботиться о благоустройстве улиц, контролировать розничную торговлю, не допуская повышения цен на хлеб и другие жизненно необходимые товары, заботиться о противопожарной безопасности и т.п.

Благодаря своей энергии и честности, Дивьер благополучно справлялся со сложной задачей и приобрел не только полное доверие царя, но и огромный авторитет в городе. Одно имя Дивьера, по словам современников, наводило страх на жителей Петербурга. Впрочем, Дивьер пользовался в городе известностью не только как суровый администратор, но и как «душа общества», организатор «ассамблей», неизменным участником которых был сам царь.

После смерти Петра Дивьер некоторое время по-прежнему находился в фаворе: в 1726 г. ему были пожалованы титул графа и звание сенатора; в 1727 г. он был послан с дипломатической миссией в Курляндию, где, проявив совершенно исключительное для XVIII в. бескорыстие, отклонил (в безукоризненной форме) «подарок» в 10 тыс. экю, предложенный ему претендентом на курляндский престол, герцогом Морицем Саксонским¹⁵.

Однако при дворе у Дивьера был могущественный враг, который не мог простить ему давнишней обиды. Это был не кто иной, как шурин Дивьера – всеильный князь Меншиков.

В свое время Дивьер сделал предложение сестре Меншикова Анне Даниловне, «страсть влюбившейся в красивого португальца»¹⁶. Меншиков отверг его домогательства. Тогда Дивьер «соблазнил свою невесту и вновь попросил ее руки». Оскорбленный Меншиков велел своим слугам схватить Дивьера и бить его насмерть. С трудом вырвавшись, Дивьер бросился с жалобой к царю, который принял его сторону в споре и приказал Меншикову дать согласие на брак сестры с Дивьером.

Дивьер понимал, что навязанное царем родство не только не помирило с ним Меншикова, но, напротив, сделало их смертельными вра-

гами. Когда после смерти Петра началась борьба за власть между высшими сановниками империи, он примкнул к группировке противников Меншикова. Однако союз с представителями старой знати, враждебно относившейся к «безродному» Меншикову, не спас Дивьера от ареста в 1727 г. Он был лишен титула, чинов и имущества, нещадно бит кнутом и сослан в Якутию, за девять тысяч верст от русской столицы, благоустройство которой было в свое время поручено ему Петром.

Проведя более 12 лет в чрезвычайно тяжелых условиях, Дивьер вновь находит приложение для своей предприимчивости. В 1739 г. его, еще ссыльного, назначают командиром только что созданного порта Охотска. На этом посту Дивьер с «обычной своей энергией и добросовестностью» принимается за устранение беспорядков и злоупотреблений. Под его руководством в Охотске строится верфь, оборудуется пристань. Пожалуй, наиболее важным достижением Дивьера за время его службы в Охотске было основание навигационной школы, которая «просуществовала сто лет и была рассадником просвещения для всего Северо-Восточного края Сибири»¹⁷.

Вскоре (в 1742 г.) Дивьера освобождают из ссылки, возвращают ему чин и графское достоинство, а также его прежнюю должность петербургского генерал-полицмейстера. В качестве своеобразной компенсации за перенесенные страдания ему были пожалованы 1800 душ крестьян из бывших владений Меншикова¹⁸, который к тому времени уже умер в ссылке. Здоровье Дивьера было подорвано Сибирью, и в 1745 г. он скончался.

Любопытно, что смерть Дивьера была отмечена некрологами не только в русской, но и в португальской печати того времени.

Другим португальским евреем при дворе Петра I был Жуан да Коста (или Лакоста, как его иногда называли в России)¹⁹. В отличие от своего земляка Дивьера, с которым он был, кстати, в дружеских отношениях, да Коста не принадлежал к числу крупных государственных деятелей петровской эпохи: он был всего лишь придворным шутком.

О дате и месте рождения да Косты нет точных данных. Во всяком случае, в 1714 г. он занимался – без особого успеха – адвокатской практикой в Гамбурге. По приглашению русского дипломатического агента он приезжает в Петербург, где получает должность придворного шута, или «придворного философа». О том, что шутки да Косты имели успех, свидетельствуют различные царские милости, среди которых были и весьма экстравагантные: Петр подарил да Косте безлюдный остров Зоммер в Финском заливе, а затем и титул самоедского короля, или «хана». Наряду с этим да Коста получает и более прозаические знаки монаршего внимания – денежные выдачи²⁰.

В чем же секрет популярности да Косты при русском дворе? Биограф Петра Голиков²¹ отмечает, что шут был человек «свойств живых

и забавных». Действительно, судя по многочисленным рассказам и анекдотам о да Косте, изданным историками М.Д. Хмыровым и П.А. Ефремовым, «самоедский король» пользовался большой популярностью не только во дворце, но и среди петербургских низов. Сам вид его смешной тучной фигуры вызывал хорошее настроение и был способен снять напряженность, даже в весьма острых ситуациях²². Успехи да Косты во многом приписывали его дипломатическим способностям и умению нравиться и льстить, однако, сохранившиеся анекдоты о да Косте свидетельствуют о том, что остроумие «придворного философа» могло быть и весьма резким, в особенности когда пытались издеваться над его еврейским происхождением²³.

В немалой степени придворные успехи да Косты объяснялись и его широкой образованностью. Во многих анекдотах о да Косте подчеркивается, что шут был «человек ученый». Он говорил на нескольких европейских языках и превосходно знал Священное Писание. Все эти качества сделали да Косту одним из излюбленных собеседников Петра. Обычным предметом разговоров, часто переходивших в диспуты, были библейские книги и религиозные вопросы вообще. У нас мало свидетельств о богословских темах, по которым велись споры между царем и его шутом. Если анекдоты о да Косте, собранные Хмыровым и Ефремовым, можно считать надежным источником, да Коста иногда позволял себе иронизировать над своей новой религией – православием.

Помимо усердной «шутовской службы» у да Косты есть более серьезные заслуги перед русской культурой, и в частности – перед русским театром. По всей вероятности, именно ему принадлежит перевод пьесы Мольера «Смешные жеманницы»²⁴.

[...]

Примечания

¹ См.: *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 58.

² Польский король Казимир IV Ягеллончик правил в 1447–1492 г. – *Ред.*

³ Третий сын Казимира Ягеллончика и Елизаветы Габсбургской, правил в 1492–1501 г. – *Ред.*

⁴ Четвертый сын Казимира Ягеллончика и Елизаветы Габсбургской, правил в 1501–1506 г. – *Ред.*

⁵ Очевидно, имеется в виду Исаак Бен Авраам, называвшийся Испанским доктором или *Hispanus Hebraeus*, получивший медицинское образование в Испании и служивший врачом при дворах нескольких сменявших друг друга на троне польских королей, а также у архиепископа. Он стал первым евреем на дипломатической службе Польско-Литовского государства, пользовался большим почетом, был освобожден от уплаты налогов, а судить его мог лишь сам король (те же права получила после смерти Исаака в 1510 г. его вдова). Согласно М. Балабану, Исаак был послан королем к заболевшему заволжскому хану по его просьбе именно как врач, по дру-

гим данным, он дважды был отправлен к хану с дипломатическими миссиями – в 1501–1502 и 1503–1504 гг. – *Ред.*

⁶ Вероятно, имеется в виду, в частности, посольство (1567) крымского хана Девлет Гирея к польскому королю Сигизмунду Августу (1567), возглавлявшееся кафским евреем Меером Ашкенази. – *Ред.*

⁷ Родившийся в марранской семье Жоао Мигес (ок. 1524, Португалия, – 1579, Стамбул) в зрелом возрасте принял еврейское имя Иосеф Наси, был видным политическим деятелем своего времени, покровительствовал еврейским ученым, способствовал развитию еврейского образования. Султан Селим II произвел его в герцоги острова Наксос. – *Ред.*

⁸ Рейна Мендес была также кузиной Иосефа Наси. Пережив его на 20 лет, она продолжала его традицию поддержки еврейской учености. – *Ред.*

⁹ *Morgenstern J. Uwagi o Żydach sefardyjskich w Zamościu w latach 1588–1650 // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. 1961. N 38. S. 82.*

¹⁰ См.: *Адам Олеарий*. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Введ., пер., примеч. А.М. Ловягина. СПб., 1906. – *Ред.*

¹¹ Результатом участия немецкого барочного лирика Пауля Флеминга (1609–1640) в этом посольстве стали стихотворения на русские темы, в частности, сонет «К великому граду Москве» (1636; в позднейшем переводе А.П. Сумарокова начинающийся словами: «О ты, союзница Голштинския страны»), «Когда голштинское посольство выехало из Москвы в Персию в июне 1636 года», «К голштинским посланникам» и др. Некоторые из них Олеарий включил в свое описание путешествия. – *Ред.*

¹² *Kellenbenz H. Sephardim an der unteren Elbe. Wiesbaden, 1958. S. 185.*

¹³ *Kellenbenz H. Op. cit. S. 86–87.*

¹⁴ Русский биографический словарь, т. VI. СПб, 1905. Стлб. 373.

¹⁵ Там же. Стлб. 373.

¹⁶ Русский биографический словарь, т. VI. СПб, 1905. Стлб. 371.

¹⁷ *Шубинский С.Н.* Первый петербургский генерал-полицмейстер. Исторический вестник. 1892, май.

¹⁸ По другим данным – 1600. – *Ред.*

¹⁹ В русской традиции существует несколько вариантов написания этой фамилии: Да Коста, Дакоста, Акоста, Д’Акоста, д’Акоста. – *Ред.*

²⁰ См. [*Хмыров М.Д. и Ефремов П.А.*]. Полное и обстоятельное собрание подлинных исторических, любопытных, забавных и нравоучительных анекдотов четырех увеселительных шутов Балакирева, Д’Акосты, Педрилло и Кульковского. СПб, 1869. С 93–95.

²¹ *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам: [В 12 ч.] М., 1788–1789. – *Ред.*

²² Там же. С. 106.

²³ Там же. С. 109.

²⁴ В имевшей большой успех одноактной комедии в прозе «Смешные жеманницы» («Les Précieuses ridicules», 1659) Ж.-Б. Мольер высмеивал напыщенность прециозного стиля. – См.: *Филиппов В.* Мольер в России XVIII в. // Беседы. М., 1915; *Рулин П.И.* Русские переводы Мольера в XVIII в. // Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР. Т. I. Кн. I, 1928. – *Ред.*

יאשיד קאפלאנאו,
(ה'תרע"ט פון העברייטע חוסיאנאט)

שפאניש-פאריזיאנישע יידן און רוסלאנד בין 1716-1718 י"ה

מיטלונג פונעם ביטלאטעריעס האנטי-
ידין היסטארישער אהאנאס באר דער,
האבן איינעם כאארט, העלפע האבן לעבלי-
דיט יודאס, געפונען א טאקעס-הילפע און
דער אראבישער שפאניע ווען ס'איז געפאלן
דער לאהאנאט.

עס האט פארשוונדן פון באאיינע אהט
ועלכטענדיגע מלכות, עס די האנטי-
ליטע אינאויצע האבן עס אָננעמאן די
האנדל-העלפ. העלפע האבן פארבינדט שא-
יע מיט אפן-האלדא און פרייס. אין 1714
האט דער גראַדאנער ראווער ארין-באנעס
באנגוט א יידישן סיכר פון אנדאמיטע
אזי בארס פון דער טראַט טארדענא פרייע
היינט געפינען די און ארטישן סטאטאס-
לידער האנט, ארטיקלירט לויט דעם, לויט
דער סיכר האט גערעדט אף אראביש
טראַט ער מיטמאכע האנאס מיט אַנלוי-
טאריס) פינעק פרענדיש פולטאטאט — דער
איינציקער גענט און שפאניע העלפע און
פארקליבן און 1714 י"ה אוועק דער נומער
פון די מיטלענדיקע לויט ווי דער סיכר
האט דערציילט, איז ער געקומען לויט געזעץ
זשאד ווייז קאנטאבאטאנאל, לויט-אויס און
דעם, לאנד פון די טעטיקען, ווען האט
האט ארום און ארום געוויילט ביי א באר
דאָסירט.

אין צוהאלטנאנג מיט דער אנטשטייג
פון דער געוועזענער יום-איבערדיק העלפע
האט אומערשטאנדען אויך א אריינבריינג
טויל פונעם שווארציאטישן ברייגע פון לויב
און לאנדא, היינט אן איינבריינגע און די

אין באריידיגע קאנטישע סאט און
אין פארדיגע עמאנס האט די האַליק
עמאנטישע טרופע געליאן באריידיגע
געטן, ספארד, שפאניש, פאריסאנען,
פאריס, מיטלישע יודן אהר. פון העלפ
היינט דעם טעלפ, שפאניש-אליטאנישע
יודן, באנדישע ווען עס וועט גיין א יוד
העגן דעם 1716-1718 י"ה.

די יידישע באפעלקערונג האט זיך בא-
היט און איבעריש האלד-אויסווע און טיפן
אראמא, באט פארויס גיט היכער היינדיק-
לידער זינע באנדישע אינעם אראביש-שפא-
ניש פערט, און אר ארטישער אנטווי אינעם
היינטי-האלד, עס און לויט מידעס מיט, האט
זי יוד, דעלפע טראַט פון שפאניע בא-
היט זיך באר, פון אף די טעטיקען,
וואס זינע טעטיש ארין און באטמאד פון
דער הייסער בעלכע לויט די אַנלוי-
טאריס דעם יידיש-אפאריטן ביי-איינטיש און
א י"ה האבן אינעם באהאנדע פארהאנט זיך
באנעט, מיט לאנג פאר דעם ווי ער איז גע-
אויס גיט שפאניש יודן — יענודע בען
פריער, ריטי אנטאט זיך א לעזער, פאר-
שטאנדיקער און געליקען הענטש און
רעם וויסעק סטאריס, אויך א גענטע מיט
וויסלי, איב יענודע בען פריער און הייסער
האנטיס האבן וויסלישע ענטישטיש (דער
יידיש-האנטישער ביי-איינטיש הייס זאך
ארויסגע געשעקלט אונזער א צוויפלג זיי-
עס ווי די ערשטע עמאנטיש יודן אף דער
פאריסאניש פון אונזער לאנד, ס'איז ארין
זענען א בארייטישער פראַגעס, לויט דער

1. «Религия в подполье. Своя история
или историч. очерк в России», т. I,
№7, 1890, стр. 66.

2. Козловский П. К. «Исторический очерк
еврейства в X веке», Ленинград, 1926,
стр. 22.

אנהייבנדיק פונעם XVI יאה, נעבען אונטער די סטאטיס-פארשטאנדליכע יאה, בא- גלייך מיט דער אינדווידועלער אימיטראציע, א ריי פרווון צו פרינדן קאמפאקטע יישרים אין איקאנומע, וועלכע אין דעמלט אריין אין באשטאנד פון דער פילישער מעלוכע, און אין יענע ראיאנען פון פוילן, וואס האבן גע- גרענעצט מיט אוקראינע, די הויפט-ראל אין די דאזיקע פרווון שפילן די יאה, וועלכע שטאמען פון פארטיגאל, די, פארטיגען, די מע האט זיי דעמלט געווען.

אין סוף פון XV יאה אין די יודישע באפעלקערונג פון פארטיגאל, דער פארמעג- לעכער און אמטריכטן קלערלעך טייל אירע, אבער ניש קיין זייער גרויסער אין איר צאל. דאסטיק געשטיגן אפן כעווען פון דער עני- גראציע פון דער שטייגענדיקער ספאציע געבנדיק א ספעס-טילעט די עמיגראנט, אין דער פארטוגאלישער קיניג ווערן דער צוויי- טער אריינסגעטאנען לאבלוטן ניש פון פי- לאנטראפיסע פאריות, נאך פון דער קאנא- בע, עס זאלן געשעסען ווערן צו דינסט די סימבאליע רעסורסן און פראפעסאנעלע קוואליפיקאציע פון די שפאניע'ס פליטים, צווישן וועלכע זיי געזאגט, עס זינען געווען ניש ווייניק פארמעגלעכע מענטשן און גע- טוע האנטווערער, די אימיגראנט, וועלכע האבן ניש געהערט צו יענע קאטעגאריע, האט מען אפגענומען אין פארטיגאל ביי נאך קאלט, א סאר פון זיי האט מען סארטאבלעט אין קענעט און אריינגעשיקט אין די אפרי- קאנישע קאלאניעס.

אבער איר צו עט דעם, ביי גאך צוויי- דריטל, פראצעט אין געקומען א סוף, ווען דער יונגער קיניג מאנועל, וואס האט פארי- געטע זיין טראן אין 1496, האט געבעטן די האנט בא דער אינפאנטע אראבעלע, דער טאכטער פון די קאטיליסע קיניג, ניש די אינפאנטע ניש ארע עלטערן זינען ניש פאסקים געווען אף עט דעם היראט, בינאווא- צע פארטיגאל וועט ניש, אבער ייניקט ווערן פון די יאה, דער קיניג באנוצלע האט זי'ניסט געלייבן סארטיוו זיין ווט דעם קאנאק היראט אין ניש די עקאנאמיש ווערטיפלע יודישע באפעלקערונג, וועלכע ס'האט צייט- געצויגן קיין פארטיגאל זיין פאטער, האט ער האט געפונען א, לייזונג פון דער פראבלעם, אין 1497 האט מען די יאה אין פארטיגאל, ווי די איינגעביירענע, אזוי איר די ערשט ניש לאנג געקעממען פון שפאניע, געסאמלט מיט צוזאם.

די דאזיקע אקציע פונעם קיניג, וועלכע האט אירטונדיגן ערווסטע ספיסקס אפילו בא די יעראקן פון דער פארטיגאלישער ליוו,

דאזיקע ראיאנען א גרויסע צאל אינדוויזש פון די קריסטלעכע מעלוכעס פון סירעווי- אריאפע, דעוונטער יאה, שוין ניש קיין ארא- ביטי-שפראכיקע, פאר אזעלכע, וואס זיין אף שווער-איראפעישע ספראכע, אזוי, לעבאשע, האט אין דער גרעסטער גענוועזער האנדלס- העלפער אף די ברעגן פונעם שווארצן יאם העמא (אצט סענדאסיע) געלעבט אין XIV יאה, דער האמאלישער ייד מאטעראל זעאלי, דער פאלק, וואס פאר דעם נאמען לעאן שטייט אין די דאקומענטן דער טייל, מאקסט- ראך, סארטיוו, און לעאן אין געזען א רייפ, דער איינציגער דאקטער, א יאה, אין סאפא, וועלכער אין דערמאנט אין גענוועזער ארכיוו.

אין XV יאה ווערן די שפאנישע יאה אין האטא דערמאנט אפטער, אין די 40'ער - טריער יאה פונעם XV יאה האט דאס גע- קענט א נקויסער יאכאק אנסעלמי, נאך דעם, ווי די סערוק האבן אין 1475 סארבאשע סא- סא, האט ער, ווי א סאך אנדערע קאמפער יאה, זיך באגעט אף דער טעטיגקייט פון דער פיליט-ליטהווישער בעליכע און פילן האט פארענדיקט זיין לעבנסהעג און אָנגע- זענער פארשטייער פונעם קאמפער יאה- טום, ווי דער דאקטער און דיפלאמאט יאכאק דער שפאניער, האטאט מע האט וועגן אים געשטייבן, און לויט דעם גלייבן אין ער א יאה אין לויט דער באציאונגען אנגעהער- קינט אין ער א שפאניער, האט יאכאק דער שפאניער געקאנט שטאמען איר פון פאר- טיגאל, הארט בייך XVIII יאה האט מען און- טער, שפאניע'ס אמט געטייגט דאס שווענישער האלב-אינדל אינאונזן גענומען, קיין סאפא אין יאכאק דער שפאניער געטייגט מיט א ויפלאגאטישער סטייט פון דעם רעגירער פון איינעם פון די אראנער פירשטנטומס, אין נאך סאפא האט ער זיך געפונען סאם הייך פונעם פאלדאדיוסן קיניג אין באקדעם פונעם פילישן קיניג קאזימיר דעם פערטן.

אין סוף פונעם XV יאה זינען פארגע- קומען געשענענישן, וועלכע האבן דערפירט צו א טראיקן וויקס פון דער צאל שפאניש- פאקיסאנאלישע יאה איינסר' די ברעגען פון די אנטערפעליקע לענדער, ווי וויכטיקסטע געשעעניש אין געזען די פארטיגאל פון די יאה פון שפאניע אין 1492, האטאט דער גרעסטער טייל גאלעס-יאה האט זיך באהעט אין די לענדער פון צאפן-אמריקע, אפן בא- קאניק האלב-אינדל, אין טעיקט, זינען בא- זונדערע עמגראנטן אָנגעקומען אף דער סע- ריטאָריע פון דער פיליש-ליטהווישער מעלוכע.

© Bialystok & La Biennale 1998, p. 209.

לאמאן אינפלוס באם סאבאלער היף. דער מלמאן האט אים אפילע דערריבן צום ראנג פון א הערשנדיקן הערצאג פון דעם אינזל נאסאקס און פינעם גאנצן זיקלאנד-דער ארכיפעלאג.

ס'איז קיין כידעש ניט, וואס די אידן-פרייע פאראינן האבן צום ערשט טאג נאך דעם ווען ס'איז געאלן דער באמארישער קאנאנא, געשריבן ווער געווען יידישן קא-לעגע אין אויסערסט ליבלעכע איינזריקן. מיט א באוועזן דעיקערדיגן לעבאנד יוסף גאס וואס ווי באהינגן דער מיליטער קניג סטיווארד-אוונסט, וועלכער איז שולדיק גע-ווען דעם, וויילגעבנדיקן פירשט און ליבן פרינץ 150 טויזנט דולאנן.

פאר די ווענטלעכע פינאנציעלע און פאליטישע לייזיקס דער מיליטער רודן האט וויסנדיק באטי ווי דערשלאגן פאר זיך אין פאר זינג האנדלס-מאריטארן דאס רעכט פון א באשעפאן האנדל מיט טעריקטן זיין אין לוזא. די פארטורענע מיט אים הענדלער ברעאש מיט דער טיטעכע פון באשא לאקן (איד פון פארטוגאליש-יידישן אפשטאם) האבן געהאט אף טענדריס דר באדען אין לוזא. אבער די פארטוגאלישע און ביכלאל די בער-לישע יידן, גיט געקוקט אף דעם, האט זיי האבן געהאט אזא מענטשן אפערטפעס, ווי יוסעף גאס, האבן דר אגעשמוסן אין לוזא און ערנסטע שוועריקייטן, ווער טעטיקסט האט אריינסקרויפן א סכאריס חידושישאנד ס'הינדא די גיטיקע קייטלעכע פאכרים און די שטאטישע מאכט-ארגאנען, וועלכע האבן זיך געמוען אונטער ווער אינפלוס ס'הינדא די רגעל יידן, אשקענאזים, וואס האבן געווען אין די פארטוגאליש-וואלדס-קאנטורענסן. אין לוזא, ווי אין א סאך אנדער-דע אידן-אפעטישע שטעט, זינען די באצוינגען צווישן די אשקענאזים אין די ספארדן געווען גאנץ אגעצויגענע. וועגן דעם רעדט דער בייה פון איינע פון די פארטוגאליש פון פא-סע קאענס סאטרישער טיטעכע, און וועלכן די אשקענאזים ווערן באצייכנט ווי "הינדא".

אסילע וויסנדיק גאס אליין האט בא זיך באצו אינפלוס אין סכאבאל און הארטיג. געטאלטן, אז די לוזאדי אנטשפער און פאר אים גיט ווער קיין גינסליקע. בעשאם זיין באזוך אין לוזא אין 1570 האט אים דער געריכט באשולדיקט אין דעם. אז ער האט פראנצויזיש אן אפגעטולן עקספארט פון סטראטעגיקן וויאזוי האטא דער אי-זידענע איז טועל אינגעשטיקט געווארן, האט דער געריכט באשעטיקט, אז די סכאנטי-פארטוגאלישע יידן זינען גיט קיין ווינסנס-ווערע געטם אין לוזא, דערצי נאך האט

דאס געבראכט דערוי, אז אין פארטיי גאל איז אפגעקומען א סכאליק סכאלישע סין, אמלענאלן יודאזם. מיט דער אינפלי-רינג פון דער אינפליציע האט זיך אונגע-וויבן א טיפוע פון בלוטיקע פארטוגאלישע, פלעטישעדיקער דיסקרימינאציע, וועלכע האט זיך פארענדיקט ערשט אין דער מיט פונעם XVIII יח.

אף דער טעריטאריע פינעם סאוועטני-סכאנא, פינקטלעכע - אין איטאליע און אין סין, באזינגן זיך די ערשטע פארטוגא-לישע יידן. די קומען אן פון דער זייט פון בערלין, ווויזן, גיטע היסטעלעכע האבן אגענוהיבן זיך באזינגן נאך 1492. ס'ע דארף זינגן אז קיין ראיעלע אונטן וועגן דער איבערהאנדעל פון די פארטוגאלישע יידן קיין סין זינגע דערשיינט גיטא, אבער וועגן דעם, אז צווישן דער יידישער באפעלקערונג פון סין איז פאראן א פארטוגאלישער עלע-כענע, רעדט, לעבאלי, דער סאטא, וואס בא די קייטעסאק (ווינדיקס-ספאליקע טריבער יידן) איז באראן די פאטישע לאמבאזא, וועלכע איז שוין אין XVIII יח געווען פאר-טעטיש צווישן דער פארטוגאלישער דאספא-רע פון בערלינגן ביז סין.

א מער פילע אינפארמאציע אין פאראן בא גרינדן בענעדיקט דער באפענונג פון פאר-טוגאלישע יידן אין אה ווינדיקן לענטער פון האנדל צווישן די אייראפעישע מעלכעס אין דער אשקענאזישער אימפעריע, ווי לוזא.

די ערנסטע פארטוגאלישע יידן האבן וויינט אים, זיך באזינגן אין לוזא נאך ביזן 1497. אף דעם וויינט אן דער דארטער מיטן יאר 1523 אויסגרייט אפן דעקעמבער-נעם ראד אויפן בען יעכעל, אין העסקעס מיט וועלכן די שטעט פונעם פארטוגאלישע זינגען געווען פארטוגאלישע יידן. אבער אן טינסטן פרוו צו גרינדן אין לוזאן ווער קא-לאציע בעכט אונטער די סכאנטי-פארטוגא-לישע יידן בלייבן אין דער מיט פינעם זעא יח, און פארברען אין ער טיטן גאכע פון וויסנדיק זינען גאס, דעם נאליטאקער הערצאג, איינע פון די קאלאניעלישע פערזענלעכקייטן אין דער יידישער געשעכעס.

ביינעס איז איינגעוואקסן אין דער היי-סאכע פינעם פערזענלעכן דאסער פון דעם פארטוגאלישן קניג פארלאט האט ער זיי סאכאן אין אריבערגעזאנענע קיין טעריט, דער ער איז נאך געדען א יונגער בענטש. אראפ זיין קאלעסאלער געטיגער און דעם גרינדענן וויסן די אייראפעישע פארטייט, ווי אידן וואגן די וויפע קאפיטאלן פון זיין מיי, וועלכע שטאמט פון דער באקורי-טיטעכע מענער, וואס ער דערזאגן א קא-

פון די שטודיעס אמטריסלינגע אין דער פירט פון 1711 י"ה, אזוי ריין סטודיעס און פריוויליגעטער כאראקטער זענענערע געווען איבערן ציפלוס פון פלייס-אשע-נאום פון אנדערע ראיאנעס פון פירן, עס זינען געווען אפטער געמישטע כאטענעס צווישן די סטודיעס און אשקענאזים, פון דער אנדערער זייט, האט האפטיקייט פרום צו פארזאנדלען אפאסטעי' און א גרויסן האנדלס-צענטער נישט געבראכט צו קיין לאנגשטער-ניסע רעזולטאטן.

די שפאניש-פארטוגאלישע יידן העלבע האבן דורך באשקעטיקט מיט צווישנפעלדער-רעכענ האנדל, זינען, ווי א סאך הויפטלעכע סאלען זייערע אריינשטארן פון דער מיטל-געוועזענער שטאט. דאס געבליבענע היינט סטארן אין סאך א יארונישע קינאם און סאליט פארשוונדן אין דער סוויצע מינעס אפראזיען ירושלים. אבער דער אנדערע זעקע דעם סטודיעס אפסטאם פון א בייז יידן פון האפטטיע האט דורך אינגעלייט, נאך איז 1711 י"ה. האט איבער א מיטגליד פון דער ארטיקער יידישער קעהילע געפאדערט פראוויצערע הילף, קעדי אפריעאנטיזן האט הויז פארופטן ווי אף דער, לויזנאווישער אפסטאמבוג' פון ווין הויב, מע האבן אפ-בעיקט אז די האפטיקייט זינען געווען נישט די איינציקע פארשטייער פון די בייזער-איטאלישע מאגאטן, העלבע האבן געהאלטן בא זיך אף שטעלעס שפאניש-פארטוגאלישע יידן, אזוי, לעמאטל, אז דער פאריטאלישער ייד, סעבאסטיאן סימענעלע אין 1626 געווען א פאקטור' בא דעם איטאלישען מאגאט פרישט זאראטסקי, העבענעס כאראטקעס עס האבן דורך געניען אף דער פלייטאזיע פון דער איצטיקער טערנאפאלישער געגנט.

און לעמאטל, אף יענע איטאלישע בארגס, העלבע זינען אריינגעטאן אין בא-שטאנד פון דער אפסטאלישער אימפעריע און פון די קרימער כאנען, האבן געליענט שטא-ניש-פארטוגאלישע יידן, העלבע האבן אבער-געוואנדערט אהין פון סטאמבול אין מינעס באסקאנישן האלב-אינזל, אפערשטעס בא-דיטנדיקע קעהילעס פון די דאזיקע, שטא-ניש, ווי סדאס ווי אנגעווען די ארטיקע באפעלקערונג, האבן עקזיסטירט אין 1711 י"ה אף דאזיגס פון בעסאריאניע (איצט בעלגא-רודער און אימבאלסקער ראיאנען פון ארע-סע געגנט). האנאם די, שטאנאלער' בא-פעלקערונג האט דאזיגס עקזיסטירט נאך אין

דער אינסולס פון יוסעף בוכעסן אין סכאם-ביל אזוי די 70-ער יארן פון 1711 י"ה. אדאנק א ריי אמטענען שטארק זיך א האקע גע-טאן.

האנאם די הוואזער סטארן האבן נאך אין 1581 געשלאסן א נייע לוינבארע פאר-טענדיקונג מיטן סאריסראט, האט ביכלאל דער הוואזער קעסער'סענס דורך נישט אדני-געגעבן. אבער דאס האט נישט באשטימט, אז צו דער סטודיעס קאלאניזאציע אף די בארגס פון פירן אזוי געקומען א סאך בא-די שפאניש-פארטוגאלישע יידן האט דורך גע-פונען א מעכטיקער אפסטראלעס - דער הויסער געקרוינער העלבע יאן זאפאטי-ק, מיט העבענעס אפנאדאונג א גרויסע, סערי-קרישע יידן, דערנאך פון הוואזער (צווישן ווי אזוי איר געווען מאגאט קאענס מיטפאסט), האט אריבערגעוואנדען אין דער געווינענער טע דורך די שטאט האפטיקייט איצט נא-טאך אין דער פילישער פאלקס-רעפערענץ, העלבע האט זיך געניען אף דער רעסלי-טער ענטאנארטישער גרענעץ צווישן דער פילישער און איטאלישער באפעלקערונג פון פירן, לויט דער אינגעלייט מינעס העט-מאן און פון זינע יארשים, האבן אינעם סאך פון 1711 י"ה אין דער ערשטער העלבע פון 1711 י"ה, עטלעכע צענדליגן געווען פון שפא-ניש-פארטוגאלישע יידן פון איטאליע, האלאנד און פון אנדערע פירען-איטאלישע לענדער זיך אנגעלאסן צו דער ערשטער גרופע פערשידענע איטראמאן.

די סטארן פון האפטיקייט האבן דורך ספעציאליזירט אין געביט פון האנדל מיט פריענדיקע סכירעס, מיט היי-קואליטאטי-ווע סארטן יידן, אין א סאך צווינגן זינען בא די סטודיעס האנטווקערקע נישט געווען קיין קאנקורענץ נישט צווישן די קריסטלעכע, נישט צווישן דער קליינער פאל און יענע יארן אשקענאזישער באפעלקערונג פון האפטיקייט. די דאזיקע שטאט איז געווען מער צויענדיק פאר דער סטודיעס קאלאניזאציע, איידער קוואל, אטון רעס, האבן די האפטיקייט גע-געבן דער סטודיעס קעהילע, אדער, ווי מע האט זי אפציעל גערופן אין די דאזי-גענט, שפאניש-פארטוגאלישע קעהילע פריויליגעטעס, העלבע האבן אד גראנטירט א גאנץ סייטע יעלכסטסאזאלאטונג, באראס-טעריטוריעס, און האט די יידן-אשקענאזים האבן קיין רעכט נישט געהאט דורך צושריבן צו אט דער פריויליגעטער קעהילע, סתון ווי האבן געהאט דערום איר האסקאבע.

דער אפבלי פון דער האפטיקייט סאך-דייטער קעהילע האט געווישט נישט לאנג האנאם ווי אזוי נישט פארשוונדן אין רעזולטאט

318044201 J. Uwagi o Żydach sefar-tych...
 wydanych w Zamościu w latach 1588-1620, Bul-
 letyn Żydowskiego Instytutu Historycznego, 1961,
 № 30, s. 82.

האבן געגעבן די פארטוגאלישע יידישע פאך-
 רים דיעגא סארטזאא קאראעל און ביכארע
 די אונדערדן.
 אבער בלויז איבעס אנהייב פינעב
 XVIII י"ה, ווען ס'האט געטויגט פיאטער
 דער ערשטער, אין דער אינטערעס פון די
 שפאניש-פארטוגאלישע יידן צו רוסלאנד אין
 צו דעם טראנזיט-האנדל מיטן מורעד דורך
 דער רוישער טעריטאריע צוביסלעך געווארן
 א קעגנזייטיקער, אין שטאטישן אריכו פון
 האמבורג האט ה. קעלענבערג געפינען אן
 אינטערעסאנטן דאקומענט, וועלכן די רוסישע
 רעגירונג האט אין 1717 אהרעסירט די דני-
 שישע סאכרים, און אים הערט אינטערעס-
 טראגן, און אין רוסלאנד זענען פאראן
 געווענע באדינטונגען, קעדי ארימאניזא א
 טראנזיט-האנדל מיט מידעכדיקע סטויבעס,
 קיידעמאקל מיט וויד, און או דער קייסער
 קליינט וך שאפן צוליב אס דעם ציי א ריי
 האנדלס-קאמפאניעס, אלע דעמאסיע סאכרים,
 וועלכע זינען גרייס אינטערעסירן אין אס דעם
 געשעפט זייטע קאפיטאל, אין געמאכט גע-
 ווארן דאס רעכט צו לעבן אין רוסלאנד.
 קעלענבערגן שרייבט איבער, אז דער
 רוף פון פערבורג איז געוועזען געווען אייד
 צו די האמבורגער יידן, קיידעמאקל צו די
 שפאניש-פארטוגאלישע אבער ס'איז נישט בא-
 ווסט, צו עמעז-ווער פון די צאנז-דייטש-
 שע, פארטוגאלישע האט וך באשעט מיט
 אס דער אינלאנדונג אנפאלט, צום אינטער-
 סיי פון לויפא און האמאסיע האבן ס'יז
 סאארדישע האנדלס-קאמפאניע אין דער סעל-
 ריטאריע פון רוסלאנד נעט קוויטירט.
 אין פינדעסוועגן האבן גראד בייס פרא-
 סער דעם ערשטן, וועלכער האט, ארימאני-
 זיך לויטן האמבורגער דאקומענט, אינטער-
 געהאלטן די אימיראציע פון די שפאניש-
 פארטוגאלישע יידן, באהערעס ספארדן פון
 די צאנז-אייראפעישע לענדער, ווירקלעך
 איבערגעוואנדעט קיין רוסלאנד, אבער די
 ספער פון זייט כעטיקס איז געווען, הי ביל
 וועלן זען, לאכלוכן נישט דער האנדל.
 בייסן ווייט פינעס קייסער פראטער אין
 האלאנד אין 1697 זינען לעקאדע אים אסני-
 געארדונג געווארן יאם-באנעדיקט, א סינדערי
 ישיקער מאכראם פון דער האלענדישער
 שוף, מיט וועלכער ס'האט אָנגעפירט דער
 קייסער, האט צוגעווארן זיין אימפעריאלי-
 קעט מיט א באווערער פליקטיון און אר-
 בעטאמקייט, אס דער באכער, אנבאוו בא-
 טייל היצירא, איז געווען א זון פון א גע-
 שפארטן פארטוגאלישן ייד, וועלכער האט

אָנהייב פינעס XV י"ה, אין 1916 האט דער
 טאטישטיקער ב. ה. בושאייטש אָנגעמערקט,
 און אראפן ווער קליינער צאל פארהאנדלען
 ווי זיך אין יידן פון א געוויינלעכן טיפ.
 ס'בלאל הייזן ארייס די ספארדן פון טער-
 קע אין פון די באהאפען אנהייבנדיג פו-
 נעם XVIII י"ה, אין שטעטע מיט דער אלגע-
 טיינער עפאנאמישער און פאליטישער יעד-
 דע, א קלענערע אקטיווקייט און די מיליט-
 אריאטישע האנדלס-וועגן, אידער איז די
 כאראקטערישע צוויי יארהונדערטער, דעייבער
 באוויזן וך צום קייסער פאל אין דער טע-
 ריטאריע פון רוסלאנד נישט ווי גאר די אס-
 שטאטישע פון דער, פארטוגאלישער דאס-
 כערע אין האלאנד אין צאנז-דייטשלאנד,
 ס'איז שוין אָנגעבעטע געווארן די אנטו-
 היט פון האלענדיש-פארטוגאלישע יידן אין
 זאמאסיע אין XVIII י"ה, ס'ארהעלטניסמעסיק
 טרי ווייזן ארויס די פארטוגאליש-יידישע
 סאכרים אין פינאמסיטון און אינטערעס צו
 דער באשעפער בעלעכע.
 אין דער מיט פינעס XVII י"ה, אין ס'ה-
 בעס מיט דער פארזויגענער סעריקיש-שא-
 נישער טיכאמע ווערן די אלטע צענטערס
 פינעס טראדיציאנעלן האנדל פון די אייר-
 פעישע בעלעכע מיט פערטיע און מיט אנדער-
 רע לענדער פינעס מירער פאראוויזט, דער
 האלענדישער הערצאג ס'יידוד דער דיוטער
 נעמט אינטער א פרוז דורכבלייבן א האנדלס-
 וועג אין מירער דורך רוסלאנד, אין 1635
 שיינט צו לויט סאססוע געמאכטע, וועלכע
 ס'האט געקריג אפגעטומן דער קייסער
 אלעסטי ביכעלאוויטע, געבנדיג די האסקא-
 סע אנטערזייטן א געוועזען אפמאך מיט
 דער האלענדישער האנדלס-קאמפאניע, האט
 און שיינטע מיט דער געוועזענער צווייט-
 פולקטורלעכער קאניונקטור האט דער אפמאך
 זיט געהאט קיין ווירקונג, האבן די האלענדיש-
 בער געוואונען איבערגעלאזט א באריטנדיק
 ספער אין דער געשיכטע פון די דיסלאמא-
 טישע און פולטורעלע פארבינדונגען צווישן
 רוסלאנד אין דעם פערטן, צווישן די האל-
 טשינער זינען געווען דער היסטארישער
 אקטאר, העמענס מעמארן זינען א הערט-
 פולער קוזאל סאר דער געשיכטע פון רוסלאנד
 בזו פיאטער דעם ערשטן, און דער פאלט
 פלעמינג, דער מירעו-דייטשישער היסטארי-
 קער הערמאן קעלענבערג האט דערזיין, אן
 אין דער צווייטונג פון די געוואונע האט
 אסניו אנטוילגענומען דער באווערער דאס-
 טער אין פאליטישער אגענט פינעס האלענדיש-
 נער הערצאג אין האמבורג דער פארטוגאלי-
 שער ייד דאסער, מוכטאסא, און טרעדיטן
 און צו פארזירערען דעם הערצאגנס סלאן

* Nollertov H. Sephardim an der untern Elbe. Wiesbaden, 1958, S. 185.

והנשיא דהא דהיינו געזאלט בא-
 מענע האבן מיט מענשיכאום שוועטער
 אאז דאנילאונע, וועלכע האט געדינטאט-
 לט דן אינגערליכע אונקע טינעם פארטי-
 גאליער, מענשיכאז אין געזען קעגן דעם
 סאטנע דאן האט דהיינו פארינאליזירט
 זיך קאלע אין נאך דעם דאס צווייטע פאל
 געקען אין האלט, דער באליידיקער פנ-
 שיקה האט סאטילן זינע באדינע באא-
 דערן אין שראג ארט ברו סייט אריי-
 ריכטיג דן סייט פון דערע הענט, האט
 דויער דערלאנגט אן אונקלאגע דעם ליינער,
 זעלכע האט זיך געטעלט אין זיך זינע
 אינעם סעראט אין באטילן מענשיכאז
 מאסקע זיך אין דעם הידרא פון זיך סענ-
 טע מיט דויערן.

דויער האט פארשטאנען אז די אנגע-
 בונדענע סערא דעם ליינער קרייזשאט
 האט דעם נאך זיט איבערגעקאמ מענשי-
 כאזן מיט אים, נאך, אריהרט, געמאכט זי
 ביזן פאר פארשטעק פארום. דעם נאך פא-
 סעט סייט האט זיך אונגעהויבן א סאט
 פאר דער סאטע צווייטן די העלסטע סאטלי-
 זענס פון דער איטעריע, האט דויער זיך
 אונגעלאזט צו דער גרויסונג פון גרויס-
 קאטע קענטער, אבער דער טיט מיט די פאר-
 טייער פון דער אלטער אריסטאקראטיע
 האט האט פונקטע זיך באצייגן צו פונקט-
 קאזן, האט נישט אריינגעלייגט דויערן פון
 אן ארטעס אין 1717, פון האט אנגעניט
 בא אים דעם טיט, דעם ראנג אין דעם פאר-
 טעג, געטראגן אים אנטאריעליש אין אריי-
 געטיקט קיין אטעליע - 9 סייטס היירט
 פון דער רוסישער היסטאטיק, העכענס
 ווייליאמאדענע סראט אים דויערעלט
 באטראגט פראטער דער טיטער.

אפיקטענדיק 12 יאר די סעראף אין
 אריכערס הארבע באדינגונגען, געטונע דרי-
 זייער היידע, האט אונגעזען דעם פני-
 קעטן, אין 1739, נאך אין פארשייטונג, בא-
 טייטט מען אים אלס קאמאנדי פון דער
 נארוואג גענעראלעסער פארטיטעטס אכאטס
 און אט דעם פאסטן הייטס אן דויער מיט
 זיך געזינגלעכער ענערגיע און געזיכונגא-
 טיכער באזיטיק די אפאדענעגע און
 היסטאטישע, אינער זיך אונגעהוונע הערט
 געביט אין אכאטס א האטן, די וויכטיק-
 טעט דערגרייכונג דויערס פאר דער צייט
 פון זיך דינסט אין אכאטס און געזען די
 גרינדונג פון א נאציאנאליעטיק, העלכע האט
 עקסטיטירט 100 יאר אין און געזען א סע-
 רע.

אריכערעוואנדערט פון האלאנד אין און איני-
 גיבן דאס געטראגן, זיין מיטמאכע אין נאך
 זיין טיט געבליבן אן עקסטרענע-טיטערע,
 פאכער האט זיך באצייגן מיט אזא סימאטריע
 צו דויער, אז ער האט אים גלייך געמאכט
 פאר זיך באדינער, שטענדי הערט היידרא
 אדער זי פון האט אים געזען אין רוסלאנד,
 אכאט באטראכטעט דויער, דער אריטאט
 טינעם ליינער, און דערנאך איד געזענאלי-
 אריטאט, מיט גרויס-אידעס פון סענאטי-
 לער, ווי איד פון די שטענעדיקע היסטא-
 ריקער, און דויער געזען א, טעלער, אבער-
 גענענער אין ערלעכער דיקער, זיט פאר-
 פאנדיק קיין גרויס טיטל, און ער אבער
 געזען א פארשטאנדיקער, אונגעהויער,
 ארישערשולעכער, און אכאט דעם אלעס, האט
 ער זיך איינגעלייגט מיט א לענדאטאט,
 פריילעך באראכטער¹.

אין 1718 יאר הערט דויער דער קרי-
 טער גענעראל-פארשטיטער פון פערטער-
 ארינער אן אידענע אין דער נארוואג גע-
 טרייטער היסטאטיק און געזען נישט אזוי
 סאטע, איטער דער אריטאט פון דער
 פארטיי-דעם אין דויער אריטאטעט און
 זיטן מיט די ביי-ארבעטן אין דער סענאט,
 קיינע הענט דער ווייליאמאדענע פון די
 סאטן, קאנטראלירן דעם ארינער-ראטל אסאך,
 אכאט זיך ענערגיע אין ערלעכעס, האט
 דויער זיך פארזעט מיט דער קאמפליציר-
 טער אכאטעס אין רעזירען נישט נאך א
 פריסטענדיק זיטער באט ליינער, נאך איד
 אן אריטאטעס אין דער סענאט, דער נאטע
 דויער, האט מיט די גרויס-אידעס פון
 זינע סענאטיקער, אונגעהויער א סאטע און
 די אריטאטעס פון פערטער-אדער, און
 דויער סאטע געזען אין דער סענאט נישט
 נאך זיך א הארבער אריטאטאטער, נאך
 איד זיך, די געטאכע פון דער גענעראטער,
 זיך אן אריטאטאטער פון אכאטעלייער, אין
 העלכע סאטן געזען אן אריטאטענער
 אונגעהויער דער קייסער אליין.

נאך פאקטעס טיט אין דויער א גע-
 זיטע צייט נאך געזען א סאטאריט אין
 1726 האט מען אים צוגעייגנט דעם טיטל
 פון א גראף אין דעם ראנג פון א סענאטאר,
 און 1727 איז ער געטיקט געווארן מיט א
 דיסטאטישער טיטע טיין-טרייאנדיק,
 אבער באט הייך האט דויער געמאכט א סע-
 טיט טינע דעם אין געזען נישט קיין
 אנדערער, זי זיך שוועגער, דער אלטענטי-
 קער סראט מענשיכאז.

¹ Русская Биографическая энциклопедия, т. 6, 1903, стр. 372.

יעצותא, האם דער באך דערוואָרן
 דרויטע פאפולערקייט ניט זאָר אינעם פא-
 לאך, נאר איד צווישן די פעלערבורגער
 קרייזבוירגער. אליו דער איינצע סוף זיין לע-
 כערלעכער פינור האָט ארויסגעוואָרן אַ צוטע
 שטיינג און געקאָנט אראָפגעפֿען די אַנגע-
 שטרענגטקייט. אמילע אין סארפע סיטואַציעס.
 דאָקאָנטאָס דערפֿאַלגן ווערן אמערסטן
 צוגעשריבן זינען דיפלאָמאטישע פעקטן
 און דאָס קאָנע געפֿעלן ווערן און דר אַי-
 שרעכאָפּענע. אָבער די פאָרטיטע אנערקאַנט
 וועגן דאָקאָנטאָס רייזן וועגן דעם, און די
 סארפֿיניקייט פינעם. הויף-פּילאָסאָף האָט
 געקאָנט זיין איד אַ ביו נאָר בשיכע באַהי-
 דערס ווען מע האָט געפֿרױסן זיך אַווייזעלע-
 ווען אַיבער זיין יודישן אָפּשטאַם.
 אין אַ היפּשער מאָס האָבן דאָקאָנטאָס
 דערפֿאַלגן באַם הויף זיך דערפֿעסן ביים זיך
 גרויסער געבילדעטקייט. אין אַ סאך אנדער-
 דאָטן וועגן דאָקאָנטאָס הערס אינטימיגע-
 שטראַכן, און דער לעץ אין געווען אַ גע-
 לערנער בעזונט, ער האָט געליעט אַף
 עטלעכע אידאָפּעטע שפּראַכן און גלענצער
 געוואָסן די היליקע ספּאַרײַם. אָס די אלע
 אייגנשאַפטן האָבן געמאַכט דאָקאָנטאָס פֿאַר
 איינעם פֿון פּאָטערס באַליבסטע מיטשמוע-
 סער.

די דאָס פּונעם טױס פֿון דאָקאָנטאָס
 (ער האָט פֿאַרנומען דעם פּאַסטן פֿון אַ לען
 איד אין די 30-ער יאָרן פֿון 1811 י"ה,
 באַם הויף פֿון אַנא יאהאָנאַוואַ) אין אימבא-
 וויסט.

א פּיל טעטערע דאָס אידער דווייז
 און דאָקאָנטאָס, האָט געפֿילט און דער
 פֿאַרשטאַנדונג פֿון די צווישנפֿעלערלעכע
 באַזוינגע פֿון דער רוסישער סלעדי דער
 דייכער פֿאַרשטאַלישער י"ה, וועלכער אין
 געזען נאָענט צום רוסישן הויף, - דאָקטער
 אנטאָנע טונעס ריבירד סאָנשעם. וועגן אים
 הייסן פֿיר אַ סאך מער, אידער וועגן דאָקאָ-
 סטאָ און דווייז, וועל אַיבער אַ סאך
 ווייטאַפּעלעכע אָפּהאַנדלונגען, וועלכע זי-
 נט זאָרפֿענטלעכע אַדער פֿאַריהט געוואָרן
 אין אַיאַוואָ, האָט ער איבערגעלאָט אַ
 וועלכע ציפּספּאַליאָע יודישע.

כאַזשעס אין געבירן געוואָרן אין
 1694 אין דער שטאָט פּענאַמאַקאָ, אַי-צאָפֿן
 סוף פֿאַרטוואַל, אין אַ נישפּאַפֿעל פֿון נײַע

¹ См. Хмуров М. Д. в Ефре-
 мов И. А. Полное и обстоятельное со-
 брание полных исторических, любуиет-
 ных, деловых и правочувствительных анекдот-
 тов истории увеселительных шутки Бала-
 чинских. П.Акоствы. Печерсково в Курскон-
 ского. Спб. 1899.

שפּיטער פֿון כּלהונג פֿאַר דעם באַנון
 פֿאַסן-מירעבדיקן קאָנט פֿון סיבירי.

אינגיכן (אין 1742) באַפֿרײַט מען די-
 ווישן פֿון דער סאַרשקונג מע קערט אים
 אַם זינע ראַנג און די הויזע פֿון אַ
 פֿירטע, הי איד זיין פֿירעדיקע טעלע
 פּונעם פּעטערבורגער גענעראַל-פּאַליצמײַס-
 טער. דווייזעס געוונט און אָבער אומטערגע-
 ריטן געוואָרן אין סיביר, אין 1745 יאָר אין
 ער געטעאַרבן.

אומטעפּאָנט אין, אַ דווייזעס טױס
 און אָפּגעטערט געוואָרן טױס געקראָפֿן
 ניט נאָר אין דער רוסישער, נאָר איד אין
 דער פֿאַרטוואַלישער פֿרעמע פֿון יענער צײַט.
 אַן אנדער פֿאַרטוואַלישער י"ה באַ פֿיא-
 סער דעם ערשטנס הויף אין געזען זשוואַן
 דאָקאָנטאָס (אָדער דאָקאָנטאָס) מיט האָט
 אים צופֿאַל געווען אין רוסלאַנד. צײַט אַי-
 טערייך פֿון זײַן לאַנדשאַפֿט דווייזע, מיט
 וועמען ער אין, אַנער, געווען באַפֿרײַנדעט,
 האָט דאָקאָנטאָס מיט געהערט צו דער צאָל
 גרויסע פּעלעכע טױס אין דער צפֿאַרע
 פֿון פֿאַטער דעם ערשטן: ער אין בעכאַנאַקל
 געווען אַ הויף-לען.

קיין פּינקלעכע אַנגאַבן וועגן דער
 דאָטע אין דעם ערט, ווע דאָקאָנטאָס אין גע-
 בירן געוואָרן, זינען ניט פֿאַרן, אלנאַכט,
 אין 1714 פֿאַרנעמט ער זיך, אַ אַ באַווי-
 דערן דערפֿאַלג, מיט אַוואַקאַט-פֿאַרמייטן אין
 האַמבורג, לױס דער אַוואַקאַטונג פֿון אַ רוי-
 סיפֿן דיפּלאָמאטישן אַנענט קיסט ער צו
 פֿאַרן קיין פּעטערבורג, ווע ער באַקומט די
 שטעלע פֿון אַ הויף-לען, אָדער פֿון אַ הויף-
 פּילאָסאָף. וועגן דעם, אַ דאָקאָנטאָס וועגן
 האָבן געקאָנט דערפֿאַלג זאָגן אידעס פֿאַר-
 שידענע קייטעלעכע באַוויינגען. צווישן
 וועלכע עס וועגן געווען גאַנץ עקסטראַוואַ-
 גאַנטע. פֿאַטער האָט אים געשפּאַקען דאָס
 ניט באַוויינגע אידעל זאָבער, אינעם פינישן
 אינגעס, און שפּעטער דעם סיכל פֿון אַ
 באַר.

אין וואָס טענעט דער מאָד פֿון דאָקאָנט-
 טאָס פּאַפּילערקייט באַם רוסישן הויף פֿיא-
 טעס בראַנאַקאָ גאַליקאַט מעיקס אָפּ, און
 דער לעץ און געזען אַ מענטש, מיט לעבע-
 דיקע און שפּילעוויקע אייגנשאַפטן, און
 ווירלעך, ארטיקלדיק לױס פּילאָליקע דער-
 צײַלונגען און אַנערקאַנט וועגן דאָקאָנטאָס,
 וועלכע סײַזען צווישנפֿעלעכע אין 1861
 די היסטאָריקער מ. ד. כּמיראַו אין מ. א.

¹ Иудинский С. Н. Первый петер-
 буржский генерал-полковник. «Историко-
 научный вестник», 1892, год.

דעריקעס, אן ער האט אליין געזען סאג-
זעטן דאווען אין דער אסטענדאמע לאר-
שולן.

די אימפעראטריסע יעליזאבעטא, א סא-
נאטישע צווענעגן פון קריסטנטי, האט
ניט געקאנט דערלאזן, אן איר פערזענלעכע
דאקטער זאל זיין ניט קיין קריסטלעכע.

נאך סאנשעס דעמיסיע אין סוף פון
1747 וויילט אלס איר ערן-מיטגליד, סאנאטעט
דעזייע אלס איר ערן-מיטגליד, סאנאטעט
מיט דער אקאדעמיע האט סאנשעס אנגע-
הויבן נאך פריער, לויט זיין איניציאטיוו האט
זי, לעמאט, אָנגענומען סאנאטעט מיט
דער פארטוגאלישער אקאדעמיע פון לעסי-
טע, אדאס סאנשעס באקומט די אקאדע-
מיע אין איר רעזיש די הערטיסטע סאנא-
יאר-יערשע פון ג. בורגאווע, אבער אן ערע
אין א יאר ארום האט דער פריעזיענט פון
דער אקאדעמיע געסאדערט בא סאנשעס,
וועלכע האט צו יענער צייט זיך באזעצט
אין פאריז, ער זאל אומלערן זיין דיפלאם
פון אן ערן-מיטגליד, ווייל אין נאראבע 1747-
האט די אימפעראטריסע פארצוהאט אים-
שליסן אים פון דער אקאדעמיע צוזאמען
מיטן דיפלאם, וועלכע ווערט, אבער, סאר-
היס סוף איצט אונטע אריין פון דער לי-
נינגאדער אָטטילונג פון דער היסטאריס-
אקאדעמיע פון סאָוועטנאראבא, האט סאנ-
שעס אויך פארלוירן די יעדלעכע פונקטע
פון 200 רובל.

וואס איז טייער דער עזעס סאטיר-
טונג, אן ער פרידיקט דעם יודאיק, האט
סאנשעס סאטענאריש די אפטיילונג, אבער
ער האט ניט געהאלטן פאר גרייט צו געבן
גענייע דערקלערונגען, סאנשעס האט גע-
האלטן, ווי ער האט געשייבן דעם מיטגליד
פון דער אקאדעמיע, דעם גרויסן סאטעטא-
טיקער פ. אייליוו, אן די קריסטלעכע רע-
כענען אים פאר א יודן, און די יודן -
סאר א קריסטלעכע, ער האט זיך פארגליבן
צו די ערשטע אפאטאלין און הייליגע פון
נעם קריסטלעכען סאטעט, און וועלענס
צדען סיהעט געפליסט דאס וועלכע בלייבט,
וואס בא אים.

נאך דעם, ווי דעם טראן האט סאנ-
שעס יקאטערייא די צווייטע, וועלכע האט
געזעקט וואוי סאנשעס האט, לויט אירע

קריסטלעכע, א סאך טרויים זענע זינען
סארפאנגט געווארן מיטאד דער אינקוויזיציע,
אינטיכן האט דער יונגער, סאראך זיך
דערהיט פון זינע קייזרים און פון זיך
פאטערס א פריינט וועגן דער אינקוויזיציע
אין אירע פארברעכנס, און יעדן טריט און
ערשט האט ריכטיג סאנשעס זיך אָנגעטויסן
אין שטענדונגען מיטאד די סאטעט-אָרגאנען,
וועלכע האבן פאָרגעזעט דיסקרימינירן די
נייע קריסטלעכע, אינזערן אינפאמס פון
זיין פעטער און פון זיין מיטפאכע, וועלכע
האט געהיים געפרידיקט יודאים, האט זי-
נדיג סאנשעס עפרידיקט אין 1726 קיין לאג-
דא, צו יענער צייט האט ער טיין פארייזיט
דעם מעדיצינישן פאסילטעט פונקט סאלאטאני
קער אויטאריטעט, און לאגדא ווערט ער
א מיטגליד פון דער פארטוגאליש-יודישער
הערלע, אבער דאזיט האט ער זיך ניט גע-
קאנט אינפונדעווען, אין די יארן 1726 -

1730 לעבט ער אין צוויי אנדערע גרויסע
עפעטערס פונקט ספארדישן גאלעס - באַרדא
און ליוואָנא, סאר אָט דער צייט גייט אָס
רובייד סאנשעס, ווי ער אליין האט שפעטער
אנערקענט, פונקט יודאמל.

אין 1730 קלייבט ער זיך אייבער קיין
לידען, ווי ער ווערט א לערן-יונגל סאם
סאריטן האַלענדישן דאקטער ג. בורגאווע,
אין א יאר ארום באקומט ער אומדערזאריט אן
אינלאדונג צו דינען אין דער רוסישער רע-
גירונג, וועלכע ער נעמט אן, אין די יארן
1731-1747 לעבט ער אין רוסלאנד, פאר-
נעמענדיק דעם פאסטן פונקט סאטעטע
עטאטרישן דאקטער, נאכדעם פון א דאקטער
באם פעטערבורגער טראכטרישן יאסאטע-
קארפוס - דער מיטערישער היסט-טול אין
דעמלטיה רוסלאנד, און פונקט יאר 1740 -

אלס נויף-דאקטער, און אס דעם סאסטן האט
ער אין 1744 אויסגעוויילט פון א געפערלע-
כער קרענק די קינסטליכע אימפעראטריסע
יקאטערייא די צווייטע דעמלס נאך א
15-יאריקע סאלע פונקט יודישע פון דעם
רוסישן טראן.

אבער אין 1747 ווערט דער היינליכע-
כער סאטעט-דאנעבער, דער נויף-דאקטער
דיבייד סאנשעס דעמיסאָנירט, ווי סאין שפע-
כער איסגעקלאַרט געוואָרן, אין די סוף פון
דער דעמיסיע געזען די בעסערע פון סאנ-
שעסעס קאלעגע און מיטטייער אין לידען,
דעם אירלענדישן דאקטער הענרי סטיב, וועל-
כער האט ביים א מעדיצינישן דיספּיס פון-
זעם אָנגעוויבן סאטעטרישן סאנשעס אין
דעם, און ער גיט זיך ארויס אלס קאמפליקער
און א לינגערישן אירפן און אינערלעכעס
פרידיקט ער יודאים, דערביי האט סטיב

1 Willem D. Antonio Nunes Ribeiro Sac-
cha — Sive de Boerhaave et son importance
pour la Russie. Leiden, 1966, p. 16.

2 Carlos R. de Melachos entre Portugal
e a Rússia no século XVIII. Lisboa, 1960,
p. 22-27.

3 Willem D. Op. cit., p. 64-107.

יאבן, און אונטערן האנטעס האט דער ערשטער אנגע-
 וויבן פאמיליאריזירן אין איטלאנד די רויס-
 שע פאלקס-מעדיצין, ער איז צווישן אנדערס,
 געווען א באזונדערס אלטיווער פראפאגאנד-
 דיסט פון די רויסע דאמפס-בעדער, וועלכע
 האבן געקאנט פאריכטן. לויט זיין בייזונג
 א העלפס רעפערענט, האט זינען באוואוסט גע-
 ווען דער דעמאנסטראציע פארמאגאמיען. ריביר-
 סאנשעסעס פון העקן די רויסע דאמפס-
 בעדער, וועלכע העלפן פארשטארקן, אינהאלט
 אין אפשטעלן דאס געזונט, האט איינס-
 שער, פראגראדער אין ענגלישער שפראך,
 א גרויסע בארימטונג האבן בוד איינע
 סאנשעסעס פירצאליקע אפהאנדלונגען איבער
 פראגן פון פעראגאגיק, ס'איז אינטערעסאנט
 וואס סאנשעס איז ווארשיינלעך געווען דער
 איינציקער הידעו-איינציקער ספעציאליסט
 אין אט דעם געביט, וועלכער האט געווען
 אויסגעצויגן די דערמאנינג פון רוסלאנד, אין די
 ביזווען זענען דער דערציאונג פון דער יוגנט,
 וועלכע זינען דערשינען אין סארייה אין
 1760 אף דער פארטינאלישער שפראך, רעפי-
 סאנשעס מיט גרויס דערעכערען זענען די
 רעפארמעס פון פראסער דעם ערשטן אין
 פראגן פון בילדונג אין וועג דעם געביט-
 דעקן ווערן אים שליכטישן יאכאשע-קארס,
 אין וועלכן סאנשעס האט דריי יאר געארבעט
 אלס דאקטער (סאנשעס איז ביכלאר געווען
 א הייסער סארדער פון פראסער דעם געביט).
 אין די פעראגאגישע אינצואסיון פון פרא-
 טערן האט אים באזונדערס צוגעצויגן דער
 גיכס פון אפפולערשישן אכאאליסיוס און
 די שטרעבונג צו בארענעצן דעם אינפלוס
 פון דער קירך אין דער יוגנט.

סאנשעסעס רעהאמאנדאציעס, וועלכע
 באווערן די אף דער דערמאנינג פון רוסלאנד,
 האבן באקומען א מיטפילנדיק אפפולאנג און
 זיין הימלאנד. די זינען גענומען געווען
 אין אכט ביים דער ארגאניזאציע פון דער
 אדל-טייל, האט אין געשאפן געווען לויט
 דער אינצואסיוו פונעם אלמעטלין ערסטן
 מיניסטער פון פארטוגאל מארקיו פאמבאלא
 אין די יארן 1750-1777. אט דער מעלי-
 כישע טייער, איינער פון די אמעריטונס
 מערקווידיקע פארשטייער פונעם איינפול-
 רעישן אכאאליסיוס און פארביסענע סאניס
 פון די יענישן, האט געשטרעבט רעפארמירן
 און פראגראדירן גיכס די פאלקסבידונג אין
 פארטוגאל. דערביי האבן סאנשעסעס ארייען,
 וועלכע ער האט ארויסגעקאנט אין די ביכער
 און אין פרויאקטע ברוח, געהאט נישט קיין

איינעם ווערסטער, די געראטעוועט פון טייט,
 האט נען אים באזעצט א יעדלעכע פענ-
 טיט פון 1000 רובל, אין ער איז ווידער
 געווען א מיטגליד פון דער הייסנשאפט-
 אקאדעמיע, סאנשעסעס קארירער אין ווי-
 לאנד האט ביכלאר זיך פארענדיקט נישט אפן
 בעסטן אופן. אבער נישט געקעט אף דעם,
 האט ער איינגעווישן די צוגעבונדיקייט צו
 רוסלאנד אין פארגענעט זיך איבערשייבן
 מיט א ריי גרויסע טוער פון דער רויסער
 קולטור. מיטן ראטגעבער פון יענאטעוויא
 דער צווייטער איבער פראגן פון פאלקס-
 דונג א. א. בעדער, מיטן הייסנשאפטער, פריסט
 שטערבאטשא און זיין האלענדישער ברא-
 גארן, די וועלכעס האט געשריבן, און דער
 פארטינאלישער מעדיקער, האט זיך באצויגן
 צו רוסלאנד מיט א גרעסקער אביעקטיוו-
 פונעם, מיט א גרעסקער נוביליטעט, אפילו
 מיט מער לובען, אידער די מערהייט פון
 דער איינציקער פאלעגן זינען וועלכע האבן
 געארבעט אין רוסלאנד, דעזונטער זינען
 לאנדעס-האלענדער, — סארטעט איבער
 וועלכעס ווילעכעס האלט מיט רעכט, און
 דאס דערפולער זיך מיט דער געמיינשאפט-
 פונעם פון די סאנאק פארטייטע פראבלעמעס,
 וועלכע זינען געשטאנען אין 1788 י. א. פאר
 רוסלאנד און פאר פארטינאליע.

וועלכער זעט אין דער קאנפירענער
 בישעליש פון סאנשעס און דער הויכער
 היסטוריע פון דארף אפמערקן, און טארן פאר-
 טינאלישן דאקטער אין געווען באראקטעריס-
 מיט אן אויסגעוועינלעכע הייסנשאפטלעכע
 אלוטטיטעט. ביים דער באלאגערונג פון אפא-
 אין 1736, ווען ער האט געדינט אין דער
 ארמיי אלס טייליטערישער דאקטער, האט ער
 צוגעפונעטעלט אן עטנאגראפישע עסוי זינען
 באווערן, אין די נישט פארטינאלישע געווען
 די קאמאנישע פאטארן, קאלמיק, קאנאדרי-
 נער אין דאנער האזאקן.

צווישן סאנשעסעס ארבעטן זינען פא-
 ראן ביכער און ארטיקלעך וועגן דער עקא-
 נאמיק, האנדל און לאנדווירטשאפט פון רויס-
 פראגן, וועגן די גרענעצן צווישן רוסלאנד און
 רוסלאנד.

אבער די גרעסטע בארימטונג האבן סאני-
 שעסעס אפהאנדלונגען אין צוויי געביטן —
 אין דער מעדיצין און אין דער פעראגאגיק.
 נישט אריינלאזנדיק זיך אינעם באהאנדלען די
 ספעציעלע אפמערקן פון דער דאקטערישער-
 טיקעט פון סאנשעס אין רוסלאנד און פון
 זינען מעדיצינישע אפהאנדלונגען, פובליקיר-
 טע אין נישט-פובליקירטע, וועגן סוד בליז

1. דערשן ז. 109. * Carvalho R. de Op. cit., p. 28.

קליינעם אינפליס אף פאמבאנא (אין זיין פעריזעלעך ארכיוו האבן זיך פארהיט מאנ-שטעם ברויז).

פון דער אנדערער זייט, האט סאנשעס געהאטן אראפ די ברויז, א געוויסע ווירקונג איך אף דער בילדונגס-סיסטעם אין דעם-לאנד. וועגן דעם זאגט אירעם וינן ברויז צו א. א. בעצקי, וועלכן יעקאטערינא האט פאר-טרעיס איבערבויען די לערן-אנשטאלטן. היינט בעצקי'ס אויפמאך שרייבט סאנשעס א ריי ארטיקלעך איבער טראגן פון פעדאגאגיק, וועלכע ער שיפט איבער וינן היינטיגעשטעלען קאריעספאנדענט.

ד. ווילעסענעף האט זיך אינגעגעבן פעטצוישטעלען, אן ריבידו סאנשעס פראיעקטן דאסן געשפילט א גרויסע ראל אין רעאליזירן מיצאד בעצקי'ס די רעפארמע פונעם שולאסטען יאכאשע-קאריעס. וועגן דעם האט געשריבן בעצקי גופען.

רייזנדיק וועגן די יידן אפשטאמליקע פון פארטוגאל, וועלכע האבן געדינט כאס רוישען הייר, דארף מען אפגעשען, אז די קאמפאקטן צווישן רוסלאנד אין פארטוגאל און דער ערשטער העלפט פון 1711 י.ה. (די דיפלאמאטישע באהאנדלען צווישן די צוויי לענדער זינען אינגעשטעלט געווארן בלויז אין 1780) זינען פארווירקלעכט געווארן היינצואמליך דורך וי, ווען פעטערבורג האט באזוכט מיט א האלב-אמפיעלן וויזט א פאר-שטייער פון פארטוגאל, דער גייסטלעכער דיאקאניאר, אין איבערגעגעבן געווארן די ווערן אים אומגעבן, אין צו די ווערן האט זיך אונגעטראסן דאקאסטא. מיר האבן ערין דערמאנט וועגן סאנשעס ראל אינעם אג-קייפן וויסנשאפטלעכע פארבינדונגען צווישן די אקאדעמיקס פון פעטערבורג און ליסא-באן. אינטערעסאנט איז, וואס ריבידו סאנ-שעס איז ארד געווען דער איניציאטאר פון איינשטעלען וויסנשאפטלעכע פארבינדונגען צווישן פעטערבורג און פעקע, וו ס'האט

אנגעפירט מיט די הייסנשאפטלעכע געוועל-שאפטן פארטוגאלישע מאטאכוי.

מיט וואס דערקלערט זיך דער פאקט, וואס די פארטוגאלישע יידן זינען ליכאט אינגאנצן פארשוואנדן פון דער ארענע פון דער רומישער געשיכטע, אנהייבנדיק פון דער צווייטער העלפט פון 1711 י.ה. דעם ענט-פער דארף מען זוכן אין דעם, וואס אין יענער צייט קומען פאר אין זייער סוויוע אין פאר-טוגאל גיפט ביי גאר וויכטיקע ענדערונגען. וויאזוי מען זאגט מיט אפטאנן דעם, קריסטא-יודאזם פון די פארטוגאלישע, נישט קריסט-לעכע אין 1711-1717 י.ה. אין גיטא סייף סוף צווייטע, אז צו דער מיט פונעם 1711 י.ה. אין אפגעשוואכט געווארן מיט נאך דיער רעליגיווער ענטוואסן, נאך אויך זייער עטוישער זעלבסטבאוואוסונג, צו דער צייט פונעם איפקלערענישן אכטאלייטום, וועלכן פאמבאלא האט אינגעשטעלט, זינען אס די ביי דע פראצעסן דערגאנגען נאך ווייט. סאם-כאלא האט איבערגעהאפט דעם קייפ פון דער גיטא סייף פארטוגאל, נישט קריסטלעכער פראצעס, אפצוהיילן ליקווידירט די פאנאנדערייטונג פון די פאר-טוגאלער אף זייער צון, אלטער פריסטלע-כע אין מעשעך פון די וויסנשאפטלעכע ווערעס האבן די מאסן נישט קריסטלעכע זיך אריין-געגאסן אינעם באשטאנד פון דער פארטוגא-לישער נאציע.

איך דער אסימיליאציע-פראצעס אין 1711 י.ה. כאס ארום פראקטיש די נאציע מאסע, זייע קריסטלעכע אף דער טעריטא-ריע פון פארטוגאל און א באדייטנדיקן טייל פונעם פארטוגאלישן גאלעס, אין גיטא וואס צו ווונדערן זיך, וואס די פעטערבורגער ספארדן'ן שליסן געמישטע באפענעס (אכילע בא ריבידו סאנשעס, וועלכע איז דאס גאנ-צע לעבן געבליבן א באכער, איז געווען אן אומגעזעלער געבוירענער דון און זייערע יארישע האבן זיך פולקס אסימילירט.

ד. ווילעסענעף האט זיך אינגעגעבן פעטצוישטעלען, אן ריבידו סאנשעס פראיעקטן דאסן געשפילט א גרויסע ראל אין רעאליזירן מיצאד בעצקי'ס די רעפארמע פונעם שולאסטען יאכאשע-קאריעס. וועגן דעם האט געשריבן בעצקי גופען.

רייזנדיק וועגן די יידן אפשטאמליקע פון פארטוגאל, וועלכע האבן געדינט כאס רוישען הייר, דארף מען אפגעשען, אז די קאמפאקטן צווישן רוסלאנד אין פארטוגאל און דער ערשטער העלפט פון 1711 י.ה. (די דיפלאמאטישע באהאנדלען צווישן די צוויי לענדער זינען אינגעשטעלט געווארן בלויז אין 1780) זינען פארווירקלעכט געווארן היינצואמליך דורך וי, ווען פעטערבורג האט באזוכט מיט א האלב-אמפיעלן וויזט א פאר-שטייער פון פארטוגאל, דער גייסטלעכער דיאקאניאר, אין איבערגעגעבן געווארן די ווערן אים אומגעבן, אין צו די ווערן האט זיך אונגעטראסן דאקאסטא. מיר האבן ערין דערמאנט וועגן סאנשעס ראל אינעם אג-קייפן וויסנשאפטלעכע פארבינדונגען צווישן די אקאדעמיקס פון פעטערבורג און ליסא-באן. אינטערעסאנט איז, וואס ריבידו סאנ-שעס איז ארד געווען דער איניציאטאר פון איינשטעלען וויסנשאפטלעכע פארבינדונגען צווישן פעטערבורג און פעקע, וו ס'האט

¹ Boyer J. Portuguese Seaborne Empire. L., 1969, p. 360.

² Willemse D. Op. cit., p. 167.

Антонио Нунес Рибейро Саншес – первый еврейский интеллигент в Российской Империи

Фигура А.Н. Рибейро Саншеса (1699–1783), португальского врача-еврея, семнадцать лет проработавшего в России, достаточно колоритна, чтобы не тратить чернил на оправдание темы. Трудно не заинтересоваться человеком, оставившим заметный след в культуре столь отдаленных друг от друга стран, как Россия и Португалия, лечившим трех российских самодержцев – Анну Иоанновну, малолетнего Иоанна Антоновича и Елизавету Петровну. Будущую Екатерину II он спас от смерти, когда она тяжело заболела сразу после приезда в Россию в качестве невесты великого князя Петра Федоровича. Екатерина с признательностью упоминает в своих мемуарах о вылечившем ее португальском докторе¹. Сын и наследник Екатерины Павел Петрович счел нужным поблагодарить Саншеса за спасение матери во время своего визита в Париж в 1782 г.². Кстати, уже живя во Франции, Саншес принимал некоторое заочное участие в воспитании будущего царя Павла I³. Вообще ему было свойственно печься не только о телесном, но и о духовном благе своих августейших пациентов и членов их семей. По его рекомендации правительница Анна Леопольдовна, мать несчастного Иоанна VI, снабжалась новинками западного книжного рынка⁴.

Саншес встречался со знаменитым «философом на троне» – прусским королем Фридрихом II⁵, переписывался с крупными государственными деятелями России, Австрии, своей родной Португалии. Среди его друзей, собеседников и корреспондентов были такие корифеи тогдашней науки, как Л. Эйлер, Л. Бюффон, Д. Дидро, Ж. Д’Аламбер, а также великое множество ученых со всей тогдашней культурной ойкумены – от Эквадора до Китая, от Неаполя до Риги. Труды Саншеса были переведены на многие языки, в том числе, и на русский. Впрочем, намного большее их число осталось в рукописи. Работы Саншеса, как изданные, так и неизданные, посвящены самым разнообразным темам: не только медицине, но и педагогике, политической экономике, истории, философии. Некоторые из них носили публицистический характер.

Отношение к Саншесу в разных странах и в разные эпохи было неодинаковым. В Португалии в честь Саншеса сочинялись оды, через сто двадцать лет после его смерти вышло в свет его пространное и почти агиографическое жизнеописание, написанное Максимиану Лемушем и до сих пор остающееся самой подробной биографией прославленного медика⁶.

Однако в годы, когда в Португалии существовал авторитарный режим – с 1926 по 1974 гг. – взгляды Саншеса, и, прежде всего, его упорный антиклерикализм, не пользовались официальным одобрением, что сказалось и на некоторых общих трудах по истории Португалии.

Его наследие изучалось и издавалось, как правило, историками, близкими к, либеральной оппозиции⁷. Эти круги даже попытались выпустить полное собрание сочинений Саншеса, которое, впрочем, дальше второго тома не пошло.

Интерес к Саншесу сильно вырос после падения авторитарного режима в 1974 г. В свет начали выходить все новые работы Саншеса, ранее остававшиеся в рукописи. О нем все больше пишут. В связи с 200-летней годовщиной смерти Саншеса на родине героя в г. Пенамакоре был воздвигнут памятник.

Определенный интерес у современных португальских историков вызвала роль Саншеса в установлении культурных связей между Португалией и Россией, – тема, к которой обращался и автор этих строк. Тем не менее, основной работой о пребывании Саншеса в России пока остается книга не португальского и не российского автора, а голландца Давида Виллемсе⁸.

В России Саншесом интересовались в основном историки медицины, а также историки русского еврейства. Что касается первых, то без соответствующей подготовки вряд ли следует стремиться пересматривать или, напротив, поддерживать их выводы. Саншес-медик еще ожидает компетентного биографа. Определить место Саншеса в истории русского еврейства попытались еще в XIX в. авторы нескольких серьезных исследований (особенную ценность представляет очерк С. Грузенберга), а также основанные на них краткие статьи в справочных изданиях⁹. Во всех этих текстах заметно незнание португальской истории и зарубежных архивов. Это в особенности относится к статье о «Санхеце» в «Еврейской энциклопедии», где делается безосновательное предположение, что Саншес был в числе масонов, бежавших из Лиссабона в Париж во время антимасонских преследований 70-х гг. XVIII в.

Поскольку Саншес обосновался в Париже еще в 1747 г., сразу после отъезда из России, бежать туда из Лиссабона через тридцать лет ему было незачем (на родине он так и не побывал до конца дней). В книге о масонстве, на которую ссылается автор статьи, речь явно идет о другом человеке.

Новые возможности для изучения Саншеса открылись в 80–90-е гг. В научный оборот были вновь введены хранящиеся в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге письма Саншеса к известному российскому научному деятелю XVIII в., академику Штелину¹⁰. В РГАДА были обнаружены рукописи Саншеса, за которыми безуспешно охотились целые поколения исследователей, в том числе и уже упоминавшийся Д. Виллемсе, почему-то решивший, что если рукописи принадлежали собранию Воронцовых, то нигде, кроме Одессы, они храниться не могли. Рукописи Саншеса, ранее известные только по названию, были обнаружены и в Лиссабоне. Опираясь на новые материалы, можно попытаться составить представление о жизни и трудах Саншеса в контексте истории трех народов и трех культур – еврейской, португальской и русской.

Прежде чем заняться Саншесом и его семнадцатилетним пребыванием в России, следует, видимо, рассказать о той этнокультурной группе, к которой он принадлежал. Группа эта – испано-португальские евреи – всегда была крайне немногочисленна на территории России и сопредельных земель, однако временами отдельные ее представители играли не столь уж незаметную роль в их экономической и культурной жизни.

Еврейское население появилось на Иберийском полуострове в глубокой древности. Достаточно известен его высокий культурный уровень и активное участие в международной торговле. Неудивительно, что еврейские выходцы из Испании появляются весьма рано на территориях, впоследствии вошедших в состав Русского государства. По данным еврейско-хазарской переписки X в., в Хазарском каганате незадолго до его падения обосновались два испанских еврея – «Иехуда, сын рабби Меира, сына рабби Натана, человек умный, понимающий и ученый», и «рабби Иосиф Хагрис, также человек знающий»¹¹.

В связи с возникновением в XII в. Генуэзской морской империи, подчинившей себе и значительную часть черноморского побережья Крыма и Кавказа, в эти районы в больших количествах начинают проникать жители христианских государств Западной Европы, в том числе и евреи. Так, в крупнейшей генуэзской торговой колонии на берегах Черного моря, городе Кафе (ныне Феодосия), в XIV в. проживает каталонский еврей маэстро Леон¹². Тот факт, что имени Леона в документах предшествует титул «маэстро», показывает, что Леон был коллегой Саншеса, евреем-врачом в Кафе XIV в., о котором упоминают генуэзские архивы. В следующем столетии упоминания об испанских евреях в Кафе встречаются чаще.

В самом конце XV в. произошли события, приведшие к стремительному росту числа испано-португальских евреев за пределами Испании и Португалии. Первым из них явилось изгнание евреев из Испании

в 1492 г. по приказу Католических королей Фердинанда и Изабеллы. Хотя большая часть изгнанников обосновалась в странах Северной Африки, Балканского полуострова, Турции, отдельные эмигранты, во многих случаях – врачи, расселились на территории Польско-Литовского государства. В еще больших масштабах еврейские выходцы с Иберийского полуострова пытаются осваивать Восточную Европу в XVI–XVIII вв., причем особенную активность проявляют евреи из Португалии и их потомки, так называемые «португизы». Выдающаяся роль, которую португальские евреи в XVI в. начинают играть в сефардском мире, объясняется рядом исторических причин.

В конце XV в. еврейское население Португалии резко возросло за счет иммиграции из соседней Испании, часть еврейских подданных Католических королей, не желая отказываться от религии своих предков, нашли убежище на территории Португалии.

Предоставляя убежище изгнанникам из соседней страны, португальский король Жуан II руководствовался отнюдь не филантропическими мотивами, а желанием поставить себе на службу финансовые ресурсы и профессиональную квалификацию испанских беженцев, среди которых было немало состоятельных людей и искусных ремесленников. Иммигранты, не принадлежавшие ни к той, ни к другой категории, встретили в Португалии крайне холодный прием.

Но и этой, весьма двусмысленной, терпимости пришел конец, когда вступивший на престол в 1495 г. молодой король Мануэл попросил руки инфанты Изабеллы, дочери Католических королей. Ни инфанта, ни ее родители не соглашались на этот брак, пока Португалия не будет очищена от «иудейского нечестия». Король Мануэл, однако, не собирался жертвовать ни выгодной партией, ни экономически ценным еврейским населением, которое привлек в Португалию его отец. Он нашел гениально простое решение проблемы. В 1497 г. евреи Португалии, как старожилы, так и недавние иммигранты из Испании, были насильственно крещены.

Эти действия короля, вызвавшие серьезные сомнения даже у иерархов португальской католической церкви, привели к тому, что в Португалии сложилась сильная традиция «подпольного иудаизма». Формированию особой этноконфессиональной группы «новых христиан» способствовало и то, что инквизиция была введена в Португалии лишь в 30-х гг. XVI в. До того времени португальские короли, стремясь удержать в стране своих «новохристианских» подданных, смотрели сквозь пальцы на тайное соблюдение ими иудейских обрядов. Тем не менее, и до введения инквизиции жизнь «новых христиан» была не слишком спокойной. Нафанатизированная католическим духовенством чернь часто устраивала погромы «новых христиан», или, как их презрительно на-

зывали, «маранов». И уж особенно тяжело пришлось новообращенным португальским евреям после введения инквизиции, открывшей собой эру кровавых гонений, массовых аутодафе, постоянной слежки и дискриминации, закончившейся только в середине XVIII в.

Одновременно растет еврейская эмиграция из Португалии. Традиционная еврейская историография полагала, что «новые христиане» в подавляющем большинстве оставались верны иудаизму и что эмигрировали они из Португалии исключительно по религиозным причинам.

В современной науке – как израильской (Б. Нетаньяху, – кстати, отец нынешнего премьер-министра Израиля), так и португальской (А.Ж. Сарайва) – часто высказываются предположения, что португальские евреи давно утратили бы свою этноконфессиональную обособленность, если бы не политика дискриминации и репрессий, затруднявшая ассимиляцию и провоцировавшая массовый выезд из страны. Сторонники этой точки зрения считают, что инквизиция стремилась не столько спасти души «маранов», сколько прибрать к рукам их имущество. Она сознательно «фабриковала евреев», облыжно обвиняя в иудаизме вполне искренних христиан. Эмигрировали же, по мнению этих авторов, преследуемые «новые христиане почти исключительно с целью самосохранения. Отметим, что одним из первых (если не первым), кто высказал подобный взгляд на деятельность инквизиции, был наш герой – Антониу Рибейро Саншес¹³. Он посвятил этой теме специальную работу, написанную, кстати, в России.

Здесь не место решать этот вопрос. Скажем лишь, что деятельность инквизиции, какими бы мотивами она ни была вызвана, привела и к массовой эмиграции, и к определенному возрождению иудаизма, захватившему не только Португалию, но и соседнюю Испанию, куда португальские евреи начали переселяться после временного объединения двух государств в 1581 г.

Португальская «новохристианская» эмиграция представляла собой абсолютно новое явление среди всех известных до этого волн еврейской эмиграции в том отношении, что выезжали люди, принадлежавшие к европейской цивилизации, знакомые изнутри с религиозной, культурной, политической жизнью одной из самых передовых европейских стран того времени. Неудивительно, что эмигранты сохраняли привязанность к португальскому и испанскому языкам и культуре (испанский в тот период широко применялся и в Португалии). Это объяснялось еще и тем, что в некоторых странах (в частности, Франции, Южных Нидерландах) они не могли открыто исповедовать иудаизм и им приходилось официально выступать в качестве «португальской общины».

Постоянное давление со стороны инквизиции (к тому же введенной в Португалии на полвека позднее, чем в Испании) не помешало обра-

шенным в христианство евреям воспользоваться всеми преимуществами своего нового статуса, в том числе и доступом к университетскому образованию. Их роль в экономической и общественной жизни страны намного возросла, что отразилось и на отношении к ним окружающего населения. По словам анонимного итальянского клирика, посетившего Португалию в XVI в., португальские массы, вообще весьма враждебные своим «новохристианским» согражданам, испытывают почти суеверное преклонение перед их умом и деловыми способностями. Сам автор, настроенный крайне антипортугальски и антиеврейски, полагал, что «новые христиане» могли показаться гениями лишь на общем (крайне неутешительном) португальском фоне и что никакими особыми талантами, кроме, разве что, из ряда вон выходящей способностью к обману, они не обладали¹⁴.

На самом же деле интеллектуальный потенциал португальских евреев и «новых христиан» был достаточно велик. Многие из них снискали себе известность не только в маленьком иберийском коллективе, но и во всем тогдашнем цивилизованном мире. Из тех, кто смог уехать и сохранить верность своей старой религии, достаточно назвать Авраама Закуто¹⁵, математика и астронома, на чьи расчеты опирался Васко да Гама во время своей знаменитой экспедиции вокруг Африки. В отличие от Закуто, «новыми христианами» были другой математик мирового класса Педро Нунес (Нониус) и ботаник и создатель тропической медицины Гарсиа д'Орта¹⁶. (Отметим, что Саншес был прекрасно знаком с трудами своих предшественников, Закуто и Гарсиа д'Орта).

Относительно правоверия Гарсии д'Орты у инквизиции возникли серьезные сомнения, в связи с чем уже через 20 лет после его смерти останки великого ботаника были сожжены. О подлинных религиозных взглядах Гарсии д'Орты мы ничего не знаем, но в его научных трудах очень силен дух критицизма и непочтительности к авторитетам. Гарсиа д'Орта открыто пишет, что в заморских странах Гален и Диоскорид ему не указ, «ибо он видел»¹⁷.

Открытие новых миров (не только Нового Света) в конце XV в. создало принципиально новую ситуацию для сефардского мира. Колониальная торговля открыла для европейского еврейства новую экологическую нишу и спасла его от обнищания¹⁸. Но не менее важен новый интеллектуальный климат, намного более благоприятный для новаторства и неконформизма. Межеумочное положение «новых христиан», отошедших (не по своей воле) от одной религии и во многих случаях не примкнувших искренне к другой, также способствовало развитию недогматического взгляда на мир.

Все это помогло португальским «новым христианам» занять заметное место в европейской философии XVI–XVII вв. В частности, скеп-

тицизм превратился в одно из основных философских направлений не только благодаря М. Монтеню (который по материнской линии также был португальско-еврейского происхождения), но и тулузскому профессору Франсишко Саншесу¹⁹, автору книги «Quo nihil scitur» («То, что ничего нельзя познать»). По некоторым данным, Франсиско Саншес был предком нашего героя Антонио или по крайней мере состоял с ним в родстве.

Для нас, однако, сейчас важнее интеллектуальная преемственность, чем биологическая. Пример Ф. Саншеса показывает, что новый интеллектуальный тип сефарда возник в Европе весьма рано.

Еще более сильные сдвиги произошли в менталитете не только сефардов, но и всего европейского человечества в результате деятельности Баруха (Бенедикта) Спинозы, во многом подготовленной другими сефардскими вольнодумцами – Уриэлем да Костой, Хуаном де Прадо и др.²⁰. При всем колоссальном значении Спинозы, и в частности его библейской критики, для мировой культуры, иудаизм, да и евреи от этого скорее проиграли. Однако сейчас нам вряд ли стоит подниматься в эти философские выси.

Основным занятием сефардов XVI–XVII вв., в том числе и тех, кто пытался освоить далекую восточную окраину Европы, были, разумеется, не умозрительные спекуляции, а торговля, хотя приобретенные в европейских школах (а иногда и университетах) знания о мире давали им преимущества в конкурентной борьбе, а дух нонконформизма толкал на смелые и рискованные предприятия. Даже на Востоке (прежде всего в Турции), куда вслед за испанскими изгнанниками 1492 г. направилась часть «новых христиан», в них часто ценили именно хорошее знание европейской культуры, как политической, так и экономической.

На Украине и в Крыму первые португальские евреи появляются именно из Турции. Следует оговориться, что точных данных о переселении португальских евреев в Крым пока не имеется, однако о присутствии португальского элемента среди еврейского населения Крыма свидетельствует наличие у крымчаков (тюркоязычных крымских евреев) фамилии Ломброзо, которая уже в XVIII в. была распространена среди португальской диаспоры от Мэриленда до Туниса.

Гораздо более полная информация имеется у нас относительно расселения португальских евреев в таких крупных центрах торговли между европейскими государствами и Османской империей, как Львов и Замостье (ныне г. Замосць в Польше, расположенный на тогдашней этнографической границе между польским и украинским населением Речи Посполитой). В конце XVI в. великий коронный гетман Ян Замойский пригласил группу «турецких евреев» в основанный им город Замостье.

Позднее несколько десятков семей испано-португальских евреев из Италии, Голландии и других западноевропейских стран присоединились к первоначальной группе турецких иммигрантов. Сефарды Замостья специализировались в области торговли восточными товарами, выделки высококачественных сортов шелка (последнее – в 20-х гг. XVII в.). Во многих отраслях у сефардских ремесленников не было конкурентов ни среди христиан, ни среди крайне немногочисленного в те годы ашкеназского населения Замостья.

Впрочем, процветание сефардской общины Замостья продолжалось недолго. Попытка Замойских превратить Замостье в крупный торговый центр в целом не принесла долгосрочных результатов. Многие испано-португальские евреи, занимавшиеся международной торговлей, выехали из оскудевшего города.

Оставшаяся горстка сефардов за столетие почти совершенно растворилась в среде ашкеназского еврейства. Однако память о сефардском происхождении части евреев Замостья сохранилась. Еще в XVIII в. некий член местной еврейской общины требовал финансовой помощи для ремонта дома, ссылаясь на «лузитанское происхождение» своей жены.

Сравнительно рано португальско-еврейские купцы и финансисты начинают проявлять интерес к Московскому государству и к территориям, входившим в его орбиту. В XVII в. в связи с затяжными турецко-испанскими и турецко-персидскими войнами старые центры традиционной торговли европейских государств с Персией и другими странами Востока оказываются парализованными. Голштинский герцог Фридрих III предпринимает попытку проложить новый торговый путь на Восток через Россию. В 1633 г. он отправляет в Москву посольство, которое было милостиво принято царем, давшим согласие на подписание соответствующего договора с голштинской торговой компанией. Хотя в связи с изменившейся международной конъюнктурой договор так и не возымел действия, голштинское посольство оставило значительный след в истории дипломатических и культурных связей между Россией и Западом. В его состав входили историк Олеарий, чьи записки являются ценнейшим источником по истории допетровской России, а также поэт Флеминг. Как доказал немецкий историк Герман Келленбенц, определенное участие в подготовке посольства в Россию и Персию принимал известный врач и политический агент голштинского герцога в Гамбурге, португальский еврей доктор Мусафия, а кредиты на осуществление герцогского замысла были частично предоставлены португальско-еврейскими купцами²¹.

Вполне можно допустить, что цель найти северный морской проход к азиатским землям преследовала экспедиция к островам Новой Земли, которую снарядил в 1669 г. богатейший португальско-еврейский купец

из Амстердама Антонио Лопес Суассо в сотрудничестве со своими двумя шуринами Исааком и Яковом де Пинто. Совокупное состояние этих трех столпов сефардской диаспоры составляло около 750 тыс. гульденов – гигантская по тем временам сумма²².

Однако лишь в начале XVIII в., в царствование Петра I, интерес испано-португальских евреев к России и к транзитной торговле с Востоком через русскую территорию начал встречать некоторую взаимность. В городском архиве Гамбурга Г. Келленбенц нашел любопытный документ-обращение, изданный русским правительством в 1717 г. и адресованный немецкому купечеству. В нем подчеркивалось, что в России существуют прекрасные условия для организации транзитной торговли восточными товарами, прежде всего шелком, и упоминалось о намерении царя создать с этой целью ряд торговых компаний. Всем немецким купцам, готовым вложить в это начинание свои капиталы, предоставлялась свобода проживания в России. Келленбенц считает, что призыв Петербурга был обращен и к гамбургским евреям, прежде всего испано-португальским²³. Неизвестно, однако, воспользовался ли кто-либо из северогерманских «португальцев» этим приглашением. Во всяком случае, в отличие от Львова и Замостья, сефардских торговых компаний на территории России не существовало.

Тем не менее, именно при непосредственных преемниках Петра I, который, судя по гамбургскому документу, поощрял иммиграцию испано-португальских евреев, отдельные сефарды из стран Северной Европы действительно пытаются заниматься торговлей с Россией и в России. Однако сферой их деятельности была, как мы увидим, отнюдь не торговля.

Во время посещения царем Петром Западной Европы в 1697 г. августейший путешественник принимает к себе на службу некоего молодого моряка по имени Антонио Мануэл Виэйра, который своею «ловкостью и расторопностью» обратил на себя его внимание. Раньше было принято считать, что это произошло в Голландии. В последнее время американский исследователь Раг убедительно доказал, что встреча между царем и его новым фаворитом, скорее всего, произошла в Англии, хотя родители юноши принадлежали к амстердамской сефардской общине. Царь проникся такой симпатией к Виэйре, что тут же сделал его своим пажом. Впоследствии Виэйра, или, как его называли в России, Антон Мануйлович Девиер, становится царским денщиком, а затем и генерал-адъютантом. По свидетельству как современников, так и позднейших историков, Девиер был царю «способным, исполнительным и честным слугой. Не обладая большим умом, он был, однако же, смышлен, вкрадчив, бескорыстен, неутомим и, кроме всего прочего, отличался живым, веселым характером»²⁴.

В 1718 г. Девиер назначается первым генерал-полицмейстером Петербурга. Навести порядок в только что основанной столице было не так-то просто. Помимо организации полицейской службы, Девиеру приходилось руководить строительными работами в городе, заботиться о благоустройстве улиц, контролировать розничную торговлю, не допуская повышения цен на хлеб и другие жизненно необходимые товары, заботиться о противопожарной безопасности и т. д.

Благодаря своей энергии и честности Девиер благополучно справлялся со сложной задачей и приобрел не только полное доверие царя, но и огромный авторитет в городе. Одно имя Девиера, по словам современников, наводило страх на жителей Петербурга. Впрочем, Девиер пользовался в городе известностью не только как суровый администратор, но и как «душа общества», организатор «ассамблей», непременным участником которых был сам царь.

После смерти Петра Девиер некоторое время по-прежнему находился в фаворе: в 1726 г. ему были пожалованы титул графа и звание сенатора; будучи послан с дипломатической миссией в Курляндию, он проявил совершенно исключительное для XVIII в. бескорыстие – отклонил (в безукоризненно вежливой форме) «подарок» в 10 тыс. экю, предложенный ему претендентом на курляндский престол герцогом Морицем Саксонским²⁵.

Однако при дворе у Девиера был могущественный враг, который не мог простить ему давнишней обиды. Это был не кто иной, как шурина Девиера – всеильный князь Меншиков.

В свое время Девиер сделал предложение сестре Меншикова Анне Даниловне, «страсть влюбившейся в красивого португальца»²⁶. Меншиков отверг его домогательства, Тогда Девиер «соблазнил свою невесту и после этого вторично просил ее руки». Оскорбленный Меншиков велел своим слугам схватить Девиера и бить его насмерть. С трудом вырвавшись, Девиер бросился с жалобой к царю, который принял его сторону в споре и приказал Меншикову дать согласие на брак сестры с Девиером.

Девиер понимал, что навязанное царем родство не только не помирило с ним Меншикова, но, напротив, сделало их смертельными врагами. Когда после смерти Петра началась борьба за власть между высшими сановниками империи, он примкнул к группировке противников Меншикова. Однако союз с представителями старой знати, враждебно относившейся к «безродному» Меншикову, не спас Девиера от ареста в 1727 г. Он был лишен титула, чинов и имущества, нещадно бит кнутом и сослан в Якутию, за девять тысяч верст от русской столицы, благоустройство которой было в свое время поручено ему Петром.

Проведя более 12 лет в чрезвычайно суровых условиях, Девиер вновь находит приложение своей предприимчивости. В 1739 г. его, еще ссыльно-

го, назначают командиром только что основанного порта Охотска. На этом посту Девиер с «обычной своей энергией и добросовестностью» принимается за устранение беспорядков и злоупотреблений. Под его руководством в Охотске строится верфь, оборудуется пристань. Пожалуй, наиболее важным достижением Девиера за время его службы в Охотске было основание навигационной школы, которая «просуществовала сто лет и была рассадником просвещения для всего Северо-Восточного края Сибири»²⁷.

Вскоре (в 1742 г.) Девиера освобождают из ссылки, возвращают ему чины и графское достоинство, а также его прежнюю должность петербургского генерал-полицмейстера. В качестве своеобразной компенсации за перенесенные страдания ему были пожалованы 1800 душ крестьян из бывших владений Меншикова, который к тому времени уже умер в ссылке. Здоровье Девиера было подорвано Сибирью, и в 1745 г. он скончался.

Любопытно, что смерть Девиера была отмечена не только в русской, но и в португальской печати того времени. Высказывалось предположение, что автором заметки в «Газета де Лижбоа» был Рибейро Саншес. Доказать это трудно, хотя в его частной переписке с португальскими друзьями содержатся сведения о Девиере²⁸.

Другим сефардом при дворе Петра I был Жуан да Коста (или Лакоста, как его иногда называли в России). В отличие от своего земляка Девиера, да Коста не принадлежал к числу крупных государственных деятелей Петровской эпохи: он был всего лишь «придворным философом», или, проще говоря, шутом.

Однако, как и многие его российские коллеги, он пользовался популярностью не только при дворе, но и в народе, о чем свидетельствуют многочисленные анекдоты о да Косте, собранные историками М.Д. Хмыровым и П.А. Ефремовым²⁹.

О дате и месте рождения да Косты до последнего времени не было точных данных. Лишь относительно недавно был открыт новый источник, проливающий свет на эту колоритную фигуру. В 1988 г. в хранящемся в БАН томе «Мемуаров» Филиппа де Коммина в испанском переводе был обнаружен колофон на португальском языке, принадлежащий перу А. Рибейру Саншеса и озаглавленный «Очерк жизни бывшего владельца этой книги Ивана Христиана Семы да Косты Кортисос, скончавшегося 6 мая 1740 в Петербурге»³⁰. Для семейной истории сефардов XVII–XVIII вв. представляет большой интерес полное имя придворного философа. Фамилии Сема Кортисос и да Коста сыграли в истории португальской еврейской диаспоры весьма заметную роль: с несколькими представителями семейства да Косты нам еще предстоит встретиться. После смерти да Косты книга была приобретена Саншесом у замужней дочери покойного.

Новонайденный текст содержит ценные сведения о происхождении да Косты. И в России, и в Португалии да Косту считали португальцем: в собранных Хмыровым и Ефремовым анекдотах даже упоминаются различные события, якобы происходившие с да Костой еще на родине³¹, то есть Португалии. Приписывали ему и испанское происхождение. Каждая из этих версий по-своему справедлива, хотя, по данным Саншеса, да Коста родился вообще не на Пиренейском полуострове, а в марокканском городе Сале в семье евреев – выходцев из Испании. Тем не менее, фамилию «придворный философ» носил португальскую. Видимо, его предки переселились в Испанию в период объединения двух иберийских государств в 1581–1640 гг., а уже затем выехали в Марокко. Вместе со своими родителями юный да Коста переселился в Гамбург, где впоследствии крестился и занялся, «чтобы есть», ремеслом маклера. Начиная с 1713 г. версии Саншеса и русских авторов (прежде всего биографа Петра И. Голикова) в целом совпадают. Представленный императору русским резидентом в Гамбурге, да Коста имел счастье понравиться царю, который взял его на службу и сделал «придворным философом».

В мелочах версии русских историков и близко знавшего да Косту Саншеса не всегда совпадают: Хмыров и Ефремов говорят о «смешной тучной фигуре»³² шута, а Саншесу он представляется высоким и сухощавым (при этом он не забывает упомянуть о «еврейском носе»³³ да Косты). В целом, однако, Саншес и русские авторы рисуют довольно сходную картину. О том, что шутки да Косты имели успех, свидетельствуют различные царские милости, среди которых были и весьма экстравагантные: Петр подарил да Косте безлюдный остров Зоммер (у Саншеса – Хогланд) в Финском заливе, а затем и титул самоедского короля, или «хана». Наряду с этим да Коста получает и более прозаические знаки монаршего внимания – денежные выдачи.

В чем же секрет популярности да Косты при русском дворе? Биограф Петра И. Голиков отмечает, что шут был человек «свойств живых и забавных». Саншес говорит о его «живом уме, удачных и поучительных ответах». По всеобщему мнению, дипломатические способности да Косты («никогда ни о ком не говорил плохо и никогда не водился с ненадежными людьми» – Саншес) помогли ему приобрести неизменное расположение четырех императоров³⁴ (Петра I, Екатерины I, Петра II и Анны Иоанновны), которым он последовательно служил.

Саншес в чем-то более критически относился к своему старому знакомому, чем русские авторы. С его точки зрения, да Коста не был образованным человеком, поскольку не знал латыни, хотя «любил читать» на новых европейских языках и прекрасно говорил по-испански, итальянски, французски, немецки, голландски и португальски (за 27 лет пребывания в России да Коста так и не удосужился выучить русский)³⁵.

Российские источники более снисходительны, приписывая ему широкую образованность. Даже в анекдотах подчеркивается, что шут был «человек ученый». Лингвистические познания, хорошее знакомство со Священным писанием сделали да Косту одним из любимых собеседников Петра, с которым он, видимо, общался на голландском языке. Обычным предметом разговоров, часто переходивших в диспуты, были библейские книги и религиозные вопросы вообще. У нас мало свидетельств о богословских темах, по которым велись споры между царем и шутом. В анекдотах, собранных Хмыровым и Ефремовым, да Коста иногда позволяет себе слегка иронизировать над своей новой религией – христианством. Любопытно, что в других сохранившихся анекдотах он дает резкий отпор тем, кто пытается издеваться над его еврейским происхождением, причем симпатии безымянных авторов всегда на стороне шута³⁶.

Впрочем, все эти сведения сугубо апокрифичны. О религиозных взглядах да Косты и о его отношении к еврейству упоминает и Саншес, однако его информация носит (возможно, сознательно) весьма неопределенный характер.

«Некоторые говорят, что он умер... без религии, другие, что он умер евреем, и очень немногие, что он умер христианином: так всегда говорят о тех, кто сменил религию». Как бы то ни было, Саншес никогда не слышал от да Косты ничего, что указывало бы на его приверженность иудейской или христианской религии. «Если он не верил в Магомета, этот человек, видимо, не верил ни во что», – меланхолически констатирует Саншес. С другой стороны, да Коста говорил Саншесу, что очень хорошо разбирается в древнееврейском языке и писаниях раввинов. Следует комментарий: «бог ему воздаст, если эти признания принесли ему какие-либо заслуги»³⁷. Этот отстраненный благожелательный и скептический тон по отношению к иудаизму кое-что говорит о мировоззрении самого Саншеса.

Говоря о петербургских придворных сефардах, следует отметить, что спорадические контакты между Россией и Португалией в первой половине XVIII в. осуществлялись главным образом через них – случай в истории не такой уж редкий. Когда в 1724 г. столицу России посетил с полуофициальным визитом португальский эмиссар, аббат д'Авелар, принимать его было поручено Девиеру, к которому присоединился и да Коста³⁸. О роли Саншеса как посредника между Россией и Португалией еще будет рассказано.

Специально для читателей известного израильского русскоязычного прозаика Давида Маркиша, и в частности его исторического романа «Шуты»³⁹, отметим, что его персонажи Коста и Девиер имеют весьма мало общего с одноименными реальными личностями, подвизавшимися при российском дворе.

Разумеется, автор имеет право на поэтическую вольность, но Девиер и Коста российскому читателю мало знакомы, и кто-то может отнестись к повествованию Маркиша как к истории. Нет, да Коста не возвращался в Гамбург, а (как мы знаем) скончался в 1740 г. в Петербурге. Девиер, бывший действительно весьма энергичным исполнителем государевой воли, не лютовал на строительстве Петербурга, а по указанию Петра занимался в те годы совсем другими вопросами и т.д. И все же сама авторская интуиция высвечивает некоторые реальные параллели между горсткой европеизированных и формально исповедующих христианство придворных евреев (у Маркиша кроме сефардов выведен и ашкеназ Шафиров) и некоторыми типажам из гораздо более поздней истории российского еврейства.

Через головы ашкеназских общин, неожиданно для себя оказавшихся в 1772–1795 гг. подданными России и лишь столетием позже начавших выходить из культурной и лингвистической изоляции, фигуры Девиера и да Косты перекликаются со своими аналогами из предреволюционного, советского и постсоветского периодов. Девиер сильно напоминает поколения дельных администраторов, крестившихся или вооружившихся партбилетом. Да Коста (как реальный, так и апокрифический) вызывает в памяти столь хорошо знакомый образ развеселого эстрадника, не лишённого, впрочем, философской сентенциозности и дидактических претензий.

Совсем другая роль (также предвосхищающая последнее столетие русско-еврейской истории) выпадет Антонио Саншесу, однако об этом пойдет речь в последующих разделах нашего повествования. Пока мы можем вернуться к более традиционным способам «освоения» России и упомянуть о попытках крупных португальско-еврейских купцов начать торговлю с Россией уже в послепетровский период.

Один из столпов лондонской сефардской диаспоры – Энтони Мозес да Коста. В 1727 г. он пытается вступить в «Российскую компанию» (не совсем точное название британской компании, ведшей торговлю с Россией), получает отказ, не успокаивается и продолжает борьбу литературными средствами. В том же году он выпускает брошюру, где доказывает свое право на членство в компании. Отказаться от тяжбы с компанией пришлось только тогда, когда по просьбе правления парламент внес в ее устав поправку, запрещающую членство лиц иудейского вероисповедания⁴⁰.

Все это не помешало Энтони да Косте вести дела в Санкт-Петербурге, – впрочем, не особенно удачно, как можно заключить из сохранившейся в государственном архиве Англии (Паблик рекорд оффис) просьбы к британскому государственному секретарю посодействовать во взыскании долга с тугой на платежи петербургской фирмы. Как кончилось дело, мы не знаем.

Еще одним доказательством интереса сефардского мира к России служит достаточно экзотическая история, связанная с проектом основания российской колонии. Душой этого проекта был лондонский еврей Жуан да Коста (не путать ни с вышеупомянутым Э.М. да Костой, ни с шутом «Иваном-Христианином» да Костой, ни другими да Костами, о которых у нас еще пойдет речь!), видимо, тождественный с первым в Англии нотариусом-евреем, Джоном да Костой. Первоначально группа лондонских negociantov – «португальских» и других – предложила свой проект основания новой южноамериканской колонии христианскому правительству. Не встретив понимания у британских министров, да Коста и его сподвижники обратились в Петербурге через российско-го посланника при Сент-Джеймском дворе, знаменитого литератора, основоположника русской сатиры, князя Антиоха Кантемира. От лица компании «прожектор да Коста» предлагал выкроить для России территорию между южноамериканскими владениями двух колониальных империй – испанской и португальской. Компания брала на себя хозяйственное освоение новой колонии под защитой русских штыков.

Князь Кантемир в годы своего пребывания в Лондоне, подобно многим своим коллегам из различных миссий (в частности, гессен-дармштадтскому резиденту Дж. Дзамбони, из переписки которого можно получить ценные сведения о большинстве действующих лиц этой колоритной колониальной затее), находился в самых добрых отношениях с лондонскими сефардами: с тем же Джоном да Костой, с которым нередко обедает, со стариком Кортисосом, когда-то крупным финансистом, сыгравшим немаловажную роль во время войны за Испанское наследство: с ним молодой дипломат консультируется по вопросам международной политики.

Убедить Кантемира оказалось нетрудно. Князь Антиох Дмитриевич проинформировал свое петербургское начальство, которое также отнеслось к инициативе да Косты со товарищи благожелательно. Правительство империи попросило уточнений лишь в одном существенном вопросе. Оно желало знать, граничит ли Бразилия с Сибирью, справедливо полагая, что если новое русское владение будет соприкасаться с Сибирью, оборонять его будет легче. С другой стороны, вопрос не свидетельствовал о большой географической эрудиции петербургских властей⁴¹.

Так или иначе, переговоры с сефардскими «прожекторами» шли полным ходом. Для подготовки конкретных мер по осуществлению проекта в Россию были посланы два доверенных лица компании, один из которых (О'Брайен) перешел на русскую службу и впоследствии дослужился до контр-адмирала.

Впрочем, необходимой секретности организаторам предприятия добиться не удалось. Уже на том заседании «инициативной группы», где

было предложено обратиться к России, присутствовал агент британского премьера, сэра Роберта Уолпола, большого любителя и мастера выведывать чужие секреты. Этот источник проинформировал сэра Роберта о странных замыслах «некоторых подданных Его Величества», в том числе «некоторых евреев». (Текст доноса хранится в библиотеке Кембриджского университета).

С другой стороны, многие приятели Кантемира (в том числе, уже упоминавшийся Дзамбони) находились в не менее доверительных отношениях с испанским послом в Лондоне, Херальдином, которому и поставляли информацию о российских замыслах⁴².

Мадрид, которому в этой истории померещился еще и антииспанский союз между Россией и Португалией⁴³, выступил с решительным протестом. Под давлением Великобритании, взявшей на себя функции арбитра между одинаково дружественными ей Мадридом и Петербургом, российское правительство отказалось от своих планов.

Является ли этот эпизод частью истории еврейского народа? На первый взгляд, вряд ли. Однако все эти события приобретают несколько иную окраску, если учесть документы, хранящиеся в Архиве Индий (то есть испанских колоний) в Севилье. Из этого источника следует, что одним из основных принципов устройства новой колонии, которое «прожектеры» предлагали российскому правительству, была свобода вероисповедания⁴⁴.

Заманчиво было бы поставить в связь с российско-сефардскими проектами запись в дневнике Саншеса, где также обсуждается устройство заморской территории (по мысли Саншеса – острова)⁴⁵, населению которой должна быть гарантирована свобода религии. Он намечает меры для обеспечения жизнеспособности новой колонии.

Саншес хорошо знал ту среду, в которой возник проект Дж. да Косты. В частности, в переписке да Косты с иностранными дипломатами упоминается знакомый Саншеса, врач Ла Кур⁴⁶.

Само пребывание португальского врача в России в 30-х гг. XVIII в. могло бы, говоря абстрактно, пойти на пользу «прожектерам». Однако дата, которой помечены рассуждения Саншеса о предполагаемом оазисе веротерпимости – 1750 г., – не позволяет видеть в них доказательство его участия в планах да Косты и К°, хотя не исключено, что он о них знал. Возможно, запись в дневнике представляет собой реакцию на неудачный эксперимент с возвращением евреев в Неаполь. В 1740 г. под влиянием государственного деятеля – реформатора Саласа король Обеих Сицилии Карл разрешил евреям, главным образом средиземноморских стран, обосноваться в Неаполе и воссоздать там иудейскую общину⁴⁷. Подобные проекты обсуждались в Испании и Португалии еще в XVII в., но не принесли конкретных результатов. Гораздо более

удачным был тосканский опыт. Еще в 1593 г. Тоскана представила широкие права евреям города Ливорно, который в результате превратился в крупнейший торговый порт Средиземноморья. Однако повторить успешный ливорнский эксперимент в Неаполе не удалось. Сопротивление церкви и значительной части народа, а также ослабление позиций Саласа при дворе привели ко вторичному изгнанию евреев из Южной Италии в 1747 г.⁴⁸.

Саншес мог следить за событиями через своего брата Марсело, который обосновался в Неаполе в 1739 г., как раз накануне эдикта о возвращении евреев, и провел там всю оставшуюся жизнь⁴⁹. Нет никаких данных о том, что Саншес-младший примкнул к новообразованной общине: как и брат, он предпочитал числиться христианином.

Однако идея об оазисе терпимости и свободной торговли настолько запала в душу Антониу Саншеса, что уже после падения своего лиссабонского корреспондента и покровителя, маркиза де Помбала, который прислушивался ко многим либеральным проектам Саншеса, он предлагает новым, гораздо менее просвещенным властям создать в устье реки Тежу свободный порт по образцу Ливорно⁵⁰. Для писательской манеры Саншеса характерно, что в тексте его небольшого трактата ни разу не употребляется слово «еврей». Но и упоминание о принесшей столь прекрасные плоды снисходительности великих герцогов Тосканских, и прямое требование религиозной свободы для обитателей нового порта не оставляют сомнений в смысле проекта.

Впрочем, эта затея была для Португалии конца XVIII в. уже некоторым анахронизмом. После Помбала еврейский вопрос в стране уже стоял – по крайней мере, в той форме, в какой он существовал в Португалии, – на протяжении предыдущих без малого трехсот лет.

Однако вернемся к сефардско-русской проблематике. Если португальские евреи селились в России и до Саншеса, если интерес к торговле с Россией не был редкостью еще в XVII в., то в сфере науки и культуры контакты между Россией и сефардским миром до Саншеса практически отсутствовали.

Единственное исключение связано с именем известного португальско-еврейского врача и естествоиспытателя д-ра Жакоба де Кастро Сарменто, бежавшего от инквизиции в 1726 г., но сохранившего и после переселения в Лондон прочные контакты с ученым миром своей прежней родины. В 1730 г. он рекомендует вниманию Португальской академии истории труд профессора церковной истории и красноречия при Петербургской Академии наук, Иоганна Петера Коля, посвященный славянским древностям⁵¹.

Интерес к России и готовность поддерживать контакты с Петербургской академией Кастро Сарменто неоднократно проявлял и впоследствии.

Итак, сефарды о России знали. А знали ли в России о сефардах? Информация о существовании португальских еврейских общин на Западе проникала в Россию уже в XVII в.

Свобода и достаток, в которых жили сефарды в Амстердаме, произвели большое впечатление на известного дипломата Петровской эпохи князя Бориса Ивановича Куракина, сын которого, как мы увидим, сыграл немалую роль в жизни Рибейро Саншеса⁵².

Уже в конце XVIII в. аналогичные оценки экономической мощи португальских евреев высказал президент Коммерц-коллегии, сенатор граф Александр Романович Воронцов, дядю которого, канцлера Михаила Илларионовича, Саншес рассматривал как главного своего покровителя среди российских сановников. По окончании курса наук в Париже Александр Романович (возможно, не без помощи Саншеса) посетил Португалию, а также Испанию и Италию.

Через много лет Воронцову пришлось давать заключение о праве белорусских купцов-евреев жить в Москве. Своим отрицательным решением Воронцов фактически положил начало пресловутой черте оседлости. Давая в целом весьма негативную оценку моральным и профессиональным качествам еврейских торговцев, президент Коммерц-коллегии выделил из всей еврейской массы состоятельных и культурных португальских купцов и банкиров, ничем не отличающихся от своих христианских коллег⁵³.

Наконец, в России были, видимо, высокого мнения об искусстве португальско-еврейских медиков. Французский сефард Жан-Батист да Силва был приглашен в Россию на должность придворного медика. Неизвестно, какие соображения заставили да Силву отказаться от лестного предложения⁵⁴. Вряд ли он знал, какая участь постигла двух иностранных врачей-евреев, практиковавших при московском дворе: один из них, Леон Жидовин из Италии, был казнен в 1490 г., другой, Стефан фон Гаден, поднят на пики стрельцами в 1679 г.

Да Силва благополучно служил лейб-медиком при французском короле Людовике XV и вел, судя по всему, образ жизни добропорядочного христианина, в то время как его семья, проживавшая, как большинство французских португальцев, на Юге Франции, сохраняла верность иудаизму⁵⁵.

В 1731 г. приглашение поработать в России (пока еще не при дворе, а в Москве) получил герой нашего повествования Рибейро Саншес. И, как мы уже знаем, он это предложение принял.

(Продолжение следует).

Примечания

- ¹ Записки императрицы Екатерины II. М., 1990. С. 9.
- ² Suplemento a Gaseta de Lisboa. 1782. Gazeta medecine. 26 de Julho.
- ³ Bibliothèque de l'École de Médecine. Manuscrits de Dr. Sanches. 2915. P. 148.
- ⁴ *Сомов В.А.* Французская «Россика» эпохи Просвещения и русский читатель // Французская книга в России в XVIII в. Очерки истории. Л., 1986. С. 224.
- ⁵ *Sanches A.N.R.* Dificuldades que tem um reino velho para emendarse e outros textos. Selecção, apresentação e notas de Victor de Sá. Lisboa, 1980. P. 155.
- ⁶ *Lemos M.* Ribeiro Sanches, a sua vida e a sua obra. Porto, 1911.
- ⁷ *Sanches A.R.* Op. cit. P. 13–17.
- ⁸ *Willemse D.* Antonio Nunes Ribeiro Sanches – élève de Boerhaave – e son importance pour la Russie. Leiden, 1966.
- ⁹ *Герман Ф.С.* Из забытого прошлого. Доктор Антонио Рибейро Санхец // Рассвет. 1881. № 16. С. 630–634; *Шугуров М.Ф.* История евреев в России // Русский архив. 1894. № 1. С. 88–93; *Грузенберг С.* Доктор Сакхец – лейб-медик императрицы Елизаветы Петровны // Восход. 1898. № 7. С. 22–38.
- ¹⁰ См.: *Миранда Ж. А.Н.* Рибейро Саншес и русско-португальские связи в XVIII в. // Вестник Московского университета (Серия «История»). 1987. № 3. С. 23.
- ¹¹ *Кокорцов П.Н.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 58.
- ¹² *Balard P.* La Romanie Génoise. Rome, 1978. Vol. 1. P. 274.
- ¹³ *Sanches A.R.* Christãos-Novos e Christãos-Velhos em Portugal. Lisboa, 1956.
- ¹⁴ *Marques A.H.* de O. Portugal Quinhentista (Ensaio). Lisboa, 1987. P. 238–239.
- ¹⁵ *Singer Ch.* Science and Judaism // The Jews. Their History, Culture and Religion. London, 1961, P. 1401.
- ¹⁶ Ibid. P. 1402, 1405.
- ¹⁷ Ibid. P. 1406.
- ¹⁸ *Israel J.* European Jewry in the Age of Mercantilism. Oxford, 1989. P. 271.
- ¹⁹ *Sanches F.* Tractatus de multum nobili... Lugduni, 1581.
- ²⁰ *Israel J.* Op. cit. P. 218–219.
- ²¹ *Kellenbenz H.* Sephardim an der unteren Elbe. Wiesbaden, 1958. S. 152–154.
- ²² *Swetschinski D.* Waaidige Kooplieden, ijverige bankieis, loyale hovelingen: de Suasso's en net Huis van Oranje / De familie Lopes Suasso binanciers van Willem III. Amsterdam, 1988. Bl. 32.
- ²³ *Kellenbenz H.* Op. cit. S. 86–87.
- ²⁴ Русский биографический словарь. СПб., 1905. Т. VI. Стлб. 371.
- ²⁵ Там же. Стлб. 373.
- ²⁶ Там же. Стлб. 372.
- ²⁷ *Шубинский С.Н.* Первый петербургский генерал-полицмейстер // Исторический вестник. 1892. Т. 48. № 5.
- ²⁸ *Carvalho R. de.* Relações entre Portugal e a Russia no século XVIII. Lisboa, 1974. P. 4–5.
- ²⁹ [*Хмыров М.Д., Ефремов П.А.*]. Полное и обстоятельное собрание подлинных исторических, любопытных, забавных и нравоучительных анекдотов четырех увеселительных шутов Балакирева, Д'Акости, Педрилло и Кульковского. СПб., 1869.
- ³⁰ Sumário da vida do possessor que foi deste livro chamado Ivan Chrinian Semah de Costa Cortiços morto em de maço em Petersburg (Las Memorias de Felipe de Comities).
- ³¹ [*Хмыров М.Д., Ефремов П.А.*]. Указ. соч. С. 103, 105.

- ³² Там же. С. 106.
- ³³ Sumário da vida...
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ [Хмыров М.Д., Ефремов П.А.]. Указ. соч. С. 109.
- ³⁷ Sumário da vida...
- ³⁸ *Carvalho R. de*. Op. cit. P. 12. (Имеется в виду аббат Томаш да Силва де Авелар, представлявший Португалию на коронации супруги Петра I Екатерины. – См.: Россия – Португалия: XVIII – начало XX века. Т. I. 1722–1815. Сборник документов. М., 2007. С. 8. – *Ред.*)
- ³⁹ *Маркиш Д.* Шуты, или Хроника из жизни прохожих людей. (Б.м.), [Б.г.]. – Исторический роман Д. Маркиша «Шуты, или Хроника из жизни прохожих людей (1689–1738)» вышел в Тель-Авиве в 1983 г.; в российском издании он получил название «Еврей Петра Великого, или Хроника из жизни прохожих людей (1689–1738)» (М., 2001). – *Ред.*
- ⁴⁰ См.: *Perry N.* Voltaire's first months in England: Another look at the facts // *Studies on Voltaire and Eighteenth Century*. Genève, 1991. № 284. P. 133.
- ⁴¹ См.: *Ефимов А.В.* Указ. соч. Следует, впрочем, отметить, что в петербургских рескриптах речь шла о морских границах, а точное местонахождение проектируемой колонии «прожектеры» не разглашали.
- ⁴² The Bodleian Library... Zamboni papers. Vol. 132. P. 615.
- ⁴³ Archivo general de Simancas. Estado. Legajo 6899.
- ⁴⁴ См.: *Anuario de Estudios Americanos*. Seville, 1970. Vol. 23. P. 49–62.
- ⁴⁵ Bibliothèque de l'Ecole de Médecine. Manuscrits de Dr. Sanches. № 2018, 31.
- ⁴⁶ The Bodleian Library... Zamboni papers. Vol. 132. P. 432.
- ⁴⁷ *Giura V.* Gli ebrei e la ripresa economica del Regno di Napoli 1740–1747 // *Revue Internationale d'Histoire de la Banque*. Genève, 1977. № 15. P. 3–16. (Имеется в виду будущий король Испании, знаменитый представитель просвещенного абсолютизма Карл III. – *Ред.*)
- ⁴⁸ Ibid. P. 95–96.
- ⁴⁹ *Lemos M.* Op. cit. P. 128.
- ⁵⁰ *Sanches A.R.* Dificuldade... P. 99–106.
- ⁵¹ Biblioteca Nacional de Lisboa. Códigos. № 712. Jacob Castro Saimento á Academia Real Portuguesa da Historia. 1/12 de Setembro de 1730. P. 159–160.
- ⁵² Архив князя Ф.А. Куракина. СПб., 1891. Кн. 1. С. 132.
- ⁵³ «Московское изгнание» евреев 1790 года / Публ. Д. Фельдмана // *Вестник Еврейского университета в Москве*. 1996. № 1 (11). С. 191.
- ⁵⁴ См.: *Friedenvald H.* The Jews and Medicine. Baltimore, 1944. Vol. 1. P. 232. (Ср.: *Берхин И.* Два еврея-врача при Московском дворе // *Восход*. 1888, III, С. 111–117. – *Ред.*)
- ⁵⁵ *Nahon J.* From New Christians to the Portuguese Jewish Nation in Franco // *Moreshet Sepharad: The Sephardi Legacy*. Jerusalem, 1992. Vol. 2. P. 360.

А.Н. Рибейру Саншес и абсолютистское государство (по данным советских архивов)*

I

Деятельность известного публициста, педагога, экономиста и медика, видного представителя португальского Просвещения А.Н. Рибейру Саншеса (1699–1783 гг.) в России имеет большое значение не только для истории португальско-русских культурных связей, но и для истории португальской и русской общественной мысли. К творчеству и биографии Саншеса неоднократно обращались как в Португалии (от писавшего на рубеже XIX и XX веков М. Лемута – до ныне здравствующих Р. ди Карвалью, В. ди Са, Э. Каравалью душ Сантуш и Ж. Миранды), так и за ее пределами (например, голландский историк Д. Виллемсе). Однако огромный документальный материал о Саншесе, хранящийся в советских архивах (обширная корреспонденция, [пометки] на полях книги и – самое главное: тексты трактатов по разным вопросам общественной жизни и культуры Европы вообще и России, в частности) остался практически не изученным. Цель настоящего сообщения – создать общее представление о теоретических воззрениях Саншеса на просвещенный абсолютизм, как и показать, насколько его собственная практика соответствовала этим воззрениям.

II

Деятельность Саншеса как в России, где он в 1731–1747 гг. находился на государственной службе в качестве врача, дослужившись до чина действительного статского советника, так и во Франции, где он выполнял обязанности (в то время – довольно обременительные) зарубежного члена-корреспондента Санкт-Петербургской Академии наук, была выдержана в духе лояльности к российскому государству и его

* Печатается по недатированной рукописи. Разночтения в транскрипции имен в соответствии с испанской или португальской нормой (Антонио Рибейро – Антониу Рибейру), присутствующие в текстах автора, сохраняются. – *Ред.*

монархам. Даже весьма болезненный для Саншеса эпизод 1748 г., когда он был временно лишен звания члена-корреспондента Академии по обвинению в исповедовании иудаизма, не поколебал этой лояльности своей миссии. Он – в полном соответствии с философией просвещенного абсолютизма – считал необходимым распространение наук и искусств в «процветающей империи», какой он видел или желал видеть Россию.

Деятельность Саншеса по установлению и поддержанию взаимовыгодных контактов между учеными России и зарубежных стран (Франции, Португалии, Испании, Италии, Англии и даже Китая, где наукой активно занимались португальские миссионеры) столь неутомима и разнообразна, что в рамках сообщения невозможно дать о ней даже самое общее представление. Весьма характерно для Саншеса, что он отнюдь не полагал, что Россия должна лишь пассивно воспринимать западный опыт. Напротив, он утверждал, что западные страны (в том числе и его родина, Португалия) могут извлечь для себя много полезного из знакомства с русским бытом и культурой. Это относится и к русской народной медицине и гигиене, горячим пропагандистом которых был Саншес, и к государственному устройству и системе образования. Своим португальским и испанским корреспондентам, среди которых были и люди, более чем влиятельные, такие как всеильный маркиз де Помбал, многолетний первый министр Португалии, Саншес неизменно указывал в качестве примера на реформы Петра I, имевшие целью создание в стране секуляризованную системы образования, ограничение влияния духовенства на русское общество.

Саншес вообще был горячим поклонником Петра I как личности. Он даже говорил, что для того, чтобы писать о Петре, нужно быть Камозном. Однако отношение Саншеса к политике и методам российского абсолютизма, воплощенным в фигуре Петра I, было далеко не однозначным. Чтобы разобраться в этом, следует учесть особенности взглядов Саншеса на роль и функции государства.

III

Воззрения Саншеса на государство носили весьма определенный материалистический характер. Большинство хранящихся в архивах СССР трактатов написано Саншесом уже после его отъезда из России, по просьбе советника императрицы Екатерины II по вопросам образования, И.И. Бецкого, и посвящено проблемам культуры и педагогики. В них в четкой, иногда даже нарочито заостренной форме Саншес развивает взгляды о невозможности расцвета культуры без создания в стране предпосылок для социально-экономического прогресса. В конкрет-

ных условиях России такой прогресс может быть, по мнению португальского мыслителя, обеспечен лишь через реформу крепостного права, перевод крестьян с барщины на оброк и предоставление им (при условии выплаты оброка) полнейшей хозяйственной самостоятельности. Такая система позволит крестьянам избавиться от тирании помещиков и управляющих, будет способствовать развитию торговли и росту народонаселения в стране.

Первые шаги в этом направлении, по мнению Саншеса, были сделаны еще при Петре, который через всеобщую воинскую повинность и налоговую систему подготовил условия для превращения крепостных крестьян в граждан.

Однако, утверждает Саншес, методы Петра I – при всей его гениальности (и даже именно благодаря ей) – не подходят для просвещенной монархии. Чтобы управлять государством с помощью указов, нужно иметь талант и трудоспособность Петра, его железное здоровье, позволявшее ему заниматься государственными делами с 4 часов утра.

Иной метод не столь легок для поверхностной имитации, но именно он может обеспечить правителю долгосрочный успех: это управление с помощью незыблемых основных законов. Для государства, в котором превыше всего стоят законы, потребуется и другой способ подбора административных кадров. В них не может быть терпима тактика отдачи будущих высших и средних чиновников в гвардейские полки в 13-летнем возрасте.

Эти политические реформы, наряду с экономическими преобразованиями, должны создать условия для расцвета культуры и образования, которые, в свою очередь, гарантировали компетентность политического руководства. В целом нельзя сказать, что концепция Саншеса представляет собой нечто беспрецедентное для XVIII в. Сам Саншес в своих трактатах постоянно опирается на Юма и Робертсона. Однако попытка португальского автора применить популярные концепции к русскому обществу и государству менее интересны, чем аналогичные построения Д. Дидро. Привлекает у Саншеса весьма сбалансированный подход к личности Петра I, намного более глубокий, чем односторонние трактовки других западных мыслителей – от безудержного восхваления (Вольтер) до тотального отрицания (Руссо, Монтескье).

IV

Соображения Саншеса, как правило, доходили до высших правительственных кругов екатерининской России как через И.И. Бецкого, так и через посланника в Париже, князя Д.А. Голицына, докладывавшего в Петербург об огромном впечатлении, которое на него произвели

встречи и разговоры с Саншесом, и в особенности – взгляды последнего по крестьянскому вопросу. Действительно, как со ссылкой на Саншеса, так и от собственного лица Голицын изложил в своих пространных письмах в Петербург всю Саншесовскую программу реформ. Императрица ознакомилась с предложениями Саншеса – и отвергла их. Возможно, что знакомство, – прямое или косвенное, – с рекомендациями португальского автора оказало некоторое влияние на фразеологию «Наказа Уложенной комиссии», но не более того.

В этом смысле судьба рекомендаций Саншеса по конкретным педагогическим вопросам была более счастливой. Взгляды же португальского мыслителя по основным проблемам государственной и общественной жизни не нашли понимания при российском дворе. Тем не менее, работы Саншеса имели для своего времени большое значение. Да и сейчас, когда в нашей стране ведется широкая дискуссия по вопросам сельского хозяйства, права и педагогики, когда жаркие споры вызывают исторические проблемы и, в частности, роль Петра I, они представляют несомненный интерес.

Catholicism and Orthodoxy as seen by an XVIII century Portuguese Jew*

Discussing attitudes to Judaism which existed among Catholic and Greek Orthodox Europeans it would be important to see what feelings existed on the other side, i. e. among European Jews as regards the main Christian denominations and their respective policies towards the Jews and towards religious minorities in general.

This paper is devoted to an unusual witness. Contacts between the XVIII century Jews and Russian Orthodoxy were few and far between. The country was off limits to Jewish traders and immigrants which makes the experience of a very sophisticated Jewish intellectual who spent 17 years in Russia especially valuable.

Antonio Ribeiro Sanches was born in 1699 in Portugal in a “New Christian” family. After medical studies in Coimbra and Salamanca, he fled the Portuguese Inquisition and became “practicing Jew” in London in 1726. But he didn’t stick by orthodox Judaism. When in 1731 Sanches took up a position in Moscow as the “city doctor” he no longer observed the Jewish Law. He later moved to Saint-Petersburg where in 1731 he became a court physician and later a corresponding member of the Russian Academy of Science. During his stay in Russia Sanches became an important figure in the Russian intellectual world, actively contributing to cultural exchange between Russia and other countries. He went on serving as intermediary between Russia and the outside world even after he lost his court position and was expelled from the Russian Academy of Science as a crypto-Jew which he probably wasn’t (at least, not in the religious sense). At the same time one shouldn’t take seriously his protestations of Roman Catholic faith. Sanches’ letters and diaries show that he was essentially a Deist. In 1747 Sanches left Russia and settled in Paris. In 1762–1763 he was fully rehabilitated and become an unofficial adviser to various Russian dignitaries. His ideas on Russian society and history are quite original and deserve more attention than they have been given. He also acted as an adviser to the reforming government of Portugal. He died in 1783.

* This paper is based on Sanches’ published (mainly *Sanches R. Dificuldades que tem um Reino Velho para emendar-se.* – Livros Horizonte. Lisboa, 1980) and unpublished works (the latter from the archives of Paris, Lisbon, Madrid and Moscow).

Here we are interested in one particular aspect of Sanches' work – in his views on Christian Church and the religious policies that the state should pursue.

One may ask how far Sanches represents “the Jews”. After all, he was a religious Jew during a very brief period of his life. Some of his thinking was extremely hostile to Judaism as religion. In his first essay devoted to a social problem (which was written in Russia in Portuguese in 1730s) he advocated forced assimilation of the Portuguese “New Christians”. Sanches' work shows, however, that he wasn't totally strange to Jewish interests and Jewish commitments. His approach to Jewish subjects is usually extremely cautious. In his later works he prefers not to mention Jews by name.

His constant concern about the Inquisition terroristic policies, his discussion of possible “free zones” in and outside of Europe where all religions (including Judaism, though he never pronounced the word!) would have been tolerated show that his diatribes against the faith of his ancestors weren't totally sincere. Even less sincere seem to have been his repeated oaths of allegiance with Roman Catholic Church. Sometimes he even inserts declarations to this effect into his own diary. But the whole thrust of his mature thought is strongly anti-clerical. In his private correspondence (especially in his last years) Sanches takes absolutely uncharacteristic liberties. He didn't keep the rough copies of his most offensive letters, but we are able to read them because they were perused by Portuguese authorities. In his 1782–1783 correspondence he strongly approves of the recent Austrian reforms initiated by Josef II. He even hopes that within 50 years all Europe will be totally free from clerical influences. Sanches' attitude wasn't simply dictated by his rather sad personal and family experience of the Holy Office. He regarded Roman Catholic preponderance as a mortal threat to his country (Portugal)'s political independence and economic well-being.

For Sanches Portugal was a vassal state of The Holy See “occupied” by an army of foreign clerics. In his 1783 letters he was optimistic about social, cultural and economic progress in the whole of Europe, with the only exemption of Portugal. Sanches didn't confine himself to criticizing the “Gothic” traditions which were still very strong in Portugal. He also publicized his position ideal – an enlightened, secularist monarchy. Beside Joseph's Austria Sanches gives many other examples of an enlightened state: Prussia, Sardinia, Sweden, Denmark, but the country where he most often seeks political inspiration is Russia. After all, Sanches knew Russia much better and spent more time in it than in any other European county, outside of Portugal and France, though he did meet Friedrich the Great on his way back from Russia. The symbol of “the Russia achievement” was Peter the Great – “Pedro Primeiro e Unico” as Sanches calls him. He admired Peter strongly, but not uncritically. It was already mentioned that Sanches served as an unofficial adviser to Prime minister Pom-

bal who tried to reform Portugal using rather heavy-handed methods. He was engaged in a bitter quarrel with the church (he was the first in Europe to abolish the Jesuit order). In a 1769 paper Sanches sets up Peter I as a model ruler who managed to limit the influence of the Church.

In 1769 Sanches devoted a special little treatise in Portuguese to the “Means that Peter the first, Emperor of Russia, took to regulate the clergy of his Empire and settle their livings”. He described in most enthusiastic terms Peter’s church reforms which strengthened the role of the State and put the church under state control.

Sanches sees in Petrine and Post-Petrine Russia “the widest tolerance known in Christian Religion”. He is also an admirer of Russia’s policies towards the inhabitants of the territories which had been annexed to it in Europe and Asia. Here again Russia is a stick to beat Spain and Portugal with.

“The Russians acquired Siberia from Samoyeds and Tartars”... in the times of Godunov who later became Russian Emperor. They didn’t want from them more than their obedience and a tribute in fur which was moderate and easy. They left then their religion, their customs, their modes of government. As regards Russian government the natives were and are equal with Russians. How differently acted Portugal and Castile in America and other lands they conquered!

One of the most positive aspects of Russian policy toward the subject peoples was what Sanches saw as Russia’s reluctance to proselytize and conduct missionary activities.

Things were not so good in the past. Sanches discussed official attitudes towards non-Russian and non-Orthodox (especially, Muslim) population under Ivan Wassiliewich and his successors and comes to the conclusion that they were “oriental”, uncivilized and resulted in mass emigration to Central Asia and the Caucasus. Only Peter the Great used more enlightened principles aimed at social and political integration of the subject peoples.

But was Peter’s “new course”, in Sanches’ opinion, a totally new departure which has nothing in common with the orthodox tradition? Hardly so. Sanches says very clearly in his anti-missionary tract “Missionaries in foreign countries”: “As the Greek Church never claimed spiritual and temporal power over the whole world, it never sent out missionaries to foreign countries”.

Speaking of Peter’s salutary reforms, Sanches maintains that his “heroic decisions” were easier to take in an Orthodox country. But he claims that even in Catholic countries the enlightened governments of Venice, the Two Sicilies and Austria which somewhat limited the power of the Rome, seemingly entered the sanctuary of the Greek Church where they conceived those determined measures, which had such an excellent effect on the State and the Church itself.

Even discussing specifically Portuguese questions, as the “New Christian problem”, so essential for him personally, he invariably uses Russia as

a model. His papers contain a text by Russian cleric Father Theophil Krolik in Portuguese translation – probably the first ever translation from Russian (on less likely Church Slavonic) into Portuguese. The text contains a discussion of the Old Believer problem and is directed to a Russian monarch, probably Peter I: Krolik was known as an ardent supporter of Peter's church reforms, which made him an odious figure (*"zlochestnyi Krolik"*) in the eyes of conservative clergy. Both Krolik's text and Sanches' marginalia advocate a policy of religions controls combined with active social integration of the dissenters. When Krolik discusses the Old Believers and their social isolation which the state should strive to do away with, Sanches adds: "like our New Christians".

It is not our task to pass judgments on the accuracy or otherwise of Sanches' perception of the Old Believer problem in Petrine Russia. Even his own comments are quite contradictory. What interests us here – is Sanches' constant tendency to see Russia as a paragon of good religious policies.

Not that Sanches saw Russia as a place totally immune from Roman influences, especially in the field of education. Sanches was regarded in Russia as an expert in education. His recommendations to the governments of Portugal and Russia have much in common. In Portugal he wanted the national university (in Coimbra) to stop teaching Canon Law. In Russia he warned against excessive emphasis on Latin in Russian seminaries. According to Sanches, too much Latin can exert a negative influence on young inexperienced minds, making them receptive to Roman Catholic views, which can endanger Russia's independence. Sanches recommended giving priority to Church Slavonic. All these facts seem to make the picture clear enough. Whatever the complicated triangular relations between Catholicism, Orthodoxy and Judaism, one "ethnic" Jew was obviously a great defender of Orthodoxy against Catholicism (which incidentally he never officially abandoned after returning "to the fold" around 1730).

This picture, though, is hard to reconcile with Sanches' personal experience. His expulsion from Russia was an act of religious bigotry committed by an Orthodox monarch (Empress Elizabeth). Though he was bitterly disappointed and very occasionally gave vent to his fillings in private correspondence, he never as much as mentioned the fact that, the most tolerant Christian religion – Russian Orthodoxy didn't tolerate Jews on Russian soil.

We shall, probably, never know what were Sanches' real thoughts. But, if we are right in supposing that he wasn't totally devoured of Jewish loyalties and commitments, it's remarkable that he could see Orthodoxy as a "lesser evil" despite his personal sad experience.

Jews in the Former Soviet Union: Between Dissolution and Renaissance

Soviet Jewry, as we know it, was formed by almost 150 years of Tsarism and 75 years of Communism. Tsarism and Stalinism had many things in common, among them a contradictory and irresolute attitude to the Jewish population of Russia. The basic problem was that they both wanted to keep the Jews down and assimilate them. Stalin was much more hypocritical than the Romanovs. He never explicitly declared the Jews to be second-class citizens of Russia, though in practice Jewish rights were severely restricted after World War II. His onslaught on Jewish culture in the late forties and early fifties was much more radical than anything the Romanovs had undertaken. Even the perfectly loyal Yiddish culture was brutally destroyed. One cannot say that Stalin wanted to get rid of all Jews as Jewish presence in such a distinctive sphere as nuclear physics was considerable even in those black years of Soviet Jewry. However, he was certainly implacable to whatever smacked of Jewish identity. At the same time, the notorious “fifth point” (every Soviet citizen’s ethnic nationality had to be indicated in his or her internal passport), played a significant role in job allocation, and was a constant reminder to Jews of who and what they were.

These contradictory and dangerous policies (at one point Stalin’s resentment of the Jews seemed to become downright violent, even murderous) were carried out against the backdrop of popular anti-Semitism which had always been very much in evidence in Russia. Stalin’s successors made some insignificant concessions in the field of (Yiddish) culture, but they did not change the essentials. Khrushchev and his close collaborators (e.g. Ekaterina Furtseva) used to give Western critics or sympathizers the following explanations of ethnically-slanted employment politics. The main thesis portrays massive Jewish presence in Soviet science and culture as a temporary phenomenon brought about by the emigration of many ethnic Russians (quite a few of them highly skilled people) during the Revolution. The gap was provisionally filled by Jews, but by the 1950s and 1960s the Russian educational system had already turned out many competent specialists who were defined as “our people”, deriving from worker-peasant families of Great Russian

stock. The obvious conclusion was that Jews would be dispensed with. It is not surprising, therefore, that Russian leaders failed to dissuade Western critics of Soviet anti-Semitism.

Nevertheless, Russian logic is very traditional. No matter what proponents of Russian universalism since Dostoevsky have been saying, the Russian state has never been ethnically and confessionally neutral. From time immemorial to the present (with a possible brief interlude under the early Bolsheviks) it always had an ethnicity and a language (Russian) and, more occasionally, a religion (Russian Orthodox). The country belonged basically to its majority (or, to be exact, plurality) population, that is, to ethnic Russians. The others had to content themselves with, at best, the position of junior partners and autonomy, which was largely ceremonial.

Although notional, the sovereignty of constituent Soviet Republics provided some form of protection for the titular nationality of the respective republics. This was less true for the autonomous republics and regions. In the case of nationalities who did not possess territorial autonomy within the USSR the protection was nil. The Jewish Autonomous Region in Birobidjan never amounted to much, so the Jews belonged to that *apatride* group within the Soviet Union. Along with some other nationalities, such as Poles and Germans, Jews had a state of their own outside the boundaries of the Union. Even when the foreign country was officially friendly, like Poland, there remained a considerable degree of official mistrust. Since neither Federal Germany nor Israel were popular in Moscow, the consequences were obvious for Jews and Germans.

Under Khrushchev's successors the situation was further aggravated by the struggle for Jewish emigration, which the government had to allow, albeit on a limited scale. The eagerness of some Jews to leave the USSR did not endear the Jewish population, regarded as disloyal and unreliable, to the authorities.

Under Gorbachev the situation began to change, although progress towards a more balanced policy vis-à-vis the country's Jewish minority was rather slow. Employment problems became less acute and the state showed a more tolerant attitude to Jewish religion and culture (the first steps in this direction had already been made before Gorbachev). The general climate of *glasnost* and *perestroika* enabled unofficial Jewish organizations to become active for the first time since early Soviet years, but for many, probably even most Jews, the negative consequences of *perestroika* outweighed its achievements.

Freedom for Jews also meant freedom for anti-Semites, who became and stayed extremely vocal in Russian public life. Since Gorbachev's days, Russia possesses the most vociferous anti-Semitic press in Europe. Many things one finds in newspapers like *Den* (since 1993 *Zavtra*) would land the authors and the editors in jail in any European country outside the former So-

viet Union (FSU) and Romania. The proponents of extreme anti-Semitic views also organized and developed party structures, saying they had the potential to become mass movements. That is what the leaders of *Pamyat*, the most notorious of these organizations, asserted¹, and many people, certainly many Jews, believed it. The fact that *Pamyat* and its sympathizers were signally unsuccessful at the polls did not stop people from believing in its potential.

In general, time-honored Soviet attitudes, such as the habit of attributing to every printed word the status of an official statement, helped magnify the anti-Semitic danger. In addition, the obvious reluctance of the government to roundly condemn anti-Semitism made the situation more difficult and complicated. In Dr. Chernyaev's opinion, Gorbachev did not want to antagonize the Russian masses by taking too resolute a stand against anti-Semitism².

For half a century it was very difficult to know the strength of popular anti-Semitism. It was unmistakably very strong in the early years of the Soviet regime, but had it stayed so? There were no opinion polls in the USSR before Gorbachev.

Before discussing the actual strength of popular anti-Semitism, it should be noted that *perceived* anti-Semitism affected the mood and behavior of Jews. Pessimism was strengthened by rapid economic decline and the general collapse of traditional political stability. Violence was increasingly used in many ethnic conflicts throughout the Soviet Empire. Pogroms on Armenians in Baku and pogroms on Azeris in Yerevan boded ill for the future. The very existence of the USSR was suddenly called into question, which for many acculturated Jewish families, living in the Baltic countries, Ukraine or Central Asia, seemed a matter of life and death. So began the great Soviet Jewish exodus of 1989–1991, by which time, Soviet emigration rules had been considerably liberalized. As a result, approximately 200,000 Jews left in the record-breaking year of 1990.

Those hundreds of thousands certainly felt threatened. Were they justified in feeling so? This writer, who was moderately active in the Jewish cultural movement in the late 1980s and the early 1990s, repeatedly heard accusations of blindness to the very real danger of pogroms which admittedly existed at that time. On the whole, however, the predicted pogrom wave during *perestroika* failed to materialize, and Jewish emigration bottomed out in 1990–1991.

The fear of pogroms was probably only one of the factors which led people to leave the USSR. Latest data show that Jewish emigration from Moscow and Saint-Petersburg has almost ground to a halt, although the anti-Semitic press is as vociferous as ever in these two major centers.

Before examining popular attitudes to Jews, a few words must be said about the official position even though *perestroika* makes it a rather arduous task compared with the previous period when there was one official policy dictated by the Party Politbureau. However, since about 1989 the situation

changed dramatically. In many constituent republics the local Party leadership adopted totally unorthodox positions, while in some others, democratic elections brought non-communist and even anti-communist movements. How could they all speak with one voice. From the Union leadership downwards we find a characteristic common to the first and last President of the Soviet Union Mikhail Gorbachev and his arch-rival Boris Yeltsin, who became Russian Parliamentary Speaker in 1990 and President of Russia in 1991. They were both extremely reluctant to condemn anti-Semitism and anti-Semitic organizations. Yeltsin even went on record saying that there were “healthy elements” within *Pamyat*. Neither of them was eager to acknowledge the Jewish organizations which started operating in the USSR from 1989–1991. As regards the international Jewish bodies, Gorbachev’s attitude became much friendlier, especially during the strange interlude between the August *putsch* and the dissolution of the USSR, but by that time his influence on the situation in the country was already fairly marginal.

The present Russian official stance is, in spite of some quite important symbolic gestures, not essentially different from the previous attitude which can, *mutatis mutandis*, be characterized as “benign neglect”, although individual Jews are now welcome everywhere. It is enough to look at the composition of the new Russian cabinet which took office in March 1997 to come to the conclusion that official anti-Semitism does not play an important role in post-communist Russia. The same observation also applies to the previous (1996–1997) government of Russia. Jews are also very much in evidence among presidential aides and advisers and some of them, like Alexander Lifshitz or Georgi Satarov, are quite willing to discuss their ethnic origins on television. At the same time, Mr. Yeltsin has never received a Russian Jewish leader.

The situation in the non-Russian republics, which became independent in 1991, was entirely different. This was especially true of the new anti-communist groupings and later, governments of Lithuania and, to a lesser extent, the other two Baltic countries, which went out of their way to be “nice to the Jews”. Local nationalist movements fielded Jewish parliamentary candidates, established active contacts with international Jewish bodies, and promised their Jewish minority an almost utopian existence after Baltic countries regained their independence. This stance did not reflect popular attitudes towards Jews, and enthusiasm for independence was not universal, at least among the Russian-speaking Jews of Lithuania, Latvia and Estonia, some of whom joined the anti-separatist Interfronts. Nor were Jewish-Baltic relations entirely problem-free after the three countries did become independent again, the problems being due to the dreadful World War II experience. On the whole, however, traditional Baltic support for Jewish cultural institutions continued after 1991, though many Jews chose to leave the area for various reasons.

The two real surprises were Ukraine and the Muslim republics of the former USSR. Both the local *nomenclatura*, i.e., (post) communist elite which suddenly discovered the national idea, and the mainstream separatist movement, *Rukh*, which was also advised by the Ukrainian diaspora, did their best to repudiate anti-Semitism and disprove the fears that the prospect of Ukrainian independence provoked among many Jews within and outside the USSR. From pre-independent times the Ukrainian government was much more prone to cultivate relations with the Jewish community than its Russian counterpart.

The separation of the Muslim republics was also perceived by many Jews and Israelis as a threat. One of them was writer Mikhail Agursky, who thought that former Soviet Muslims would eventually join the Arabs in their struggle against Israel³. In fact all post-Soviet Muslim states established full diplomatic relations with Israel. In some cases these relations are cordial, even enthusiastic (Azerbaijan, Kyrgyzstan, maybe also Kazakhstan), while in others, relations are more distant but perfectly correct. At least in Central Asia (apart from Tadzhikistan) and in most Muslim republics of Russia, fundamentalism has not gained support, although that could change and, in any case, there is a hard core of anti-Jewish and anti-Israeli feeling among many post-Soviet Muslims.

Thus far the official positions, but what did the proverbial “man in the street” think about the Jewish question during the last years of communism? It was only then that he was asked about it, as about many other things. The 1990–1992 data show that “aggressive Judeophobes” constituted, on the average, 6–7 percent of post-Soviet citizens. In Uzbekistan their numbers may reach about 20 percent, among Muslim minorities in Russia proper – 13 percent, among Ukrainians and Byelorussians – 9 percent, among Kazakhs – 8 percent. Among ethnic Russians they coincide with the post-Soviet average – 6 percent. Again, on average, positive attitudes toward Jews were expressed by about 60 percent of those interviewed. “Pro-Jewish” attitudes are more characteristic of young people and educated urban dwellers, who share modernist and liberal-democratic values. Elderly people, who oppose Westernization, show a higher incidence of anti-Semitic attitudes⁴.

This data led sociologists to conclude that after the conservative generation is replaced by people formed in liberal years, anti-Semitism would be confined to a marginal anti-Western sector. Parallely, the problem was perceived as increasingly less relevant because of large-scale Jewish emigration. Subsequent developments do not bear out this position, at least as far as Russia is concerned in 1993–1995. Anti-Western forces reorganized and managed to acquire considerable political clout. Liberal-democratic values are considerably less popular now than in 1989–1992, even among young people. On the other hand, mass emigration ceased. People leave for Israel much

more from “Judeophile” Ukraine than from “anti-Semitic” Russia. Moreover, quite a few are coming back, even to such economically fragile territories as Birobidjan. In Moscow former Israelis are fairly conspicuous.

The potential for friction is still considerable and while state anti-Semitism is, for the time-being, totally non-existent, social anti-Semitism is hardly a thing of the past. However, the more traditional forms of anti-Semitism *are* confined to a relatively marginal, though quite vociferous, minority. A variety of factors – urbanization, higher educational level, and growing integration of Russia in the “global village”, as well as changes in the economic and social profile of the Jewish minority itself, make unlikely the return of 1948–1953.

The relative reluctance of much of the remaining Jewish population in the FSU to leave raises many questions in the Jewish world. Why do they insist on staying on in “this rubbish place”, as a Jewish Agency representative in Saint-Petersburg, quoted by Hershel Shanks, elegantly put it?⁵ Some even express a rather farfetched fear that soon very few people will be eligible for *aliya* because, as a result of assimilation, most prospective olim will be unable to meet the minimal Israeli Law of Return criterion of one Jewish grandparent⁶.

Whatever the outlook for eventual *aliyot*, the future for Jewish communities within the FSU does seem rather uncertain. *Aliya*, emigration to the U.S. and Germany, and mixed marriages all take their toll. Some of the most Jewishly committed leave for Israel while some of the best-educated settle in Germany. The vast majority (especially, but not exclusively, in large cities) stay where they are, facing the danger of disappearing in the ethnic melting pot, as well as many other real or imaginary dangers.

If so many people are happy in Moscow or even in less affluent places like Tbilisi or Tashkent, perhaps they are already too assimilated to be regarded as Jews, which seems to be, if not *the* Zionist position, a view held by some Zionists. It is racism to impose a Jewish identity upon people who are Jewish only because of their ancestors. All those hundreds of thousands are better left alone.

As usual, much depends on the criteria applied. If by Jews we mean Judaists, most of the current Ashkenazi population in the former Soviet Union is Jewish only insofar as it is descended from “full-blooded” observant Jews. Opinion polls show that even among “religious-minded” Jews (16 percent of the total) those in sympathy with Christianity are considerably more numerous (31 percent) than those who prefer Judaism (24 percent). The rest of the religious-minded do not identify with any religion in particular – they just believe in God. Twenty-four percent of 16 percent is obviously not a lot?⁷ That is why Jewish life in the FSU can hardly be based on religion, “according to the consensus”⁸, among all but the few

Orthodox leaders. There are exceptions, however, as in Kiev, where religious life is unusually intense due to the charismatic Karlin-Stolin Chasidic Rabbi Jacob Bleich.

Then again not all post-Soviet Jews are Ashkenazim. In some of the Asian republics of the FSU, Judaism was less actively persecuted than in Russia and Ukraine. Even within Russia the North Caucasian Mountain Jews, whose language, Judeo-Tat (close to Persian), have always been much more observant than Ashkenazim.

During and after *perestroika*, the Sephardi communities have been emigrating on a much larger scale than the rest of Soviet and post-Soviet Jewry, mainly as a result of ethnic and political tension in former Soviet Asia. Although this ethnic tension has nothing to do with anti-Semitism, bloody conflicts between Armenians and Azeris, Georgians and Abkhazians, Russians and Chechens, Tadzhiks and Tadzhiks became a powerful incentive for Jews to leave. Some of the expatriates went to Israel, some to the U.S., while a considerable number of the more affluent and educated Sephardi Jews moved to Moscow, bringing with them a higher degree of synagogue attendance and a stronger sense of community. Unlike 10–15 years ago, when Yiddish was widely spoken at the Moscow synagogue, now one hears much more Judeo-Tat, Judeo-Tadzhik and Georgian. Many students of Touro College, Moscow's main institution of Jewish religious learning, are Sephardi.

Even though secularism is strong among Sephardi Jews, among Ashkenazim it is predominant. If post-Soviet Jewry is not very committed to Judaism, perhaps it is more attached to Yiddish culture, as some of the cities of the former Soviet Union were, at one time, great centers of secular Yiddish culture. (Buenos-Aires, for example, was a citadel of Yiddishkeit, even though it did not have a single kosher restaurant)⁹. However, within the Russian Federation the only “serious” Yiddish publication is still, ironically, *Sovietish Heymland* under a new name of *Yiddishe Gas*, and still headed by Aron Vergelis. The situation in other post-Soviet countries is hardly better than in Russia. As far as the Sephardi groups are concerned, one could hardly expect them to cultivate Yiddish, but they also speak *their* own languages less and less, especially after moving to Moscow and other “ethnically Russian” territories. There is, of course, some scholarly activity in the field of Jewish languages. A Judeo-Tat dictionary has just been published in Moscow, but it will hardly make more people actually use the language. In spite of all this, there are at least five Jewish institutions of higher learning in Moscow and 50–60 universities and colleges all over the FSU from Vilnius to Birobidjan introducing Jewish Studies. One can, of course, imagine high-level Jewish studies without Jews, as is the case in contemporary Spain, but the FSU is different and not only because both faculty and student body are largely Jews, halakhically or in some other sense. The editor of the Washington Jew-

ish magazine *Moment* rightly points out that “if the Jews of the FSU are to be reached it is through what they call culture not religion”. One has to take into account that the communists not only nearly destroyed Judaism and persecuted even the secular Yiddish culture they had initially promoted, but also (rather grudgingly) helped make Soviet Jews one of the most educated communities in Jewish history. The respect for education was strengthened by the fact that many traditional Jewish professions in the economic field were either simply illegal or barely tolerated, so that “culture” become a civil religion.

In most cases, even outside Russia proper, “culture” meant “Russian culture”. Putting aside the delicate position of Russian-speaking Jews in the newly independent states, in the Russian Federation we see this is still largely the case. In 1995, 71 percent of Moscow Jews identified themselves with Russian culture¹⁰, but some interesting new trends found reflection in the same opinion poll. Sixty-five percent of Jews in Moscow, as compared to 36 percent of the provincial city Rostov-on-Don, said that they regarded themselves as part of the international Jewish diaspora. From 36 percent in Moscow to 48 percent in Ekaterinburg said their Jewish identity grew stronger during the last few years¹¹. Interestingly, more palpable changes in this direction took place among young people who previously were much more assimilated than their parents and grandparents¹². Even people with little Jewish background, or none whatsoever, developed a kind of Jewish identity. The number of Jews by choice is rapidly increasing. Sometimes it involves conversion to Judaism, but more often than not it does not.

In addition, many non-Jews have gravitated towards Jewish institutions, especially universities and colleges. As reported by Hershel Shanks, 20 percent of the student body at the International Solomon University in Kiev “have no Jewish ancestors but are interested in studying at a Jewish university”. In various Jewish institutions of higher learning in Moscow the presence of gentile students is even more conspicuous. There is no uniform explanation for this phenomenon, but in part it is, undoubtedly, the “forbidden fruit” effect. Because Jewish civilization was taboo for so many years, it has become novel, attractive and fashionable. Since the mid-1990s, Jewish studies began receiving support from the emerging Jewish business elite, which is well represented in the Russian Jewish Congress.

The teaching of Judaic Studies is, of course, only one manifestation of Jewish vitality in post-Soviet countries, but as it mainly concerns young people, it may bode well for Jewish survival. Academic activities are not only important as such, they also help generate the community spirit which Soviet Jews have been lacking for many years.

In conclusion, without venturing any demographic prophesies, it is obvious that, for the foreseeable future, there will be Jews, albeit Jews of a different kind, in the FSU.

Notes

¹ On Pamyat, see *Russkoye delo segodnia* (Moscow: Institut Etnologii i Antropologii RAN, 1991).

² Anatoly Chernyaev, *Shest let s Gorbachevim* (Moscow: Progress Kultura, 1993), s. 507. Dr. Chernyaev was for many years a close collaborator of Gorbachev.

³ Vadim Kozhinov, *Replika v rusko-yevreiskom dialoge / Svet dvuyediniy. Yevrei i Rossiya v sovremennoi Rossii* (Moscow: AO "HGS", 1996), s. 489.

⁴ Lev Gugkov, Alexy Levinson, *Otnosheniye naseleniya SSSR k yevreyam / Vestnik Yevreyskogo Universiteta v Moskve*. 1992, N 1, s. 6–41; idem. *Izmeneniya v otnoshenii k yevreyam naseleniya respublic na territorii byvshego SSSR / Vestnik Yevreyskogo Universiteta v Moskve*. 1993, N 4, s. 4–39.

⁵ Hershel Shanks, "Can Jewish Life Be Revised in the Former Soviet Union?" *Moment* (February 1996):46.

⁶ *Ibid.*

⁷ Rosalina Rivkina, *Yevrei v Postsovetskoj Rossii – kto oni?* Moscow: URS, 1996, s. 59.

⁸ Hershel Shanks, *op. cit.*, p. 54.

⁹ Milton Himmelfarb, "The Jews Outside of Israel, the United States and the Soviet Empire", *The Jews, Their History, Culture and Religion*, Louis Finkelstein, ed. (London: Peter Owen Ltd., 1961), p. 1670.

¹⁰ Rosalina Ryvkina, *op. cit.*, s. 103.

¹¹ *Ibid.*, s. 102.

¹² *Ibid.*, s. 105–106.

Jewish Studies in Eastern and East-Central Europe: a historical perspective

It is hardly necessary to remind the reader that 100 years ago most Jews in Europe lived in what then were the Russian and the Habsburg Empires (especially in eastern regions – Hungary, Galicia, Bukovina). Romania also contained a numerous Jewish population. It is also common knowledge that in the early XX century Jewish studies flourished in this area. They were taught in Rabbinical seminaries at unofficial or (more exceptionally) official universities. Interest in things Jewish then as now was not confined to Jews. One of the greatest Russian experts on medieval Hebrew and Judeo-Arabic literature – academician Pavel Konstantinovich Kokovtsov was a Russian Orthodox nobleman. Traditional Jewish scholarship was cultivated at innumerable yeshivot, especially in “Lite”, – “Jewish Lithuania”, whose borders did not necessarily coincide with those of the present-day Lithuanian Republic. In our content, it is perhaps more important that whole new field of Jewish secular studies came into being in early XX century Eastern Europe. It’s difficult to discuss Jewish historiography without mentioning such venerable names as Shimon Dubnov, Israel Zinberg, and Juli Gessen, or such *dii minores* as Saul Ginsburg or Pesach Marek. Jewish studies functioned within a plethora of political, religious, cultural and educational organisations which, despite bureaucratic hostility from Russian and (to a much lesser extent) Austrian authorities existed throughout Eastern and East Central Europe.

After the I World War and the Bolshevik Revolution Russia gradually lost her position as an important regional center of Jewish studies. Teaching of Judaica and research activities in the field were not immediately discontinued: they were made to toe the party line. The interwar period saw the publication of some serious work on Jewish history, Yiddish, Jewish music etc., but ideological pressure and repressive measures against “suspect” professors and researchers virtually emasculated Soviet-Jewish scholarship. Some fields (modern Hebrew) were simply outlawed early on. Those who couldn’t put up with Bolshevik methods of indoctrination and terror left the Soviet Union while it they were still in a position to do it.

The center of Jewish studies in Eastern Europe moved to Poland, mainly to the city of Wilno (now Vilnius) and Warsaw and to a lesser extent the Bal-

tic states. New academic institutions saw the light – the Wilno YIVO (Jewish Scientific Institute) that bulwark of Yiddish with a rather left-wing ideological colouring and the more moderate and government-supported *Instytut Nauk Judaistycznych* in Warsaw. The former institution was lead by one of the founders of Yiddish studies – Max Weinreich, the latter one – by great authority on cuneiform texts Senator Rabbi Mojżesz Schorr.

In the 30s some Jewish scholars who had to flee Germany found refuge (alas only for a few years) in the Baltic countries. Despite the worsening political atmosphere in Eastern Europe various Jewish institutes and schools persisted with their work. In East-Central Europe some traditional institutions (e.g. the Rabbinical seminary in Budapest) could also remain active during the most catastrophical period of European Jewish history.

It's hardly necessary to discuss the Holocaust in this context. Suffice it to say that the Holocaust, the post-war turmoil and the communist takeover empties Eastern and East central Europe of their Jewish population. Even the communities that were entirely (Bulgaria) or partially (Hungary, Romania) spared by the Holocaust the Jewish population dwindled spectacularly in the 40s–60s as a result of social and political upheavals. Many people left Eastern Europe to settle in Israel, USA, Australia, etc. The Soviet Union where the authorities started allowing Jewish emigration as late as the early 70s the Jews remained a pretty numerous group. Despite the ravages of the Holocaust and a very low birthrate the official statistics put the number of Soviet Jews at 1,8 millions. As far as the Jewish studies were concerned there was a tremendous potential constituency for Jewish knowledge. But Soviet Jewish population had precious little access to Jewish culture. After the Soviet authorities decided not to revive the Soviet Jewish culture which in any case was practically moribund even before the Holocaust at least within the pre-1939 Soviet borders. (In 1939–1941 in the newly-acquired provinces (Bessarabia, West Ukraine, West Byelorussia, Lithuania, Latvia) the authorities followed a somewhat different course). By the late 1940s it was clear that Stalin was planning to eradicate even the 100% communist Jewish culture everywhere, except the pseudo-Jewish “autonomous region of Birobidzhan” where some use of Yiddish was allowed even during the vicious anti-Semitic campaigns of the late 1940s and early 1950s.

After Stalin's death some concessions were made. A new Yiddish-language monthly *Sovyetisch Heymland* started featuring articles on Yiddish philology, Jewish art, even Jewish history. The output in Russian was even more jejune. The privileged subject of philological research was the allowed Yiddish classic Sholom-Aleichem. The teaching of Hebrew was resumed at the Oriental Department of Leningrad University. The Leningrad School produced some important experts in the field of medieval Hebrew and Judeo-Arabic literature, but very little of their work was allowed to see the light. Another subject which the authorities seemed to tolerate or even encourage was the Dead Sea Scrolls.

In the non-Soviet countries of Eastern Europe the situation was entirely different.

In some of them Jewish institutions of higher learning (e.g. the famous Budapest Rabbinical Seminary) were open even during the most dire years of Soviet occupation. Its head Rabbi A. Schreiber was a world famous scholar who put to a good use the magnificent collection of medieval manuscripts the Seminary possessed. In Poland the Jewish Historical Institute in spite of all ideological problems continued the traditions of Polish Jewish historiography and published an important scholarly magazine (*Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego*). Bulgaria could boast a very attractive *Annual* (*Годишник*) which was quite popular in Russia because the two Slavic languages have a lot in common which allowed Russian Jews to use it as a source of information of Jewish history and culture.

Jewish studies in the broad sense weren't, of course, monopolized by specifically Jewish institutions. As in other countries in Europe and outside it, Protestant Theological faculties in the "Socialist" countries devoted much time and energy to Hebrew Bible. These subjects were also taught at theological faculties and Seminaries of the Christian denominations contacts with the West were on the whole much more active than in the USSR and the expatriate scholars – much more interested in the history on the Jewish minority in their respective countries. It's enough to mention this truly outstanding result of Polish-Jewish intellectual cooperation – the *Polin* series.

Lest the overall picture seems to rosy, let's not forget that in most countries of Eastern and East Central Europe "excessive" interest in things Jewish was strongly discouraged by the authorities.

Yes, there was a Rabbinical seminary in Budapest, but nowhere else on "socialist" Europe. And universities fought shy of Jewish studies.

The situation changed drastically between 1989 and 1992 not the collapse of satellite regimes and the disintegration of the Soviet Union itself. Even Russia saw an almost sudden disappearance of traditional barriers which prevented the development of Jewish studies.

Obviously, popular anti-Semitism is still very much around-both in Russia and in most other former Soviet republics and "peoples democracies". It's impact on the renaissance of Jewish studies is marginal – if anything, it is an important part of Jewish university curricula, an object of research.

The almost total absence of state anti-Semitism (there are regional exceptions) is a more momentous and entirely positive factor.

One can safely say that from Tallinn to Vladivostok and from Kaliningrad to Dubrovnik no government opposes Jewish schools or courses on Jewish history at local Universities. Some of them support such things, some are absolutely indifferent.

What motivates people to take up Jewish studies? Sometimes the reasons are quite mundane – people are preparing themselves for *aliya*, so they feel

like picking up some Modern Hebrew. Sometimes it's more profound – people who are halachically Jewish or have some Jewish background, start a quest for their own identity. Sometimes (it is more frequent in countries which used to have a numerous Jewish community), Jewish history and culture are regarded as a little known part of the country's historical memory: this attitude is not uncommon among Poles, Ukrainians, Balts, Byelorussians. Sometimes it is the Holocaust and the Second World War which dominate the young scholar's conscience. Last not least there is a forbidden fruit factor: people are motivated by the fact that the communist authorities discouraged Jewish studies. The present author must confess that the official ideologists' attempts to hush up Jewish civilization did much to attract him to it.

This factor can assume quite unexpected forms: in Russia and Poland some young nationalists become students of Judaica to learn more about the enemy.

The remarkable thing about the process of growth and development of Jewish studies in Eastern and East Central Europe is its ongoing character. Ten years ago one could fear that it would prove an intellectual fad, a short-lived trend. Some of the institutions born in those heady days did fold or change their emphases. However more and more university departments offering Jewish Studies as well as research centers, appear on the academic map of Eastern and East Central Europe. One of the latest additions for example, is the Center of Jewish studies at Bucharest University.

In general, the number of such institutions in the former "Socialist" world is quite amazing. Only in the FSU no less than 100 positions will be listed in the 3d edition of the Academic Directory, *Jewish studies in the CJS and Baltic States*. The rapidly growing book production in our field is very impressive as well. I remember enter Krakow's most prestigious bookshop, *Księgarnia Hetmańska*, or a similar place in the Romanian town of Sighetul-Marmatiei I was surprised to find such an abundance of books on Jewish subjects. The CJS countries don't lag behind. With some exaggeration one can say that soon almost all Jewish communities in Russia, Byelorussia, and Ukraine will find a monographer!

Numbers are quite impressive, but what about the academic level? In Eastern Europe we don't have an explicit argument between *Judaistik* and *Jüdische Studien*, but of course there are relatively few places where Biblical Hebrew is taught and full-scale Biblical and Talmudic scholarship is cultivated. Here one should mention Moscow, Saint-Petersburg, Kiev, Vilnius, and Riga. The Baltic universities have permanent and extremely beneficial contacts with the Theological Departments of German universities – first and foremost Tübingen.

What is done outside those centers is often no less important, e. g. work on sociology, demography of the present-day communities, archival research on Tzarist policies vis-à-vis the Jews, based mainly on Russian-language

sources. Of course it will be much more desirable to use Hebrew, Yiddish, and Russian sources at the same time, but Jewish languages aren't taught as much as one would like. At the same time the interest of many young scholars who often operate in very remote and rather inaccessible places in the traditional Jewish past of their region is deeply encouraging.

There is another field which attracts more and more the attention of young scholars, though or, maybe, because working in this field sometimes requires considerable moral courage – it's the study of the Holocaust. Those young people deserve all moral support they can get!

There is another problem which somewhat bedevils the development of Jewish studies in our region – insufficient information about what is being done next door. People seldom know each other's languages. My organization *Sefer* does, among other things, an information exchange, which allows a Latvian scholar to find out what is being done in his field in neighboring Estonia and Lithuania. But we seem to be the only regional organization in Eastern Europe.

As far as European cooperation is concerned the situation is rather sad. I was shocked to find out that a respected academic, who headed an important center of Jewish studies at a major East European University didn't even know that EAJIS existed! Let's not apportion the blame, let's just try to put an end to this state of affairs.

In general, it's easy to be optimistic about the state of Jewish studies in our part of the world. We have unique manuscript collections (Saint-Petersburg, Moscow, Budapest), important state archives. We have populations for whom culture is high on their list of priorities and who are ingenuous enough to devote their lives to Hebrew inscriptions or Karaite theology. We have, despite successive waves of emigration ("the more of us leave, the more of us stay"), substantial Jewish communities (mainly in Russia and Ukraine). They have been looked after by international Jewish organizations (the JDC, the Jewish Agency, the Memorial Foundation, etc.) who understand, what a delicate plant academic life is and who always respected and respect our academic freedom, at the same time never denying us their generous financial support. We also have (last but certainly not least) a prosperous Jewish business community who appeared very late on the historical stage (imagine something of the kind under Brezhnev!) but is already playing a considerable role in the development of Jewish studies in our region – some of them as benefactors and scholars at the same time.

All these factors would let us to believe that "we haven't seen anything yet" as far as Jewish Studies in Eastern and East-Central Europe are concerned. Of course, a note of caution will be in order. Our region is notoriously unpredictable. And still one hopes that we shall be able to make a major contribution to our common field.

К читателю нашего журнала*

В годы развитого социализма изучение иудаики продолжалось лишь на отдельных изолированных направлениях: создавались работы по истории Эрец-Исраэль в персидский период (под псевдонимом «гражданско-храмовой общины), по кумрановедению, средневековой еврейско-арабской культуре, литературе на идиш, прежде всего, по творчеству «разрешенного» еврейского классика Шолом-Алейхема.

Даже в этих областях после Шестидневной войны стало невозможно работать и публиковаться, хотя какое-то внимание иудаике продолжал уделять выходивший с 1961 г. журнал на идиш «Советиш Геймланд».

К началу 80-х гг. ситуация начала изменяться. В 1981–1982 гг. по инициативе нескольких историков, этнографов и демографов возникает еврейская Историко-этнографическая комиссия, поначалу пользовавшаяся квази-легальным статусом при журнале «Советиш Геймланд». В помещении редакции читались лекции, проводились семинары по иудаике. Руководство журнала, разумеется, скоро одумалось – не без поддержки свыше. Историко-этнографическая комиссия превратилась в обычный для того времени квартирный семинар, хотя то, что работы ее членов в переводе на идиш продолжали появляться на страницах «Советиш Геймланд», свидетельствовало о расширении границ дозволенного.

С начала 90-х гг. в условиях перестройки и постперестройки иудаика постепенно превращается во вполне легитимную отрасль гуманитарного знания.

Возникают высшие учебные заведения соответствующего профиля: Еврейские университеты в Москве и Санкт-Петербурге, Академия Маймонида, Туро-Колледж. Как печатный орган одного из них возник «Вестник Еврейского университета в Москве», продолжением которого является предлагаемый сейчас читателю журнал.

Материалы старого «Вестника» дают представление о состоянии постсоветской иудаики. Много достигнуто в изучении государственной

* Принадлежащий перу Р. Капланова фрагмент предисловия к № 1(19) «Вестника еврейского университета» (1999), написанного в соавторстве с И. Барталем.

политики по отношению к «евреям-вообще», еврейскому вопросу в общественной и культурной жизни России и других государств, ранее входивших в Российскую империю и СССР. Имеется несколько социологов и демографов, занимающихся еврейской проблематикой.

Что же касается публикаций на темы, требующие углубленного изучения иврита (Танах, Талмуд, мидраши, еврейская философия) и других еврейских языков («внутренняя история» ашкеназского и российско-сефардского еврейства, соответствующие литературы), то их число пока относительно невелико, хотя интерес к этим темам огромен.

R.Z. Kaplanov: A Political Profile*

The purpose of this paper which is certainly not phylopietistic is to show that most of the problems which exist now in North Caucasus were already in evidence as early as 1918-1920 albeit in a different form and every attempt to solve them must take into account the results (or in most cases, the lack of results) obtained by those who tried to do it 70 years ago.

Rashidkhan Zavitovich Kaplanov was born in 1885 to a noble Kumyk family of the Terskaia oblast which after the Civil War was partitioned between various autonomies: the eastern part where the Kaplanovs lived is now part of the Dagestani Autonomous Republic.

The Kaplanovs weren't above collaborating with the authorities: Rashidkhan's uncle Abumuslim served first in His majesty's life guards in Petersburg and then in the Caucasian militia – an irregular army corps which the Czarist Government raised to fight Shamyl. A career in the Russian armed forces was about the only one for a Dagestani nobleman if he didn't want to leave for Turkey, which another Kaplanov did in the early 1880's.

Rashidkhan's mother was a Chechen which may have influenced his eventual attitude to Czarism. The Chechens resented Russian domination much more than the Kumyks did. But Rashidkhan's father Zavit had by far the strongest influence in Rashidkhan's life. He was an uncharacteristic Kumyks landowner. After having served with the Czarist army in Poland during the Second revolt he was so disgusted that he resigned his commission and spent the rest of his life on his estate.

Many ideas that later inspired Rashidkhan, seem to have originated with his father. It was Zavit who sent Rashidkhan to the Sorbonne to study law – an unprecedented choice of career. After completing his education in Paris though young he went to Turkey where he taught for a time at the Istanbul

* Недатированная рукописная статья, отражающая представления Рашида Муратовича о некоторых членах его знаменитого рода в контексте политической борьбы на Кавказе, очевидно, предназначалась для публикации в США. Нам не удалось установить, была ли осуществлена какая-либо публикация. – *Ред.*

University... Kaplanov was feeling as much at home in Turkey, as so many other “Russian” Turks and Muslims. He actually joined the Young Turk Party and came to know some of the Party leaders rather well.

Rashidkhan intended to stay in Turkey for good, but it wasn't to be. After Zavit died in 1913, Rashidkhan returned to the Caucasus to dispose of the land he had inherited from his father; the war broke out and prevented him from ever returning to Turkey. He settled in Vladikavkaz and there started practicing law. The February Revolution made him return to politics and he was one of the founders and leaders of the Alliance of United Mountaineers and one of the leaders of its Central Committee. The Alliance set out to achieve statehood for North Caucasus – at first within a Russian Federation, then after the October Bolshevik Revolution – outside it.

He practically headed the so-called Terek-Dagestan Government which saw itself as an executive body of a projected independent North-Caucasian federation. The coalition cabinet consisted of Mountaineer Alliance members and Russian Cossack representatives. While in office it pointed to a still wider confederacy – the South-Western Union of mountaineers, Cossack armies and free steppe peoples.

The Terek-Dagestan Government didn't succeed in asserting its authority throughout the territory it set out to govern. In most places a state of almost total anarchy prevailed, especially after the local military units which for a time supported the Government, abandoned it. Some members of the Cabinet fled to Tiflis (Tbilisi) where they tried to set up a Government-in-exile... Kaplanov didn't join them.

In October 1918 the balance of forces in the region was changed by the arrival of Ottoman troops which helped the nationalists back to power again. A Mountaineer Republic was proclaimed. Kaplanov was very briefly its interim President, then – minister of Internal Affairs, then Speaker of the Federal Majlis.

This Government was somewhat more efficient than its predecessors. It managed to stay in power even after the Turks withdrew and the Republic was occupied by the British. In May 1919 it was overrun, with some connivance from Great Britain, by Denikin's army, where, incidentally both Kaplanov's brother and brother-in-law served. The latter, Tembot Bekovich-Cherkassky became a moderately important White Russian military administrator, he ruled Kabarda.

Kaplanov, together with the spiritual head of the Dagestani Muslims, Gotsinsky, was sent to Denikin's headquarters to try and obtain political concessions which would have allowed the Republic to survive. Denikin who regarded Kaplanov as a pronounced Russophobe and a semi-Bolshevik refused to see the delegation. Gotsinsky was quite clearly in sympathy with the White army and actually commended it for liquidating the Republic.

The seizure of Dagestan, which at first went rather smoothly, turned out to be a disaster for the Whites. The nationalists started a guerrilla war, acting in alliance with the Bolsheviks. The war was masterminded from Tiflis when the Mountaineer Government withdrew for a second time. Once again Kaplanov didn't join the rest of the Government in Tbilisi; instead, he was co-opted into the Government of the Azerbaijani Democratic Republic in Baku. Kaplanov joined a very small Party – the “Ahrar” which was a lobby of sorts for the Sunni minority. Kaplanov was at first Education minister, in which capacity he became the founder of Baku University, then Finance minister. After the collapse of the Azerbaijani Democratic Republic in 1920 he was arrested and then deported to Moscow while many other leaders of the Republic were executed. There are reasons to believe that his life was saved by North Caucasian Bolsheviks who were his political opponents but personal friends. In Moscow he briefly worked for the Turkish Embassy. He also taught Turkish history at the University of Oriental Peoples where. He mainly acted as a lawyer, which apparently didn't make him all that happy. He was quite eager, as his correspondence shows, to take part in the attempts which were then being made by Kumyk linguists in Dagestan to modernize literary Kumyk. It's not clear whether his efforts met with any response, but the general impression is that his services weren't needed.

In 1931 he was briefly imprisoned and in 1937 he was imprisoned and then executed. What was Kaplanov's political philosophy? First of all he was a tribalist. Though mindful of [Kumykia], with its special interests, he never intended to [turn] Kumyk ethnicity into a political shibboleth. His immediate homeland was Northern or “*Zasulaksk*” Kumykia and it's worth bearing in mind that Northern and Southern Kumykia under the Czars, as well as for a few centuries before the Russians arrived, used to belong to different political and administrative units. The key ideas are North Caucasian or “Mountaineer” unity, Muslim Caucasian unity (for all interests and purposes – a close alliance with Azerbaijani and Pan-Turkic unity, Kaplanov felt equally at home in Istanbul, Baku and Temir-Khan-Shura. That approach which was largely inherited from Kaplanov's father Zavit determined the choice of allies in the Great War for Turkey and Germany against Russia, Britain and (perhaps, unwillingly) France (much of Kaplanov's culture was French).

Kaplanov's political attitudes had nothing to do with “Islamic fundamentalism” or any other form of bigotry. His “Turan” was supposed to be a constellation of modern states. He probably thought that militant Islam was rather indifferent to political independence and national culture. The supporters of Russian and Arabic acted together against proponents of Turkey in the Dagestan school controversy. Imam Gotsinsky, as we have seen, was pleased to see Denikin topple the short-lived Mountaineer Republic. Even in Azerbaijan the fundamentalist Shiite “Ittihod” often acted as a parliamentary ally of the communists.

The general impression one gleans from the Kaplanov's papers is that he didn't believe his own class – the landowners and other propertied classes in the Caucasus to be deeply committed to independence. Some episodes he comments upon, as well as much evidence, we might add, from other sources show that Dagestan landowners were interested in independence mainly as a shield from communism. It's for that reason that Kaplanov never joined the National Committee, that most influential political form on the right. He found quite unacceptable what he saw as their religious and cultural sectarianism, social conservatism and political opportunism.

Nor could he join, on the other hand, the Dagestan left, whose main organization was called "The Dagestani Socialist Group"... He had many friends there, but he obviously didn't share their quasi-communist views.

Thus centrist in social questions he stood somewhere between radical liberalism and right-wing social democracy. He recognized himself that his failure to join either the National Committee or the socialist group made him a rather solitary figure. He lacked a political basis even more than the other political leaders in North Caucasus. One certainly can't call him a very experienced politician, though his general knowledge probably surpassed that of almost all his collages and rivals. The vicissitude of Caucasian history and politics, e.g. such vexed questions as South Ossetia, seem to have been rather a surprise for him. His political program seemed especially difficult to fulfill in his native Dagestan. Azerbaijan, at least, had a fairly homogeneous population which enabled the local nationalists to stay in power for 18 months after the Ottoman army withdrew its protecting bayonets. But in Dagestan ethnic and territorial rivalry made it almost impossible for the Government to operate, even when not threatened by a superior military force... Kaplanov's 1918 diaries give a very vivid picture of Dagestan in the grip of a total anomie. It's only fair to point out that the Ottoman army's behavior in Dagestan didn't always make things easier for its local allies.

So is Kaplanov's project quite dead? For many reasons it may seem dead. As a result of a conscious policy dictated by the center the Kumyk language lost its former preeminence in Dagestan... Pan-Turkism seems to be much more irrelevant in a Dagestani context than in Kaplanov's times. Kumyk political activity under *perestroika* is mainly pursuing as ethnic objective – the establishment of Kumyk autonomy within or without Dagestan but always within the framework of the Russian Federation. It's very difficult to see Kaplanov adhere to such a program. On the other hand, the growing cultural and economic importance of Turkey which is a modern, secular national state, throughout the Soviet East, the existence of a large secular *intelligentsia*, could create a much larger constituency than in 1918 for Kaplanov's ideas.

Le Voyage au bout de l'Empire*

Заниматься Португалией я стал по многим причинам – в частности, из-за ее экзотичности, отдаленности и политической недискуссионности. Чем ближе была страна, тем труднее было ею заниматься. Писать о Салазаре (разумеется, с должной долей негодования) было не трудно, о Дубчеке – невозможно.

Коллеги, занимавшиеся Восточной Европой, печатались большей частью в секретных ведомственных изданиях. Правда, они без особого труда могли ездить в изучаемые страны. Начав писать диссертацию по истории Португалии, я полностью отдавал себе отчет, что как не члену КПСС, мне этой страны, скорее всего, не видать, как своих ушей. Впрочем, в 1979 году такая возможность как будто возникла. Я даже предстал перед отборочной комиссией райкома КПСС, состоявшей из ветеранов партии, но не смог произвести не них благоприятного впечатления. Как мне потом передавали, я держался слишком независимо. Не хочу претендовать на героизм: поскольку я был уверен, что меня все равно не пустят, я больше всего не хотел напрасно унижаться.

Вместо меня поехал тогдашний секретарь партийной организации нашего Института – человек, в португальском языке и истории абсолютно невинный. Простажировавшись в Португалии около года, он так и не написал на строчки по ее истории. Впрочем, он починил своей квартирной хозяйке уют, чем, по собственной оценке, очень способствовал укреплению дружбы между советским и португальским народами.

Так что мне оставалось только тренироваться в языке с многочисленными тогда в Москве португальскими студентами. В ответ на их приглашения посетить их страну я неизменно заверял, что как только я покину земную юдоль и превращусь в бесплотного духа, я сразу же

* Эта статья, впервые публикуемая на русском языке (по машинописной рукописи из архива автора), очевидно, была написана в 1991 г. Она опубликована в переводе на французский язык под названием “Le Portugal d’un ingenu muscovite” в издаваемом “Groupe Express” журнале: *Belvédère*. 1992. № 4, Janvier-Février. P. 54–63 / Trad. par A. Coldefy-Faucard. Благодарим д-ра Диану Пинто за это указание. – Здесь и далее примечания сделаны нами в процессе подготовки рукописи к печати. – *Ред.*

отправляюсь в Португалию. И все же в конце 1984 г. я предпринял еще одну попытку съездить если не в Португалию, то в ее бывшие колонии – Кабо-Верде и Гвинею-Бисау. Эта попытка также не принесла никаких результатов, кроме прививки от желтой лихорадки. Но через несколько месяцев Горбачев был избран Генеральным секретарем КПСС, что со временем дало и лицам, не принадлежащим к этой партии, право выезда за пределы СССР.

Когда, благодаря «Бельведеру», я оказался в Португалии в июле 1991 г.¹, это был уже третий мой визит в «маленький лузитанский дом», как португальцы иногда называют свое отечество. Не скрою, что, когда я летел в Лиссабон, в голове у меня были не только португальские дела. Не удавалось избавиться от мыслей о новом союзе Горбачева с Ельциным, о ново-огаревском процессе и т.д.

Сказать ли всю правду? История Португалии как научная специальность раньше привлекала меня не только экзотичностью, но и предельной отдаленностью от той советской стихии, которая могла меня подавлять, но не казалась достойной серьезного внимания.

Впрочем, это вообще характерно для России. Еще в прошлом веке русские газеты, не имея возможности писать правду о том, что происходило в собственной стране, подробно сообщали о событиях в самых экзотических странах, а читатели этих газет часто принимали эти события гораздо ближе к сердцу, чем положение в своей губернии. В пьесе украинского драматурга XIX века изображены два захолустных помещика, которые годами не разговаривают друг с другом, потому что один поддерживает права на испанский престол Доньи Изабеллы, а другой – Дона Карлоса².

Все это было до Горбачева. Положительный водоворот последних лет заставил меня начинать чтение газет уже не с внешней политики, а с событий в СССР. И теперь, когда я, наконец, дорвался до Португалии, я могу думать только о России.

Во время первой же поездки по улицам Лиссабона памятники либеральным полководцам первой половины XIX в., победившим в гражданской войне сторонников абсолютизма, подбадривают меня: «Не бойся никаких будущих военных переворотов! Рано ила поздно либералы все равно выигрывают!»

Масонский квартал в центре Лиссабона, где на фасадах домов изумительным португальским «azulejos»³ выложены аллегорические сцены на масонские мотивы, заставляют вспомнить некоторые политические дискуссии в России, где масонов (пока?) нет, но борьба с их интригами ведется весьма энергично.

После благоустроенной Франции небольшие (а иногда и не столь небольшие) недочеты в сфере связи и транспорта вызывают в памяти далекую родину.

С другой стороны, на фоне России и Италии, где я был в мае 1991 г. и где политическая атмосфера была отмечена чертами почти советской истерии, я сразу почувствовал, что попал в спокойную, стабильную страну.

Даже в Ассамблее Республики разговор шел не столько о политике, сколько о замечательных вкусовых качествах фруктового салата, которым славится парламентский ресторан во всей стране, а, может быть, как скромно предположил официант, и во всей Европе.

В то же время, когда в разговоре с португальцами упоминаешь непрерывную политическую агитацию, охватившую страну и мешающую заниматься чем-либо, кроме политики, в ответ слышишь: «Да-да, у нас это было в 1974–1976». Отношение к этим годам в стране самое разное, но в любом случае португальцы надолго их запомнят. «Только тогда мы и существовали для внешнего мира. Ни до, ни после на нас никто не обращал внимания», – сказала мне старая знакомая, редактирующая литературный журнал.

Португалия сначала пережила длившийся десятилетиями и страшно медленно разлагавшийся консервативно-авторитарно-патриархальный режим, а затем длившуюся около двух лет попытку установления коммунистического господства. (В России последовательность была обратной – сначала коммунистический взрыв, а затем десятилетия маразмизирующего тоталитаризма). Все это, в общем, позади. Кроме «скинхедов», сторонников возврата в салазаризму в Португалии нет, а коммунистическая партия, по-прежнему возглавляемая 78-летним историческим лидером Алвару Куньялом⁴, медленно, но верно теряет сторонников – не в последнюю очередь под влиянием событий в СССР и Восточной Европе.

Сохраняя в целостности свои революционные устремления и горячее желание использовать в европейских условиях опыт Сьерра-Маэстры, партия очистила свой лексикон от таких понятий, как «империализм» и «пролетариат», предпочитая говорить о «защите бедных» и вообще усвоив себе фразеологию папских энциклик. Это тем более замечательно, что один из моих довольно многочисленных «посткоммунистических» знакомых был вынужден уйти с поста главы коммунистической фракции в городском совете Лиссабона, а затем и вообще распротиться с партией из-за своего участия в приеме Иоанна-Павла II во время его визита в португальскую столицу.

Впрочем, даже в самые напряженные моменты португальской революции ПКП не могла действовать кубинскими методами. В Португалии смертная казнь не существует с 1867 г. Ни крайне правые, ни крайне левые правители не пытались вновь ввести ее. Хотя нельзя сказать, что истории Португалии был всегда чужд политический терроризм, португальские революции и контрреволюции выгодно отличались от боль-

шинства европейских революций и контрреволюций XIX–XX вв. своей относительной бескровностью, «Еще скажи, что на португальской корриде быка не убивают», – слышу я голос своих насмешливых португальских друзей, любящих подтрунивать над такими общими местами, как мягкие нравы (*brandos costumes*) своего народа.

Но все-таки нравы, по крайней мере, современных португальцев достаточно мягки. От бурного прошлого остались лишь забавные пережитки. Потомки евреев, тайно исповедовавшие иудаизм на протяжении столетий, по прошествии почти 500 лет с того дня, как их вера была объявлена вне закона, не только выходят на свет божий, но и становятся героями документальных фильмов. Их община в городке Белмонте недалеко от испанской границы привлекает к себе туристов. Можно взять пример и из другой сферы и эпохи. Когда я удостоился чести завтракать в самом аристократическом клубе Лиссабона “Turf”, выяснилось, что пройти в клуб можно было лишь через какое-то постороннее помещение, никак не выдававшее своего двойного предназначения. Мне объяснили, что во времена Первой Республики, когда у власти стояли якобинцы-антиклерикалы, которые аристократию терпеть не могли, эта предосторожность была отнюдь не излишней.

Особенно «мягкими» португальские нравы кажутся на фоне той страны, из которой я приехал.

Впрочем, и наша революция, начавшаяся в 1985 г., пока проходит (по крайней мере, на европейской территории бывшего Союза) если не мирно, то, во всяком случае, без большого кровопролития (тьфу-тьфу, чтобы не сглазить!). Люди как будто устали от тех массовых кровопусканий, через которые народы СССР прошли в этом веке. Нет тех одуряющих факторов, которые ранее создавали психологические условия для самоистребления: опустошительных внешних войн и тоталитарных утопий в головах людей.

К Средней Азии и Кавказу все это, к сожалению, не относится. Впрочем, и во время осенней революции в Чечне, которая смела все советские структуры, жертв пока нет. Там действует ясное понимание, что пролившему кровь и всему его роду на свете не жить. Кровная месть среди чеченцев – понятие отнюдь не абстрактное.

Но мы отвлеклись. В июле я был уверен, что союзный договор будет вскоре подписан, хотя я ожидал громов и молний во время съезда КПСС, намечавшегося на ноябрь или декабрь.

«Так как же все-таки удалось подвигнуть такой смирный и незлобный народ на революцию?» – спрашиваю я у своих друзей, которые, несмотря на молодость, успели принять участие не только в революции 1974 г., но и в избирательной кампании оппозиции в 1969 г., во время последних выборов авторитарной эпохи. Они с ностальгией воспомина-

ют о шумных митингах демократов, которые проходили на территории исторического имения маркизов да Фронтейра, поскольку сам маркиз был и остается убежденным демократом. (Спешу добавить, что наша знать также не чужда демократических идей: в российском парламенте видное место занимают два титулованных демократа – отец и сын, графы Толстые).

Результаты у португальской оппозиции были скромнее, чем у российской. По собственным оценкам демократов, выборы 1969 г. проводились более или менее честно, по крайней мере, в крупных городах, и все равно оппозиции не удалось получить больше 13% голосов. Люди с большим трудом отказывались от своей традиционной политической пассивности. Разумеется, задача демократических агитаторов во время советских выборов 1989 г. и российских 1990 г. была много проще. Достаточно было показать на пустые полки магазинов.

Через пять лет после выборов португальская оппозиция все-таки добилась своего в ходе насильственного, хотя и почти бескровного переворота, прошедшего при всеобщем ликовании.

Любопытно, подлинной причиной гибели режима было как раз то, что отчаянно не нравилось значительной части его оппонентов – начавшаяся еще в 60-е годы интеграция Португалии в капиталистическую Западную Европу.

Вообще обе демократические революции (российская и португальская) далеко не сразу нашли свою экономическую философию. В России основным лозунгом демократов в первые годы перестройки было совершенствование социализма, а в Португалии первая принятая после революции конституция содержала призыв к созданию бесклассового общества.

В своем антикапитализме португальские левые не так уж отличались от своего архиврага Салазара, который питал глубочайшее отвращение к рыночной экономике, как по моральным, так и по патриотическим мотивам. Он полагал, что промышленное развитие подрывает традиционные патриархальные ценности и ставит под угрозу национальный суверенитет. О Салазаре рассказывают следующую историю. Узнав, что в Португальской Гвинее найдена нефть, он горестно вздохнул: «Этого только нам не хватало».

Сейчас этот культурный пессимизм по отношению к рыночной экономике стал в Португалии достоянием меньшинств, главным образом, на крайне левом и крайне правом флангах. Некоторые независимые интеллектуалы (например, Antonio Jose Saraiva, известный историк культуры) считают, что современный капиталистический дух органически противопоставлен португальцам и что Португалия никогда не сможет стать органической частью объединенной Европы. К этой точке зрения

близок и один знатный иностранец, Ханс Магнус Энценбергер, который в своей “*Ach Europa!*”⁵ уверяет, что португальцы нашли лучший способ борьбы с современным капитализмом, – они, по его мнению, не сопротивляются ему, а саботируют его. Все, что положено иметь нормальному западному государству, в Португалии есть, но все это плохо работает, или вообще не работает. Большинство моих знакомых португальцев, признавая, что основания для таких похвал есть, считает их, тем не менее, довольно обидными.

Независимо от того, насколько подлинными европейцами являются португальцы, Европу они открыли уже довольно давно, еще при прошлом режиме. Тогдашнее правительство не имело возможности воспрепятствовать ни экономическому сближению с более богатыми европейскими странами, ни массовому выезду португальцев на заработки.

Мой друг, владелец издательства, говорит: «Я вырос в деревне, где из ребят моего возраста только у меня одного были ботинки. Остальные бегали босиком. Хотя сейчас никто босиком не ходит, ботинки у меня по-прежнему лучше, чем у них. Но в разных странах они заработали себе на автомобиле, с которыми моя машина не идет ни в какое сравнение».

Культурный шок, который португальцы испытали при контакте с Европой, подготовил почву для «революции гвоздик».

Еще одной причиной бесславного конца авторитарного режима стала война в Африке, которую было совершенно невозможно ни выиграть, ни проиграть. Цинковые гробы с телами убитых основательно повлияли на настроения людей. Это вполне относится и к режиму Брежнева–Андропова–Черненко, который вел столь же беспочвенную и бесперспективную афганскую войну.

Впрочем, для Португалии ее заморские владения значили в тысячу раз больше, чем Афганистан для России. Мотивы колониальной эпопеи пронизывают всю португальскую культуру: от «Лузиада» Камоэнса и архитектурного стиля «мануэлино» до картинок на африканские темы (преимущественно с гиппопотамами и крокодилами) на стенах лиссабонских таверн. В Лиссабоне трудно встретить человека, который не служил бы в свое время в Африке или, по крайней мере, не имел бы там родственников. Об империи постоянно напоминают названия улиц. Наконец, как и во многих других бывших метрополиях, в Лиссабоне представлены все расы и народы бывших колоний.

В свое время наличие империи было существенной подпоркой национального самоуважения. У букинистов еще можно встретить плакат, где на карту Европы наложены «бескрайние просторы» (заимствую любимое выражение сталинской пропаганды) Анголы и Мозамбика и под всем этим стоит горделивая надпись: «Португалия не является малой страной!»

Официальная пропаганда насаждала у людей чувство «великолепной уверенности в том, что Португалия владеет одной из величайших колониальных империй в мире».

Еще в 50-е годы некоторые журналисты на полном серьезе говорили о грядущем мировом господстве Португалии при опоре на колонии и в тесном союзе с братской Бразилией с ее неограниченным демографическим и экономическим потенциалом. При этом бедность и отсталость луситанской империи служили, как и у славянофилов и Достоевского применительно к России, лучшими доказательствами ее мессианского предназначения. Все это, конечно, не помешало не только демосу, но и большей части деловых кругов Португалии сделать выбор в пользу «Европы» и против африканских войн.

Как же португальцы относятся к своей бывшей империи сейчас, через 17 лет после «революции гвоздик»?⁶

Отвоевывать империю, разумеется, никто не собирается. Для нынешних двадцатилетних африканские кампании почти так же нереальны, как и пунические войны.

С другой стороны, независимость бывших колоний не могла положить конец культурным, экономическим и техническим связям с Португалией. Даже сама известная отсталость португальских технологий облегчает их возвращение в Африку. Как мне рассказывали в Лиссабоне, попытка переоборудовать порт в Луанде зашла в тупик из-за нехватки подъемных кранов устаревшей конструкции, которые Ангола не смогла дополнительно закупить ни в Бразилии, ни в США, ни в Европе. Для этих стран это уже был позавчерашний день. В конце концов, на помощь Анголе пришла бывшая метрополия, где эти краны еще находились на вооружении.

Но дело, конечно, не только в торговле. Мирное урегулирование в Анголе, в достижении которого весной – летом 1991 г. столь активное участие приняла португальская дипломатия, вызвало в стране настоящую эйфорию. Одна из посвященных этому событию радиопередач называлась «Африка наша?», правда, в отличие от распространенного лозунга салазаровских времен, на конце стоял не восклицательный знак, а вопросительный. Эти оптимистические ожидания связаны с перспективой создания в бывших африканских колониях открытых обществ, в которых будет место для португальских деловых людей, технических специалистов и т.д.

Есть в Португалии люди, которые с особым вниманием следят за тем, что происходит в Африке. Я вспоминаю свой визит на кафедру этнография Нового университета в Лиссабоне. Интересовавшую меня карту ангольских диалектов так и не смогли найти. В качестве некоторого утешения ассистентка кафедры пригласила меня выпить стакан *ginger ale*⁷.

За столом, как и везде во время моего путешествия, речь зашла о положении в СССР. Я предположил, что моя собеседница, которой было на вид 22–23 года, мало что помнит о революции 1974–1976 гг., столь похожей на наши нынешние треволения. «Нет, – был неожиданный твердый ответ. – У меня есть все основания хорошо помнить те времена. Я анголлка».

Из разговора выяснилось, что Жоана никогда по-настоящему не освоилась в Европе и что она рассчитывает вернуться в Луанду, чтобы работать там по своей специальности.

Сделаю здесь небольшое отступление. Когда разговариваешь с людьми из бывших колоний, трудно преодолеть чувство некоторой неловкости, связанное с чрезмерно усердным участием тогдашнего СССР в делах Португалии и ее колоний. Рано или поздно Португалия должна была уйти из колоний, но если бы не СССР и его союзники, этот уход мог бы быть совсем другим. Благодаря им (и неуступчивости Салазара), власть оказалась в руках людей, которые, прикрываясь марксистско-ленинской утопией, разрушили экономику Анголы и Мозамбика, и при активном содействии Советской Армии обрекли обе страны на бесконечную гражданскую войну. (В Мозамбике она не закончилась до сих пор⁸). Сейчас советские журналы иногда угощают своих читателей трагикомическими эпизодами, связанными с деятельностью наших «советников» в Африке.

Должен, впрочем, сказать, что советская молодежь в 80-е годы воспринимала перспективу переводческой работы в Африке с большим энтузиазмом. Помню, что когда я читал в 1983 г. лекции по португальской конституции в Институте иностранных языков в Москве и стремился донести до своих слушателей тонкости португальского государственного устройства, они ставили меня в тупик вопросами, вроде: «Скажите, а сколько может стоить видеоманитофон в Мапуту?».

Возвращаясь к Португалии и ее бывшим владениям, должен еще раз повторить: при всем интересе к этим странам, где, в конце концов, несмотря на все политические пертурбации, говорили и говорят по-португальски, в Лиссабоне гораздо больше интересуются и занимаются Европой. В свое время Салазар утверждал, что, утратив свои заморские земли, повернувшись лицом к Европе, португальцы неминуемо попадут под власть Испании. Ничего подобного в действительности не произошло.

Правда, мои знакомые из делового мира жаловались мне на засилье испанских товаров, в частности, игрушек и мороженого, на португальском рынке. В последнем я мог убедиться в месте, которое, казалось бы, меньше всего подходило для такой оказии. В аббатстве Баталья (Batalha), в непосредственном соседстве с гробницей короля Жоана (João) I, победившего кастильцев при Алжубарроте (Aljubarrota) и спасшего стра-

ну от испанского завоевания, группа мальчишек поела мороженое, и, да, это была «Меноркина»⁹!

Впрочем, разговоры об экономическом завоевании Португалии ее соседкой я воспринимал не слишком серьезно, поскольку очень похожие жалобы слышал два года тому назад в Барселоне. Там речь шла о невыносимой конкуренции, которую для каталонских промышленников создают более дешевые текстильные товары из Португалии.

Так что без колоний Португалия не пропала.

Я иду к бывшему министру заморских территорий во времена Салазара, депутату парламента, профессору Адриано Морейра (Adriano Moreira), в прошлом бескомпромиссному борцу за единство и неделимость империи.

Он живет (не сочтите за навязчивую символику, это действительно так!) в двух шагах от монастыря Иеронима (Jeronimos), где похоронен Васко де Гама¹⁰, и расположенного неподалеку и относящегося уже к салазаровскому периоду памятника первооткрывателям. Последний, кстати, далеко не худшее скульптурное наследие прежнего режима. На фоне некоторых статуй, украшающих собой Коимбрский университет и поразительно напоминающих наиболее страшных монстров социалистического реализма, он смотрится совсем неплохо.

После разговора о португальских «коридорах власти» 60-х годов я задаю профессору детский вопрос: «Считаете ли, что Россия может извлечь какой-то урок из португальского опыта?». Профессор сначала отказывается говорить о проблемах страны, которой он совсем не знает, а затем произносит негромким и убежденным голосом: «Не думайте, что отказ от колоний ослабляет государство. Я думал так раньше. Теперь я знаю, что ошибался».

В этот момент я страстно желал, чтобы бывшего министра слышали все многочисленные и активные в то время (июль 1991 г.) сторонники единого и неделимого СССР из группы «Союз»¹¹ и других подобных организаций. Их аргументация очень похожа на доводы официальных португальских пропагандистов 60-х годов. И те, и другие стремились доказать, что их империя совсем не похожа на другие империи и, собственно, вовсе не является империей, так как она основана не на материальной эксплуатации населения, а на христианских ценностях, межрасовом братстве и «общности судьбы» (любимое выражение идеологов «Союза»).

Действительно, материальная эксплуатация колоний ни в России, ни в Португалии не отличалась большой эффективностью, так как эффективностью (по сравнению с другими европейскими странами) не блистал их государственный аппарат.

Действительно, ни русские, ни португальцы никогда не были подвержены крайним формам расизма: бытовая сегрегация, например, не была принята ни у тех, ни у других,

И все же судьбы империй определяются не этим. И Африка, и Прибалтика, Кавказ, Средняя Азия были до империи и останутся после нее.

То, что Португалию при всей языковой и культурной близости к бывшим колониям отдалают от них моря и океаны, помогло ей сравнительно легко примириться с потерей империи. У нее нет, как выразился Де Голль об СССР, «Алжира внутри собственных границ». Португалия независима уже много веков и лишена национальных комплексов. Когда я показал своему португальскому другу открытку из Барселоны, на которой красовался каталонский национальный флаг – *senyera*, он прокомментировал это следующим образом: «Португалец, рассылающий открытки в цветах национального флага, был бы навсегда потерян для общества!». Стране, существующей в своих границах с XIII века, трудно понять заботы и амбиции «народов без государства».

По всей стране говорят на одном языке, в котором даже нет настоящих диалектов – только местные акценты. Когда я был на юге, в Эворе, с ее неправдоподобно огромным иезуитским университетом и римским храмом, не только белизна домов напоминала мне о юге России, но и мягкий, протяжный говор, и любовь к уменьшительным окончаниям: не дверь, а дверка, не дорога, а дорожка. Но я отвлекся.

Стабильность границ и этническая однородность избавила португальцев от проблем, с которыми мучаются другие европейские государства. Правда, кое-кто до сих пор ждет возвращения города Оливенсы, который в 1801 г. Испания отняла у своей соседки.

[пропуск в рукописи. – *Ред.*].

...При всей укорененности португальцев в их культуре и традициях то, что произошло с ними за последние два-три десятилетия, они считают чем-то неожиданным и беспрецедентным. Так что же свалилось на португальцев между 1961 и 1991 гг.? Речь тут пойдет не столько о смене режимов, утрате империй и тому подобных очевидных вещах, о которых уже достаточно было сказано, а о некоем внутреннем смысле происшедшего.

С чисто материальной стороны переход от 1961 г. к 1991 г. выразился в быстром росте жизненного уровня португальцев. Но существенно, пожалуй, не это: быстро богатеть португальцам приходилось и раньше; скажем, во времена великих открытий или после обнаружения в Бразилии в конце XVII века сказочного количества золота.

Можно, конечно, употребить безличное слово «модернизация», которое так любят социологи. Но я предпочитаю выражение, пущенное в ход русским писателем, живущим за границей, Борисом Парамоновым: «победа прозы над поэзией». В этом писатель видит наиболее желательный исход для России. О России – через пару страниц, а для Португалии «победа прозы над поэзией» означает, что у власти находится правительство технократов-прагматиков во главе с выглядящим на фотогра-

фиях довольно сурово премьер-министром Анибалом Каваку Силва¹². Молодежь впервые за столько лет читает не Мауграс¹³ или Алтшуссер¹⁴, а биржевые сводки. Решаются проблемы инфраструктуры – конечно, не такие запущенные в Португалии, как в СССР, но все же достаточно запущенные. Строятся новые автострады: даже политические противники правительства, катая меня по окрестностям Лиссабона, почти мурлыкают от удовольствия: «А этого шоссе господин профессор видеть не мог, когда был здесь в 1988 г., тогда его еще не было!»

Разумеется, не все в восторге от происходящего: многих раздражает, например, самоуверенность частных банков, которых еще 15 лет тому назад просто не было (в 1975 г. их деятельность была запрещена тогдашним крайне левым правительством) и которые сейчас захватывают лучшие помещения в городе. Но альтернативной экономической программы, похоже, ни у кого нет. Дела в экономике обстоят неплохо, да и туристский бум помог. Множество туристов, собиравшихся провести отпуск в арабских странах или Югославии, в конце концов, предпочли спокойную Португалию.

Итак – пример, достойный подражания? Наверное. Хотя лично мне в «поэтической» стране жить намного интереснее, чем в «прозаической». Но только подражать ему в России будет невероятно трудно. Не говоря уже об этнических проблемах, рыночная экономика в России в последний раз функционировала более или менее нормально в начале Первой мировой войны. В Португалии у власти нередко стояли люди, относившиеся к рыночной экономике с подозрением, но развалить ее они не смогли. Коммунистическим правителям России это вполне удалось.

Вылезти из-под горы обломков не так просто. Сейчас капитализм в России развивается, но его пионерам приходится идти уже очень небезопасными и извилистыми путями. После недавнего посещения Московского университета я был поражен не столько тем, что на его стенах коммерческие объявления явно преобладали над информацией о семинарах и зачетах, сколько ассортиментом предлагаемых товаров, среди которых господствовали баллончики ее слезоточивым газом и фиктивные приглашения для поездок за рубеж (опять-таки в коммерческих целях).

За шесть лет перестройки такие самоочевидные вещи, как аграрная реформа, столь же далеки от осуществления, как и во времена Брежнева. Впрочем, почему только Брежнева? Перестройка постоянно заставляет меня вспоминать о герое моей будущей книги – португальском враче и экономисте, Антонио Нунеше Рибейру Саншесе (Antonio Nunes Ribeiro Sanches, 1699–1783). Саншес 17 лет практиковал в России, где стал придворным врачом, членом Академии наук. Он состоял в весьма тесных отношениях с российской политической и интеллектуальной

элитой того времени. По подозрению в тайном исповедании иудаизма он был лишен всех чинов и званий и выехал за границу. Хотя после смены царствования в России Саншес был реабилитирован, в Россию он не вернулся. В Португалию он, впрочем, тоже не поехал, предпочитая жить в Париже и находиться на одинаково почтительном расстоянии и от сибирских морозов, и от костров инквизиции. В Париже Саншес познакомился с Дидро и Д'Аламбером и даже написал одну статью для «Энциклопедии»¹⁵. Так вот – по заказу своих влиятельных друзей в России и Португалии – он составлял, как это было принято в XVIII в., подробные записки по волновавшим их проблемам.

Его трактат о Португалии носил характерное название «О том, как трудно старому государству преобразоваться». Советы, которые он давал своим русским и португальским корреспондентам, были очень похожи. В ответ на вопрос русского вельможи, как наладить в России *les beaux-arts*, Саншес написал целый трактат. Смысл его ответа состоял в том, что России еще рано думать о *beaux-arts*. Сначала нужно если не уничтожить, то, во всяком случае, реформировать крепостное право, создать класс сытых и лично свободных крестьян-собственников. Благодаря этому классу развиваются торговля и промышленность, ну, а затем можно будет думать о *beaux-arts*.

Через 220 лет после написания этого трактата вопрос о создании класса крестьян-собственников по-прежнему дебатруется в российском парламенте. Португалия вышла из порочного круга: «преобразовать старое государство» все же удалось. Удастся ли это в России?

P.S. Ровно через месяц после моего возвращения из Лиссабона была предпринята известная попытка вернуть Россию от прозы биржевых сводок к поэзии военных маршей¹⁶. Любопытно, что в Португалии ей аплодировали крайне левые и крайне правые. Коммунисты приветствовали «возврат к социализму», а известный консервативный историк заявил, что поскольку в России никогда не было демократии, не стоило и начинать.

Все это меня не удивило. В июле еще один бывший министр Салазара рассказал мне, что русский народ не был против Сталина, поскольку репрессии затрагивали не простых людей, думающих о доме и детях, а литераторов и журналистов. Кроме того, Сталина не хватает португальским правым и по внешнеполитическим соображениям: американцев они никогда не любили.

На протяжении всех трех дней путча мне каждодневно звонил мой друг-издатель. Мы обсуждали развитие военно-политических событий и вспоминали ноябрь 1975 г. в Лиссабоне, когда тоже каждые два часа сообщалось, кого поддержал полк RALIS¹⁷ и за кого высказалась военная полиция.

На третий день я сообщил ему, что вроде бы все кончилось, но одновременно сказал, что побаиваюсь новых потрясений. Ответ был крайне успокоительным: «Мы живем в конце XX века. Я разговариваю с тобой из крошечного курорта в горах Сьерра да Эстрелла, и мы прекрасно слышим друг друга на расстоянии в тысячи километров. Историю невозможно повернуть вспять». (Чувствуется бывший марксист). Возможно, это так. Хочется надеяться, что наконец станут реальностью слова Эдмунда Берка¹⁸ о единой европейской цивилизации от Лиссабона до Санкт-Петербурга, тем более, что как раз совсем недавно Санкт-Петербург вернулся из небытия.

Пока что у нас за эйфорией победы и распадом империи последовали не экономические реформы, а бесконечные дебаты между демократами, очень похожие на анекдотические перепалки, которыми избилует история португальской революции 1974–1975 гг. Разница лишь в том, что в Португалии валялись дурака малообразованные офицеры и унтер-офицеры, а у нас – почтенные профессора. И все это происходит на фоне экономической катастрофы.

За это время в Португалии прошли выборы. Коммунисты за свою любовь к тов. Янаеву¹⁹ лишились нескольких процентов голосов, а абсолютное большинство вновь получил А. Каваку Силва. Итак, португальцы по-прежнему предпочитают прозу, а мы – стихи, довольно, по правде сказать, унылые и зловещие. Жить интересно, но страшно. И все же мой португальский друг, наверное, прав. Мир, в котором можно без труда (даже в разгар военного переворота!) дозвониться из Сьерра да Эстрелла в Москву, не может не отличаться от мира 1917–1937 годов.

Примечания

¹ По сообщению друга Р.М. Капланова, историка и журналиста Жозе Мильязе-ша, эта поездка была связана с подготовкой статьи для журнала “Belvédère”.

² Видимо, речь идет о комедии «Шельменко-денщик» (Харьков, 1840) Григория Квитко-Основьяненко (1778–1843), где помещики Кирило Шпак и Осип Опецковский вступают в жаркие дискуссии относительно происходящих в Испании в 30–40-х гг. XIX в. событий, а Шпак рассказывает о своей «непримиримой вражде», перешедшей в судебную тяжбу, по сходному поводу – с соседом, Демьяном Тпрунькевичем. – Благодарим за это уточнение киевского коллегу Владимира Любченко.

³ Традиционная декоративная керамическая плитка *азулежуш*, известная – заимствованная через испано-мавританскую традицию – в Португалии с XV в.

⁴ Алвару Куньял (1913–2005) – политический деятель Португалии, генеральный секретарь ЦК ПКП в 1961–1992 гг.

⁵ Книга очерков немецкого писателя, поэта, драматурга и эссеиста Х.М. Энциенбергера «Ах, Европа!» (1987) отразила его впечатления от путешествий по семи европейским странам.

⁶ Бескровный левый переворот в Португалии, вошедший в историю под именем «Революция гвоздик», поскольку жители Лиссабона раздавали солдатам гвоздики, произошел в 1974 г.

⁷ Имбирный эль – безалкогольный газированный напиток.

⁸ Военные действия закончились в 1992 г.

⁹ Известная испанская компания по производству мороженого.

¹⁰ Известный португальский мореплаватель Васко де Гама (1460–1524), открывший морской путь из Европы в Индию, где и был первоначально похоронен. Позднее его останки были перевезены в Португалию, где место их погребения менялось, пока они не были перенесены (1898) в гробницу при монастыре Иеронима в Белеме у Лиссабона. Считается, что в стоявшем здесь ранее храме моряков Васко да Гама молился всю ночь перед своим первым плаванием в 1497 г.

¹¹ Имеется в виду депутатская группа «Союз» Съезда народных депутатов СССР, образованная в феврале 1990 г. и выступавшая за сохранение СССР как федеративного государства. Сопредседатели: Ю. Блохин (Молдавия), В. Алкснис (Латвия), Г. Комаров (Киргизия), А. Чехоев (Южная Осетия).

¹² Anibal Cavaco Silva (р. 1939) – португальский политический деятель, профессор экономики, премьер-министр Португалии в 1985–1995 г., президент Португалии с 2006 г.

¹³ Шарль Морра (1868–1952) – французский политический деятель, публицист, критик, организатор монархической группы «Французское действие» (1899) и газеты (1908) под тем же названием, сторонник «дисциплины» и «порядка», идеи превосходства «латинской расы».

¹⁴ Луи Пьер Альтюссер (1918–1990) – французский философ-структуралист марксистского направления.

¹⁵ Имеется в виду подготовленная Дидро и Д'Аламбером «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел» («Encyclopedie ou Dictionnaire raisonne des Sciences, des Arts et des Metriers», 1751–1780).

¹⁶ Имеется в виду «августовский путч» – неудавшаяся попытка государственного переворота, предпринятая 19–21 августа 1991 г. консервативно настроенными кругами под руководством так называемого Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), стремившимися, в частности, не допустить превращения СССР в конфедеративный Союз независимых государств, снять М.С. Горбачева с поста главы СССР.

¹⁷ RALIS – полк противовоздушной обороны.

¹⁸ Edmund Burke (1729–1797) – философ и политический мыслитель, член английского парламента, публицист.

¹⁹ Геннадий Иванович Янаев – советский государственный чиновник, вице-президент СССР (1990–1991), один из членов ГКЧП, назначенный им и.о. президента.

**ЛЕКЦИИ,
ПРОГРАММЫ КУРСОВ**

Фрагменты лекций по истории антисемитизма и Холокоста*

Обсуждая антисемитизм, мы имеем в виду, прежде всего, отношение к евреям, а не к другим народам, говорящим на семитских языках.

Определенный антагонизм по отношению к евреям был свойствен даже еще древним грекам, римлянам, что объяснялось определенными особенностями еврейского богослужения, а также пищевыми запретами, в соответствии с которыми евреи практически ни с кем не могли делить трапезу, и это людей как-то очень обижало, а прежде всего тем, что евреи всегда держались более или менее обособленно, считали себя – произнесем эту классическую фразу – избранным народом. Еврейская религиозная цивилизация сложилась, прежде всего, под влиянием Книги, которую христиане называют Ветхим Заветом, а евреи называют Танах; ее распространенное чисто научное наименование – Библия – неточное, потому что полная Библия у христиан включает еще и Новый Завет, который евреи не признают. Хотя его создатели, создатели Евангелий, тоже были евреями.

Проявление враждебности к евреям мы находим во многих произведениях античной литературы, не буду сейчас перечислять, чтобы не переутомить вас.

С другой стороны, достаточно рано проявляется и противоположная позиция, более благожелательное отношение к евреям. Эта противоположность антисемитизма называется филосемитизмом, то есть благо-склонное отношение, уважение, даже иногда преклонение. В Древней Греции тому есть примеры: один из самых первых греческих авторов,

* Видеозапись Максима Ефимова (Петрозаводск, май, 2007):

<http://www.youtube.com/watch?v=YlloDladTIE>

<http://blogs.mail.ru/mail/dekalog/531B68B2B392EF7C.html>

<http://video.mail.ru/mail/dekalog/YHRG-Karelia-video/52.html>

<http://video.mail.ru/mail/dekalog/YHRG-Karelia-video/55.html>

<http://video.mail.ru/mail/dekalog/YHRG-Karelia-video/57.html>

Дешифровал Олег Розенблат.

который писал о евреях, Теофраст, называл их народом философов. Интересно, как возникло это представление, потому что, конечно, философии в греческом понимании у евреев поначалу не было. Видимо, имеется в виду склонность придавать каким-то идейным, религиозным факторам большее значение, чем, может быть, было у других народов. Потом и евреи заимствовали у греков их философию, усовершенствовали ее, привели в соответствие со своим религиозным законом. В частности, были такие классические фигуры, как Филон Александрийский, который философию Платона как-то примирил с иудейской религией и получил большую известность в тогдашнем мире.

Но, тем не менее, филосемитов было меньше, чем антисемитов, и древние антисемиты постоянно находили какие-то основания для предъявления евреям претензий, которые были достаточно своеобразны по сравнению с тем, что существуют в современном антисемитизме. Они, конечно, не обвиняли евреев в том, что они распяли Христа – по той простой причине, что это все происходило еще до того, как Христос был распят, и до того, как он родился.

Итак, какие могли быть претензии к евреям?

По части пищи – раздражали пищевые запреты. Кроме того, раздражал и субботний отдых. Казалось бы, кому какое дело, что еврей делает в субботу, но, тем не менее, деятельными греками это считалось проявлением лени, поэтому евреев осуждали и за субботний отдых.

Кроме того, и это – более важная причина, которая лежала в основе некоторых войн, весьма кровопролитных (первая иудейская война – конец I века христианской эры; вторая – это восстание Бар Кохбы, II век; восстания в различных общинах диаспоры, и т.д.), – религиозная рознь, сводившаяся к тому, что евреи совершенно не хотели поклоняться божествам окружающего населения.

У греков-язычников в этих вопросах была либеральная позиция, и они ожидали от евреев, что те просто присоединят своего Бога, так сказать, к общему пантеону, и будут поклоняться своему Богу, наряду с Зевсом, Афиной Палладой, Афродитой и так далее. Конечно, пойти на это евреи были не готовы. Основная черта религиозной культуры еврейства – это монотеизм, с какого-то времени, так не всегда было. Когда-то у евреев было несколько богов, по крайней мере, у некоторых у некоторых еврейских общин. До нас дошла переписка еврейской общины Элефантины в Египте, это были довольно немудрящие люди, солдаты, находившиеся на службе у персидских царей, и они приносили жертвы не только, так сказать, единому Богу, которого даже нельзя называть. Кстати говоря, то, что нельзя называть и то, что его нельзя изображать, тоже раздражало окружающих. Вы ведь понимаете, какую роль играли изображения богов в греческой цивилизации, а тут – нельзя, и все.

Хотя в каких-то случаях евреи делали уступки многобожию, но это были не те боги, не Афина и Зевс (тогда вообще не было серьезных контактов между евреями и греками), это были семитические божества, похожие на тех, которым поклонялись родственные евреям народы – финикийцы и так далее.

Этот вопрос приобретал иногда и большую политическую остроту. Например, в Древнем Риме, уже в тот период, когда начались взаимоотношения римлян с евреями, существовал культ императора. В частности, император Калигула провозгласил себя богом и велел всюду ставить свои изображения, в том числе покушался даже на главную святыню тогдашнего еврейства – на иерусалимский Храм. Но это было абсолютно неприемлемо, и евреи вышли из положения с помощью хитрости: Калигуле внушили, что в храме происходят всякие гнусные обряды, и его статую туда не пускают, чтобы она тоже не попала в число жертв этих гнусных обрядов, чтобы ее не натирали какой-то гадостью, и Калигула согласился не устанавливать там статую.

Как мы видим и во всей дальнейшей истории антисемитизма, религиозные соображения тесно переплетались с политическими. Вопрос о статусе существовавшего тогда независимого еврейского государства как-то осложнял отношения между народами и религиями. Я не буду вам сейчас рассказывать, как все это происходило, как евреи пытались нанести поражение могучему Риму и как у них, естественно, ничего не вышло.

[...] Как же жили эти евреи? С одной стороны, конечно, народный антисемитизм никуда не делся, и отношение было не слишком любезное, но, во всяком случае, ничего напоминающего Третий рейх все-таки не было, и евреи вполне могли развивать свою культуру, что они и делали во впечатляющих масштабах, особенно в Польше, где существовали еврейские высшие учебные заведения. Все это, так сказать, было неплохо, но тут как раз подвела именно та вещь, которую евреи искренне считали для себя спасительной, а именно – демократия, потому что в Польше к власти пришли очень антиеврейски настроенные партии, прежде всего, партия национал-демократов, эндеков.

Но надо сказать, что демократия продержалась не очень долго. Самой первой страной, которая в межвоенный период отказалась от демократии, была очень либеральная страна, и сейчас, наверное, самая демократическая в Европе, как они сами считают, даже слишком, – это Италия. В 1922 году там к власти пришел фашистский режим во главе с дуче Бенито Муссолини.

Но далеко не всегда авторитарный режим – это синоним преследования евреев. Дуче писал всякое на своем веку, он был очень плодови-

тый журналист. У него есть и очень враждебные высказывания о евреях в период гражданской войны, когда он очень энергично поддерживал «белых». Но, в общем, в период прихода к власти, накануне прихода к власти, Муссолини абсолютно не волновался по поводу евреев. Он принимал евреев и в фашистскую партию: среди них были и видные ее члены, и жертвы фашистской революции, которые пали в стычках с коммунистами, и даже сам зал в Милане на Сан-Сеполькро, где произошло учредительное собрание первого «фашо», был снят на средства еврея-фашиста, состоятельного господина, некоего Чезаре Гольдмана, что, конечно, в Германии непредставимо – хотя в виде исключения каким-то евреям удавалось проникать в национал-социалистическую партию, но это только до первой какой-нибудь чистки партийных рядов, потому что они тут же, естественно, вылетали. Так что, итальянские события не сделали большого вклада в развитие антисемитизма.

Авторитарные перевороты произошли также в двух странах с очень значительным еврейским населением – в Польше и Литве, странах, ненавидевших друг друга страшной ненавистью, и даже в тот период находившихся в состоянии войны, но, к счастью, только теоретически. В Польше пришел к власти военный, небезызвестный маршал Юзеф Пилсудский, или «дедушка», как его называли поклонники (“dziadek”).

А в Литве – отметим, что это более редкая ситуация для авторитарного режима, – пришел к власти профессор классической литературы, Антанас Сметона. Повторяю: они были заклятыми врагами, но в их отношении к евреям было много общего, и оба они (и Пилсудский, и Сметона) были достаточно терпимы.

Так что в данном случае отказ от демократии не привел к нетерпимости. В случае с Литвой, наверное, нет, хотя и там к власти пришли католики, которые евреев не жаловали, но в Польше уж точно переворот Пилсудского был для евреев, так сказать, «лучом света в темном царстве».

И все, может быть, было бы нормально, может быть, как-то худо-бедно развивались бы экономики этих стран (хотя, в общем, таких оптимистических перспектив было не так уж много, но все-таки они были), если бы в Америке не начался мировой экономический кризис. События 1929 года, которые, казалось бы, относятся к Америке и затрагивают сферу экономики, стали настолько сильным ударом по всей мировой экономике (конечно, за пределами Советского Союза, он обходился сам), что и все демократические режимы посыпались, и в авторитарных режимах усилились антиеврейские тенденции.

Правда, в Польше и Литве было несколько иначе. В Литве, пока у власти оставался Сметона, евреям ничего не угрожало. А он не только дожил до советизации, но даже несколько лет прожил после нее в Америке и погиб при загадочных обстоятельствах во время лесного пожара.

Советские официальные историки, стремившиеся дискредитировать бывшего литовского диктатора, говорили, что он погиб потому, что очень хотел спасти дорогую шубу, которая могла сгореть, и провозился с этой самой шубой, из-за чего сгорел и сам. Но это довольно тенденциозная информация, и я не могу сказать, что я ей верю.

Во всяком случае, там никакого пересмотра позиций не было, а в Польше – было, по той простой физиологической причине, что Пилсудский в 1935 году умер. Его преемники, хотя они и клялись в верности, стали проводить несколько иную политику по отношению к евреям.

Мы сейчас не имеем времени рассматривать, как развивались события в каждой из стран в отдельности, но, тем не менее, можете верить мне на слово, что в начале 30-х годов произошел некий исторический поворот, захвативший в какой-то степени и Восточную, и Центральную, и Западную Европу. Для Центральной Европы самым важным моментом был приход к власти Гитлера в январе 1933 года, после чего сразу началась политика ограничения прав евреев, пока еще проводившаяся без массового насилия, хотя погромы уже были в самом начале правления. Но одно дело – погромы, а другое – то, что они стали делать, начиная с 1942 года.

Об этом мы поговорим на следующем занятии, а пока еще посмотрим на остальную Европу. Я говорил, что все довольно плохо обстоит в Восточной Европе, где одно за другим падают демократические правительства, и это относится, например, к странам Балтии. Если Литва, благодаря перевороту Сметоны, стала авторитарной еще в 1926 году, то в 1934 году авторитарный режим возникает в Латвии и Эстонии. Югославия становится авторитарной в 1929 году. В общем, рубеж 20–30-х годов – это такой период, когда за очень тяжелыми экономическими процессами следуют еще более неприятные политические. Авторитаризм не всегда означал антисемитизм. Антисемитизма не было в Югославии: король Александр, ставший диктатором, поддерживал хорошие личные отношения с главным раввином Югославии, и т.д.

В Эстонии и Латвии стало похуже, конечно: были запрещены различные еврейские организации, как, впрочем, и латышские организации. Здесь старались строить однопартийные режимы. Они, конечно, были очень националистические, проводили политику экономического национализма. Поэтому, несмотря на то, что официально антисемитской фразеологии не было, получить лицензию на открытие фабрики, конечно, было легче чистокровному латышу, чем еврею. Так что, какая-то политика ограничения все-таки проводилась, но, разумеется, бледнеющая на фоне нацистской Германии.

Ну, а как же такие традиционные демократии, как Великобритания и Франция? Представьте себе, что там тоже все это сказалось в силу

ряда причин. Когда в одной стране бурно развивается антисемитизм, то евреи, которые ее покидают и переселяются в другие страны, часто приносят с собой бациллу антисемитизма. Немецкие евреи оказались как-то очень непопулярны во Франции. Они все время демонстрировали преимущество немецкой культуры, особенно в сфере кино, говорили, что никакая французская киностудия не сравнится с немецкой студией «УФА»¹ (которая после войны переросла в известную ГДРовскую студию «ДЕФА»², чьей продукцией мы в свое время наслаждались). Все это не слишком вызывало восторг.

Но более важным было то, что в самой Франции начались серьезные социальные бои на фоне мирового кризиса – он пришел позже, чем в другие страны, но все-таки пришел. И вот когда во главе французского правительства, опиравшегося даже и на поддержку коммунистов, встал социалист-еврей, Леон Блюм, это, конечно, дало какие-то аргументы антисемитской печати, очень в тот период активной. Даже в парламенте происхождение господина Блюма стало предметом ожесточенной дискуссии.

Свои проблемы были, конечно, и в Великобритании. Одна из них – то, что Великобритания несла на себе бремя палестинского мандата, а во второй половине 30-х годов это действительно уже стало бременем, потому что арабы, понимая, что они теряют Палестину, в 1936 году подняли восстание. Англичане вынуждены были отстаивать права евреев в Палестине, как они понимали, уже накануне войны. Расчет у них был простой: начнется война, и евреи поддержат Англию, ибо кого еще им поддерживать, не Гитлера же. А арабы очень даже могут поддержать Гитлера, поэтому надо меньше обращать внимания на евреев и больше ухаживать за арабами. Эта точка зрения постепенно привела и к некоторому напряжению между еврейским населением Англии и британским правительством. Кроме того – сейчас мы уже подходим к самому концу 30-х годов – эти страны, особенно Франция, потеряли массу народа во время Первой мировой войны, и по понятным причинам очень боялись новой войны. Вся эта политика умиротворения, конечно, оказалась весьма неудачной, никого они не умиротворили, но психологически она вполне понятна.

А евреи этих позиций не разделяли. Евреи считали, что самое главное зло – это Гитлер, и что даже война приемлема как средство ликвидации нацизма в Германии. И такие позиции высказывались, поэтому некоторые английские, французские политические деятели, выступавшие за какой-то компромисс с Германией, перешли постепенно на позиции антисемитизма, потому что видели в евреях главное препятствие на пути достижения взаимопонимания с Германией. В данном случае они были неправы, потому что, во-первых, не так уж велико было влия-

ние евреев, а во-вторых, сам Гитлер не стремился ни к какому особому взаимопониманию. С Англией, правда, еще может быть, но Францию он, конечно, стремился, разбить, – как поется в немецкой военной песне, «мы Францию победно разобьем», – и, в общем, этого достиг.

[...] Я не буду вам описывать все детали Холокоста, но просто познакомлю вас с некоторыми теоретическими вопросами. Не с тем, как это делалось, а когда вообще этот план созрел и хотел ли Гитлер уничтожить евреев с самого начала. Эта точка зрения разделяется довольно большим числом историков и называется интенционализмом (от английского intention – намерение). Интенционализм – это точка зрения, в соответствии с которой у Гитлера с самого начала было такое намерение. Согласно другой точке зрения, тоже достаточно распространенной (функционализм), речь идет в данном случае просто о развитии политических событий, которые имели свою логику и постепенно привели Гитлера, который в самом начале к этому не стремился, к тому, что он сделал.

Я не являюсь специалистом в данной области, но если бы мне нужно было как-то определиться, я бы сказал, что я – не функционалист и не интенционалист. Я думаю, что имело место и то, и другое, и думаю, что все-таки Гитлер, допустим, в 1933 году еще не знает, что произойдет во время войны.

Конечно, война очень влияет на психику людей, на их политическое поведение, и опять-таки есть дискуссии на близкую тему. Например, есть такой очень известный и очень популярный, – потому что он владеет всей техникой пиара, владеет искусством хорошо выглядеть по телевидению, – американец немецко-еврейского происхождения, Даниэль Гольдхаген, автор книги (я уже, по-моему, ее дал в списке), название которой на русский совсем неудачно переводят как «Добровольные помощники Гитлера»³. Что он говорит? Он считает, что вообще немецкий народ на протяжении всей своей истории всегда стремился расправиться с евреями, вне зависимости от политического режима, вне зависимости от того, что делали сами евреи, была такая мечта.

Еще один термин: что немецкий народ был склонен к “exterminatory anti-Semitism” (от exterminate – уничтожать, истреблять), что можно перевести на русский язык как «истребительный» антисемитизм. Его первая глава посвящена описанию истории Германии именно с этой точки зрения. Между нами говоря (хотя нехорошо так отзываться о коллеге, который, тем более, не сможет возразить), по-моему, это – ужасная чушь, потому что в истории Германии мы находим всякие периоды. Действительно, были периоды, когда немцы относились к евреям хуже, чем другие народы, а были периоды, когда был либерализм, так что я думаю, что все это ерунда.

Так в чем же сила этого Гольдхагена? Ведь если бы весь текст был на уровне этой первой главы, то никто бы его и читать не стал. Он использует источники, правда, не очень ясно, с какой степенью оригинальности, потому что есть американский историк Браунинг, который использовал примерно те же источники, но пришел к совершенно другому выводу⁴. Речь идет о письмах с войны группы немецких военнослужащих, профессиональных полицейских из города Гамбурга, людей семейных, немолодых. Их совершенно нельзя считать какими-то нацистскими фанатиками, у которых пена на губах и вращаются глаза (причем Гамбург был одним из самых антинацистских городов Германии), и, тем не менее, там от каждого письма к следующему все более заметны, прогрессируют людоедские настроения. Они действительно стремятся истреблять евреев, и этим успешно занимаются.

Причем, надо сказать, что обычное оправдание, что людей заставляли, в данном случае не действует, потому что те, кто не хотел заниматься уничтожением людей, могли от этого отказаться, и им находили какую-то другую функцию. Причем никого из отказавшихся никаким особым репрессиям не подвергали – кроме того, что их посылали на другой участок, так сказать, работы, – и их было очень мало.

Так что, в целом, конечно, понятно, что немцы 1943–1944 годов – это, конечно, довольно страшная публика, но, с другой стороны, скажем, американский историк Браунинг, который использовал тот же материал, что и Гольдхаген, назвавший их в своей книге «обычными немцами» (“ordinary Germans”), называет их обычными людьми (“ordinary men”), говоря о том, что в определенных обстоятельствах – во время войны, при постоянных жертвах, при психологическом воздействии со стороны властных структур, – превратиться в такого нечеловека, в общем, не так уж трудно, даже не будучи немцем. Гольдхаген, например ничего не пишет о тех зверствах, которые допускали представители других народов Европы в составе сил вермахта, СС, куда их брали, он считает, что все делали только немцы.

Но при этом Гольдхаген очень популярен в Германии, как ни странно, и там его с большим успехом переводят, продают его книги, он выступает по телевидению. Дело в том, что он очень фокусирует свои нападки на немцев, говоря, что все это немцы до 1945 года, до периода денацификации. А вот после этого немцы так прониклись демократической идеологией, что это уже совершенно другие люди. Поэтому к современной немецкой молодежи все, что относят ко всей истории Германии, от древности до 1945 года, не относится, она хорошая. И молодежь оценила такое хорошее отношение, и среди немецкой молодежи он был (не знаю, как сейчас, уже прошло даже больше 10 лет) довольно популярен.

Я, конечно, этой точки зрения не разделяю. В данном случае нужно, конечно, видеть проблему в целом, а не только особенности, традиции того или иного народа. И до войны, и во время войны, по данным самих нацистов, находилось довольно много немцев, которые проявляли сочувствие к евреям. Некоторые их спасали, некоторые, – что в то время тоже считалось преступлением, – вступали с ними в половую связь. Это называлось осквернением расы, но довольно много представителей особенно немецкой молодежи, в общем, вполне были готовы при удобной конъюнктуре осквернить расу.

Я все-таки думаю, что это какие-то страшилки – в том, что пишет Гольдхаген, не по факту, потому что факт известен и ужасен, а по образу немца, который он рисует. Как вы знаете, все-таки не так мало немцев спасало евреев⁵, какую-то роль играли церкви, особенно католическая, в определенной степени – протестантская, были священники, которых казнили за попытки помогать евреям, так что эта картина гораздо более сложная, чем представляется господину Гольдхагену.

Как связан факт антисемитизма с Холокостом, уничтожением евреев? Казалось бы, это на поверхности, большинство людей скажет, как связан: это то же самое, это – проявление антисемитизма, и в каком-то смысле они будут правы. С другой стороны, нельзя пройти мимо того факта, что люди, которые до войны были убежденными антисемитами, нередко во время войны заняли по отношению к евреям другую позицию, не такую, какой от них можно было ожидать, учитывая их мировоззрение. Это относится к Польше, где известная писательница, госпожа Коссак-Щуцкая писала, что, с одной стороны, евреи, конечно, – наши враги, и остаются ими даже сейчас, когда они в таком тяжелом положении, с другой стороны, мы должны все-таки, будучи христианами, католиками, проявлять по отношению к ним христианское милосердие, что она практически и делала, рискуя жизнью, потому что в таких местах, как Польша, Украина, помогать евреям было, наверное, опаснее чем, например, в Дании.

Кстати, забудьте историю про датского короля, надевшего повязку с шестиконечной звездой. Этого никогда не было, даже если это и вошло в совсем, в общем-то, неплохой фильм Эльдара Рязанова, на самом деле это выдумка. Король никогда не надевал никакой шестиконечной звезды по той простой причине, что нацисты не пытались ее вводить для еврейского населения Дании. Когда они решили разобраться с евреями Дании, они не стали мелочиться, а просто решили всех вывезти для уничтожения, но это им не удалось, в частности, благодаря некоторым немцам. Был такой дипломат Георг Дуквиц⁶, который прожил долгую жизнь и впоследствии занимал видный пост в министерстве иностранных дел ФРГ, а в те времена был еще молод, но тоже уже был ди-

пломатом. Он узнал об этих планах и, имея контакты с датским Сопротивлением, сообщил им, что что-то надо сделать. Датчане, не дожидаясь того, что всех евреев вывезут, посадили их в ночное время на лодки и отправили в Швецию. Конечно, заслуживают восхищения те датчане, которые это организовали. Это действительно был наиболее яркий случай массового спасения евреев. Их было не так много, конечно, в Дании, но, тем не менее, удалось спасти практически всех. Какая-то часть просто по физическим причинам не смогла выехать – это очень старые, очень больные люди, и они попали, конечно, в нацистские лагеря, но даже там датчанам удавалось как-то о них заботиться, посылать продуктовые посылки и т.д., так что датских евреев выжило относительно очень много.

Но имейте в виду, что все-таки в Дании Гитлер вел себя не так, как в Польше и Украине, поскольку Дания оставалась независимым государством. Это, кстати, была единственная часть гитлеровской Европы – не только гитлеровской, но и оккупированной гитлеровцами, – где прошли демократические выборы, на которых национал-социалистическая партия, – а такая была в Дании – потерпела сокрушительное поражение. Еще без Гитлера они какие-то голоса набирали, но с Гитлером уже ничего не получилось.

В Израиле есть такая категория, такое понятие, как «праведники мира», – это те неевреи, которые во время войны спасали евреев. Как вы думаете, где, в какой стране больше всего праведников мира?

Ответ из зала: В Польше!

Совершенно верно, ответ в данном случае вполне соответствует действительности. Да, Польша, а кто был на втором месте?

Ответ из зала: Мне кажется, что Голландия, Нидерланды.

Да, совершенно верно, они делят второе место с Францией, но эти данные могли устареть, потому что по некоторым странам данные стали поступать сравнительно совсем недавно, после конца советской власти.

И – четвертое место? Не догадаетесь, ну, ладно, не буду вас мучить: Украина. Причем, на самом деле, возможно Украина заслуживает и более высокого места, просто данные об Украине стали поступать достаточно поздно, и большинство людей, которые должны были получать всякие награды за такую свою деятельность, уже на том свете, и награды вручают обычно детям, а иногда и внукам.

Так вот, мы говорили о том, как соотносится антисемитизм и участие в Холокосте. Я привел один пример польской писательницы, но примеров таких довольно много. Например, среди высшего духовенства Румынии очень часто были распространены антиеврейские настроения. Так, митрополит Буковины Тит был известным сторонником антисе-

митских партий типа «Железной Гвардии», но во время войны он вел себя совсем не так. Так что такие случаи были распространены, и, видимо, надо иметь в виду, что чисто вербальное проявление антисемитизма вовсе не означает, что человек готов бросать детей в костер. Это все гораздо тоньше, чем может представиться на первый взгляд.

Теперь немного о том, как все это происходило – не в плане самого физического истребления, а как в разных странах решали этот вопрос. Наибольшую склонность к истребительному антисемитизму, если пользоваться терминологией Гольдхагена, после, конечно, Германии, проявила страна, которая вам вряд ли придет в голову, о которой мы мало знаем, хотя ее начинают рекламировать как страну, где можно прекрасно провести летний отпуск, – это Хорватия. Ее тогдашнее руководство отличалось каким-то невероятно зверским отношением к еврейскому вопросу, притом, что некоторые из этих руководителей были или жены на еврейках, или сами были полуевреями, но это как-то их позицию не смягчило. В Хорватии тогда у власти стояло политическое движение, которое называется усташи, или повстанцы. И, конечно, это были люди мало приятные во всех отношениях, и они так старались не только относительно евреев, но, если это было только возможно, еще зверски истребляли сербов и цыган. Ну, вопрос о цыганах – это вообще отдельная тема, я не хотел бы сейчас ее поднимать.

Но есть такие еврейские круги (к которым я не принадлежу и которым не сочувствую), претендующие на уникальность своей судьбы, на уникальность Холокоста. С одной стороны, в этом что-то есть, например, я довольно часто слышу, в том числе – и от своих близких друзей слова: ну что евреи так по этому поводу кричат и выходят из себя, а кого не убивали?! А сколько народу было убито в Беларуси, например, так что, только все время об этом и вопить?! Нет, Холокост, конечно, имел свои особенности, и Холокоста славян не было. Неизвестно, конечно, как пошло бы дело дальше, если бы Гитлер выиграл войну, может быть дошло бы и до этого, но Холокост подразумевает полное истребление народа, от старого до малого. Например, уничтожались дети, которые вообще наиболее уязвимы, им труднее спастись в условиях преследований, и с евреями должно было случиться именно так, и в значительной степени действительно случилось.

Подобных планов относительно славян у Гитлера, повторяю, не было. Если кого-то можно в этом смысле приравнять к евреям, то скорее цыган, но тут есть разные мнения. Во-первых, сами нацисты не отличались последовательностью. Версия о немецком порядке сильно преувеличена, и к Третьему рейху она, во всяком случае, не относится, потому что Третий рейх отражал многие черты личности Гитлера, а он был человеком чрезвычайно беспорядочным. Может быть, это объясняется

тем, что он по происхождению – не настоящий немец, а австриец, поэтому у него часто было семь пятниц на неделе и, в общем, я думаю, что они так до конца и не решили, что делать с цыганами.

Я не претендую на то, что я в этом специалист, но, тем не менее, некоторые сторонники тотального уничтожения цыган были, и цыгане, конечно, очень пострадали.

Почему я в принципе против уникальности: потому что попытки уничтожить весь народ как народ, в общем-то, в истории встречались и до Гитлера, и после Гитлера не так уж редко: это, например, сделали представители народности хуту с народностью тутси – у нас на глазах, совсем недавно, в 1994 году. Я читал газеты и, конечно, весь дрожал от возмущения, это было в Париже, а французское правительство, в общем, мало что делало, могло сделать гораздо больше, чтобы остановить хуту. Это другой вопрос, но, тем не менее, идея поголовного истребления не является, так сказать, исключительной принадлежностью национал-социалистов.

Итак, Хорватия, а на противоположном конце – какие союзники Гитлера практически не преследовали, во всяком случае, не уничтожали евреев и не передавали их нацистам, за некоторыми исключениями? О какой стране идет речь, можете отгадать? Главное, что она совсем от вас близко.

Ответ из зала: Финляндия?

Да, это Финляндия. Тут опять-таки надо отличать какой-то элемент бытового антисемитизма: в дневниках Маннергейма⁷ очень много антиеврейских высказываний, но когда реально встал вопрос о передаче евреев Финляндии нацистам, и вопрос был поставлен самим Маннергеймом на очень высоком уровне (собирались его обсуждать, по-моему, с Риббентропом, боюсь соврать), то он (правда, это – по его свидетельству, а человек может себе польстить), как он пишет, сказал совершенно определенно: «В Финляндии нет никаких евреев, в Финляндии живут только финляндские граждане, а финляндских граждан мы, естественно, никому выдавать не будем». Вот такой подход. Поэтому финская армия не занималась деятельностью по уничтожению евреев, более того, на вашей территории, в районе реки Свирь армия Финляндии построила полевую синагогу для своих военнослужащих-евреев. И эти военнослужащие действительно воевали с Советским Союзом в составе армии Финляндии.

Надо сказать, что всякие конгрессы и объединения евреев-ветеранов, конечно, никогда не примут еврея, который сражался на стороне Германии в составе германской армии (такие удивительные случаи бывают, но, разумеется, абсолютно не пользуются симпатией и уважением). То же относится и к другим армиям «Оси»⁸, но для евреев, служивших

в финляндской армии, делают исключение, считая, что все-таки это была несколько другая война.

Там бывали такие, порой забавные, случаи, – если можно так говорить о войне, – когда, допустим, еврей – военный врач, служивший в финской армии, выносил из-под огня эсэсовца. Они воевали бок о бок, и эсэсовцы, и вообще – немецкие офицеры заявили, что их абсолютно не волнует, кто в Финляндии – еврей, кто – не еврей, что этот вопрос применительно к Финляндии никто не ставит. А того, кто вынес эсэсовца, решили наградить железным крестом, на что он ответил очень невежливо. Если бы здесь были представители только сильного пола, я бы процитировал, но я цитировать не буду. В общем, он предложил что-то с этим крестом сделать, что, конечно, не входило в планы германской армии, и тогда уже германская армия обиделась – она не привыкла к такому обращению, и финнов пытались заставить его выдать, но финны как-то этот вопрос смикшировали, так что этого не произошло.

Ну, вот такие два как бы полюса. Хотя один случай был, когда по линии чуть ли не тогдашнего Интерпола (опять-таки боюсь соврать), восемь человек, которых обвинили в уголовных преступлениях и представили доказательства, были действительно переданы Германии, только один из них выжил. Это было на уровне финляндской полиции, начальник которой большим либерализмом не отличался. Министром внутренних дел был тогда один из деятелей шведской партии в Финляндии, которая была известна своим либерализмом, и он категорически запретил такую практику в финской полиции. После этого разговоров на эту тему не было.

(Шведское меньшинство в Финляндии меня всегда интересовало, я посетил их в 1991 году и даже стал членом Шведского литературного общества Финляндии, которое до сих пор мне присылает свою литературу, свои публикации. Они нагромождаются у меня дома, не могу сказать, что я их уж так тщательно читаю, хотя шведским более или менее владею, но, тем не менее, мне приятно, что я попал в такую не самую плохую компанию, в это литературное общество.)

Можно сделать небольшое отступление о практике награждения «праведников мира». Один раз уже совсем было собрались дать это звание бывшему эсэсовцу, который спасал евреев, но, тем не менее, было много противников этого награждения, которые говорили, что он спасал в основном молодых и красивых женщин с определенной целью, но это, кажется, не было доказано. Во всяком случае, решили не провозглашать его праведником и дали ему почетную грамоту.

Никак не может – уже через много лет после смерти – получить звание «праведника мира» бывший глава униатской церкви, митрополит Шептицкий⁹. Он действительно спасал евреев в униатских монастырях

в Украине, но как-то вот его до сих пор не удостоили. В качестве некоего умиловительного жеста дали это звание его брату, дьякону Шептицкому¹⁰, который тоже участвовал в спасении евреев.

И, наконец, есть один случай, когда человек отказался от этого звания.

Все остальные страны, в общем, могут быть размещены на оси между Финляндией и Хорватией (я имею в виду именно союзников, потому что про других – это отдельный разговор). Такое промежуточное положение занимают Венгрия и Румыния, причем там все развивалось совсем непохоже, неодинаково.

В Венгрии всю войну венгры как-то более или менее защищали «своих» евреев. Это – очень важный момент Холокоста, потому что многие правительства отстаивали «своих» евреев и охотно жертвовали евреями-иностранцами, до которых немцы добрались на территориях стран, управлявшихся этими правительствами. И Венгрии это все удавалось делать до 1944 года. Тем не менее, они оккупировали Венгрию – основной причиной был не еврейский вопрос, а нежелание Венгрии участвовать в войне, то есть она участвовала, конечно, но очень неохотно, посылала мало солдат, и вот она была оккупирована, и тогда погибли венгерские евреи, кроме Будапешта.

У Будапешта было большое личное сопротивление со стороны главы венгерского государства, Миклоша Хорти, заявившего, что он не отдаст на уничтожение людей, с которыми играет в карты. Он действительно был в социальном плане достаточно близок к верхушке будапештского еврейства, и может быть, это его и спасло. С другой стороны, он был свергнут после начала периода немецкой оккупации, а новое правительство было абсолютно кровожадным, но тогда уже Красная армия стучалась в двери Будапешта, и, в общем, было уже не до эвакуации евреев – и по транспортным соображениям, и по другим.

А в Румынии было наоборот. Начали они очень плохо: они сами устраивали лагеря уничтожения, чего, кроме немцев и румын, никто не делал. Это была политика очень жесткая, но и тут больше свирепствовали по отношению к евреям тех территорий, которые Румыния отвоевала у Советского Союза, прежде всего – Бессарабии, в меньшей степени – Буковины, а собственно румынских евреев из так называемого Румынского королевства не очень трогали даже в плохие времена. А уже в 1942–1943 годах Антонеску, который был достаточно подготовленным профессиональным военным, пришел к выводу, что Германия войну не выиграет и что Румыния должна сделать из этого свои выводы. И он полностью прекратил деятельность по уничтожению евреев. Это его не спасло от повешенья, он был казнен¹¹, но в Румынии спаслось гораздо больше евреев, чем в других странах.

Некоторые более и менее благородные жесты делали и вишистские правители, но все по той же логике: за евреев, не имевших французских паспортов, они особенно не заступались. Тех, у кого паспорта были, они, в общем, старались все-таки не выдавать, и когда нацисты предложили аннулировать французское гражданство тех, кто его получил после 1927 года, Лаваль¹² даже вроде бы согласился, но потом он категорически взял свое согласие назад и так прямо сказал нацистам: «Я вам не загонщик», благодаря чему все-таки высокий процент евреев Франции спасся.

Что касается антисемитизма, во-первых, как я уже сказал, некоторые антисемиты вели себя вполне порядочно, а с другой стороны, во всей Европе после войны, – хотя, казалось бы, можно было ожидать какой-то солидарности, – антисемитизм во многих странах скорее усилился, чем ослаб. В какой-то степени это было связано с тем, что возвращение евреев для многих означало прямые материальные потери. Это, прежде всего, относится к Польше, потому, что за время немецкой оккупации еврейское имущество как-то нашло себе новых хозяев, и эти хозяева не стремились с ним расстаться.

У меня есть знакомая из самой исконной польской крестьянской среды, и поэтому я доверяю ее информации, которой ее бабушка говорила, что после войны началась вторая – гражданская война между евреями, которые хотели получить свое добро назад, и поляками, которые не хотели с ним расставаться, уже к нему очень привыкли за время войны и поэтому хотели его за собой сохранить. И она – со слов своей бабушки – даже называет это настоящей войной.

Такое было и во многих других странах Европы. Отдельный случай – это Советский Союз, где Сталин действительно еще перед войной освободился от интернационалистской идеологии и стал проводить более или менее националистическую политику, но, конечно, очень осторожно. Например, это касается полной, так сказать, реабилитации царизма, что проповедовали некоторые ученые мужи, в том числе – и профессор Тарле, знаменитый историк сам крещеный еврей, но Сталин так далеко идти не хотел, какие-то рудименты интернационализма должны были оставаться, и евреи все-таки никогда не были официально прокляты, хотя некоторые публицистические тексты 1953 года, конечно, очень выразительны. Но это все-таки писал Петр Измestьев, был такой публицист, а не Иосиф Сталин.

Так что тут было все не так просто, хотя, конечно, усиление антисемитских тенденций наблюдалось и во время войны, и в первые годы после войны, и особенно большой всплеск был в начале 50-х годов.

[...] Поговорим о судьбах антисемитизма в мире после Второй мировой войны. Открытый политический антисемитизм, конечно, был

запрещен, но, разумеется, не везде, как, например, во франкистской Испании, в Португалии, бывших де факто союзниками Гитлера. Однако Франко был человек военный, и тоже понимал, что ничего хорошего не будет, если он проявит слишком большую солидарность с нацистами. В тогдашних португальских газетах, – а я в свое время писал кандидатскую диссертацию о португальском диктаторе Салазаре и его политике, – разумеется, можно найти какие-то элементы антисемитизма. Когда в Испании Франко победил в гражданской войне, еврейская община вообще ушла в подполье. Она очень опасалась, что будет проводиться политика гитлеровского типа, и старалась вообще не мозолить глаза. Может быть, это и сработало, потому что уже через несколько лет после войны Франко сделал какие-то жесты в адрес евреев.

Кроме того, во время Второй мировой войны и испанские, и португальские дипломаты сделали не так уж мало для своих соседей-евреев, особенно в Балканских странах, и это потом облегчило примирение между евреями и испанцами, евреями и португальцами, особенно, когда эти страны осудили деятельность своих королей XV века, которые выгнали евреев соответственно из Испании и Португалии. Испанский король в 1492 году, в годовщину изгнания, лично пришел в синагогу просить прощения, а в Португалии парламент принял официальное постановление об отмене указа короля Мануэла Счастливого об изгнании евреев. Это конечно носило уже чисто символический характер, но тем не менее.

Что можно сказать о нейтральных странах? С одной стороны, они все-таки не упускали случая совершить гуманный поступок, а с другой стороны, они, конечно, страшно боялись нацистов. Вот, в Швейцарии был такой пограничный офицер, Грюнингер¹³, который провел через границу довольно много евреев, правда, кажется, брал за это деньги. А евреям пройти на швейцарскую территорию было нелегко, хотя таких случаев в общей сложности было около 20 000. Но этот Грюнингер стал жертвой служебного расследования, подвергся некоторым репрессиям и был реабилитирован только посмертно.

То же относится к португальскому консулу в Бордо¹⁴, которого выгнали с работы, он уехал в Португалию и умер в бедности. Но уже в период демократической Португалии, не сразу, – инерция была и там, – он все-таки получил от португальского президента Марио Соареша посмертно высший португальский орден Башни¹⁵.

В странах, воевавших с Гитлером, тоже были элементы антисемитизма, и особенно эти вопросы стали как-то злободневными для страны, которая в общем никогда не знала погромов, – это Англия. Но тогда речь шла уже об отношениях между англичанами и евреями в период сионистского террора, который бесспорно был, и часто был направлен

против высших британских гражданских чиновников и военных. Это, конечно, английскому народу не нравилось. Хотя английские евреи отмежевывались от такой практики, но, в общем, отношения были в какой-то степени испорчены.

В Восточной Европе периодом такого острого антисемитизма мы можем называть конец 40-х – начало 50-х годов, когда Сталин и его сателлиты расстреливали видных евреев. Это относится и к лидеру чехословацких коммунистов Сланскому, в Советском Союзе – к Михоэлсу, к членам Еврейского антифашистского комитета, который сам же Сталин легализовал во время войны, надеясь с его помощью собирать средства за границей, прежде всего – в Америке. Так что имели место всевозможные достаточно жестокие преследования, и, конечно, социальный антисемитизм – нежелание брать евреев на работу – был в тот период вполне распространенным явлением, но конечно, никогда, даже в самые худшие времена, это не было на уровне нацистской Германии, особенно в период войны.

Если иногда сравнивают Сталина с Гитлером, то я вовсе не отрицаю, что они оба были людоедами, но специфически антиеврейская струя в сталинском Советском Союзе была гораздо слабее, чем в нацистской Германии. Даже не хочу доказывать такие самоочевидные вещи, но, к сожалению, некоторые в это не верят.

Что еще можно сказать об антисемитизме? Что опять-таки надо иметь в виду, что личные чувства того или иного лидера вовсе не обязательно отражаются в его политике. Например, Никита Сергеевич Хрущев, судя по некоторым его высказываниям, был довольно сильным антисемитом, но период хрущевской оттепели, в общем, для евреев прошел без больших потерь и намного лучше, чем последующий период коллективного руководства, что фактически означало господство Леонида Ильича Брежнева, который был настроен по отношению к евреям весьма снисходительно.

Есть и довольно правдоподобная версия, что его супруга была еврейкой, но дело даже не в этом, а в том, что он, генеральный секретарь, например, говорил крамольные вещи: «Ну почему бы, в конце концов, не открыть еврейский театр? Ну, пришла бы туда тетя Хана, послушала бы там еврейские свадебные песни, ну и что, так сказать? Небо не упадет, социализм от этого не развалится». Это зафиксировано в протоколах заседаний Политбюро ЦК КПСС. Если у генсека были такие мысли, а на самом деле ничего реально не случилось в плане такой либерализации, то, конечно, видимо, все-таки его власть не была неограниченной. Я при этом не думаю, что он уж так хотел настаивать: вопрос, конечно, был острый, и даже если он сам и был в некотором смысле юдофилом, то он понимал, что эта точка зрения вовсе не свойственна многим его коллегам по Политбюро, так что, может быть, и не стоит созда-

вать еще одну конфликтную проблему, ради того, чтобы тетя Хана могла сходить в театр и послушать еврейские песни.

Вот так обстояли дела в Советском Союзе, а дальше уже ситуация развивается совсем по-иному, потому что уже сам Советский Союз прекращает свое существование. Наступает сначала перестройка – это еще был Советский Союз, – затем – постперестройка, то есть тот режим, в условиях которого мы живем до сих пор, и в этих условиях, с одной стороны, конечно, почти исчезает государственный антисемитизм (обратите внимание, кто у нас премьер¹⁶), и, конечно, есть очень большая культурная автономия у евреев.

Во-первых, есть вообще такие институты, которые называются культурно-национальными автономиями, не только, естественно, для евреев, но и для других национальностей. В России, например, есть ФЕНКА (Федеральная еврейская национально-культурная автономия) – нельзя сказать, что она так уж очень активна, но все-таки тоже что-то делает. Есть всякие организации религиозного типа, которые в основном заняты тем, что воюют друг с другом.

И наконец, вот мы, грешные, тоже пытаемся развивать иудаику, создаем разные высшие учебные заведения, некоторые из них оказываются менее долговечными, исчезают, сливаются с другими, причем мы это стараемся делать в масштабах всего бывшего Советского Союза (в принципе в наших мероприятиях и конференциях может участвовать, кто угодно, от Японии – до островов Сан-Томе и Принсипи¹⁷, но билеты мы оплачиваем только бывшим советским гражданам, то есть гражданам тех стран, которые когда-то входили в состав Советского Союза).

Это – одна сторона, с другой стороны, при почти полном отсутствии государственного антисемитизма, общественный антисемитизм, антисемитизм на страницах газет и журналов чувствует себя лучше, чем когда-либо в советское время, потому что даже во времена Сталина, в худшие годы сталинизма, конечно, такая прямая проповедь антисемитизма, чуть ли не проповедь погромов, которую можно прочесть на страницах некоторых журналов и газет, в тот период была абсолютно исключена.

Сталин, хотя и был человеком очень жестоким, при этом был еще человеком очень лицемерным. Поэтому он очень следил за тем, что можно говорить, а что нельзя. И, повторяю, когда еще не в плане антисемитизма, а в плане такого подчеркнутого русского национализма стали выступать некоторые деятели культуры, в том числе и еврейского происхождения, как Тарле, их поправили.

А в наше время это все абсолютно возможно, так сказать, пишу, что хочу. Как к этому относиться? Вот я выступал в Национальной библиотеке Карелии и публика, весьма немногочисленная, задавала мне вопросы: «Вот вы говорите, что нет государственного антисемитизма? Но государство ведь терпит, что выходят такие газеты, журналы, так что

у него тоже рыльце в пушку!». Ну, на это по-всякому можно отвечать. Может, в некоторых случаях и стоило бы власть употребить, но вообще, как говорили некоторые мои знакомые румынские коллеги, народ на протяжении стольких поколений, стольких десятилетий вынужден был помалкивать, и нехорошо, если мы сейчас опять будем затыкать рты. Так что я тоже не очень большой сторонник такой запретительной политики.

В Соединенных Штатах – это не значит, что я проповедую американский опыт, – самая радикальная в этом смысле позиция, как мне объясняли: если вы где-то скажете, что всех евреев нужно убить, – это еще не преступление, это – ваше мнение. Конечно, с ним мало кто согласится, но это будет ваше мнение, не подлежащее преследованию. А вот если вы скажете, что давайте завтра в 11 утра соберемся там-то и там-то и перебьем всех евреев, – это уже уголовное дело, потому что тут выражаются какие-то конкретные преступные намерения, и за это уже можно преследовать. Во всяком случае, я бы очень осторожно преследовал за мнение, даже если это мнение абсолютно идиотское. У нас очень любили цитировать в период горбачевской перестройки фразу Вольтера: «Я ненавижу ваше мнение, но я готов отдать жизнь за ваше право его высказывать». Звучит красиво.

Но это, конечно, в общем, потенциально связано с какими-нибудь опасностями: вот господин Копцев, совершенно больной парень, который ворвался, начитался всяких книжек и пришел к выводу, что евреи хотят истребить всех неевреев, он не стал тратить времени на дискуссии, пошел в синагогу с ножичком, даже вступил в контакт с прихожанами синагоги, и многие были довольно серьезно ранены. Ему дали довольно приличный срок, причем со сроком не согласился ни он, ни его жертвы. И те и другие требовали пересмотреть это дело. Его пересмотрели и дали ему еще несколько лет¹⁸. Вот, такие дела у нас в Москве происходят.

Но у вас тоже какие-то проявления такого антисемитского вандализма встречались: совсем недавно, буквально 4 дня тому назад, на кладбище Петрозаводска пострадал от вандалов еврейский религиозный символ – менора¹⁹. Так что какие-то элементы антисемитизма есть везде.

Они, конечно, есть, в большей или меньшей степени, и в Западной Европе. Сейчас много говорят о новом антисемитизме, даже есть такой термин. Но обычно все-таки имеется в виду враждебность к Израилю, и это, на мой взгляд, все-таки не одно и то же, хотя иногда она переходит во враждебность ко всем евреям как к людям, поддерживающим Израиль. Есть такой термин, и есть такое явление. Но тут тоже надо быть очень осторожным, потому что, если человек за что-то критикует

Израиль, пусть даже неправильно критикует, это еще не делает его автоматически антисемитом, хотя эти вещи – антисионизм и антисемитизм – в общем-то как-то связаны.

Ну и конечно, как это ни парадоксально, даже забавно, что мне приходится заканчивать таким парадоксом: самые главные антисемиты современного мира – это как раз семиты, что мы уже обсуждали на предыдущей лекции. Потому что в арабских странах, конечно, критика Израиля и евреев уже выходит за все парламентские рамки. Я помню, как я был в Египте в период максимального успокоения на Ближнем Востоке, это было накануне или после подписания великого договора, мирного договора с Иорданией, но, тем не менее, если смотришь на книжные развалы Александрии, то там видишь огромное количество книг с расистскими, антиеврейскими карикатурами, с призывами к убийству. У них очень популярен такой мотив: изображен какой-то отвратительный еврей, на него надевают железный щит Давида с шестиконечной звездой, и душат с помощью такого приспособления. Вот на такого рода продукции воспитывается молодое поколение арабских стран.

Я считаю, что и это, в общем, не то чтобы уж навсегда, вроде какие-то меры по этой части, хотя бы в некоторых арабских странах, принимают, но в целом, конечно, такой звериный антисемитизм там достаточно распространен, и они стараются по мере возможности насаждать его и в других странах, даже деньги на это тратят в тех же Соединенных Штатах. В общем, ничего не получается, потому что большинство населения, как вы можете заметить, не относится ни к антисемитам, ни к филосемитам, большинство населения занято своими собственными делами и, как правило, этих дел достаточно. Делаются попытки распространять антисемитскую литературу в Америке, финансировать существующие антисемитские организации (они есть – американцы очень терпимы, даже слишком, – но в них практически никто не вступает), но они – люди деловые, да и арабы, в общем, не очень любят бросать деньги на ветер, поэтому они прекратили финансирование антисемитских организаций просто из-за того, что нет публики, которая бы этим достаточно интересовалась.

С другой стороны, говорят, не без основания, что евреи-то очень интересуются проблемами Израиля, проблемами сионизма, проблемами антисемитизма. Я недавно смотрел в Риге по телевидению дискуссию, передававшуюся телевидением ВВС. Это был знаменитый Оксфордский клуб, оксфордское общество, где постоянно идут дискуссии и выдвигаются даже самые парадоксальные тезисы, а потом участники, как правило, – оксфордские студенты, голосуют. В этих клубах начинали свою политическую карьеру многие знаменитые английские политики. На этот раз в дискуссии обсуждался вопрос о том, существует ли сионист-

ское лобби, оказывающее огромное влияние на политику разных стран, на сферу информации, в том числе и в Европе, хотя более – в Соединенных Штатах. Ну и подавляющее большинство – две трети студентов-участников проголосовало «за». Ну, во-первых, потому что действительно есть сионистское лобби, и те, кто выступали в дискуссии, сами были деятелями разных обществ, болеющих душой за Израиль. Так что в этом ничего такого уж из ряда вон выходящего нет, существует и арабское лобби, оно, конечно, не такое мощное, но, тем не менее, арабов в Соединенных Штатах не так много, и они вовсе не помалкивают.

На что я, в общем, возлагаю надежды в перспективе – относительно, может быть, даже арабских стран, даже арабов Палестины, – на то, что все-таки люди меняются, что даже нынешние палестинцы (правда это пока совершенно не отражается на выборах) – все-таки не те, которые были 50 лет тому назад. У них меньше детей, то есть, с одной стороны, это, конечно, плохо, я в принципе считаю, что чем больше детей, тем лучше, но когда детей меньше, это значит, что больше дорожат человеческой жизнью. Кроме того, конечно, особенно у арабов Израиля гораздо более высокий уровень жизни, чем у них был бы, если бы существовало государство Палестина. Я не сравниваю с государствами, экспортирующими нефть, но такое западное общество процветания, в общем, в какой-то степени пришло и в Палестину, хотя, повторяю, пока это не нашло никакого выхода на выборах.

Что касается нашего отечества, то я не думаю, что вообще еврейский вопрос, вопросы антисемитизма стоят остро, хотя, разумеется, пока происходят такие вещи, как осквернение меноры, успокаиваться нельзя. Но думаю, что уже, как и здесь, так и в Восточной Европе, еврейский вопрос отчасти утратил свою остроту по объективным причинам. В Восточной Европе еще и потому, что там осталось не такое большое количество евреев – три миллиона (или 10%), они, конечно, сильно сократились из-за нацистов. Кроме того, была очень большая эмиграция после войны из Восточной Европы. Из России почти не было эмиграции в послевоенный период, из России была значительная эмиграция в конце 1970-х, 80-е, особенно 90-е годы. Так что постепенно еврей становится скорее абстрактным понятием для жителей Российской Федерации. А из-за абстрактных понятий люди не склонны особо волноваться. Я лично считаю – вместе с публицистом Леонидом Радзиховским, написавшим статью на эту тему в «Еврейском слове»²⁰, – что для России основные национальные проблемы связаны не с евреями, а с мусульманами. Мусульман больше, у них их высокая рождаемость, они более основательно придерживаются своей религии, а среди евреев очень много таких, которые вообще чужды религии, или скорее более близки к христианству.

У мусульман же такого нет, и когда им обещают ассимиляцию, мол, мы будем к вам относиться так, как если бы вы были русские, они вполне возможно могут ответить: «Спасибо, нет, мы не хотим, мы – не русские, мы – мусульмане, татары и т.д.». Так что, в принципе, это может быть какой-то проблемой. Это еще зависит от того, как государство себя поведет. Итак, нельзя сказать, что все национальные проблемы были решены. Но мне кажется, что нынешняя ситуация в том, что называется еврейским вопросом, в общем, мягко говоря, не хуже, чем было в прошлом. А если серьезно говорить, то в некоторых отношениях и лучше, хотя действительно достаточно развит народный антисемитизм – мы уже говорили, что при всех серьезных экономических потрясениях он обычно развивается. Но сейчас и экономическая ситуация – нужно постучать по дереву – не такая плохая, так что в отношении этой проблемы я бы сказал, что есть основания для осторожного оптимизма.

Примечания

¹ UFA – Universal Film-Aktiengesellschaft, с 1917 г. – здесь и далее прим. ред.

² DEFA – Deutsche Film-Aktiengesellschaft, с 1945 г.

³ Имеется в виду опубликованная в виде книги на многих языках докторская диссертация (Гарвард, 1996) Даниэля Йоны Гольдхагена «Hitler's Willing Executioners» («Добровольные палачи Гитлера»), вызвавшая широкий резонанс.

⁴ Имеется в виду американский историк Холокоста Christopher Robert Browning, среди трудов которого наибольшую известность приобрела книга «Ordinary Men: Reserve Police Battalion 101 and the Final Solution in Poland» («Вполне нормальные мужчины. 101-й резервный полицейский батальон и «окончательное решение» в Польше»). New York: Harper & Collins, 1992.

⁵ Этой теме на русском языке посвящены, в частности, книги: Беркович Е. Банальность добра. Герои, праведники и другие люди. Заметки по еврейской истории двадцатого века. М.: Янус-К, 2003; Мадиевский С.А. Другие немцы. Спротивление спасателей в Третьем рейхе. М.: Дом еврейской книги, 2006 (здесь же – обширная библиография). См. рец.: Колкер Ю. Список Мадиевского, или Невоспетые герои Рейха // Нева. 2007. № 5.

⁶ Георг Фердинанд Дуквиц (1904–1973) был морским атташе немецкого посольства в Копенгагене. В Израиле удостоен звания «праведника мира» (1971).

⁷ Карл Густав Эмиль Маннергейм (1867–1951) – барон, фельдмаршал, верховный главнокомандующий армии Финляндии во время советско-финских войн 1939–1940 гг. и 1941–1944 гг., президент Финляндии (1944–1946).

⁸ Имеются в виду армии стран нацистского блока, гитлеровской коалиции (от термина «Ось Рим–Берлин–Токио»), противостоявшей во время Второй мировой войны странам антигитлеровской коалиции.

⁹ Галицкий митрополит Андрей Шептицкий (1865–1944), глава Украинской греко-католической церкви (с 1901 г.) в 1913 г. во время «дела Бейлиса» публично опроверг кровавый навет на евреев. Во время Второй мировой войны, будучи противником большевиков, сотрудничал с германскими властями. Выступал против унич-

тожения евреев, межнациональной розни, организовал спасение еврейских детей и семей нескольких раввинов.

¹⁰ Климентий Шептицкий (1869–1951) – архимандрит Украинской греко-католической церкви. Участвовал в спасении евреев. В 1947 г. был арестован НКВД, умер во Владимирской тюрьме. С 1996 г. – «Праведник народов мира», с 2001 г. – блаженный Римско-католической церкви.

¹¹ Йон Антонеску (1882–1946) – генерал, военный диктатор Румынии (1940–1944), подписавший протокол о присоединении Румынии к державам «оси». В 1944 г. был арестован как военный преступник и в 1946 г. по приговору народного трибунала казнен.

¹² Пьер Лаваль (1883–1945) – французский политик-социалист, с 1940 г. – активный деятель режима Виши, близкий сотрудник маршала Петена, с 1942 г. до падения режима (1944) – премьер-министр.

¹³ Пауль Грюнингер (Paul Grüninger, 1891–1972) служил капитаном швейцарской полиции на австрийской границе, пропустил сотни евреев на территорию Швейцарии.

¹⁴ Ариштидиш ди Суза Мендиш (1885–1954), будучи консулом Португалии в оккупированной немцами Франции, вопреки существовавшему запрету его правительства (это нарушение он объяснял своему сыну так: «Лучше я буду с Богом против человека, чем с человеком – против Бога»), выдавал португальские визы евреям и таким образом спас 10 000 человек. Посмертно провозглашен «праведником мира» (1966). См. о нем, в частности: *Paldiel M. Diplomat Heroes of the Holocaust*. New York: KTAV Publishing House, Inc., 2007. P. 71–87. Здесь же – и о других дипломатах, использовавших свои служебные возможности для спасения евреев во время войны.

¹⁵ Португальским рыцарским орденом Башни и Меча, Доблести, Верности и Заслуг, учрежденным в 1459 г. королем Афонсу V, Мендиш был награжден в 1987 г.

¹⁶ Имеется в виду Михаил Ефимович Фрадков, занимавший пост Председателя Правительства России с 05.03.2004 г. по 12.09.2007 г.

¹⁷ Имеется в виду реальный факт участия гражданина Сан-Томе и Принсипи, островного государства в Гвинейском заливе у берегов Африки, самой маленькой португалоязычной страны в мире, в конференции Центра «Сэфер».

¹⁸ 11 января 2006 г. москвич Александр Копцев, 1985 года рождения, из антисемитских побуждений совершил нападение на молящихся в синагоге на Большой Бронной улице в Москве, серьезно ранив 9 человек. При первом рассмотрении дела Мосгорсуд исключил из обвинения Копцева статью 282 (разжигание межнациональной, расовой и религиозной розни, а равно унижение чести и достоинства человека), что позже было обжаловано потерпевшими и прокуратурой. Первоначальный приговор – 13 лет лишения свободы, – был отменен Верховным судом РФ, Копцев был признан виновным в разжигании межнациональной розни и приговорен к 16 годам лишения свободы.

¹⁹ Как сообщал в своем заявлении прокурору Петрозаводска председатель еврейской религиозной общины Дмитрий Григорьевич Цвибель, 12 мая 2007 г. на старом еврейском кладбище в Петрозаводске разрушен памятный знак «Менора» (семисвечник), поставленный общиной в 2004 г. в память о жертвах Холокоста и советских репрессий. У памятника, занесенного в реестр публично-правового фонда «Памятник убитым евреям Европы» (ФРГ), ежегодно проводятся церемонии памяти жертв Холокоста). Благодарим Максима Ефимова за это пояснение.

²⁰ См.: *Радзиховский Л.* Единая Россия для русских // Еврейское слово. № 7 (329). 2007.

Евреи Западной и Центральной Европы на рубеже Средневековья и Нового Времени

Программа курса*

Лекция 1
Кризис еврейских общин в Западной и Центральной Европе, изгнание евреев из Испании, Португалии и большинства немецких городов в конце XV — начале XVI в. Религиозные войны в Европе и их влияние на европейское еврейство. Проблема «новых христиан в иберийских странах». Геттоизация евреев Италии.

Лекция 2

Начало нового подъема. Трансатлантическая и Средиземноморская торговля и роль в них сефардской диаспоры. Новые тенденции в «еврейской политике» государств Западной и Центральной Европы. «Политики» и меркантилисты. Тридцатилетняя война (1618–1648) и её последствия для евреев Германии и соседних стран.

Лекция 3

Экономическая жизнь еврейства в период расцвета еврейской международной торговли (конец XVII — XVIII в.). Еврейские мануфактуры. «Придворные евреи» в государствах Центральной Европы. Сефардские патриции Западной Европы как первые современные евреи. Субботианский кризис.

Лекция 4

Демография еврейского населения Западной и Центральной Европы. Внутреннее устройство еврейских общин и их взаимоотношения друг с другом и с внешним миром. Общинные органы управления и рядовые граждане.

Лекция 5

Еврейская культура раннего нового времени. Раввинистическая ученость. Каббала. Философия. Пробуждение исторического сознания

* В библиографической части этой публикуемой по рукописи программы, обнаруженной в архиве Р.М. Капланова, отсутствует ряд страниц. — *Ред.*

у евреев. Художественная литература на еврейских и нееврейских языках. Усиление интереса к еврейской культуре среди образованных христиан. Две опасности для ортодоксального иудаизма: мистицизм и свободомыслие.

Литература

- Scholem G.* Sabbatai Tsevi. The Mystical Messiah, 1626–1676. Princeton, 1973.
- Jovel Y.* Spinoza and Other Heretics. The Marrano of Reason. Princeton, 1989.
- Ruderman D.B.* Jewish Thought and Scientific Discovery in Early Modern Europe. New Haven, 1995.
- Kaplan Y.* From Christianity to Judaism. The Story of Isaak Obio de Castro. Oxford, 1979.
- Lowerstein S.M.* The Berlin Community: Enlightenment, Family and Crisis, 1770–1830. New York; Oxford, 1994.
- Hertz D.* Jewish High Society in Old Regime Berlin. New Haven, 1988.
- Hertzling A.* The French Enlightenment and the Jews. New York, 1968.
- Meyer M.A.* The Origins of the Modern Jew: Jewish Identity and European Culture in Germany 1749–1824. Detroit, 1967.

Еврейство в Западной и Центральной Европе в XIX в.

Программа курса*

Лекция 1

Европейское еврейство в период Французской революции и наполеоновских войн. Предоставление равноправия евреям Франции и её сателлитам. Ассимиляционная политика бонапартистской Франции и других европейских государств. Еврейская Гаскала в новых политических условиях. Зарождение реформистского движения.

Лекция 2

Период реставрации в Западной Европе. Частичный отказ от либеральной политики по отношению к евреям Италии и Центральной Европы. Роль евреев в экономической жизни. Дом Ротшильдов. Продолжение процесса ассимиляции. Становление Реформистского иудаизма, исторической школы и современной ортодоксии. Wissenschaft des Judentums и её общественное значение.

Лекция 3

Революции 1848 г. Антиеврейские беспорядки во Франции и странах Центральной Европы. Предоставление евреям гражданских прав в Италии и Центральной Европе. Возврат (хотя и не полный) к ограничительной политике после подавления революции. Евреи в либеральном республиканском и социалистическом движении.

Лекция 4

Завершение процесса политической эмансипации евреев в 50–70-х гг. XIX в., ускорение процесса, их экономические и социальные достижения. Стремление помочь иноверцам, живущим в более отсталых странах. Создание «Альянс Исраэлит». Организационное оформление основных религиозных течений в еврейской среде: реформизма, позитивно-исторического, ортодоксального и ультраортодоксального иудаизма.

* В программе отсутствует часть библиографии; текст публикуется по рукописи из архива Р.М. Капланова. – *Ред.*

Лекция 5

Усиление антисемитизма в Западной и Центральной Европе в последние два десятилетия XIX в. Влияние на Западную Европу массовой эмиграции из России после погромов начала 80-х гг. Антисемитские организации и движения в Германии, Австро-Венгрии, Франции. Дело Дрейфуса и его резонанс в еврейском мире.

Лекция 6

Культурная жизнь евреев Европы в XIX в. Религиозно-философская мысль, литература на еврейских языках. Роль евреев в культуре окружающих народов.

Литература**К лекции 1**

- Schwarzfuchs S.* Napoleon, the Jews and the Sanhedrin. London, 1979.
Malino F. The Sephardic Jews of Bordeaux. Assimilation and Emancipation in Revolutionary and Napoleonic France. Alabama, 1988.
Pelly M. The Age of Haskalah: Studies in Hebrew Literature of the Enlightenment in Germany. Leyd, 1979.
Meyer M.A. Response to Modernity. A History of the Reform Movement in Judaism. Detroit, 1995.

К лекции 2

- Jews in German Economy. The German Jewish Economic Elite 1820–1938 / Ed. by W.E. Mosse. Oxford, 1987.
Sorkin D. The Transformation of German Jewry. 1780–1840. New-York; Oxford, 1987.
Mc Cagg W.O. A History of Habsburg Jews, 1670–1918. Bloomington, 1989.
Albert P. The modernization of French Jewry: Consistory and Community in the Nineteenth Century. Hannover, 1997.
Hyman P. The Emancipation of the Jews of Alsace. Acculturation and Tradition in the Nineteenth Century. New Haven, 1991.
Carlebach J. Karl Marx and the Radical Critic of Judaism. London, 1974.
Revolution and Evolution: 1848 in German Jewish History / Ed. by M.E. Mosse. Tübingen, 1981.

К лекции 4

- Graetz M.* Les Juifs en France du XIX siecle. Paris, 1984.
Wertheimer J. The Uses of Tradition. Jewish Continuity in the Modern Era. New-York, 1996.
Wistrich R.S. The Jews of Vienna in the Age of Franz Joseph. Oxford, 1996.

К лекции 5

- Wistrich R.S.* Socialism and the Jews. The Dilemma of Assimilation in Germany and Austria–Hungary. London; Toronto, 1982.

- Kieval H.J.* Czech Jewry. National Conflict and Jewish Society in Bohemia, 1870–1998. Oxford; New-York, 1998.
- Wilson S.* Ideology and Experience. Anti-Semitism in France at the Time of the Dreyfus Affair. London; Toronto, 1982.
- Prawer S.S.* Heine's Jewish Comedy: a Study of His Portraits of Jews and Judaism. Oxford, 1983.
- Gay P.* Freud, Jews and other Germans: Masters and Victims in Modernist Culture. Oxford, 1978.
- Belier S.* Vienna and the Jews. 1867–1938. A Cultural History. Cambridge, 1989.

Политическая культура еврейской диаспоры XX века*

Цель данного курса – ознакомление студентов с одной из наиболее актуальных тем современного обществоведения – темой диаспоры на примере самой классической этнорелигиозной диаспорой – еврейской. Взаимосвязь с такими дисциплинами, как этнология, социология и религиоведение, здесь очевидна. Кроме того, ближневосточный конфликт является одной из ключевых проблем мировой политики XX–XXI вв. Политическая система Израиля, одного из главных участников конфликта, во многом продолжает политическую систему еврейской диаспоры, существовавшую в странах Восточной Европы в период между двумя мировыми войнами, и поэтому данному периоду в курсе уделяется особое внимание.

Обучение осуществляется лекционным методом.

Содержание курса

- I. Участие евреев в политике до начала XV в.
 1. Общинная дипломатия. «Штадланут».
 2. Французская революция и евреи. Формула Клермон-Тоннера.
 3. Завершение процесса эмансипации и антисемитская волна в конце XIX в.
- II. Возникновение еврейского национального движения на рубеже XIX и XX в.
 1. Предшественники сионизма.
 2. Теодор Герцль и Базельский конгресс 1897 г.
 3. Соперники сионизма. Бунд.
- III. Успехи и неудачи сионизма в канун Первой мировой войны.
 1. План Уганды и территориализм.
 2. Новые альтернативы сионизму – диаспорный национализм и Агудат Исраэль.
 3. Борьба течений внутри сионистского движения.

* Курс лекций, прочитанный 18.10.–1.11.2004 г. на факультете социальных наук Казахстанско-Немецкого Университета.

- IV. Первая мировая война и еврейский вопрос.
1. Патриотизм и антипатриотизм в еврейской диаспоре.
 2. Борьба за симпатии евреев между воюющими коалициями.
 3. Декларация Бальфура.
- V. Еврейская диаспора в Европе и Америке в 20-е годы XX в.
1. Еврейская проблема на парижской мирной конференции. Мандат на Палестину. Договора о меньшинствах.
 2. Развитие еврейских политических институтов в послевоенной Европе.
 3. Политическая культура евреев США в 20-е годы.
- VI. На краю пропасти: мировой экономический кризис и приход к власти нацизма.
1. Последствия мирового экономического кризиса для евреев Восточной Европы и их политической жизни. Биробиджан.
 2. Успехи антисемитских движений в Центральной и Восточной Европе. Реакция евреев.
 3. Ревизионистское движение. Владимир Жаботинский.
- VII. От Нюрнбергских законов до конференции в Ваннзее.
1. Реакция евреев на расовые законы.
 2. Триумфальное шествие антисемитизма по Европе во второй половине 30-х годов и его последствия для еврейской политики.
 3. Начальный период Второй мировой войны.
- VIII. От «окончательного решения» до возникновения Израиля.
1. Еврейские партии и движения перед лицом «окончательного решения».
 2. Конфликты на «еврейской улице» вокруг Палестины. Поражение антисемитов.
 3. Эфемерное возрождение еврейской политической жизни в Восточной Европе (1945–1948).
- IX. Десятилетие относительной стабильности.
1. Еврейский вопрос в социалистических странах и его влияние на мировое еврейство.
 2. Сдвиг на карте еврейской диаспоры. Новое французское еврейство.
 3. Изменения в политической культуре западного еврейства.
- X. Современная политическая культура еврейской диаспоры.
1. Бывший СССР и страны Восточной Европы: попытки нового политического возрождения на «еврейской улице».
 2. Споры и конфликты вокруг мирного урегулирования на Ближнем Востоке.
 3. Исчезающая диаспора?

**ВЫСТУПЛЕНИЯ
НА КОНФЕРЕНЦИЯХ,
ТЕЗИСЫ**

The Second Half of the XVIII Century: Spiritual Decline or Rebirth?*

The second half of the XVIII century, till at least, the French Emancipation, came to be regarded as a period of economic, political and cultural decline of European Jewry, only partially mitigated by a “renewal”, which was much weaker than the decline. That’s the message of Prof. Jonathan Israel’s (deservedly) influential book “European Jewry in the age of mercantilism”. Characteristically, the word “renewal” was taken on board only in the second edition. Even so, the author certainly emphasizes “decline”; though he does point out that a result of the crisis attempts to work out and consolidate new syntheses were made — one of the most viable answers to the spiritual malaise was provided by the Gaon and his *mitnaggid* followers. As far as intellectual development is concerned historians of science tended to give low marks to the late XVIII scholars. Professor Joseph Kaplan also regards the XVIII century, especially its second part, as an intellectual anti-climax.

The reasons for this protracted crisis according to Prof. Israel, are manifold. One of them is the general change in attitudes to the Jews and Judaism, the transition from “Judeophile” Baroque age to “Judeophobe” Enlightenment. This logic makes various concessions obtained by Jews in different European countries during the second half of the century look accidental, almost anecdotal.

The other reason why the second half of the XVIII century is painted in black colours is the general economic decay in some of the countries where Jews were especially active. Another negative factor which is often mentioned in this context is the sharp decrease of Sephardic emigration from Portugal brought about by Pombal’s more liberal policies towards the New Christian population.

As far as the “Baroque versus Enlightenment” question is concerned, the XIX-century viewpoint which ascribes the enlightened rulers a more “objective” approach to the Jewish question is certainly not without foundation. One can easily grant that late XVIII-century monarchs, and their educated subjects were less keen on the Bible, Talmud and Kabbala than some of their

* Доклад, прочитанный на конференции “The Gaon of Vilnius, and the Annals of Jewish Culture” (Вильнюс, 1997).

more “baroque” predecessors. On the other hand the intellectual atmosphere in that era seems to have been more pluralistic than we sometimes assume.

During his two visits to Paris in 1755 and in 1777–1778 David Azulai, an expert in Kabbala from Eretz-Israel, obviously didn't suffer from the lack of attention either from the academic community or from the educated public in general. He even complained about the excessive popularity in the French high society of some of the less creditable exponents of Jewish mysticism, like the Baal-Shem of London, alias Dr. Falk.

Nevertheless, the attitudes of the authorities towards the Jews were motivated less and less by religious sympathies and antipathies and more and more — by reason. From the 1740s right to the French Revolution most continental rulers of the “Enlightened Absolutism” school opened new areas for Jewish settlement which came to include northern countries where Jews had been almost unknown (Sweden, Livland) or old southern centres (Naples) from where Jews had been expelled centuries earlier. Sometimes Jews were not only tolerated, but actively encouraged to migrate to newly-conquered lands (New Russia). Among the gallery of enlightened autocrats only Friedrich II limited his good will to a small group of Jewish industrialists. All the rest: King Charles of Two Sicilies, subsequently of Spain, Jose-Emmanuel of Portugal (read: his omnipotent Prime-Minister Pombal), Catherine II of Russia, Gustav III of Sweden and, of course, Joseph II of the Holy Roman Empire — took measures to improve the condition of their Jewish subjects.

Of course, very few of them (if anyone) were “Judeophiles”. The monarchs like their friends and advisers (e. g. Prince de Ligne) thought that sound political principles required a more forward-looking attitudes to the Jewish population.

In some countries (Two Sicilies) enlightened absolutists had to back down, re-exiling under pressure their Jewish community. In Portugal, which was very much a special case, Pombal's enlightened policies led to the almost total disappearance of the “Marrano” minority.

But the new Jewish centres in Eastern Europe which came into being as a result of Catherine II's policies, were there to stay, some of them — Riga and especially Odessa — came to play a crucial role in Jewish History.

Even more important were the new rights Jews received in the absolutist empires. In Austria, some categories of Jews were treated extremely well; Turkish Jews or the Jews of Trieste, who in 1752 gained even quasi-political rights, obtained access to the influential steering committee of “La Borsa” the stock exchange. Lois Dubin rightly pointed to Trieste as a political laboratory where future more liberal policies towards Jews were prepared. The bulk of Austrian Jewry also profited by Joseph's Toleranz-edict and various Patents, issued in the 1780s which eventually created an Austrian-Jewish Mittelstand. Catherine II's declaration in 1786 that the Jews had the same rights as the rest of the population had an enormous symbolic importance. Though her subsequent policies were much less liberal, the Jews in the for-

mer Polish provinces annexed by Russia did achieve a membership of municipal corporations earlier than anywhere else in Europe (Lithuania and especially Vilno being a sad exception).

In the 1770s and 1780s a country build on very different principles than the European empires, the USA, made its Jewish citizens equal before the law.

As regards access to higher learning and the emerging “neutral society” much real progress was made both on the continent and (especially) in Great Britain where a steady stream of university graduates (who received their degrees from Scottish universities – Aberdeen, Edinburgh and Glasgow) enabled British and even more so – colonial Jews to play an even larger role in the medical profession.

Before we devote ourselves to the role that the emerging Jewish intellectuals started playing in the life of their own community and the larger society let’s say a few words about the economy.

It is difficult to deny that during the second half of the XVIII century many Jewish communities of Europe faced growing economic problems. It's especially true of Sephardim. An expert in Sephardic history, Edgar Samuel, may disagree with Prof. Israel on many specific points (he thinks, for instance, that outside such obviously decaying centres, as Amsterdam and Venice, the crisis set in rather late in the day) but he certainly accepts that there was a crisis. Nevertheless, even within the Sephardic world the years preceding the French Revolution weren’t an unmitigated disaster. While Amsterdam decayed, Bordeaux (though not Bayonne) prospered. 1760–1780 were the apogee of the Gradis family’s trading and shipbuilding activities. Prosperity was even more pronounced in the case of US and West Indian (especially Curaçao) Jewry.

Gerard Nahon even speaks of a special mentality of “Zebulun and Issachar” that inspired the enterprising Jewish merchant and seamen in the XVIII-century Caribbean.

The situation in the Ashkenazic world at least outside the collapsing Polish-Lithuanian commonwealth can be described in relatively “optimistic terms”. By the 1790s the reforms in Austria had already created a “Grosshandler” group which was more and more conspicuous in the economic life of the Habsburg monarchy.

But whatever the economic situation was can we really use the notion of spiritual decline in the context of late XVIII century European and American Jewry?

People who are more knowledgeable than I will discuss the emergence of Hasidism, a movement that was profoundly original and made a very strong impact on the Jewish world. Even Frankism’s influence, as was recently shown, wasn’t wholly destructive.

If we remain, however, on the “rationalist” side of the great controversy, we’ll discover that late XVIII century produced a group of important Jewish thinkers committed to the use of reason over faith and emotion. This group was infinitely varied, ranging from skeptics and agnostics through early reli-

gious reformers to social and cultural reformers like Mendelssohn and those who like the Gaon countenanced rational analysis and sciences as a means to promote religious ends.

The first category is probably among the least familiar to Jewish historians. Little attention was devoted, for instance, to Antonio Nunes Ribeiro Sanches, who was an influential Enlightenment figure in such mutually distant, yet not dissimilar countries, like Russia and Portugal. At the same time he seems to have been a committed Jew, in an ethnic, rather than religious sense.

The new atmosphere in Europe enabled even some baptised Jews to take a positive part in Jewish life. It is enough to mention Joseph Sonnenfel's acting as an adviser on Jewish subjects to Emperor Joseph and encouraging one of the first modern Jewish educationalists and historians Peter Beer.

As part of the great rationalist drive Jews became members of learned societies, sometimes even carrying out or administrative duties within them (Emmanuel Mendes da Costa was Secretary of the Royal Society). When a young naturalist from Riga Nicolaus Himsel toured Europe in the 1750, Jews (practicing or otherwise) figured prominently in the list of scientific celebrities he was planning to visit.

Jews were active in many exact and natural sciences. A Bavarian Jew, Marcus Eliezer Bloch, was one of the founders of European ichthyology. The contribution of mathematicians was especially important for the Jewish world, because several of them (Rafael Levi Hannover) chose to write in Hebrew influencing successive generations of East European Jewish mathematicians.

In humanities Jewish achievement is even more conspicuous. The degree of cultural integration was such that, according to Leon Humpertz, the favourite book of Königsberg Jewish ladies was Baumgarten's "Aesthetics". Leon Humpertz and Moses Mendelssohn even defended German literature against such a formidable critic as Friedrich II. Jews published influential boors in modern West European languages: philosophy flourished among the Askenazim in Germany, history among the Sephardim in France, the Netherlands and Dutch colonies. The first serious history of Surinam, which also covered the remarkable story of its Sephardic community, was written by David Nassy.

Along with the leader society the Jews in late XVIII century were extremely interested in exotic and faraway countries. Heine's uncle — Simon Van Geldern was quite typical of his age. One of the most popular Italian Hebrew books was S. Romanelli's travelogue "Morocco". This feature was successively inherited by Litvak culture.

Secular Hebrew poetry also flourished — from Germany to Surinam through Italy.

This general atmosphere enabled the Gaon to drive home his message. If his own world view was limited by his ignorance of European languages some or his pupils were conversant with them and could make their contribution to early East European Haskala, a story which was convincingly told by David Fishman.

Jews and Russians: 1000 years of contacts

I

Jewish population in parts of what is now Southern Russia actually predates Slav's settlement. Strong Jewish influence on Kievan Rus religion and culture is largely due to Judaism's privileged position in the Khazar Empire, though the exact nature of the "Khazar phenomenon" is still far from clear. Contacts resulted in direct and indirect translations of Biblical and apocryphal literature into Church Slavonic. Nor was this interaction a one-way street: we positively know the Jews in Kievan Rus were (often exclusively) Slavic speakers.

II

Cultural symbiosis continued in later centuries, especially in XV–XVI in the Grand-Duchy of Muscovy, though a very small number of Jews were involved. Nowhere else in Europe, outside Transilvania, did the "Judaizing" movement become a real factor in religious and political struggle, but largely as a result of this struggle official Muscovy's attitude to Judaism became extremely negative.

Individual Jews or people of Jewish descent were quite common in Russia in XVII–XVIII centuries (some of them played a prominent role under Peter the Great and his successors), but Judaism began tolerated in Russia only under Catherine II, when the country annexed parts of Poland and acquired the bulk of its Jewish population.

III

From the late XVIII century to the present day Russia has been facing the so-called "Jewish problem". The XIX century governments promoted acculturation and largely achieved their goal, but, as legal restrictions were never totally lifted (indeed, under Alexander III new ones were added), the overall situation was contradictory, tense and in the long run explosive. Russian Jews' substantial contribution to Russian culture couldn't by itself solve the problem. Nor did the Soviet experiment which has only recently drawn to a close. It's too early to tell what will be the result of the emigration wave, but Jewish-Russian cultural interaction will probably continue.

Dr. Antonio Nunes Ribeiro Sanches as a Jewish thinker

AN. Ribeiro Sanches (1699–1783) is one of the most intellectually impressive West European Sephardic figures of the 18th century. • Physician, economist, sociologist *avant la lettre* – he corresponded with many important people in many European and non-European countries and left a fair amount of published and even more unpublished works.

After his flight from Portugal he tried to join established Jewish communities, but soon afterwards became a more marginal figure, officially posing as a Roman Catholic, but in fact practicing a deistic or “philosophical” universal religion.

Large part of Ribeiro Sanches’ works are devoted to the “New Christian” problem in Portugal. Certainly it doesn’t reflect the traditional Jewish position, but despite his professions of Catholicism he shows a strong feeling of solidarity (more ethnic than religious) with the persecutive Jews of Europe. Especially intriguing is the question of a possible asylum for the Jews. Sanches, along with many European Jews of the 1st half of the 19th century was very interested in the ideas and examined it in his diary.

Last but not least I shall try to draw attention to the Russian dimension of Sanches. Having served for 16 years as physician in Russia and having been elected member of the Russian Imperial Academy, he remained an influence on the Russian intellectual scene for the rest of his life, even after he was practically expelled from Russia. Sanches is one of the first “Jews” in Russian cultural history.

The paper is based on archival research in Moscow, Saint-Petersburg, Paris, Lisbon, Madrid, Vienna and Bern.

The Sephardim at the Russian Imperial Court in the first half of XVIII Century

I

The presence of Portuguese Jews in Saint-Petersburg is a little-known but rather important page of European history.

Peter I opening of Russia to Western influences enable several young Sephardim to settle in Saint-Petersburg. This tiny group had a disproportionately strong impact on Russian society and culture. They were all technically Christians, though now we have reason to believe that their self-awareness was intensely Jewish.

II

Recent research has shed new light on the origins cultural background and religious views of John de Costa, Peter's "court philosopher". The first Saint-Petersburg police Chief Anton Devier (Vieira) helped carry out some of the Russian Emperor's ambitions reforms.

Especially important was Antonio Ribeiro Sanches, personal physician to Peter's successors in the 1740-ties. He didn't confine himself to medicine, but also wrote on political economy, education, history etc. He actively promoted intellectual cooperation between the Russian Academy of Sciences and various foreign learned societies from Lisbon to Peking. Sanches' ideas influenced Russian Enlightenment thinking on education and agriculture.

III

Russia was also of interest to the Sephardic communities in Western Europe, mainly in England. Some London Sephardim tried to do business in Saint-Petersburg. A group of Portuguese Jews proposed to the Imperial Russian Government to carve up a colony for Russia in South America. The territory was to become a trading center with the freedom of conscience guaranteed to the Jews.

The Ambiguity of New Christian (Marrano) Weltanschauung

Some quite fascinating XVIII century figures from the Marrano world are often eclipsed by XVI and XVII centuries giants. In this paper I would like to draw attention to the rather important though ambiguous person of Dr. Antonio Nunes Ribeiro Sanches (1699–1783).

Even his religious views are unclear. After he fled Portugal in 1726, escaping the Inquisition, he was for two years a member of the Jewish Community of London. But in 1728 he left both London and the Jewish fold, spending most of his life in Holland, Russia (1731–1747) and France (1747–1783). He was a prolific writer on extremely varied subjects, an indefatigable correspondent and diarist, who stayed in touch with some of the most conspicuous enlightenment thinkers (including some monarchs) all over Europe. His previously unknown manuscripts were discovered by the author of this paper and his Portuguese colleague Dr. Joao Miranda in the archives of Moscow, St. Petersburg and Lisbon.

Sanches was expelled from Russia as “a secret Jew”, an accusation which he always vehemently denied, declaring himself a faithful son of the Roman Catholic Church. He does not seem to be a Catholic at heart, nor was he very committed to any other religion. It is rather difficult to find out what his real views were: he was seldom fully sincere even in his diary. Some of his professions of Catholicism seem tongue-in-cheek. He quotes his friend the Tuscan Professor Giovanni Alberto Soria as the person who persuaded him to return to Catholicism. This sounds rather unlikely (unless, of course, it was for purely practical reasons), because Soria was a convinced Deist. In Sanches' late life his correspondence, directed to Portugal, used to be intercepted and preserved in the official archives. In these letters from the 1780s Sanches is vitriolic about the Catholic Church foreseeing its speedy demise at the hands of enlightened monarchs.

In his political texts Sanches contrasts the bigotry of Spain and Portugal with the spirit of tolerance which is supposedly characteristic of non-Catholic countries of Europe, including Russia. Another Portuguese Jewish thinker Daniel da Fonseca who settled in Paris somewhat earlier than San-

ches and was equally close to the Enlightenment milieu, thought that even Turkey was much more tolerant than the Catholic countries.

Last but not least, was Sanches a Jew? In the religious sense probably not. But we have reason to believe that he was deeply committed to the Jews as a people, though usually silent about it.

Karaite ethnic identity in Russia and Poland in the XX century

I

On the eve of the XX century Karaite ethnic identity as reflected in Karaite religious writings was still very diffuse. Abraham Firkovich's view had not entirely won the day – as far as Russian Karaite self-perception was concerned. By and large, official doctrine saw in the Karaites the offspring of the Patriarchs rather than a Turkic tribe. The tendency to de-emphasize Hebraism was growing stronger every Karaite catechism. However, agnosticism on the subject continued well into the XX century. It predominated in the pre-war Russian-language Karaite periodicals, especially in the “Karaimskaya Zhizn”. Characteristically, the Turkic language or languages which the Karaite of Russia still spoke in the early XX century were treated by “Karaimskaya Zhizn” to say the least, condescendingly.

II

Since Seraya Shapshal's election as Hakham of Crimea in 1915 the Turkic elements of Karaite identity were given more and more prominence. Language became the decisive ethnic marker. At the same time, religious traditions and historic links with non-Turkic Karaite communities in the Middle East were still regarded as essential.

III

After Hakham Shapshal became the spiritual head of Polish Karaites in 1924 a Karaite cultural revival took place in Poland (and to a lesser extent in neighboring Lithuania). Internal Karaite leaders in Poland went out of their way to distance themselves from everything Jewish. Religious issues were given considerably less attention than language and folklore which purportedly proved Karaite's non-Jewish origins though religious links with the “semitic” Karaites of Egypt were not totally severed.

Soviet anti-Semitism

Until the late thirties there existed virtually no state anti-Semitism in the Soviet Union? However, popular and opposition anti-Semitism seem to have been extremely widespread. The first manifestation of state anti-Semitism were motivated by the general drive towards a more “patriotic” official ideology.

During World War II anti-Semitism firmly established itself as an implicit part of the CPSU Weltanschauung. Circumstantial evidence points to a pretty outspoken party document on the subject though the text itself hasn't yet been located.

Ethnically slanted employment policies started back in 1943–1944.

The strength of anti-Semitic onslaught in 1948–1953, the heyday of Soviet anti-Semitism was brought about by what was perceived as Soviet Jewry's excessive commitment to Israel. At that point, Soviet anti-Semitism seemed to be becoming, not just persecutory, but violent or even murderous, though actual pogroms never happened.

Some of the more aggressive aspects of Stalin's anti-Jewish policies were watered down under Khrushchev, though many factors including his own resentment of the Jews prevented the authorities from shedding anti-Semitic attitudes.

A new recrudescence came after the Six Day War, when official anti-Semitism entered its last and most protracted phase. It was only dismantled, rather half-heartedly, during Perestroika. At the same time, unofficial anti-Semitism became much more outspoken and organized.

The present situation with all the differences between Stalin's USSR and Yelzin's Russia superficially reminds one of the inter-war period. There is virtually no state anti-Semitism, but some sections of public opinion, as reflected in a vociferous press are stridently anti-Semitic.

Probably, though, the social changes, which took place during of last 50 or 60 years, can limit the appeal of anti-Semitism.

(1996)

Finding a refuge for the Jews*

The lecture will be devoted to the participation of XVIII century European Jews (mainly Sephardic) in various attempts to carve out an autonomous territory which could serve as a haven for Jews. Jewish groups strove strenuously to secure the freedom of conscience for their co-religionists.

Beside a projected Russian colony in South America, the island of Corsica was considered as a possible refuge for the Jews of Europe. The Corsican independence movement seems to have been supported by Jewish donors.

The lecture will be based on Russian, Spanish, Portuguese and Italian archives.

* Тезисы доклада на 13 Всемирном конгрессе по иудаике (Иерусалим, 2001).

РЕЦЕНЗИИ

Mendelson E.

The Jews of East Central Europe between the wars. Bloomington, 1983

Мендельсон Э.

Евреи Центрально-Восточной Европы между двумя мировыми войнами. Блумингтон, 1983

Как полагает сам автор (с. XI), чтобы написать эту книгу, ему пришлось найти в себе немало «хуцпа»¹, поскольку языками тех стран, в которых развивались описываемые им события (за исключением польского), он не владеет и в значительной мере должен полагаться на изыскания других. Трактровка каких-то сюжетов, вероятно, выиграла бы от знакомства, скажем, с еврейскими газетами на литовском или венгерском языках, не говоря уже о работе в архивах. И, тем не менее, книга стала настолько важным событием, что и сейчас, по прошествии 10 лет после ее выхода в свет, имеет смысл на нее откликнуться в российском журнале по иудаике.

Автор открыл для читателя целую эпоху еврейской жизни, которую до сих пор заслоняла страшная тень Катастрофы. А между тем в межвоенной Центрально-Восточной Европе (по Мендельсону, включающей Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию и страны Балтии) сложилась уникальная ситуация со своими, только ей присущими достижениями и проблемами. Никогда еще ни в одной из европейских стран, кроме Речи Посполитой накануне ее падения, евреи не составляли столь высокий процент всех жителей, как в независимых Польше, Литве, Венгрии, которым лишь немного уступали другие страны и регионы, рассматриваемые в книге. Никогда и нигде еврейские партии не играли столь важной роли в жизни еврейского населения и страны в целом, как в этот период в Центрально-Восточной Европе. Нигде, кроме, может быть, США в тот же период, не были столь прочны позиции светской еврейской культуры – аутентичной, а не выхолощенной, как в тогдашнем СССР.

В каждой главе книги автор рассматривает взаимоотношения одной из стран региона с ее еврейским населением – взаимоотношений, в которых были и погромы, и «запреты на профессии», и элементы «брака по расчету», и прекрасная проза и стихи, написанные евреями на польском, венгерском, румынском языках. Обо всем этом можно прочесть

у Э. Мендельсона, и страницы эти особенно захватят постсоветского читателя. Во-первых, страны, о которых идет у него речь (кроме Венгрии), в разное время целиком (Балтия) или частично (когда-то польские Западная Украина и Западная Белоруссия, когда-то румынские Бессарабия и Буковина, когда-то чехословацкое Закарпатье) входили в советскую империю. Во-вторых (и это, пожалуй, важнее), нынешняя ситуация во многих из этих регионов – возрождение национальных государств, борьба между демократическими и авторитарными тенденциями в политической жизни, стремление еврейской общины обеспечить себе не только равноправие, но и культурную автономию – напоминает эпоху, описанную Мендельсоном. Разумеется, современное восточноевропейское еврейство почти несопоставимо с еврейством 20-х и 30-х гг. ни по численности, ни по самоидентификации. И все же межвоенный опыт, отнюдь не только негативный, представляет для него особый интерес.

Очень привлекательны те основные установки, с которыми автор подходит к взаимоотношениям между властями и еврейским меньшинством. Он не впадает в благородное негодование по поводу злонамеренности одних и не льет слез умиления по поводу великодушия других. Из книги достаточно ясно следует, что политика тех или иных руководящих деятелей, как правило, определялась не их личными симпатиями, а общей обстановкой в стране и (в особенности!) международной конъюнктурой.

Общий вывод Эзры Мендельсона довольно пессимистичен: по его мнению, даже если бы не было Катастрофы, экономические проблемы, эмиграция и культурная ассимиляция неминуемо подорвали бы жизнеспособность и самобытность еврейских общин стран Центрально-Восточной Европы. Эти его оценки в значительной мере опираются на публицистику и впечатления еврейских путешественников, посещавших эти страны, – как правило, сионистских шлихим.

Так это или не так – сказать трудно. Отметим, что автор большой работы о еврействе межвоенной Польши Маркус приходит к совершенно противоположным выводам. Распространенное представление, что историк не имеет права работать в сослагательном наклонении, видимо, не совсем правильно, но в данном случае документальная база для столь далеко идущих заключений явно недостаточна.

Есть в книге и другие несколько поспешные суждения. Автор в целом правильно оценивает положение еврейских общин в отдельных странах, но склонен абсолютизировать эти свои оценки.

Венгерское еврейство накануне 1918 г. действительно было самым аккультурированным в Центрально-Восточной Европе, но еще в 1910 г. 21,8% еврейского населения Венгрии объявило своим родным языком немецкий². Именно среди немадьяризованного населения Словакии и (в меньшей степени) Трансильвании, входивших тогда в состав Венгрии,

имели успех идеи сионизма, прежде всего религиозного. Удивительно, что Мендельсон даже не упоминает, что первый съезд международного движения «Мизрахи» прошел в 1904 г. в Братиславе, – факт, который вряд ли подтверждает его тезис о «слабости сионизма» в Венгрии (с. 91).

Не следует абсолютизировать и в целом правильное мнение о достаточно скромной роли антисемитизма в чешской политике (с. 139). Такие антисемитские деятели, как д-р Бакса, пользовались ненамного большим влиянием в Чехии (прежде всего в Праге), чем их австрийские или венгерские единомышленники в своих странах.

Утверждение о слабости общественно-политического антисемитизма нуждается в еще более существенных оговорках применительно к Латвии. Каждый, кто читал рижские еврейские газеты первой половины 20-х гг., помнит, что в них почти ежедневно упоминаются антисемитские инциденты, провоцируемые обществом активных националистов, чьи позиции были достаточно сильны даже в тогдашней, вполне демократической, Латвии. После прихода к власти в 1934 г. авторитарного режима эти тенденции стали еще явственнее, хотя и «держались под контролем».

В балтийской (т.е. латышско-эстонской) главе автор высказывает мнение, что увеличение числа евреев, получивших образование на латышском, а не на немецком или русском языках свидетельствует об успехах латышской аккультурации. Возможно, но успехи эти были не совсем добровольными, так как в последние годы Республики евреи, как и другие меньшинства, могли получать образование только на «своих» языках или на латышском. Вообще эта глава, как и литовская, несколько страдает от отсутствия солидных монографий, на которые автор мог бы опереться. Пробелы в изучении истории балтийского еврейства носили объективный характер и видимо, могут быть заполнены лишь сейчас, с изменением общей ситуации в Балтии.

В целом Эзра Мендельсон не только написал чрезвычайно удачную книгу, одновременно серьезную и захватывающую, но и открыл новое научное направление в иудаике. Будет неудивительно, если в бывших советских республиках у него найдутся продолжатели и критики, которые постараются найти свои ответы на поставленные им вопросы

Примечания

¹ «Хуцпа» – наглость (*иврит*).

² McCugg W. A History of Habsburg Jews, 1670–1918. Bloomington. 1989. P. 194.

Новое о произношении иврита у караимов Восточной Европы
(*Tapani Harviainen. De Karaitis Lithuaniae: Transcriptions of Recited Biblical Text, Description of the Pronunciation Tradition, and Peculiarities of Shewa; The Karaites of Lithuania at the Present Time and Pronunciation Tradition of Hebrew among them*)*

До настоящего времени мало изученным является вопрос произношения иврита у караимов Восточной Европы. В жизни караимов иврит играл роль языка богослужения и религиозной литературы. Говорили караимы вплоть до начала XX в. на тюркских языках, причем караимы Литвы, Луцка и Галича говорили на диалектах караимского языка (кыпчакская группа тюркских языков)¹, а караимы, проживавшие в Крыму, на этнолекте крымско-татарского языка². Очевидно, что хорошее знание иврита было достоянием небольшой группы религиозно образованных караимов. На сегодняшний день среди восточноевропейских караимов (по крайней мере, за пределами Литвы и Польши) практически не осталось людей, способных читать и понимать тексты на иврите.

В связи с вышесказанным большой интерес представляют две статьи профессора Хельсинкского университета, доктора Тапани Харвиайнена, посвященные произношению иврита у караимов Литвы: *De Karaitis Lithuaniae: Transcriptions of Recited Biblical Text, Description of the Pronunciation Tradition, and Peculiarities of Shewa // Orientalia Suecana XXXVIII–XXXIX (1989–1990), P. 34–44;*

The Karaites of Lithuania at the Present Time and Pronunciation Tradition of Hebrew among them: A Preliminary Survey // The Proceedings of the IX Congress of the International Organization for Masoretic Studies (Miskoula). 1991. P. 53–69.

Т. Харвиайнен совершил в 1988 г. поездку в Литву, где сумел сделать запись образцов чтения литовскими караимами ряда текстов из Библии. К достоинствам работы, выполненной Т. Харвиайненом, можно отнести то, что свои выводы он сделал на основании анализа записей чтения текстов на иврите, тогда как в работах других авторов, занимавшихся этим вопросом, выводы делались на основании анализа ив-

* В соавторстве с М. Гаммалом.

ритских заимствований в караимском языке³. Если учесть, что в последние десятилетия число караимов, способных читать тексты на иврите, стремительно сокращается, то можно сказать, что Т. Харвиайнен сумел сесть «на уходящий поезд».

При этом следует отметить хорошее знакомство автора с произношением иврита у еврейских субэтнических групп. Однако круг источников, которыми пользовался автор, несколько ограничен, что не позволило ему выявить все особенности караимской традиции произношения иврита. Впрочем, сам Т. Харвиайнен сознательно называет свою работу предварительным очерком.

Прежде чем перейти к подробному рассмотрению этой традиции, скажем несколько слов о тех исторических и социолингвистических ображениях, которые Т. Харвиайнен предпосылает аналитическим разделам своих работ.

В целом эти вводные замечания дают представление о численности и расселении тюркоязычных караимов в современном мире. Разумеется, исследования последних лет в чем-то дополняют приводимые Т. Харвиайненом сведения. В 1991 г. появилась работа Р. Фрейнда⁴, где, в частности, содержится (основанная, впрочем, на данных из личных бесед) статистическая оценка численности караимов в Польше. То, что автор упоминает «Чуфут-Кале» как синоним Бахчисарая, явно объясняется недоразумением. Более серьезно другое обстоятельство. В обеих работах караимы Крыма именуется караимскими крымчаками⁵. Автора можно понять так, что караимы и евреи-крымчаки принадлежат к некоему единому этносу, отличаясь друг от друга только религией. Это, конечно, абсолютно не соответствует действительности. По вопросу об этнической истории крымчаков в 80-х гг. вышел целый ряд работ, видимо оставшихся неизвестными Т. Харвиайнену, что, впрочем, неудивительно, так как напечатаны они были в труднодоступных изданиях. Укажем, в частности, на работу М.С. Куповецкого «К этнической истории крымчаков»⁶. Возвращаясь к караимской тематике, укажем (в надежде, что это не будет сочтено нескромностью), что одному из авторов данной рецензии принадлежит работа «К истории караимского литературного языка»⁷.

Однако перейдем к непосредственному предмету исследований Т. Харвиайнена. Характерными чертами произношения иврита у караимов Литвы, по Харвиайнену, являются следующие: 1) Система гласных полностью совпадает с сефардской, то есть при чтении гласные не делаются по долготе – так, сегол, цере, хатаф-сегол и шва «подвижное» читаются как «е» и т.д. 2) При реализации «вкравшегося» патаха, если огласовка перед гортанной шурук, кубуц или холем, то между губной гласной и «вкравшимся» патахом появляется вставка в виде звука «v», то есть פֿוּר произносится как «ruvah». 3) Из группы «begadkefat» только

«бет», «каф» и «пе» имеют два различных варианта реализации («b»/«v», «k»/«x», «p»/«f»). 4) Палатализация большинства согласных перед гласными «е» и «i», а после этих гласных палатализируются только «l», «n» и «t». Не подвергаются палатализации в любой позиции согласные «g», «h» и «s». 5) Характерна диссимиляция удвоенного «ламеда» в «ln» (объясняется суперстратным влиянием тракайского диалекта караимского языка). 6) Большая часть правил чтения шва совпадает с общепринятыми в библейском иврите. 7) Ассимиляция шва перед гортанными, то есть если после буквы, которая огласована шва, следует гортанная, то при чтении шва произносится аналогично огласовке, стоящей под гортанной. Например: טא'אט «ta'at». Именно это последнее правило было обнаружено Т. Харвйайненом и наиболее полно описано в его статьях. Совпадение явления ассимиляции шва у караимов с аналогичным явлением у йеменских евреев, чье произношение библейского иврита на сегодняшний день считается наиболее близким к масоретскому произношению, позволяет автору предположить о возможном сохранении в караимской произносительной традиции иврита ряда черт масоретской традиции. Что, по мнению самого Т. Харвйайнена, требует дальнейшего исследования. Автор полагает, что это исследование можно сделать на основе анализа караимских рукописных текстов. Однако, не умаляя значения будущих архивных изысканий, отметим, что весьма интересные данные могут быть получены и при изучении печатной продукции караимов как на иврите, так и на русском языке, выпущенной в XIX–XX вв., она позволяет более полно описать произношение караимами иврита, что и попытались сделать авторы настоящей рецензии.

Итак, приведенные ниже особенности караимского иврита базируются на анализе следующих источников: 1) Книга А. Коккея «Огель Авромъ»⁸, выпущенная в Одессе в 1903 г. и представляющая собой учебник, посвященный правилам чтения текстов на иврите. Экземпляр этого учебника был любезно предоставлен в наше распоряжение Т.С. Бабджан-Ельяшевич. Учебник разделен на параграфы, каждый из которых содержит правила чтения и примеры на них. В экземпляре книги, имевшемся в нашем распоряжении, есть пояснительные подписи, сделанные кириллицей с сохранением особенностей дореформенной орфографии, что дает право предположить, что подписи сделаны в начале XX в. 2) Заглавия книг, выпущенных караимами в период с начала XIX по начало XX в. Дело в том, что большинство этих книг на титульном листе, кроме названия, написанного на иврите квадратным еврейским шрифтом, имели название на иврите, напечатанное кириллицей с сохранением особенностей караимского произношения. Именно анализ лексик, данной в заглавиях, привел к интересным выводам относительно особенностей произношения иврита караимами в Литве и в Крыму, но

В произношении иврита караимами Крыма существует различие между произношением букв «каф» и «куф». Буква «каф» передает фонему «к», тогда как буква «куф» фонему «q». Если буква «куф» огласована «некуда» хирик, то при чтении хирик дает гласный звук «i». Например: чадыкым, кыбуч, кудыш, кына¹²,

В конце слова буква «пей» с маппиком читается как «h» («Огель Авроамъ», § 23), в противном случае буква «пей» не читается.

Правило чтения «вкравшегося» патаха, по нашим источникам, полностью совпадает с приведенным в статьях Харвиайнена правилом.

Правила чтения шва совпадают с общепринятыми, кроме двух случаев: первый – это ассимиляция шва перед гортанными, что подробно обсуждалось выше, и второй — это чтение шва перед буквой «йод» («Огель Авроамъ», § 27–28). Правило можно сформулировать следующим образом: если шва предшествует букве «йод», огласованной «некуда» хирик, то шва дает звук «е», при любой другой огласовке буквы «йод» шва читается как «i». Приведем примеры:

בְּיִשְׂרָאֵל – «beyisrael», וַיִּזְכֹּר – «weyizkor»
וַיְיוֹסֵף – «wiyosef», בְּיָמִים – «beyamim»

Интересно отметить, что чтение шва как ультракраткое «i» приводится в статьях Харвиайнена как отличительная особенность произношения йеменских евреев.

Краткая форма будущего времени в глаголах «легкой основы» со средним коренным вавом (ו = ו) также нестандартно произносится при чтении («Огель Авроамъ», § 22). Так при чтении реализуется полная форма будущего времени. Образцы чтения:

וַיַּקֻּם – «wayuakum» (вм. «wayuakom»), וַיַּוְיָרֹס – «wayuaguc» (вм. «wayuaguc»).

Таковы основные особенности произношения иврита у караимов Восточной Европы. Открытым остается вопрос, какое место занимает караимская произносительная традиция в ряду произносительных традиций еврейских субэтнических групп Передней Азии и Ближнего Востока.

В рамках этой рецензии мы сознательно не касались поднимаемого автором вопроса о том, насколько на основании данных о произношении иврита можно делать выводы об этногенезе этой народности. Автор, видимо, склоняется к положительному ответу на этот вопрос. Вполне согласны с его точкой зрения и мы. На нынешнем этапе исследования, однако, какие-либо конкретные выводы представляются преждевременными. Как нам стало известно уже в период работы над рецензией, на Европейском конгрессе по иудаике (август 1994 г., Копенгаген) Харвиайнен выступил с докладом о произношении иврита у караимов Стамбула, содержащим выводы об их этногенезе. Когда результаты

новых исследований Харвиайнена будут опубликованы, мы надеемся обсудить их на страницах «Вестника».

Примечания

¹ Мусаев Е.М. Грамматика караимского языка. М., 1964. С. 6–9.

² Впрочем, ряд авторов (О.Я. Прик и др.) видят в караимском варианте крымско-татарского языка третий (крымский) диалект караимского языка. Подробнее с этой точкой зрения можно ознакомиться в работе: Прик О.Я. Очерк грамматики караимского языка (крымский диалект). Махачкала, 1976.

³ Harviainen T. The Karaites of Lithuania at the Present Time and the Pronunciation Tradition of Hebrew among them: A Preliminary Survey // The Proceedings of the IX Congress of International Organization for Masoretic Studies (Missoila). 1991. P. 55–56.

⁴ Freund R. Karaites and Dejudarization. A historical Review of an endogenous and exogenous paradigm. Stockholm Studies in Comparative Religion. № 30. Stockholm, 1991. P. 100.

⁵ Harviainen T. De Karaitis Lithuaniae: Transcription of Recited Biblical Texts, Description of the Pronunciation Tradition, and Peculiarities of Shewa // Orientalia Suecana XXXVIII–XXXIX (1989–1990). P. 42.

⁶ Куповецкий М.С. К этнической истории крымчаков // Этноконтактные зоны в Европейской части СССР. М., 1989. С. 53–69.

⁷ Капланов Р.М. К истории караимского литературного языка // Малые и дисперсные этнические группы в Европейской части СССР. М., 1985. С. 95–106.

⁸ Коккей А.Я. Огель Авроамъ. Одесса, 1903 (на яз. иврит).

⁹ В экземпляре учебника «Огель Авроамъ», бывшем в нашем распоряжении, из подписей, сделанных от руки, можно заключить, что хатаф-камац под буквами «самех», «шин» и «син» (сибилянты) читался как «а». Однако дополнительных доказательств такого чтения хатаф-камац найдено не было.

¹⁰ Казас И.И. Основные черты богослужения караимов // Караимская жизнь. 1911. Авг.–сент. С. 78.

¹¹ Ельяшевич С. Религиозно-музыкальные мотивы караимов // Караимская жизнь. 1911. Июль. С. 56.

¹² Примеры взяты из заглавия книг, которые приведены в работе: Ельяшевич В.С. Караимы // Материалы из серии «Народы и культуры» М., 1993. Вып. XIV. Кн. 2. С. 1–238.

Miller Philip E. Karaite Separatism in nineteenth-century Russia. Joseph Solomon Lutski's «Epistle of Israel's Deliverance».
Hebrew Union College Press. Cincinnati, 1993

*Миллер Филип И. Караимский сепаратизм в России девятнадцатого века. «Послание об избавлении Израиля» Иосифа Соломона Луцкого. Цинциннати, 1993**

Книга д-ра Филипа Миллера представляет собой едва ли не первый за многие десятилетия специальный труд по истории восточноевропейских караимов. Она ценна также и тем, что в ней перепечатан и впервые переведен на один из европейских языков давно ставший библиографической редкостью труд выдающегося караимского деятеля первой половины XIX в. Иосифа Соломона Луцкого «Иггерет Тешуат Исраэль» («Послание об избавлении Израиля»). «Послание» посвящено важному событию в истории караимской общины России – путешествию караимских нотаблей Симы Бабовича и самого Луцкого в Петербург с целью добиться у российских властей освобождения караимов от воинской повинности. Как известно, ходатайство Бабовича и Луцкого было удовлетворено.

В приложении дается перевод двух рукописей, близких по содержанию к «Посланию» Луцкого. Это написанный на иврите текст об аналогичной миссии 1795 г., когда несколько руководителей караимской общины Крыма посетили Петербург с целью избавить караимов от уплаты подушного налога в двойном размере. Эта миссия также увенчалась успехом. Другая рукопись посвящена той же теме, что и «Послание», но отличается от него по языку: приводится не только английский перевод, но и крымско-караимский оригинал.

Публикуемые тексты проливают свет на духовный мир восточноевропейской караимской элиты. Очень интересен вывод Ф. Миллера о высокой степени знакомства И.С. Луцкого с постбиблейской еврейской литературой. Для нас, однако, прежде всего важно содержание «Послания» и та интерпретация, которую Ф. Миллер дает миссии 1827 г. и последующим событиям. Отметим, что автор полностью отдает себе отчет, что идет практически по целине. Он стремится не столько выно-

* В соавторстве с М. Гаммалом.

сдать окончательные решения, сколько ставить вопросы и предлагать гипотезы (с. XVII). Воспользуемся любезным приглашением автора принять участие в дискуссии.

Ф. Миллер совершенно справедливо усматривает в миссии Бабовича и Луцкого важную веху в процессе обретения караимами равных прав с окружающим населением. То, что Бабовичу и Луцкому удалось избавить караимов (сначала крымских, а затем литовско-волинских) от рекрутчины, действительно превратило их (в особенности главу миссии Бабовича) в подлинных «отцов нации». Можно согласиться с автором, что Бабовичу удалось развить успех, возглавив впервые созданное в 1839 г. Караимское духовное правление. Напомним, что для евреев-раввинистов рекрутчина оставалась подлинным бичом на протяжении полувека, а о религиозно-культурной автономии они не смели и мечтать.

Однако можно ли, исходя из всех этих фактов, придавать описанным в «Послании» событиям чуть ли не решающую роль в становлении «караимского сепаратизма»? Автор исходит из предположения, что с попыткой добиться для своей общины более выгодного статуса в конце XVIII и первой половине XIX в. была связана целая сепаратистская идеология, возводившая караимов то к коленам Израилевым, не находившимся в Палестине во время расправы над Иисусом Христом, то к хазарам. Обсуждая и отвергая точку зрения А. Нейбауэра, по которой караимизм проник в Византию из Хазарии, Филип Миллер говорит даже о параллельной славянофильству «крымскокараимской версии культурного империализма» (с. 8), направленной на установление господства над караимскими общинами Ближнего Востока. Последний тезис не находит никакой поддержки в фактах: Нейбауэр, как отмечает сам автор, отнюдь не был караимом (тем более крымским), а попытки А.С. Фирковича перевести обучение грекоязычных караимских детей в Стамбуле на турецкий язык вряд ли можно всерьез объявлять «культурным империализмом».

Но дело не только в этих частностях, но и в самой оценке Бабовича и Луцкого как отцов-основателей «караимского сепаратизма». Автор излагает взгляды А.С. Фирковича на этногенез караимов и полемизирует с ними. Не желая вступать в дискуссию, которая, строго говоря, не имеет отношения к теме книги, спросим лишь: какое отношение к хазарской теории и к «десяти коленам» имеет деятельность Бабовича и Луцкого? Ни в «Иггерет», ни в других текстах, связанных с событиями 1795 и 1827 гг., ни слова обо всех этих головомомных проблемах не сказано. Бабович не положил начало «караимскому национальному сознанию» (с. 47) и не заслуживает памятника, который ему, по мнению автора, должен был бы поставить караимский народ. Он отнюдь не первый, кто пытался отстоять автономию караимов и их особый статус по отноше-

нию к раввинистам. Подобные попытки предпринимались неоднократно и в фатимидском и османском Египте (где караимы использовали тот же довод, что и их крымские единоверцы XIX в., ссылаясь главным образом на свою малочисленность¹), и в Турции, и в Польше. Разумеется, в Российской империи существовали особенно благоприятные условия для развития сепаратистских тенденций. Однако процесс становления национального самосознания восточноевропейских караимов, отчасти начавшийся еще до Бабовича (ссылки на самобытный язык и нравы в переписке луцких караимов с польскими властями еще до окончательного раздела Польши), в 20–30-е гг. XIX в. находился еще на весьма ранней стадии. Достаточно процитировать первый тюркоязычный караимский катехизис Мордехая Казаса (1835 г.), где на вопрос о своей национальной принадлежности караим обязан отвечать: «Я происхожу из народа еврейского»². Эволюцию национального самосознания караимов можно проследить по дальнейшим выпускам катехизисов (как правило, уже русскоязычных). Оставляя подробное рассмотрение этой проблемы до другого случая, отметим лишь, что, несмотря на энергичную деятельность А.С. Фирковича, тезис о хазарском происхождении караимов не был принят всей общиной до периода первой мировой войны. Окончательно он утвердился в караимской литературе лишь после вступления С. М. Шапшала в должность гахама в 1915 г.

Некоторая тенденциозность заметна в освещении Ф. Миллером истории караимов в период, последовавший за деятельностью С. Бабовича и И.С. Луцкого. Тезис о духовном упадке караимства в конце XIX – начале XX в., который разделяет по совершенно иным мотивам и определенной части караимской историографии (С. Шишман), нуждается в корректировке. Далеко не все караимы забыли свою религию и иврит. Достаточно указать на семью Эльяшевич, один из представителей которой, Сима Эльяшевич, за несколько лет до революции пытался продолжить дело своего знаменитого предшественника и земляка Исаака Троки. Подобно трактату «Хиззук Эмуна» И. Троки, «Два завета» Симы Эльяшевича представляют собой страстную апологию библейского мирозерцания. Вообще, как стало ясно из личной беседы автора с одним из рецензентов. Ф. Миллер за годы, прошедшие после опубликования его книги, смог ознакомиться с данными о современном состоянии восточноевропейского караимства и уже не считает, что оно находится в состоянии тотального духовного упадка. Что же касается перспектив демографического выживания столь небольшой группы, то эта проблема стоит одинаково остро и для целого ряда других религиозных и этнокультурных меньшинств, по своей численности намного превышающих караимов. Встречаем мы у Миллера и некоторые другие общие места, в частности утверждение о том, что чуть ли не все караимы были стра-

стными монархистами. История гражданской войны и социалистического строительства в СССР сохранила имена караимов – политических и общественных деятелей весьма левой ориентации.

Мотивы, которыми руководствовались российские власти при освобождении караимов в 1827 г. от воинской повинности и еще ранее, в 1795 г., от двойного подушного налога, как справедливо утверждает Филип Миллер, могут быть окончательно прояснены только после серьезных поисков в российских архивах. Автор высказывает предположение, что либеральная политика властей в караимском вопросе была продиктована стремлением использовать в интересах России значительный экономический потенциал крымскокараимского купечества. Эти соображения не новы, но вполне правдоподобны. Однако автор проявляет тенденцию игнорировать факты, не вполне укладывающиеся в его «материалистическую» концепцию. В отличие от автора (с. 210), мы не видим никаких оснований сомневаться в относительно привилегированном юридическом статусе действительно не слишком преуспевавших галицийских караимов. Видимо, отношение властей к караимам далеко не всегда определялось чисто экономическими соображениями.

Есть у нас и ряд частных замечаний. Вызывают удивление упоминания автора об «отдаленных сельских общинах» (с. 4) как основном месте проживания крымчаков во времена Крымского ханства – Карасубазар отнюдь не был центром вселенной, но по масштабам Крымского ханства представлял собой крупный город. Одно время туда (впрочем, весьма ненадолго) даже была перенесена столица государства. Не совсем правильно переданы некоторые караимские имена (с. 94): «Фаримда» вместо «Форунда» (в ивритском тексте отчетливо стоит «вав»), «Торшу» вместо «Туршу».

В целом, однако, несмотря на все высказанные нами оговорки и замечания, мы считаем выход в свет книги Ф. Миллера важным событием в крайне мало исследованной области науки. Она безусловно займет важное место в мировом караимоведении.

Примечания

¹ См.: *El-Kodsi m. The Karaite Jews of Egypt*. Lyons, 1987. P. 4, 7.

² *Эльшиевич Б.С. Историко-этнографические очерки (1926–1929)*. М., 1994.

Fishman D.E. Russian's First Modern Jews: The Jews of Shklov.
New York, 1995

Фишман Д.Э. Первые современные евреи в России: Евреи Шклова.
Нью-Йорк, 1995

Книга американского историка, профессора Еврейской теологической семинарии в Нью-Йорке, вышедшая в серии «Новые подходы к социальной и интеллектуальной истории евреев», действительно представляет собой новаторскую работу. Мыслители и общественные деятели, которым она посвящена, рассматривались лишь как «предшественники Гаскалы», «изолированные и эксцентричные личности, чье влияние на еврейское общество было ничтожно» (с. 5). Однако Фишман вполне убедительно доказывает, что среди российско-польского еврейства первые серьезные попытки прорыва к европейской цивилизации были сделаны в течение последней трети XVIII в. в Западной Белоруссии в городе Шклове и прилегавших к нему районах Могилевского наместничества (впоследствии Могилевской губернии).

На основании широкого круга источников — как еврейских (главным образом литературных), так и российских (прежде всего, архивных) — автор показывает, почему процесс модернизации и европеизации восточноевропейского еврейства начался именно в Шклове, оказавшемся из-за присоединения Восточной Белоруссии к Российской империи крупнейшим центром пограничной торговли. Не меньшее значение имело и пребывание в Шклове бывшего фаворита императрицы Екатерины II Семена Гавриловича Зорича и его «двора», как выражается автор (с. 46). И сам магнат, и его космополитическое окружение поддерживали весьма тесные, хотя и не свободные от трений, контакты с многочисленной еврейской общиной Шклова. В отличие от более значительных дворов Европы XVIII в. двор Зорича с его театрами, оркестрами, благородным училищем, фабриками был расположен в самой гуще ашкеназского еврейства и не мог не влиять на него. Еще сильнее способствовала европеизаторским тенденциям среди евреев Могилевского региона крайняя враждебность к хасидизму, проявлявшаяся местным религиозным руководством.

Митнагидская среда оказалась более восприимчивой к умеренно-рационалистическим идеям, в частности к взглядам самого раннего из шкловских маскилов – Баруха Шика, для которого популяризация светской культуры была важна не как путь к расширению прав евреев (в отличие от центральноевропейских и более молодых восточноевропейских маскилов), а лишь как ответ на презрение христиан к традиционной еврейской учености.

Очень сильные страницы Фишман посвящает попыткам маскилов (у Шика еще робких, у его преемников более смелым) выйти за пределы привычного круга понятий. Эти первые шаги были невероятно трудны. Многие из них (Менаше Илиер) за всю жизнь не овладели литературным немецким, несмотря на его близость к языку идиш. Как правило, путь маскилов в Европу проходил через ивритскую литературу разных стран и эпох. Б. Шик доказывал необходимость изучения человеческой анатомии ссылками на Каббалу в интерпретации жившего в Италии в первой половине XVIII в. моралиста и поэта Моше-Хаима Луццато.

Другие маскилы обращались к «Морэ невухим» Маймонида (для чего требовалось преодолеть традиционную в ашкеназском мире сдержанность по отношению к этому труду). В ход шли нравоучительные сочинения амстердамского сефарда XVII в. Бениамина Мусафии и восторженные рассказы о сефардской образованности ашкеназского автора XVII в. Шефтла Горовица.

Шкловский маскил Шульман апеллирует к книге «Микве-Исраэль», принадлежащей перу еще одного знаменитого амстердамского сефарда – Менаше бен Исраэля, чтобы помочь своим соплеменникам в буквальном смысле слова «открыть Америку». Ведь среди русско-польского еврейства еще на рубеже XVIII и XIX в. к сообщениям о неупомянутой в Танахе части света относились весьма скептически.

Этот факт очень рельефно показывает, с какой низкой точки начался процесс культурной модернизации русско-польского еврейства, достигший за следующие 80–100 лет столь внушительных результатов.

На службу реформ был поставлен и такой непривычный для ашкеназской книжности жанр, как драматургия. Целую главу Д. Фишман посвящает вышедшему в Шклове в 1797 г. сочинению могилевского проповедника Х.А. Каца – первой пьесе на иврите, написанной восточно-европейским автором.

Подробно рассказывает автор о той поддержке, которую программа шкловских маскилов в своем умеренном варианте (изучение светских наук, борьба с суевериями и т.д.) получала у митнагидского истеблишмента – главным образом у влиятельнейшего виленского гаона Ильи и его верного последователя – раввина Бениамина Ривлина.

Много внимания в книге уделяется попыткам общественных деятелей Шкловского круга – Иошуа Цейтлина, Ноты Ноткина, Абрама Переца, Лейбы Неваховича добиться расширения гражданских прав евреев. С этой тематикой отечественный читатель еще со времен «Истории евреев в России» Ю. Гессена знаком гораздо лучше, чем с другими проблемами, рассматриваемыми в книге Д. Фишмана.

Отметим, кстати, то приятное обстоятельство, что автор ссылается (с. 166) на помещенную в первом номере нашего журнала статью Андрея Рогачевского о Л. Неваховиче

В заключение автор рисует картину «упадка и разложения» (с. 122) Шкловской Гаскалы. Из-за смерти Зорича и новых разделов Польши Шклов утратил свое привилегированное положение. Переселение ряда видных митнагидов в Эрец-Исраэль, отход от иудаизма нескольких влиятельных маскилов свели на нет шкловскую Гаскалу. Однако это первый эксперимент, оказавший влияние на следующее поколение маскилов, чьим центром был уже Вильно. Они нередко были связаны со своими шкловскими предшественниками самой тесной, в некоторых случаях даже семейной преемственностью. Через литературу на идише идеализированный образ шкловских просветителей вошел в историческую память русского еврейства.

Итак, как мы видели, из книги Д. Фишмана читатель может узнать очень много нового о самом раннем, наименее изученном периоде в истории российского еврейства. Обращает на себя внимание живой стиль автора, его способность в легкой и доступной форме писать о самых головоломных проблемах, над которыми мучились его герои. Изящное оформление работы, тщательно подобранные иллюстрации под стать содержанию.

С другой стороны, и на солнце есть пятна. Как это нередко бывает, историк еврейства при всем интересе к общеисторическому контексту владеет им не столь свободно, как «чисто еврейской» проблематикой. Больше всего удивляют многочисленные неточности, допущенные Д. Фишманом в таком важном для Российской империи предмете, как дворянские титулы. Он с невероятной щедростью производит в графы и Зорича, и Гаврилу Романовича Державина (ни тот, ни другой никогда никаких титулов не имели), и зятя Абрама Переца Александра Гревеница, который получил титул (не графский, а баронский) лет двадцать спустя после описываемых событий. Князь же Куракин, напротив, разжалован автором в графы, а драматург князь Шаховской (не «Шаховский», как у Фишмана) вообще остался без титула (с. 46, 55, 127–128, 151).

Всех этих грехов можно было бы избежать, поработав полчаса с энциклопедией Брокгауза и Ефрона, которая, как достоверно известно ре-

цензенту, стоит прямо в читальном зале славяно-балтийского отдела Нью-Йоркской публичной библиотеки.

Вызывает сомнения и передача автором некоторых еврейско-итальянских собственных имен. Живший в Южной Италии в X в. еврейский ученый Шабтай Донноло превращен в «Донелло» (с. 25; см. также с. 79). Все это, однако, частности. В целом Дэвид Фишман написал чрезвычайно удачную книгу, вполне заслуживающую перевода на русский язык.

Rubenstein J.

Tangled Loyalties: The Life and Times of Ilya Ehrenburg.

New York: Basic Books, 1996.

Рубинштейн Дж.

Запутанная лояльность: жизнь и времена Ильи Эренбурга.

Нью-Йорк, 1996

Joshua Rubenstein's book, true to its genre, does not offer an in-depth analysis of Ilya Ehrenburg's writings; for that the reader will be obliged to go to other authors, who offer numerous, though conflicting, perspectives on Ehrenburg's work (and, among other things, its Jewish dimensions), especially Simon Markish (*Babel' i drugie*, 1997) and Boris Paramonov (*Portret evreia*, 1993). *Tangled Loyalties*, however, will remain a nearly definitive (as nearly as anything to do with Russia can be definitive) account of Ehrenburg's truly remarkable career.

It is often said that Ehrenburg's life is more interesting than his books. As told by Rubenstein, his certainly seems a fantastic story: how could a "lapsed Bolshevik" (p. 23) who as a teenager had already had "personal encounters with Lenin, Trotsky, and Nikolai Bukharin" (p. 26), survive Stalin's purges and remain an important member of the Soviet literary establishment? Indeed there was no more protean figure in Soviet cultural history: a fanatical Russian patriot, and an almost official "cosmopolitan", a Jew intensely aware of his identity, and a staunch anti-Zionist. Tangled loyalties indeed!

Rubenstein uses a plethora of sources—archives, press materials, oral history, and, of course, Ehrenburg's many books and vast journalistic opus. The author succeeds in proving that with all his concessions to Stalinism—some of them, like his anti-American and anti-Israeli outrages during the late 1940s and early 1950s, quite disgusting—Ehrenburg never totally abandoned a certain humanistic idealism, which he tried to defend, sometimes in Aesopian fashion, even under extremely unfavorable circumstances. Few people would dispute the impact of Ehrenburg's memoirs.

Unlike most critics, Rubenstein refuses to dismiss Ehrenburg's later novels as pure official propaganda. Ehrenburg's postwar books, furthermore, don't just reflect a humanist attitude, devoid of any specifically Jewish allegiance.

In the author's view they express a Jewish commitment, though not of a religious or "racial" kind. Equally important was Ehrenburg's more or less public work on behalf of Soviet Jews under Stalin (when it was possible) and again under Stalin's successors. For those of us who grew up in the 1960s, Ehrenburg's willingness to discuss Jewish subjects, especially in his memoirs, was a bracing example. As a source of (admittedly not always adequate) information on Jewish culture, he ranked immediately after those two officially permitted Jewish authors—Sholom Aleichem and Lion Feuchtwanger.

Rubenstein's treatment of Ehrenburg the Jew would have profited from a more serious examination of those of his books that contain statements on the Jewish question. In *Visum der Zeit* (Visa of the time) the author discusses Hasidism and the limitations of Yiddish literature (of which, lacking Yiddish, he wasn't a very good judge). In *Edinyi front* (United front) he features a demonic Jewish financier striving for world domination; this book, published only outside the Soviet Union, was for Simon Markish a shameful blot on Ehrenburg's memory, and the fact that it never appeared in Russia suggests that Ehrenburg himself had second thoughts about his brainchild. In *Tangled Loyalties* these books are mentioned in the most fleeting manner possible. The discussion of *Julio Jurenito* and its hero's notions about the Jews would also have profited from more attention to the origins of Jurenito's Weltanschauung (was he a follower of Lev Shestov, as suggested by Paramonov?).

Rubenstein is at points too sure about some of the more enigmatic aspects of Stalinism, for example Stalin's alleged intention to deport the Soviet Jews to Siberia: some experts still question the existence of such a plan. The "collective letter" in which, until recently, many believed that Soviet Jewish intellectuals had called for Jews to return to productive labor on the land, and which was to serve as Stalin's justification, has lately been published. However it does not read like the justification for mass repression it was traditionally supposed to be. Of course, Rubenstein may be right after all, but at present the verdict is in no wise "proven beyond a reasonable doubt" But if Rubenstein has generally gotten Russian things right, a few minor errors do mar the text: Nicholas Us Supreme Army Headquarters was located not in "the Ukrainian city of Mogilev" (p. 40), but in the identically named and rather larger Belorussian city; the name of the main character in *Out of Chaos* is Safonov, not Safronov (p. 118); "rootless nationalities" is too strong a translation of "*nekorennye natsional'nosti*", for which "non-native" probably would have been more appropriate. Other European countries and languages fare worse. The poet Zbigniew (not Zbig-nief) Herbert is a Pole, not a Czech (p. 339). The French politician Jacques Doriot had stopped being a communist long before he started collaborating with the Nazis (p. 183). The first name of another French political figure, de Monzie, was "Anatole", not "Alfred" (p. 182). "Mussolini's

brownshirts” (p. 125) hardly existed: in Italy shirts tended to be black. The murderer of King Alexander of Yugoslavia was a Macedonian terrorist, and not a “Croat Fascist” (p. 134).

One could go on, but these are relatively minor matters. Joshua Rubenstein has written a good book about an important writer who was not only intriguing, but also—a much rarer phenomenon for his epoch—fundamentally decent, who helped people when he could, as many witnesses testify. It is difficult not to share the biographer’s strong sympathy for his hero.

ИНТЕРВЬЮ

Еврейская историческая наука в нашей стране с точки зрения Рашида Капланова¹

Рашид Капланов родился в 1949 году. В 1971 г. закончил исторический факультет МГУ, в 1974 г. – аспирантуру Института всеобщей истории Академии наук. Почти двадцать лет является научным сотрудником этого института. Область научных интересов чрезвычайно широка: западноевропейская еврейская история с XVIII века до наших дней; история евреев в Восточной Европе; история Португалии и других романских стран в XX веке; история этнорегиональных и этнолингвистических движений в Западной Европе; история политических идеологий. Автор многочисленных научных статей на различных языках, исследования по истории Португалии после Второй мировой войны. Постоянный сотрудник ряда испанских и итальянских ежедневных газет, публикующих его статьи по национальным проблемам бывшего Советского Союза и западноевропейских стран. Преполагает в московском Еврейском университете и в Российском Гуманитарном университете. Председатель Еврейского исторического общества.

Рашид Мурадович, возглавляемое Вами Еврейское историческое общество существует уже несколько лет. С чего все началось?

В свое время я возглавлял, а скорее, был просто членом группы, возникшей в самый разгар застойных времен, в начале 1980-х годов – речь идет о Еврейской историко-этнографической комиссии². В 1981–1982 годах нас приютил у себя в редакции главный редактор «Советиш Геймланд» Арон Вергелис³. Была надежда, что наша комиссия может получить легальный статус. Но потом кто-то «стукнул», Вергелис перепугался и просто перестал нас пускать в редакцию, где прошли немногие наши заседания.

Мы продолжали собираться на частных квартирах. Это была организация абсолютно неполитическая. Я вовсе не считаю себя ветераном диссидентского движения. Организация была чисто научная, и у нас все-таки был какой-то выход на легальную печать. Например, тот же «Советиш Геймланд». Некоторые из участников нашей комиссии, такие как Велвл Чернин, одновременно работали в этом журнале.

Другим выходом в сферу гласности были различные малотиражные издания, выпускавшиеся Географическим обществом, поскольку многие из нас были членами этнографической комиссии при этом обществе. Мы издавали сборники, которые, как мне кажется, представляют интерес и сейчас. В этих сборниках половина или треть статей была посвящена еврейским сюжетам, но должна была быть представлена и другая проблематика, чтобы нас не обвинили в том, что мы занимаемся исключительно еврейскими проблемами. Потом наша комиссия распалась, фактически под ударами ОВИРа, который в середине 80-х годов совершенно неожиданно стал предоставлять выездные визы самым активным членам нашей организации. Так получилось, что некоторое время я числился формальным главой этой комиссии, поскольку из ее руководителей я единственный остался в стране и занимался в основном научной, а не политической деятельностью. И уже позже я был избран вторым (после его основателя Валерия Энгеля) председателем Еврейского исторического общества. Со временем общество влилось в новую, более мощную организацию, созданную Энгелем – Ассоциацию иудаики и еврейской культуры, где я тоже состою членом наблюдательного совета, и фактически перестало собираться.

И тогда возникло стремление воссоздать Еврейское историческое общество и вернуться к его первоначальным задачам. Моя позиция состояла в том, что мы должны заниматься именно наукой, а не религией, не бизнесом, не политикой.

Перед вами, возможно, стоял пример исторического общества, существовавшего в стране до конца 1920-х годов?

То общество было скорее историко-этнографическим⁴. Я больше ориентируюсь не на наш исторический опыт, поскольку, к сожалению, знаком с ним исключительно по литературе. Я ориентируюсь скорее на пример тех исторических обществ, которые существуют сейчас. Мне приходилось участвовать в заседаниях Британского еврейского исторического общества, и меня подобное чисто научное направление деятельности вполне устраивает.

По-моему, наше Общество сейчас достаточно успешно функционирует. Кроме того, у нас появилось еще одно направление деятельности – мы сотрудничаем с Еврейским университетом в Москве. Университет предоставляет нам свои помещения, многие члены Общества преподают в этом университете. Совсем недавно вышел в свет первый выпуск «Вестника Еврейского университета», где опубликованы наши статьи.

Кто может стать членом Вашего Общества?

В заседаниях Общества могут принимать участие все желающие. Не так трудно стать его членом. Достаточно, чтобы кандидат выступил на

заседании со своим сообщением, и если оно будет утверждено, мы принимаем человека в члены Общества.

Наша беда, хотя, конечно, я сужу со своей профессиональной колокольни, в том, что у нас есть политологи, специалисты по межконфессиональному диалогу, а настоящих историков-профессионалов, которые в основном питаются архивными документами, у нас сейчас не так много. Но, в конце концов, если человек занимается, например, историей еврейско-христианских отношений в русской культуре – это тоже интересно. Хотелось бы только, чтобы больше было историков в прямом смысле слова, и здесь я возлагаю надежды на учебные заведения, которые уже сейчас начинают готовить таких специалистов: например, еврейская специализация в Российском Гуманитарном университете.

То есть, насколько я понимаю, проблема в том, что у нас просто мало людей, занимающихся этим профессионально?

Я бы не сказал, что это большая проблема. Конечно, хотелось бы, чтобы таких людей было больше. С другой стороны, то, что таких людей не так много, предоставляет широкое поле деятельности для тех, кто действительно хочет этим заниматься.

А как сегодня обстоит дело с доступом к архивным материалам по еврейской истории?

Архивы открыты, и еврейским исследователям, которые имеют к ним постоянный доступ, сегодня можно только позавидовать. Хотя нам в какой-то степени наступают на пятки наши зарубежные коллеги. Они очень активны и нередко находят в архивах вещи, о которых мы и не подозреваем. У них есть такие аргументы, с помощью которых несложно добиться благосклонности архивных работников и которых мы, к сожалению, не имеем.

Но все равно, сегодня специалисту по истории евреев в России легче работать, если он живет в России. Я могу процитировать американского историка Джона Клира⁵, заметившего в одной из своих последних статей, что «если Киев раньше называли матерью городов русских, то теперь его вполне можно называть матерью еврейских архивов». И это притом, что г-н Клир пришел к такому выводу на основании лишь поверхностного знакомства с тамошними архивными фондами.

Многое хранится в Москве, других местах.

В конце апреля в Москве пройдет конференция «Евреи в СССР». Не могли бы Вы рассказать о ней?

Международная научная конференция «Евреи в СССР» организуется Институтом всеобщей истории РАН совместно с Тель-Авивским университетом. На ней выступают многие активисты уже упоминавшейся Еврейской историко-этнографической комиссии. Приглашены крупные

зарубежные специалисты – историки, демографы из Израиля, США, Англии, многие из которых, кстати, известны своими исследованиями не только в области еврейских проблем.

Тематика сообщений, заявленных на конференцию, очень разнообразна: евреи в революции, советская политика в отношении евреев, иудаизм в СССР, кампания борьбы с космополитизмом, еврейская эмиграция из СССР. Я буду руководить работой секции проблем еврейского самосознания. Вообще конференция обещает быть интересной, хотя трудно говорить о том, что только должно состояться.

Беседовал Л. Кричевский

Примечания

¹ Интервью Льва Кричевского было опубликовано в: Родник. 1993. № 3. С. 8. – Здесь и далее прим. ред.

² О Еврейской историко-этнографической комиссии подробнее см. воспоминания М.А. Членова и М.С. Куповецкого в этом сборнике.

³ Арон Вергелис (1918–1999) – еврейский советский поэт и публицист, главный редактор журналов «Советиш Геймланд» (1961–1991) и «Ди идише гас» (1992–1999).

⁴ Еврейское историко-этнографическое общество, существовавшее в Санкт-Петербурге – Петрограде – Ленинграде в 1908–1929 гг.

⁵ Джон Клир (John Doyle Klier, 1944–2007) – американский историк, значительную часть жизни работавший в Великобритании; автор ряда монографий и статей по истории российского еврейства.

Ариель Борщевский

Интервью с Рашидом Каплановым¹

В конце прошлого года в Израиле побывал доктор Рашид Капланов – председатель Академического совета «Сэфера» и президент Европейской ассоциации исследователей иудаики (European Association for Jewish Studies). Рашид Мурадович принимал участие в иерусалимской конференции «Советское и постсоветское еврейство», о которой мы уже неоднократно рассказывали. Естественно, мы не могли не воспользоваться этим обстоятельством и попросили д-ра Капланова дать интервью специально для сайта Ассоциации «ЭХО», тем более что Рашид Мурадович любезно согласился войти в ее Консультационный Совет. Пользуюсь случаем поблагодарить гостеприимную Наталью Дараган, на чьей квартире в Маале Адумим и произошло это интервью. Д-р Дараган также входит в Консультационный Совет Ассоциации.

А. Борщевский. Рашид, расскажите, пожалуйста, что такое «Сэфер»?

Р. Капланов. «Сэфер», что на иврите означает «книга», – это Центр научных работников и преподавателей иудаики в ВУЗах. Его задача – поощрять преподавание еврейских дисциплин в высших учебных заведениях на территории бывшего Советского Союза. Кроме того, у нас есть и контакты с профессиональными учебными заведениями, главным образом, в области преподавания иврита.

А.Б. Т.е. вы своего рода методический центр, задачей которого является развитие академических дисциплин, и вы не несете какую-либо «идеологическую миссию»?

Р.К. Именно так.

А.Б. А с какого года существует «Сэфер»?

Р.К. С 1994 – как раз десять лет будет в этом году.

А.Б. А вот давайте перенесемся назад, за 10 лет до появления «Сэфера» – в 1984 г. Во скольких учебных заведениях на всей территории Советского Союза, который еще не был «бывшим», преподавалось тогда нечто, связанное с еврейской цивилизацией?

Р.К. Наверное, в двух-трех. В Институте военных переводчиков, в МГУ – в Институте стран Азии и Африки, ну и, конечно, в Питере.

А.Б. Как выпускник Восточного факультета 1977 года, я не припоминаю кафедры, в названии которой присутствовало слово «еврейский».

Р.К. Совершенно верно. В свое время в ЛГУ была Кафедра гебраистики и ассириологии, которую прикрыли в начале 50-х годов.

А.Б. И какие же изменения произошли спустя 20 лет? Что появилось на месте этой «гебраистической» пустыни? Кстати, а с какими республиками бывшего Советского Союза сотрудничает ваш центр?

Р.К. У нас имеются связи практически со всеми республиками, за исключением Туркмении, Таджикистана и Армении². Впрочем, нам известно, что в Армении в Ереванском университете преподают иврит. А всего же по нашим данным различные еврейские «штудии» присутствуют в учебных планах примерно 100 высших учебных заведений (подробнее см. справочник «Иудаика в странах СНГ и Балтии»). Количество студентов назвать сложнее, мы полагаем, что их несколько тысяч.

А.Б. И вот здесь я бы хотел вернуться к «идеологическому» аспекту преподавания иудаики. Насколько я понимаю, академическое преподавание еврейских дисциплин, в отличие от неформального еврейского образования, не ставит перед собой задачу «укрепление еврейского самосознания».

Р.К. Непосредственно, конечно, нет. Не забывайте о том, что среди студентов большое количество неевреев, а иудаика – это никак не курсы подготовки к гиюру. При этом мы считаем, что и данная задача также выполняется, пусть и опосредованно. Кроме того, не забывайте, что многие студенты неевреи в результате серьезного изучения истории еврейского народа, еврейской цивилизации гораздо лучше начинают понимать и евреев, и государство Израиль.

А.Б. Ну а теперь давайте перейдем к вашему Центру «Сэфер». Кто же преподает еврейские дисциплины? Ведь двадцать лет тому назад и преподавателей почти не было.

Р.К. Во-первых, мы пошли по пути переквалификации. Например, я раньше занимался Португалией и Испанией, а сейчас сефардскими евреями, моя коллега Виктория Мочалова, которая раньше была полонисткой, стала специалистом по евреям, проживавшим на территории Речи Посполитой в XVI–XVIII вв. Конечно, не всегда подобный переход в смежную область бывает достаточным. Например, среди преподавателей иврита имеются специалисты – выпускники уже упоминавшегося Института военных переводчиков. При этом большинство преподавателей – это граждане республик бывшего Советского Союза, хотя, безусловно, имеются и *visiting teachers* – главным образом, русскоговорящие израильтяне.

А.Б. Скажите, а если говорить о возрождении иудаики в СНГ, от кого исходила эта инициатива? От Израиля, от России, или это был «конвергентный» процесс?

Р.К. Здесь мне бы хотелось упомянуть нашу Еврейскую историко-этнографическую комиссию, созданную еще в 1981 г. молодыми и не очень энтузиастами иудаики, которые пытались придать своей деятельности легальный статус, подчеркивая академическую направленность своей деятельности. Увы, легальный статус мы так и не получили, но Комиссия продолжала существовать, собираясь на частных квартирах своих членов.

А.Б. И кто же входил в эту Комиссию?

Р.К. Можно назвать таких известных исследователей, как М. Членов, И. Крупник, М. Куповецкий, А. Торпусман, В. Чернин. Не все они сейчас занимаются иудаикой, но можно сказать, что наша Комиссия стала своего рода «кузницей кадров» будущих преподавателей иудаики. Через несколько лет, уже в эпоху перестройки появилось Еврейское историческое общество.

А.Б. А когда появились первые официальные курсы иудаики?

Р.К. В начале 90-х годов, когда возникли Еврейские университеты в Москве и Петербурге, а также Академия Маймонида в Москве. А позднее и за стенами этих «еврейских» заведений стали открываться в различных ВУЗах кафедры и курсы иудаики.

А.Б. Не могу не удержаться и не спросить, кто же финансирует деятельность этих кафедр и курсов? Российское государство?

Р.К. Да нет, от государства особой помощи нет, надеемся, что со временем получим хотя бы какие-нибудь налоговые льготы. Вначале основную поддержку нам оказывал Джойнт, а сейчас академическая иудаика финансируется различными международными еврейскими организациями, частными лицами, а также местными еврейскими организациями, причем доля последних из года в год растет.

А.Б. А Государство Израиль?

Р.К. И Государство Израиль тоже принимает в этом процессе некоторое участие.

А.Б. Рашид, расскажите немного о структуре «Сэфера».

Р.К. Наш центр – общественная организация, в ней зарегистрировано свыше тысячи человек, при этом на постоянной основе в нашей деятельности принимает участие около десяти человек. Это наш актив. Основные направления нашей деятельности определяются Академическим советом, который собирается на свои заседания раз в год во время ежегодной конференции по иудаике. В этом году будет проходить 10-я конференция. Кроме того, имеется и Международный Наблюдательный Совет «Сэфера», хотя он и не принимает такого деятельного участия, как Академический Совет.

А.Б. Скажите, Рашид, а что надо сделать, чтобы стать членом «Сэфера», какие требования вы при этом предъявляете?

Р.К. Принцип членства у нас «оповестительный», т.е. нам человек сообщает, что он хочет присоединиться к «Сэферу».

А.Б. И все члены «Сэфера» – это преподаватели иудаики в академических ВУЗах?

Р.К. Нет, далеко не все. У нас нет жесткой системы членства. Главным событием в деятельности «Сэфера», так сказать high point, является ежегодная конференция, на которую приезжают сотни человек. В этом году мы получили 370 заявок, естественно, не все получают приглашения, но эта цифра дает представление о масштабах конференции.

А.Б. А что еще, помимо конференции, входит в сферу деятельности Центра «Сэфер»?

Р.К. У нас много молодежных программ – каждое лето проводится молодежная конференция, у нас существуют летние школы для студентов из стран СНГ и Балтии. Кроме того, мы организуем курсы повышения квалификации («программа тьюторинга») для преподавателей иудаики, продолжающиеся один месяц. Мы также занимаемся лекторской деятельностью, и, конечно же, издательской.

А.Б. Ну что ж, это весьма серьезная и многообразная деятельность. А теперь позвольте мне задать Вам еще один вопрос – что привлекает студентов к изучению иудаики?

Р.К. Безусловно, во-первых, любопытство, по-моему, иудаика до сих пор сохранила аромат некоторого запретного плода. Что же касается студентов-евреев, то, возможно, некоторые из них рассматривают это как своего рода подготовку к алие. Вообще-то по моим наблюдениям, не так уж много студентов-евреев выбирают своей специальностью иудаику.

А.Б. Ну, а задавать вопрос о соотношении евреев и неевреев среди изучающих иудаику было бы некорректно?

Р.К. Естественно, хотя участие в некоторых наших программах так сказать полуакадемического характера требует принадлежности к еврейству в рамках Закона о возвращении.

А.Б. Давайте теперь, Рашид, в заключение поговорим немного о связи между академической иудаикой, общинной жизнью и еврейским самосознанием. Как мне кажется, в США, например, академические исследования далеко не всегда связаны с общинной деятельностью, они рассматриваются как нечто отдаленное от повседневной жизни еврейской общины.

Р.К. Я считаю, что в России в силу особенностей ее развития образование и культура всегда играли особую роль, и для возрождающейся еврейской общины в СНГ очень важно иметь и своих ученых, специа-

листов в иудаике, и свою еврейскую культуру. Многие наши ученые принимают самое деятельное участие в общинной жизни. Например, Евгений Сатановский, который и преподает, и является Президентом Российского еврейского конгресса. Кроме того, мы не только «кузница кадров» еврейской общины, но также причастны к воспитанию российских дипломатических кадров. Например, сейчас в Израиле в Российском консульстве работают двое моих бывших студентов.

А.Б. Ну что ж, Рашид Мурадович, разрешите поблагодарить Вас за интервью и выразить надежду, что ваш Центр «Сэфер», которому в новом году исполнится 10 лет, найдет формы сотрудничества с молодой нарождающейся Ассоциацией. Кроме того, Вы, как член Консультационного Совета Ассоциации, имеете право требовать от меня полного отчета о нашей деятельности.

Р.К. Всенепременно воспользуюсь этим правом.

Примечания

¹ Интервью было размещено на интернет-сайте Академического колледжа Ораним в 2004 г. – *Ред.*

² За годы, прошедшие после этого интервью, ситуация изменилась, и в конференциях и школах, организуемых «Сэфером», принимают участие коллеги из Армении. – *Ред.*

Вячеслав Лихачев

**Рашид Капланов: «Еще в детстве я понял,
что я – простой советский князь...»***

Рашид Мурадович Капланов – удивительный человек. Кумыкский князь и блестящий ученый, автор многих работ о национальных движениях Европы и желанный гость в крупнейших мировых университетах, д-р Капланов известен также как председатель Академического совета Центра «Сэфер» – организации, занятой развитием в России иудаики – комплекса академических дисциплин, связанных с историей и культурой еврейского народа.

Рашид Капланов гостеприимно встретил меня у себя в квартире, от пола до потолка забитой книгами на десятках языков. Изучать княжескую библиотеку можно бесконечно долго, но еще интересней беседовать за чашкой чая с ее хозяином.

В. Лихачев. Рашид Мурадович, Вы возглавляете академический совет центра «Сэфер». Не могли бы рассказать, чем занимается эта организация, какие она ставит перед собой задачи, и какова ее деятельность?

Р. Капланов. Мы стараемся координировать деятельность различных учебных заведений, где преподаются «еврейские предметы» – в самом широком смысле, сюда входят и ивритская грамматика, и современный Израиль, и еврейская философия, и язык идиш, и все что угодно. Таких учреждений довольно много. Некоторые из них являются как бы «еврейскими» по самой своей программе, как Еврейский университет в Москве, Петербургский еврейский университет. Некоторые являются государственными высшими учебными заведениями, или высшими учебными заведениями различных христианских церквей, но если там преподается, допустим, иврит или Библия, то это уже дает им право на какую-то поддержку, наш интерес и наше благожелательное сотрудничество.

* Два разных фрагмента этого интервью были опубликованы в периодике, см.: Рашид Капланов: «Простой советский князь» // *Лига наций*, № 16 (17), 9 июня 2000; Иудаика в России [интервью с Р. Каплановым] // *Еврейское слово*, № 11 (33), 14–20 марта 2001.

ство. Подобного рода высшие учебные заведения действуют на территории всех бывших союзных республик, кроме Туркменистана и Таджикистана. С Узбекистаном мы сотрудничаем, но там все-таки мы скорее сотрудничаем с отдельными исследователями, что касается высшей школы, то там это еще пока не очень налажено. Мы проводим: конференции каждый год. У нас большая конференция приходится как раз на время студенческих каникул, когда преподаватели могут располагать временем для участия в такой конференции: это конец января – начало февраля. Кроме того, мы проводим региональные конференции с более узкой тематикой, потому что на больших конференциях абсолютно все темы обсуждаются, имеющие отношение к иудаике. У нас есть молодежные программы, в частности, молодежные конференции и летние школы. Кроме того, у нас есть лекторская программа, то есть мы ездим сами с лекциями по территории бывшего Советского Союза. И наконец, у нас действует – в последнее время даже расширена благодаря помощи американских спонсоров – программа стажировки для коллег из высших учебных заведений, расположенных за пределами Москвы и Петербурга – в Петербурге в общем ситуация с иудаикой всегда была не только не хуже, чем в Москве, но даже лучше, так что нам даже как-то не очень удобно приглашать на тьюторинг питерских коллег. А что касается всех остальных, то они могут приехать в Москву на месяц, и мы даем им возможность повышать свою квалификацию с нашими московскими специалистами, которым мы тоже, естественно, все оплачиваем. Разумеется, и проезд, и пребывание – все это мы берем на себя. Так что мы, в общем, скорее академическая организация.

Но с другой стороны, поскольку в еврейских общинах какая-то жизнь возможна только при условии, что евреи будут знать, что вообще они собой представляют, свою собственную историю, религиозную, культурную традицию, то я думаю, что мы еще играем какую-то общинную роль и сотрудничаем с еврейскими общинными организациями, с целым рядом общинных и общественных организаций.

В.Л. Я знаю, что существует Ассоциация народных университетов, которая как раз занимается подобным общинным образованием и самообразованием во многих городах России. С этой организацией Вы тоже сотрудничаете?

Р.К. Естественно, ее представители принимают участие в наших конференциях, как «взрослых», так и так называемых «детских», то есть молодежных» Они еще находятся в тесном контакте с Открытым университетом Израиля, многие из их преподавателей одновременно совершенствуют свою квалификацию по линии этой организации. Мы всегда рады их видеть на наших конференциях, проблема народных университетов нам очень близка, мы заинтересованы в том, чтобы уро-

вень преподавания там был как можно более профессиональным» Мы участвуем в их специальных семинарах, посвященных работе «народных университетов».

В.Л. Какое вообще место занимает иудаика – вся совокупность дисциплин, связанных с еврейской историей, языкознанием, культурой и так далее – в системе специализаций высшего образования вообще у нас сейчас в стране?

Р.К. Ну, как Вы понимаете, тут есть и свет, и тени. Тени заключаются в том, что это все было почти полностью запрещено. Единственное, что еще более или менее как-то было разрешено, – и то практически только в Санкт-Петербурге, тогда Ленинграде – это изучение рукописей Мертвого моря. Единственная отрасль иудаики, которая более или менее процветала и, по крайней мере, хоть какую-то подготовку в этой области в одном-двух местах на территории бывшего Советского Союза можно было получить. Так что все приходится начинать с начала. Но с другой стороны это имеет и свои преимущества, потому что есть какой-то эффект запретного плода. Это вызывает довольно большой интерес, потому что это то, о чем люди, с одной стороны, знают очень мало, а с другой стороны справедливо исходят из того, что это вещи ключевые и для христианской цивилизации, и для мусульманской; библейские истоки и той, и другой совершенно очевидны. Поэтому мы не можем жаловаться на отсутствие интереса. Что же касается уровня интеграции, так сказать, наших исследований в систему высшей школы, то это проблема, которая существует во всем мире, потому что в связи с определенным отношением к иудаизму и к евреям в девятнадцатом веке, например, хотя эта проблема уже была поставлена, решить ее не удалось. Прусское министерство просвещения отказалось создавать какие-то центры в рамках германских университетов» Разумеется, евреи могли изучать свою собственную традицию в рамках раввинских семинарий, но не более того. В двадцатом веке ситуация изменилась, изменилась она сравнительно недавно, сейчас во всем мире есть «бум» Jewish studies, и надо сказать, что мы на этом фоне мирового «бума» смотримся не так плохо, по крайней мере количественно, и, надеюсь, в каких-то вещах и качественно. Ну а доказательством того, что эта интеграция идет не так плохо, является существование с 1998 года при Институте стран Азии и Африки, который, в свою очередь, является частью МГУ, Центра иудаики и еврейской цивилизации. Это показывает, что иудаика находит свое вполне законное место в новой российской системе высшего образования, в частности, в таком престижном месте, как МГУ.

В.Л. Я слышал мнение, что особенность отечественной иудаики заключается в ненормально высоком по сравнению с другими странами проценте неевреев, занимающихся Jewish studies. Так ли это, и если это так, то чем это можно объяснить?

Р.К. Ну, это смотря с кем сравнивать, потому что есть страны, где иудаика процветает при минимальном количестве евреев. Это Испания, например, откуда евреи были изгнаны еще в конце пятнадцатого века, потом они в какой-то мере вернулись, но в весьма скромных количествах. Это Германия, о которой, в силу того, что всем это место более или менее памятно, я думаю, особо рассказывать не надо. Так что я не думаю, что тут случай России уж такой исключительный. Но в какой-то степени то, что у нас много ребят и девушек, которые хотят этим заниматься, может быть, объясняется действительно эффектом такого вот запретного плода – вдруг, неожиданно, с неба свалившейся новой отрасли знания.

В.Л. Не могли бы Вы сказать пару слов об издательских программах и о том, какая сейчас ситуация в России с изданием книг по иудаике?

Р.К. Ну, опять-таки, с одной стороны, все совсем неплохо. Сам «Сэфер» издает не так много, в основном издает материалы проводимых им конференций, различные справочники по иудаике, но нам тоже хватает работы – достаточно сказать, что материалы предыдущей конференции, 1999 года, вышли в четырех томах, так что есть что печатать. Есть издательство российско-израильское, пожалуй, даже скорее израильско-российское, «Гешарим», которое очень много издает книг, в последнее время издало несколько книг по истории евреев в России, несколько очень ценных работ, причем часто оригинальных, наших, российских исследователей. В частности, работа Игоря Романовича Тантлевского «Книга Еноха» – различные версии с комментариями, это по еврейской религиозной и апокрифической литературе на рубеже эр. Так что выходит немало. Но конечно, хотелось бы еще больше. В этом смысле некоторые страны, в которых, кстати говоря, еврейское население опять-таки крайне незначительно, могут служить нам примером. Я никогда не забуду посещение книжного магазина в Кракове, где вся стена была уставлена только что появившимися книгами польских авторов по иудаике. Так что есть еще большие резервы, как было принято говорить в советские времена...

В.Л. Рашид Мурадович, учитывая новизну дисциплины, и упоминавшуюся Вами запретность этой темы еще совсем недавно, откуда вообще в бывшем Советском Союзе могли появиться специалисты по иудаике, ныне преподающие в многочисленных, в том числе и высших, еврейских учебных заведениях?

Р.К. Хороший вопрос. Мы все пришли в иудаику из каких-то смежных дисциплин. Я, например, занимался историей Португалии, у меня есть книжка по истории Португалии периода правления Салазара. Но естественно, меня интересовали и другие аспекты истории Португалии, в частности, проблема так называемых «новых христиан» – крещеных португальских евреев, которые потом частично вернулись к иудаизму. То, что

я сделал как исследователь в иудаике, относится, прежде всего, к этой области. Еще есть у меня одна сфера интересов – история караимства.

Ну и, скажем, люди, которые занимались средневековой, допустим, арабской философией, занимаются и средневековой еврейской философией, которая в значительной степени создавалась на арабском языке, в частности, профессор Фролов. Но, кроме того, мы не преувеличиваем своих собственных достижений, и мы очень охотно прибегаем к услугам израильских преподавателей, русскоязычных, которых довольно много, и для которых этот вариант тоже представляется по профессиональным и иным соображениям вполне приемлемым. В частности, в уже упомянутый ЦИиЕЦ многие преподаватели приезжают из Израиля, и на русском языке – как правило, это выходцы из бывшего Советского Союза, – читают свои лекции и ведут семинары.

В.Л. Деятельность подобных учебных заведений, насколько я понимаю, исключительно светская. Какое есть сотрудничество, если есть, с еврейскими религиозными организациями, какое к Вам с их стороны отношение и есть ли проблема взаимоотношений между светским и религиозным еврейским образованием?

Р.К. Ну, проблема видимо в том, что это все-таки не одно и то же. Чисто религиозные организации мы всегда рады видеть в той или иной роли на наших конференциях, но мы не ждем от них, именно как от религиозных организаций, прямого участия в нашей академической деятельности, потому что это все-таки разные вещи. Но с другой стороны, есть такие высшие учебные заведения, например, Туро-колледж, где религиозный элемент является преобладающим, которые очень охотно участвуют в наших конференциях, специальных круглых столах, которым есть что сказать на вполне академическом языке. Понятно, какие это темы – естественно, не социология и демография, хотя они их в какой-то степени изучают. Они, прежде всего, могут предложить нам доклады на темы, касающиеся Библии, Талмуда, Торы и так далее. Так что это сотрудничество идет вполне активно, и мы всегда рады видеть ученых, представляющих еврейские религиозные учебные заведения или учебные заведения со значительной религиозной компонентой, на наших конференциях. Впрочем, это не исключает и участия представителей каких-то христианских структур. В частности, очень новаторские взгляды по вопросу греческого перевода Библии, Септуагинты, высказывают преподаватели Свято-Тихоновского богословского института. Почему бы и нет?

В.Л. Рашид Мурадович, отвлекаясь от еврейской тематики. Вы упомянули круг Ваших научных интересов, я знаю, что в него, в частности, входит изучение различных этнических групп в Европе, Вы даже читали курс лекций по истории национальных меньшинств в европейских государствах. Возможно ли как-то в двух словах показать разницу в от-

ношении к национальным меньшинствам у нас в стране и в Европе? Какие есть проблемы (нас в данном случае больше интересует Россия) и какие есть пути их решения с учетом европейского опыта?

Р.К. Ну, Вы знаете, это вопрос не для одного интервью, которое, тем более, в основном посвящено другой проблематике, Я действительно являюсь автором работ по баскскому, каталонскому национальному движению, по национальному движению на территории Итальянской республики. Это все выходило еще в советское время. Я лично имел возможность посетить большую часть этих в разной степени проблемных европейских регионов, где живут этнические меньшинства. Я, правда, не был на Корсике, в Сардинии и в Бретани. Что же касается других регионов Франции (скажем, Эльзаса), Италии, где я практически везде был (и у вальдостанцев – есть такой франкоязычный регион, – и в Южном Тироле, и у словенцев в Триесте), Испании, естественно, несколько раз был в Шотландии и в Уэльсе... Ну что я могу сказать? Если Вы ждете от меня какого-то панегирика Западной Европе в этом смысле, то не дождетесь, потому что, по крайней мере, формально, даже при Советской власти многие меньшинства – я повторяю, в основном все-таки только на бумаге – пользовались в Советском Союзе значительно большей автономией, культурной автономией, издавалась богатая литература на соответствующих языках. Разумеется, как все знают, это все было по-разному в союзных республиках, автономных республиках и так далее. Так что... На Западе есть страны, чья политическая культура и политическая традиция носит как бы якобинский характер, прежде всего это относится к Франции, что сопряжено с известной нетерпимостью к культурам меньшинств и к идее местной автономии. До сих пор (Вы же знаете, что есть такая европейская конвенция о защите языков и культур меньшинств, и хотя ее одобрило и подписало французское правительство, конституционный суд объявил ее противоречащей конституции, в которой закреплено привилегированное и даже монопольное положение французского языка), это остается во Франции нерешенной конституционной проблемой. С другой стороны, все-таки бесспорно нужно отметить, что в большинстве западноевропейских стран к этим вещам относятся – и даже к вопросу о политическом статусе тех или иных меньшинств – все-таки более терпимо, чем в нашем отечестве. Допустим, партия, выступающая за независимость Сардинии, Сардинская партия действия, входила в состав сардинского местного правительства какое-то время, и ни у кого это не вызывало желания прибегнуть к каким-то насильственным мерам. Хотя, разумеется, они со своей стороны тоже не использовали насилия. Вопросы же, связанные с насилием, в основном относятся – хотя такое бывало и в истории итальянского Южного Тироля – к Стране Басков, где в общем ситуация

в какой-то степени зашла в тупик. Но с другой стороны, опять-таки, то, что местные правительства имеют совсем другие идеи относительно будущего Страны Басков, это как-то не вызывает пока со стороны Мадрида очень крутых методов. Так что в общем, духу терпимости и способности сосуществовать – этому, пожалуй, стоило бы поучиться у европейцев. Или, например, у канадцев, где недавно Верховный суд постановил, что если население Квебека достаточно значительным большинством голосов выскажется за отделение от Канады, то канадское правительство будет обязано начать переговоры по этому вопросу. Это достаточно новаторское в этом отношении решение, остается только смотреть, как это будет реально воплощаться в жизнь, потому что, с другой стороны, совершенно не факт, что жители Квебека все-таки захотят отделяться.

В.Л. Рашид Мурадович, Ваше собственное отношение к этническим группам не ограничивается академическим интересом. Вы могли бы сказать несколько слов о Вашем происхождении и богатых корнях?

Р.К. Ну, богатыми их можно назвать только условно, потому что мои предки не были особенно богатыми людьми, и их богатство, в особенности по отцовской линии, сводилось к лошадям, они были владельцами соответствующих заводов. А по существу... По материнской линии, и, следовательно, по Галахе, я еврейского происхождения, а моя отцовская линия восходит, по данным местных хронистов, – будучи профессиональным историком, я прекрасно понимаю, что к данным хронистов нужно относиться осторожно, – к самому пророку Мухаммеду, точнее к его дяде. Считается, что во время арабского завоевания Дагестана, арабы назначили из числа потомков этого Аббаса правителя Дагестана, от которого происходят шамхалы (князья) Тарковские, а уже от них в начале семнадцатого века отделились мои предки Засулакские владельцы. Потом в свою очередь засулакское коммьюнити раздробилось на несколько княжеств. Мои предки правили в селе Аксай – это на севере Кумыкии, на границе с Чечней, так что все эти события вокруг села Первомайское в какой-то степени происходили на территории, куда уходят мои корни. Кроме того, я не исключаю, что кроме кумыкской, чеченской и арабской крови там еще есть и кабардинская, потому что как раз это отделение от шамхалов Тарковских произошло, когда свое собственное княжество решил создать мой предок, сын шамхала от жены-кабардинки, не бывшей княгиней, в силу чего этот молодой человек подвергся дискриминации со стороны своих старших братьев и решил от них отделиться. Я не могу себя выдавать за полноценного представителя Северного Кавказа, кумыкским языком я владею весьма пассивно, другими языками местными вообще не владею. Я был там несколько раз в своей жизни, точнее говоря, три, но не могу отрицать, что

что-то меня связывает с этим регионом, и то, что там происходит, меня равнодушным не оставляет. Кроме того, наше семейство отличалось достаточной подвижностью и географической разбросанностью, поскольку мой дед женился на бабушке в Париже, в парижской мечети, тетя родилась в Стамбуле, а покойная моя матушка родилась в Харбине, в Китае. Кроме того, еще было невероятное количество родственников, с которыми в советское время, по крайней мере, в сталинское время, трудно было поддерживать связь. У меня много родственников по еврейской линии в различных странах мира, и родственники по кумыкской, княжеской, тоже были. Я разыскивал в Америке своего двоюродного дедушку, обращался в какие-то кавказские организации, никто о нем даже не слышал. И мне удалось в Абердине, в Шотландии, встретить одного кавказоведа, который мне продемонстрировал некролог моего двоюродного деда, из “The New York Times” за 1947 год. Он скончался в Соединенных Штатах.

В.Л. Мы очень благодарны Вам за интересное интервью, и напоследок наш традиционный вопрос. Что бы Вы хотели сказать или может быть пожелать газете «Лига наций» и ее читателям?

Р.К. Газета «Лига наций» была для меня в высшей степени приятным открытием. В конце прошлого года я впервые смог с ней ознакомиться, и я, конечно, считаю, что это очень удачный проект. Я считаю, что ему принадлежит большое будущее, и по мере своих собственных сил готов сотрудничать с этой газетой, как по своим нынешним административным обязанностям, в качестве одного из руководителей еврейской научной организации, так и в качестве специалиста по национальным проблемам современного западного мира.

Раис Сулейманов

Знакомьтесь: князь Капанов – «отец русской иудаики»!¹

В нашем мире есть много интересных и удивительных людей, которые нас окружают, но при этом мы зачастую ничего о них и их работе не знаем. Между тем такие удивительные личности имеют в своем багаже богатую информацию, которая может пролить свет на те сферы знаний, о которых мы имели смутные представления. Одним из таких удивительных людей является Рашид Мурадович Капанов (род. 1949 г.), кандидат исторических наук, академический директор московского Центра научных работников и преподавателей иудаики в ВУЗах «Сэфер» (www.sefer.ru), в 2002–2006 гг. занимавший пост президента Европейской ассоциации иудаики, имеющий дворянское происхождение (кумыкский князь, ведущий свой род от самого пророка Мухаммеда, да благословит его Аллах и приветствует), полиглот (свободно владеет 36 языками), наконец, человек, который для многих в России и за ее пределами олицетворяет иудаику – междисциплинарное направление в ориенталистике, занимающееся изучением истории и культуры еврейского народа. Одним словом, князь Капанов – это «отец русской иудаики» сегодня. Специально для газеты «Евразийские горизонты» (газета Центра евразийских и международных исследований Казанского университета) Р.М.Капанов согласился дать интервью.

Р. Сулейманов. Рашид Мурадович, как Вы пришли в иудаику?

Р. Капанов. Сам я занимался изучением истории Португалии в Институте всеобщей истории², а иудаикой стал заниматься из интереса. Первоначально это было увлечение, постепенно переросшее в академическое исследование.

Р.С. Как шло развитие иудаики в нашей стране?

Р.К. В СССР иудаика, как и все, что связано было с изучением истории и культуры евреев, не приветствовалось. До 1951 г. в Ленинградском университете существовала кафедра гебраистики и ассириологии, однако в ходе кампании «борьбы с космополитизмом» она была закры-

та и уже не возрождалась³. Однако полного запрета в еврейских исследованиях не было. Лазейки все равно оставались: например, приветствовалось изучение творчества Шолом-Алейхема как пролетарского писателя. В 1981 г. была создана полулегальная еврейская этнографическая комиссия, во главе которой стояли Михаил Членов и Игорь Крупник, правда, оба профессионально специализировались на «нееврейских» темах: первый занимался историей Индонезии, второй – исследованиями Арктики. Также вполне легально можно было заниматься иудаикой в Географическом обществе СССР, членом которого я был. Там существовала секция этнографии, в рамках которой и велись еврейские штудии. Наконец, не будем сбрасывать со счетов издаваемую на протяжении всего советского периода, даже в самые страшные для евреев годы (конец 1940 – начало 1950-х гг.), в Биробиджане газету на идише «Биробиджан Штерн». В СССР издавался журнал на идише «Советиш геймланд», в котором печатались работы по академической иудаике. Я даже имел честь публиковаться в нем еще в 1985 г. После 1991 г. развитие иудаики шло бурными темпами. В 1991 г. был открыт Еврейский университет в Санкт-Петербурге⁴, в 1992 г. основан Еврейский университет в Москве⁵. Есть также Государственная академия им. Маймонида в Москве и с 1998 г. функционирует Центр изучения еврейской цивилизации в Институте стран Азии и Африки МГУ⁶. С подачи израильских коллег в 1994 г. при Институте славяноведения РАН возник наш Центр «Сэфер». Подобные центры иудаики помимо Москвы планировалось открыть еще в Оксфорде (Великобритания), Сан-Паулу (Бразилия), Мельбурне (Австралия) и Кейптауне (ЮАР). Однако по непонятным причинам другие центры так и не продвинулись дальше идеи создания, удалось развиваться только московскому Центру «Сэфер». Возможно потому, что у иудаики на постсоветском пространстве был огромный потенциал, который не был реализован в советское время. И после падения идеологических барьеров иудаика на русском языке начала наверстывать упущенные возможности, развиваясь быстрыми темпами.

Р.С. Как вы стали президентом Европейской ассоциации иудаики?

Р.К. Европейская ассоциация иудаики была основана в начале 1970-х гг. Учитывая, что во времена СССР быть избранным кому-нибудь из нашей страны было практически нереально, то после распада и Советского Союза, и соцлагеря было принято решение подключить отечественных исследователей иудаики к этой деятельности Европейской ассоциации. Тогда в 2002 г. я и был избран ее президентом. Существует также Международная ассоциация иудаики, которая проводит свои конгрессы раз в четыре года в Иерусалиме, на последнем (в 2005 г.), кстати, Вы, коллега, имели честь быть. Европейская ассоциация также проводит раз в четыре года свои научные конгрессы, на которых изби-

рает нового президента. В ассоциации стремятся придерживаться ротации президентов, поэтому после моего четырехлетнего, так сказать, правления в 2006 г. в Москве, где и проходил очередной конгресс, я сложил с себя полномочия, и президентом был избран итальянец Бауро Перанни. Так что следующий конгресс Европейской ассоциации иудаики пройдет уже в 2010 г. в Италии.

Р.С. Существуют ли планы основать Российскую ассоциацию иудаики?

Р.К. Подобная идея витает в воздухе, однако пока дальше разговоров дело не дошло. В принципе наш Центр «Сэфер» выполняет функции подобной организации.

Р.С. Что верно, то верно. По сути дела ежегодные конференции по иудаике в Москве, как «взрослые», так и молодежные, являются всесоюзными, поскольку на них собирается все исследователи иудаики из СНГ и Прибалтики. Но не кажется ли Вам, что существует определенный перекос в отечественной иудаике: изучается преимущественно история восточноевропейского еврейства, а вот история евреев в мусульманских странах, как и вообще еврейско-мусульманские отношения, практически не затрагивается.

Р.К. Вот и прекрасная возможность у Вас этим заняться! Тем более что я вижу, в Татарстане иудаика развивается очень успешно. По количеству участников конференций и школ по иудаике Казань после Москвы, Санкт-Петербурга и Киева занимает четвертое место. То, что у вас в Казанском университете вот уже шестой год существует на историческом факультете специализация по иудаике, и то, что несколько человек пишут диссертации по еврейским исследованиям, свидетельствует о том, что скоро можно будет говорить о казанской школе иудаики. Кстати, в следующем году Центр «Сэфер» собирается провести стационарную школу по иудаике в Казани⁷. В Оксфорде существует Международный центр еврейско-мусульманских исследований. Возглавляет его Рон Бетлер, автор 10-ти томного сочинения по истории взаимоотношений евреев и мусульман.

Р.С. Рашид Мурадович, как правильно называть исследователя иудаики? Иудаист? Вот, например, исследователей арабского мира называют арабистами, иранского – иранистами, тюркского – тюркологами, а как именовать тех, кто занимается историей еврейской цивилизации? Александр Милитарев предлагает термин «евреистика», поскольку считает, что иудаика подразумевает изучение иудейского мира, в то время как среди евреев было достаточно неиудеев, и они тоже заслуживают внимания.

Р.К. Иудаист – не очень удачное название, поскольку такого человека будут воспринимать как иудея. Мы же говорим об академической

иудаике, явлении абсолютно интернациональном, поскольку изучением еврейской цивилизации занимаются и должны заниматься не только одни евреи. В Германии существуют две школы: юдаистика, которая включает в себя преимущественно филологию, и Jüdische Studien, которая как раз охватывает все, что связано с евреями – и иудеями, и не-иудеями. Скорее всего, исследователя иудаики придется так и называть – исследователь иудаики.

Р.С. Что ж, спасибо Вам за интервью, Рашид Мурадович!

Р.К. И Вам спасибо. Тем более что, как уже говорил я, Центр «Сэфер» будет проводить школу по иудаике в вашем городе, так что «в следующем году – в Казани!», и мы встретимся на земле Татарстана.

Р.С. Буду очень рад!

Р.К. Иншалла! (да поможет нам Аллах!)

Примечания

¹ <http://eurasiacenter.info/?p=52>

² Р.М. Капланов является автором монографии «Португалия после второй мировой войны 1945–1974 гг.». М., 1992.

³ На сегодняшний день в СПбГУ на философском факультете действует Центр библеистики и иудаики под руководством проф. Игоря Тантлевского. – Здесь и далее прим. ред.

⁴ Ныне – Петербургский институт иудаики; ректор – проф. Дмитрий Эляшевич.

⁵ С 2009 г. не существует.

⁶ Ныне – кафедра иудаики ИСАА МГУ; зав. кафедрой – проф. Аркадий Ковельман.

⁷ Прошла в 2008 г.

Борис Гельман

Интеллигент княжеского рода

На первую международную конференцию под призывным названием «Одесса и еврейская цивилизация» (11–13.XI.2002) в жемчужный морской порт съехались историки, филологи, философы, театроведы, исследователи особой науки – иудаики. Обозначенная тема вызвала несомненный интерес. Свидетельство тому – приезд участников из Австрии, Германии, Греции, Израиля, Молдовы, России, Украины: разноязычие и разноликость, модные галстуки и потертые джинсы.

И даже на таком ярком собрании выделялся представительный мужчина с пышными бакенбардами, в тиджаке в крупную клетку, с неизменной бабочкой. Подступиться к нему было непросто. В перерывах его всегда окружали заинтересованные слушатели, и к каждому он обращался на доступном языке: английском, испанском, немецком, иврите. Это и был Рашид Мурадович Капланов. Участников конференции, даже очень маститых, привлекали его энциклопедические знания, высокий научный авторитет, уважительное отношение к коллегам.

В первый вечер гостей пригласили на выставку известного коллекционера А.А. Дроздовского: история Одессы в открытках, книгах, документах, афишах, карикатурах.

В какой-то момент я оказался рядом с Рашидом Мурадовичем, рассматривая вместе с ним титульный лист буклета с нотами марша «Возрождение» евреев». Посвящение 7-му Конгрессу сионистов позволяло установить год издания – 1905-й. На впечатанной открытке ан-

гел с магендовидом на груди простертой дланью указывал пригорюнившемуся еврею на пашию с фигуркой человека, идущего с плугом, запряженным двумя волами (Дроздовский А.А. «32%». Альбом иллюстраций. Одесса. 2002. С. 16).

– Какая многогранная символика! – не удержался я от восторженного восклицания.

– Да всего одна страничка, а насыщена информацией на увесистый том, – услышал я спокойный ответ.

Так мы познакомились.

Рашид Мурадович Капанов обладал способностью увидеть за фактом, явлением, события в цепи исторического процесса. Он перебрасывал мостик из века в век, из одной страны в другую. Он способствовал созданию системы изучения иудаики на постсоветском пространстве, он поощрял молодежь в ее творческих исканиях.

По окончании конференции я постарался не упустить шанс: так появилось интервью с Р.М. Капановым в севастопольской газете «Разсветь» («Шахар», № 12, 2002).

Мне доводилось слышать, с каким почтением называли его между собой именитые и совсем юные коллеги: Князь! Это относилось не только к фамильному происхождению Рашида Мурадовича Капанова. Таковой оказалась высокая планка уважения и признательности к этому незаурядному человеку: интеллигенту княжеского рода!

Б. Гельман. Какой вам представляется ментальность одессита, в частности, еврея?

Р. Капанов. Я не сторонник этнических стереотипов. Но все знают, что одесситов отличает общительность, с ними приятно вести разговор, причем и житейский, и деловой, и застольный. Хочу отметить, что научный уровень в этом городе остается весьма высоким. И среди творческих достижений, которыми славилась Одесса, иудаика вновь займет почетное место. Здесь работали такие известные деятели как Дубнов, Ахад Гаам. Вспоминаю, как ездил на 10-ю станцию Большого Фонтана к историку Саулу Боровому. Наблюдаю живую связь между прошлой иудаикой и нынешней.

Еще в советское время в Москве возникла полуполюгальная Еврейская историко-этнографическая комиссия. Отмечу без саморекламы, что мы считали своей обязанностью уделять как можно больше внимания наследию наших предшественников. И я считаю вполне обоснованным предложение посвятить следующую конференцию видному историку Саулу Яковлевичу Боровому.

Б.Г. Как «Сэфер» ведет поиск молодых исследователей?

Р.К. «Сэфер» только этим и занимается. Регулярно проводятся молодежные конференции, в которых участвуют молодые ученые до 36 лет. Для студентов организованы зимняя и летние школы. В этом году мы провели большое количество школ, в том числе в Киеве, Харькове и Симферополе. В последнее время мы занимаемся и старшеклассниками. Это раньше не входило в планы «Сэфера», но преподаватели требуют хороших студентов. В этом деле есть особенности финансирования. Если деятельность студентов мы оплачиваем, то на старшеклассников наши возможности не распространяются. И это зависит, в первую очередь, от расположенности местного Джойнта.

Б.Г. Можно привести цифры?

Р.К. Конференции собирают до 400–450 участников, а школы молодежные и для старшеклассников человек 120–130. Это охват СНГ и стран Балтии. Из дальнего зарубежья приезжают за свой счет. Появляются немцы, у них, по известным причинам, свой интерес к еврейской проблематике. Бывают и польские ребята, французы, приезжала итальянка, и даже представитель республики Сан-Томе и Принсипи. Он темнокожий, и представьте, окончил Еврейский университет в Москве.

Б.Г. Насколько перспективно для молодого ученого изучение иудаики?

Р.К. Смотря как представлять себе перспективу. Сразу скажу, что если надеяться на материальный успех, то лучше заняться экспортом цветных металлов. Но иудаика хороша тем, что это сравнительно молодая наука. Хотя евреи очень древний народ и евреями занимаются несколько веков, если не тысячелетий, но, тем не менее, как наука, иудаика не столь древняя, потому что правительства христианских государств (другие вообще в счет не идут) не особенно поощряли занятия иудаикой. Конечно, Библию всегда изучали в христианских странах, но не более того.

И тех, кто занимается иудаикой, постоянно ждут какие-то открытия, в архивах находят сенсационные документы. Случаются и всемирно-исторические открытия. Например, открытие каирской генизы – уникального хранилища рукописей, без которого невозможно представить не только еврейскую, но и мусульманскую историю, или кумранские находки. Да и по бывшему СССР лежат нетронутые архивы.

Б.Г. Приведите, пожалуйста, пример успешной научной карьеры.

Р.К. Ваш земляк Михаил Тяглый – один из перспективных исследователей. Он увлекся историей Холокоста, много работает в архивах, подготовил книгу документов, участвует в международных конференциях. И сейчас, получив грант, на несколько месяцев поехал в США для изучения американских архивов.

Недавно молодые исследователи провели конференцию по караимам в Галиче. Они сами определили свой научный интерес, и никто их к этому не подталкивал.

Б.Г. Что «Сэфер» может предложить молодому человеку?

Р.К. У нас отношения совершенно семейные, мы берем на себя какую-то ответственность, хотя не имеем возможности платить зарплату. Но свои предложения у нас есть. Мы ежегодно устраиваем конференции, посылаем наиболее талантливых ребят на месяц в Израиль. Несмотря на тревожную ситуацию, никто из студентов от поездки не отказался.

Алек Д. Эпштейн

Беседа с Рашидом Мурадовичем Каплановым

Цикл бесед с ведущими учеными и преподавателями иудаики в Москве я вел в конце 2005 – начале 2006 года. Работа эта проводилась при поддержке Ассоциации «Эхо», созданной замечательным человеком, Николаем (Ариэлем) Борицевским под эгидой израильского академического колледжа «Ораним». Вместе со мной в качестве оператора работал мой друг Павел Конюхов, благодаря чему все беседы были записаны на видеопленку и оцифрованы. Естественно, одним из тех, к кому мы обратились с просьбой о беседе, был Рашид Мурадович Капланов. Мне тогда менее всего приходило в голову, что жить ему оставалось менее двух лет, и что эта запись станет одним из крайне немногих визуально запечатленных свидетельств его речи. Если бы я это знал – конечно, спросил бы о многом, что так осталось вне рамок беседы, о чем я сегодня горько сожалею.

Предваряя публикацию расшифровки этой беседы, мне бы хотелось сказать несколько слов. Я не могу считать себя учеником Рашида Мурадовича ни по формальным критериям (когда мы познакомились, я уже закончил обучение в докторантуре), ни по области своей специализации. Вместе с тем, общение с Рашидом Мурадовичем (а мы встречались на трех конференциях, и, кажется, четырех летних и зимних школах центра «Сэфер») как со старшим коллегой дало мне необычайно много, и я, как преподаватель, считаю себя в значительной мере продолжателем его пути.

Пожалуй, главное, что его отличало – это глубочайшая искренняя заинтересованность не только в том, что делают молодые ребята – студенты, аспиранты, недавно защитившиеся докторанты, но и то, чем они живут. Рашида Мурадовича отличала редкостная человечность, отсутствие какого-либо эгоизма, в том числе – и в научном плане: каковы бы ни были его собственные научные (и шире – интеллектуальные) интересы, он никого из ребят, кого вдумчиво выслушивал, не пытался изменить, помогая каждому идти его собственным путем. Не имея своих детей, он был фигурой подлинно отцовского масштаба для нескольких неординарных ребят в критические годы их ста-

новления как личностей, и уже одно это позволяет согласиться с Аркадием Ковельманом, после смерти Рашида Мурадовича охарактеризовавшим его коротко и недвусмысленно – «праведник». Когда я думаю о нем, в голове всплывает образ Святослава Рихтера – не только великого деятеля культуры, но и подлинного космополита, «человека мира», остававшегося самим собой и ни от кого и ни от чего не зависимым человеком, как бы ни относилась власть к национальным, сексуальным или любым другим меньшинствам.

Р.М. Капланов увлеченно играл в свою игру в князей, но даже у самых убежденных республиканцев и сторонников эгалитаризма не поворачивался язык оспорить столь любезный ему титул, настолько велик был масштаб благородства его личности. В среде, где почти всё и почти везде максимально формализовано, имперсонально и, в общем, несмотря на парад не сходящих с лиц улыбок, достаточно бесчеловечно, Рашид Мурадович оставался удивительно искренним и открытым человеком. Порой это приводило к тому, что его доверием злоупотребляли; иногда он ссорился с людьми, с которыми ссориться нужно было бы в последнюю очередь, но даже и в этом случае он оставался повсеместно любимым человеком.

Несмотря на его широкую известность в разных странах, Рашид Мурадович был, в общем, довольно одиноким человеком, и дело тут не только в практически полном отсутствии прямых родственников – у него и соавторов среди коллег не было тоже, не говоря уже о том, что печатался он, при его-то энциклопедическом кругозоре, крайне мало. Там, где он жил всей душой, другие люди все больше и больше элементарно зарабатывали деньги, теряя остатки бывшего энтузиазма; Рашид Мурадович всё больше становился белой вороной среди когорты менеджеров от науки и еврейского образования. Он не мог не видеть этого, но оставался таким же, каким был. Он был удивительно непрактичным человеком, и ему поэтому очень повезло, что рядом с ним в «Сэфере» были люди, куда более прочно стоявшие на ногах, – иначе бы, наверное, ничего бы не получилось в принципе.

Он ушел от нас удивительно рано, оставив после себя лауну такого размера, которую никто не смог и едва ли когда-нибудь сможет заполнить – и это проблема не только для центра «Сэфер», но и для всего поля русско-еврейской науки и образования.

А.А. Ахматова посвятила Б.Л. Пастернаку замечательные строки:

*Он награжден каким-то вечным детством,
Той щедростью и зоркостью светил,
И вся земля была его наследством,
А он ее со всеми разделил.*

Я думаю, именно эти слова, как мало какие другие, адекватны памяти Рашида Мурадовича Капланова.

Ну, а теперь – и сам текст нашей беседы.

А. Эпштейн: Сегодня в рамках нашего проекта бесед с крупнейшими российскими еврейскими интеллектуалами мы встречаемся с человеком, который уже много лет занимается еврейским образованием, став, фактически, духовным наставником целого поколения молодых специалистов по еврейской истории и философии. Наш собеседник – председатель Академического совета центра «Сэфер» Рашид Мурадович Капланов.

Только что закончилась Тринадцатая ежегодная международная междисциплинарная конференция центра «Сэфер». Сейчас идет Зимняя школа для, что называется, молодой поросли, для будущих участников таких конференций, для тех, кто пока еще участвует в студенческих программах, которые реализует центр «Сэфер».

Рашид Мурадович знаком буквально со всеми, кто занимается иудаикой, и русскоязычной, и не только русскоязычной: не будем забывать о том, что сейчас он возглавляет Европейскую ассоциацию исследователей иудаики, благодаря чему ближайший VIII конгресс этой Ассоциации состоится в Москве¹.

А.Э. Рашид Мурадович, ну вот, тринадцать конференций «Сэфера» прошло, каждый год в них принимают участие сотни людей, причем это число всё время растёт. А чего, по Вашему мнению, все еще не хватает? Или можно уже сказать, что иудаика в России, или – шире – русскоязычная иудаика, объединяющая исследователей и преподавателей из разных стран, находится ничуть не в худшем положении, чем иудаика в США, например?

Р.К. Ну, знаете, с США нам все-таки равняться трудно, в США очень много людей занимается иудаикой, даже если мы берем количественную сторону. У нас тоже занимается немало, у нас выходит много книг по иудаике, много научных журналов, но до США, конечно, где существуют десятки журналов по этой тематике, нам далеко. Так что, не ориентируясь пока еще на страны, где иудаика наиболее развита, мы, все-таки, мне кажется, постепенно растем.

А.Э. А из стран диаспоры, кроме США, Вы считаете, есть еще страна, которая в этом смысле превосходит Россию?

Р.К. Я бы сказал, что Польша, в которой евреев вообще практически нет, меня поразила тем, что в самом главном книжном магазине Кракова, стена была заставлена книгами на еврейские темы (не буду говорить об их уровне, уровень, конечно, как всегда, неодинаковый).

А.Э. Книгами польских авторов?

Р.К. Да, прежде всего, это книги польских авторов, хотя имелись и переводы. Вообще, в Восточной Европе иудаике, надо сказать, сейчас,

в общем-то, везет: в Румынии у меня тоже были такого рода впечатления, в провинциальном городе, в котором я побывал года три тому назад, в Трансильвании, ну не совсем Трансильвании, в Сигету-Мармацией (регион Марамуреш). В Восточной Европе дело обстоит неплохо.

Мы стараемся как-то координировать свои усилия: вот на этой конференции у нас было четыре участника из Польши, бывали и румыны, так что дела в нашем регионе, даже если говорить не только о Российской Федерации и бывшем Советском Союзе, обстоят неплохо. Есть, конечно, и то, что в советское время называлось «узкими местами». У нас все-таки прервалась традиция изучения классических еврейских текстов, у нас прервалась языковая традиция, и мы это все сейчас как-то, худо-бедно пытаемся восстанавливать. Например, по литературе Второго Храма у нас есть уже свои яркие специалисты, но на представительной серьезной международной конференции на одного докладчика на эти темы из России придется, наверное, не говоря уже об Израиле, докладчиков 10–15 из Соединенных Штатов и несколько докладчиков из Западной Европы. И это не удивительно.

А.Э. Рашид Мурадович, хотели бы Вы, чтобы в России появились свои полноценные специалисты по истории Второго Храма? Или Вы бы предпочли, чтобы молодые студенты, приходящие к Вам посоветоваться о выборе темы для своих дипломов и кандидатских диссертаций, разрабатывали более «российские» сюжеты, с точки зрения географии исследуемых ими общин, местоположения архивов, языков текстов, которые нужно анализировать и т.д.?

Р.К. Вы знаете, есть такое выражение, что Дух Божий веет, где хочет. У нас есть очень яркий специалист, я не уверен, что могу говорить во множественном числе, но в единственном числе есть очень яркий и самобытный специалист по Второму Храму – это профессор А.Б. Ковельман. Так что я не могу никому наступать на горло. Да, Вы правы, у нас лежат в архивах огромнейшие пласты невостребованного пока или востребованного только иностранными коллегами, которые в этих архивах сидят, материала о 1920-х годах, материала о последнем десятилетии царского режима. Почему-то, по крайней мере, наши московские коллеги, на это не очень, так сказать, «ключают». Их в основном интересует что-то другое, вроде мидраша или Каббалы.

А.Э. Вообще это модно в сегодняшней России. И не обязательно среди евреев.

Р.К. Ну да, конечно, это их право. Вот, скажем, наши коллеги из Украины, Белоруссии (ну, тут может быть, еще и языковая подготовка оставляет желать лучшего) не столь вовлечены в изучение Каббалы, мидраша и тому подобных сюжетов. Они знают свои архивы, они там крепко сидят, и они вам точно могут сказать, например, что происходи-

ло в Черновцах, когда они были частью Австрийской империи, могут вам сообщить точную информацию о еврейской общине этого интересного региона, и так далее.

А.Э. Рашид Мурадович, хотели бы Вы, чтобы русскоязычная иудаика, включая и тех специалистов, которые работают в Украине, Белоруссии, охватывала все области еврейских штудий, как, скажем, это происходит в США, либо Вы хотели бы, чтобы она была более этнографически ориентированной на изучение истории и культуры российских и восточноевропейских евреев?

Р.К. Нет, я считаю, что нам не стоит себя ограничивать. К тому же Россия находится в уникальном положении: здесь, наряду с массивом архивных документов, касающихся истории евреев этой страны в широком понимании, сосредоточено также, благодаря деятельности Авраама Самуиловича Фирковича и некоторых других собирателей XIX века, огромное количество материалов про еврейство Востока. И наверное все-таки должны найтись люди, – собственно говоря, они уже есть, просто они не все достигли уже такого уровня научной самостоятельности, авторитета, как Аркадий Бенционович Ковельман. Скажем, по караимской тематике у нас есть молодые ученые очень-очень подготовленные и очень-очень компетентные. Другое дело, что они не всегда работают в России и Украине.

А.Э. Рашид Мурадович, на русском языке выходит сегодня множество еврейских книг. Для руководимого Вами и Викторией Валентиновной Мочаловой «Сэфера» издательская программа – не первая по значению, но активно работают издательства «Гешарим – Мосты Культуры», «Дом еврейской книги», «Лехаим» – в Москве, «Дух и литера» в содружестве с Институтом иудаики – в Киеве, они издают море книжной продукции. Вы преподаете в Центре иудаики в Москве и других местах, и вот когда Вы смотрите, что называется, с высоты птичьего полета, есть ли среди всех этих книг что-то, что, как Вы считаете, имело какое-то принципиальное значение, что стало книгой этапной, не просто еще одним изданием, а тем, что как-то повернуло наши представления о нас самих, о нашей истории, стало важным для развития иудаики как науки?

Р.К. Ну, знаете, я бы с таким энтузиазмом ни об одном отдельном издании не говорил бы. Я думаю, что они производят какой-то эффект все вместе. Кроме того, не надо забывать, конечно, и о переводной литературе. Я сам по роду моих занятий, скорее всего, специалист по западному еврейству. Я перевожу – так, совсем недавно в издательстве «Текст» вышел коллективный энциклопедический сборник середины 1990-х годов «Тысяча лет культуры ашкеназов», которая частично переведена мной². Есть она, есть книга, которая вышла в том же самом издательстве «Текст» – «Евреи и XX век»³...

А.Э. Ну, это книги переводные. А я спрашиваю об изданиях, в которых мы сами, наши русскоязычные коллеги принимают участие не как переводчики, а как авторы, или хотя бы публикаторы. Есть ли среди нас, наших коллег кто-то, про кого можно сказать, что издание его книги стало вехой в развитии российской иудаики, человек, про которого можно сказать, что вот, сто лет назад были Ю.И. Гессен и С.М. Дубнов, а сейчас у нас есть...

Р.К. Ну, в данном случае, приходится ответить словами Ф. Розенцвейга: «Адаин ло» [«Пока нет»]. Но я думаю, что это вполне реально. Я думаю, что все, что мы делаем, в конце концов, приведет к созданию действительно оригинальных и, будем надеяться, употребляя слово не моего лексикона, эпохальных работ. Будем надеяться.

А.Э. Рашид Мурадович, вот Вы приходите к студентам преподавать и, как любой вузовский преподаватель, Вы даете список литературы. Что Вы назовете? И если поставить вопрос шире: российской еврейской, полуеврейской, четверть еврейской молодежи что, по Вашему мнению, имело бы смысл прочитать, для того, чтобы быть в большей гармонии со своим национальным самосознанием?

Р.К. Это такой вопрос довольно сложный и он не является чисто научным, вопрос о национальном самосознании.

А.Э. Ну, поставим вопрос несколько иначе: что для Вас русско-еврейский книжный шкаф, или, я не скажу «шкаф», но хотя бы полка? Что бы Вы подарили еврейскому мальчику или мальчику, один из родителей которого – еврей, на его бар-мицву?

Р.К. Ну, например, я подарил бы книгу, которая полностью еще не переведена и не имеет никакого отношения к России, но которая, тем не менее, является шедевром еврейской исторической мысли, – это книга Шломо Гойтейна «Средиземноморское общество»⁴.

А.Э. А почему именно ее?

Р.К. Я считаю, что это действительно произведение мастера.

А.Э. Но на русский язык переведена его книга «Евреи и арабы. Их связи на протяжении веков»⁵.

Р.К. Ну да, но это несколько другое, это не взаимозаменяемо. «Средиземноморское общество» – буквально энциклопедия средневековой еврейской жизни, которая, в общем, тоже имеет отношение и к России тогдашней, если вообще можно говорить о России.

А.Э. А если эта книга кажется Вам такой важной, то, учитывая Ваши связи и Ваш авторитет, почему же она не издана по-русски?

Р.К. Ну, как Вы сами верно сказали, «Сэфер» все-таки меньше занимается издательской деятельностью.

А.Э. А из того, что все-таки издано на русском языке?

Р.К. Вот эта французская книжка «Евреи и XX век».

А.Э. Но и она вышла только два года назад.

Р.К. Да.

А.Э. А до этого? Неужели так и не будет ни одной книжки русского автора?

Р.К. Будет. Без сомнения.

А.Э. А на сегодняшний день?

Р.К. Пока я не уверен, что действительно можно назвать такую книжку.

А.Э. И все-таки, Рашид Мурадович, позвольте заострить на этом внимание: в книге «Евреи и XX век» есть несколько глав, посвященных российскому еврейству, но их немного, в разделе «Даты» глава «1917-й год», одна единственная, но в целом эта книга не о русских евреях. То есть, Вы считаете, что для формирования национального самосознания здесь не нужно что-то специфически российское, можно дать книгу, изданную профессором Ш. Гойтейном, или книгу «Евреи и XX век», подготовленную Эли Барнави и Саулом Фридлендером для иноязычных читателей?

Р.К. Думаю, что да. Потому что все-таки евреи – народ мира, мировой народ; я думаю, что, скажем, может быть, для моего становления в качестве еврея такие фигуры, как Маймонид и такие книги, как книга Ш.Д. Гойтейна, имели не меньшее значение, чем С.М. Дубнов. Опять-таки, Г. Грец в свое время оказал на меня большое влияние, я и сейчас во многих отношениях предпочитаю его С.М. Дубнову.

А.Э. А из художественной литературы? Вы пока называете исключительно академические труды.

Р.К. Ну, из художественной литературы я, разумеется, как и всякий еврей, живший в Советском Союзе, на первое место поставлю, может быть, не самого великого писателя, но который, по определенным причинам, оказался более или менее в фаворе в Советском Союзе и который имел выход на массового еврейского читателя. Это – Лион Фейхтвангер. Я не думаю, что его нужно заново переводить, переиздавать, но когда-то для своего времени он сыграл огромную роль.

А.Э. «Иудейская война», «Испанская баллада»?

Р.К. Да. Что касается русско-еврейских авторов художественной литературы, хотя там вся история абсолютно с точностью до наоборот, как, в частности, доказал наш питерский коллега Валерий Дымшиц, это – Исаак Бабель. Относительно того, что нужно переводить, я абсолютно не знаток в этой области и никак не могу сказать, что я много читал в своей жизни текстов на идише, но опять-таки, благодаря коллеге В. Дымшицу, я знаю об огромном пласте литературы на идише XX века, который у нас не переводили. Кстати говоря, странно, что сам господин В. Дымшиц этого не делает⁶, он это сделал в отношении Ицика Мангера⁷, который, конечно, великий поэт, но он же не единственный.

А.Э. Рашид Мурадович, Вы считаете, что эти книги, например, творчество Ицика Мангера, смогут взять за живое современного российского подростка, юношу, девушку?

Р.К. Если у юноши, девушки есть хороший литературный вкус, я думаю, что это вполне реально. Все-таки качество материала в данном случае имеет большое значение.

А.Э. Рашид Мурадович, сейчас существует проблема выбора: как из моря книг, статей, интернет-публикаций выбрать что-то достойное, что-то серьезное, на что у тебя хватит времени. И вот для меня это очень важно: есть ли какая-то область, где чего-то принципиально не хватает? Вы сказали об идишской литературе XX века – может быть, еще что-то?

Р.К. Еврейские классические тексты. Мы переиздали сейчас Талмуд в семи томах в переводе Н.А. Переферковича⁸, он и в свое время был не идеально переведенным текстом Мишны. И потом, это Мишна, а я все-таки считаю, что для образованного молодого еврея нужно какое-то знакомство и с Гемарой. Но, правда, надо сказать, что у нас люди такой категории обычно владеют западными языками, но все-таки издание на русском языке тоже, я считаю, необходимо. Еврейской философии переведено не так мало, но я думаю, что нужно переводить намного больше. Того же самого Ф. Розенцвейга, о котором так много говорили на этой конференции вчера люди, которые его знают в немецком оригинале или переводе на западные языки. Но если говорить о молодежи, то, конечно, неплохо было бы перевести⁹.

А.Э. Рашид Мурадович, а какую роль, на Ваш взгляд, сыграли в формировании русско-еврейского самосознания такие ключевые события еврейской истории XX века как Холокост и создание Государства Израиль, каждое из них в отдельности, учитывая, что они принципиально разные, но при этом – взаимосвязанные?

Р.К. Вы знаете, существовала такая точка зрения, что, в общем, российское еврейство позиционирует себя, если использовать модные термины, скорее всего, в качестве потомков тех, кто воевал, а не тех, кто погибал в лагерях. Эта точка зрения очень спорная. Кроме того, она была высказана одним моим хорошим знакомым, который тогда очень плодотворно не столько работал в иудаике, сколько занимался организационной деятельностью, связанной с возрождением иудаики у нас. Ситуация могла измениться за это время, и, разумеется, нам нужны новые книжки по Холокосту, и я бы, конечно, того же самого С. Фридлиндера перевел¹⁰. Но в принципе я думаю, что мы располагаем возможностью создать что-то впечатляющее и самостоятельное.

А.Э. То, что, скажем, делается Ильей Альтманом в центре «Холокост»?

Р.К. Конечно, я считаю, что его книги¹¹ очень нужны и очень полезны.

А.Э. Скажем, издали сейчас «Энциклопедию Холокоста» под редакцией У. Лакера, переведенную на русский язык (Москва: РОССПЭН, 2005)¹².

Р.К. Я считаю, что все это во благо.

А.Э. А то, что касается формирования Государства Израиль, существующего уже почти шестьдесят лет? Или для русских евреев – они сами по себе, а Израиль сам по себе?

Р.К. Нет, ни в коей мере, слава Богу, у нас есть Институт изучения Израиля и Ближнего Востока¹³.

А.Э. Ну, а, возвращаясь к этому вопросу еврейской книжной полки на бар-мицву, Вы бы подарили такому подростку что-нибудь вроде «Экзодуса» Л. Юриса?

Р.К. Ну, «Экзодус» уж очень примитивен, я сам его, будучи подростком, читал, и конечно, честь ему и хвала, но хотелось бы чего-то все-таки более рафинированного.

А.Э. Как, например, трехтомная «История Израиля» Говарда Сакера?

Р.К. Я не большой поклонник Говарда Сакера, но я не сомневаюсь, что можно найти достаточно ценные работы, но понимаете, Вы же все-таки говорите о нашем продукте. Я уверен, что такая качественная российская книга тоже будет. У нас большое количество молодежи сейчас занимается израилеведением, и Вы это знаете хорошо. У нас раньше вообще на молодежной конференции не было секции «Израиль», израильский культурный атташе, господин Шаммай Голан нас за это ругал. Но тогда их не было, потому что потенциальных докладчиков, которые могли бы выступить на такой секции, не было в природе, и поэтому их не было на нашей молодежной конференции. А сейчас секция «Израиль» едва ли не самая многочисленная на молодежной конференции! Так что они наверняка что-нибудь дельное напишут, вне зависимости от того, евреи они, русские или татары.

А.Э. Рашид Мурадович, вот Вы говорите о молодежи, в Москве существуют три еврейских вуза: Академия им. Маймонида, ВГШ им. С. Дубнова, Университет XXI века; не забудем и ЦИИЕЦ (ставший недавно кафедрой иудаики) внутри ИСАА, видимо, самый серьезный образовательный проект, но не являющийся самостоятельным вузом¹⁴...

Р.К. Ну, РГГУ тоже нужно упомянуть.

А.Э. Да, и Центр библеистики и иудаики РГГУ, руководимый М.С. Куповецким¹⁵. Рашид Мурадович, вот если смотреть на это в целом, Вы довольны, как они функционируют, как идет там преподавательская деятельность, какие кадры они выпускают? Вы в этих кадрах видите будущее или, закончив образование, они будут работать в чем-то другом, потому что в этой области работы нет?

Р.К. Хороший вопрос, и это вопрос, который часто не дает покоя по ночам. Вы извините, мне постоянно приходят в голову евангельские метафоры, что мы даем вместо хлеба камень. Но пока Бог миловал, пока все-таки есть какая-то возможность остаться в этой сфере, не обязательно

это будет у Вас записано в трудовой книжке, что Вы – специалист по иудаике. Но, тем не менее, я разговаривал с молодежью здесь: кто-то остается, если не в аспирантуре, то, по крайней мере, получает статус соискателя. В общем, продолжают заниматься именно этими сюжетами.

А.Э. Когда Вы сравниваете уровень выпускников здесь с уровнем выпускников подобных вузов в европейских странах, где Вы много и неоднократно бывали...

Р.К. ...я вижу, что нет принципиальной разницы.

А.Э. То есть, учитывая, что пятнадцать лет назад не было ничего в этой области официального, за эти годы сделан такой скачок, что уровень здесь не ниже уровня выпускников в западноевропейских странах?

Р.К. Я не настолько часто в них бываю и не так уж активно общаюсь со студентами, больше с преподавателями. Но это зависит от страны.

А.Э. А уровень преподавателей, скажем, тут и там?

Р.К. Там преподаватели более опытные, которые все-таки этому учились, ездили в Израиль, изучали иврит в Израиле. Но сейчас, я думаю, в какой-то степени, мы их догоняем. Потом это зависит, конечно, от страны. Например, в Испании иудаики относительно много, а евреев очень мало. В Германии евреи, несмотря на их большой наплыв из Советского Союза, тоже не все устремляются в иудаику. Так что в Европе те же самые проблемы. Да и вообще человек, который посвящает себя гуманитарным наукам в Европе, знает, что будет жить гораздо хуже, чем его кузен-юрист или врач. И, тем не менее, идут на это по какой-то причине. Так что работу, сферу деятельности, связанную с этой тематикой, вроде, найти можно. Книги писать можно. Люди этим занимаются, и я оптимистически настроен в отношении будущего.

А.Э. Рашид Мурадович, а вот объем контактов у Вас, Ваших коллег с израильскими преподавателями, он достаточен? Мы, израильтяне, ездим к вам, вы ездите к нам – как Вам кажется, этого достаточно?

Р.К. Нет, этого недостаточно.

А.Э. Недостаточно часто российские ученые, аспиранты и студенты бывают в Израиле или, наоборот, израильтяне слишком редко бывают в Москве? В какую сторону нужно интенсифицировать контакты?

Р.К. В обе. И вас должно быть больше, и уж, тем более, должно быть больше нас. Причем я-то уж не могу пожаловаться, уж я-то бываю в Израиле каждый год, но что я там делаю? Я даже в последний раз, единственный раз за все мои приезды в Израиль, не был в отделе новых поступлений в Национальной и университетской библиотеке [в Иерусалиме].

А.Э. Почему не были?

Р.К. Не хватило времени. На Конгрессе много чего надо было делать, не только прочесть свою лекцию¹⁶, но и другие были дела.

А.Э. Рашид Мурадович, скажите, пожалуйста, вот ездят десятки преподавателей в ЦИиЕЦ, немножко в ВГШ, немножко в Центр библеистики и гебраистики в РГГУ и в Центр, созданный профессором И.Р. Тантлевским в Питере¹⁷. В целом, каково Ваше восприятие – эти поездки должны быть до тех пор, пока тут не вырастут свои кадры, с тем, чтобы они сменили нас, израильских преподавателей, либо же Вы хотели бы видеть такие контакты как постоянные?

Р.К. Я считаю, по крайней мере, в обозримом будущем, ваше присутствие еще очень важно. Не знаю, может быть, будет такой период, когда мы будем знать Израиль лучше, чем израильские коллеги. Возможно, у нас подрастут свои кадры, но пока, в пределах каких-то ближайших двух-трех десятилетий без вас мы не проживем.

А.Э. Мы будем очень рады к вам ездить.

Р.К. Спасибо.

А.Э. Всегда есть проблема стажировок, когда приезжает группа очень гетерогенная...

Р.К. Да, это может быть и наша вина.

А.Э. Простой пример, я преподавал в прошлом году на годовой программе в Иерусалимском университете, приехало сорок четыре человека. Среди них были и студенты первого курса и аспиранты, которые сидели в одной и той же аудитории. Я с трудом представляю, как можно преподавать, чтобы остались довольны все.

Р.К. Совершенно верно, так что, наверное, нужно думать здесь об отборе.

А.Э. Ну, в целом, то, как эти контакты поставлены и проходят, Вам кажется успешным и удачным?

Р.К. Мне кажется, да.

А.Э. Большое спасибо, Рашид Мурадович.

Р.К. Спасибо Вам.

Примечания

¹ VIII Конгресс Европейской ассоциации академической иудаики прошел в Москве 23–27 июля 2006 г. Здесь и далее примечания к тексту интервью принадлежат А. Эпштейну и редактору.

² Имеется в виду коллективная монография: Тысяча лет культуры ашкеназов / Пер. с франц. яз. Р.М. Капанова и Е.И. Лебедевой. М., 2006.

³ Барнави Э., Фридендер С. Евреи и XX век. Аналитический словарь / Пер. с франц. под ред. Т.А. Баскаковой. М.: «Текст» – «Лехаим», 2004.

⁴ Goitein S.D. The Mediterranean Society. The Jewish Communities of the Arab World as Portrayed in the Documents of the Cairo Geniza (4 vols.). Berkeley and Los Angeles, 1976.

⁵ Гойтейн Ш.Д. Евреи и арабы – их связи на протяжении веков. М.; Иерусалим: «Мосты культуры», 2001.

⁶ Со времени, прошедшего с этого интервью, В.А. Дымшиц перевел (совместно с И. Булатовским) «Книгу рая» И. Мангера (СПб., 2008); под его редакцией, с его предисловием и примечаниями вышел выполненный М. Улановской перевод «Моих воспоминаний» Е. Котика (СПб.; М.; Иерусалим, 2009).

⁷ Вероятно, имеется в виду поэтический сборник: Мангер И. Толкование Ицика на Пятикнижие / Пер. с идиша И. Булатовского, предисл. В. Дымшица, коммент. И. Булатовского и В. Дымшица. М.: Дом еврейской книги, 2003.

⁸ Речь идет о переиздании, осуществленном в 2007 г. Л. Городецким, единственного цельного перевода на русский язык: Талмуд: Мишна и Тосефта. Мехильта. Сифра / Критич. пер. Н. Переферковича. Изд. 2-е, СПб., 1902–1906.

⁹ См.: *Rosenzweig Ф.* Время... действовать; Образование и бесконечное составление книг / Пер. и примеч. Л. Наместниковой (Белянской) // Еврейское образование. СПб., 2001. № 2. С. 81–116.

¹⁰ Речь, вероятно, идет о двухтомной книге С. Фридлендера «Nazi Germany and the Jews» (New York: Harper & Collins, vol. 1 – 1997, vol. 2 – 2007).

¹¹ Жертвы ненависти: Холокост в СССР, 1941–1945. М.: Фонд «Ковчег», 2002; Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР. М.: Фонд «Холокост», 2002, и др.

¹² Имеется в виду первое издание по-русски энциклопедии на данную тему – перевод американской «Энциклопедии Холокоста», изданной под редакцией Уолтера Лакера в 2001 г. Йельским университетом: Холокост: энциклопедия / Пер. с англ. / Ред. У. Лакер. М.: РОССПЭН, 2005. В предисловии «От издательства» отмечалось, что эта работа не учитывает достижений российской историографии последних лет, поэтому ошибки и неточности будут устранены при издании второго тома проекта «Энциклопедии Холокоста на территории СССР». Ср.: Холокост: энциклопедия / Пер. с англ. / Ин-т толерантности Всерос. гос. б-ки иностр. лит, Рос. полит. энцикл. / Рук. проекта Е. Ю. Гениева; ред. Б.Ю. Иванов, И.С. Ряховская, В.А. Скороденко. М.: РОССПЭН, 2008; Энциклопедия Холокоста на территории СССР / Под ред. И. Альтмана. М., РОССПЭН, 2009.

¹³ С 2005 г. – Институт Ближнего Востока.

¹⁴ Имеются в виду: Государственная классическая академия им. Маймонида (существует с 1991 г.), Высшая гуманитарная школа им. С. Дубнова (ранее – Еврейский университет в Москве, 1991–2009), Международный институт XXI века (существует с 2003 г.), кафедра иудаики (существует с декабря 2005 г., ранее, с 1998 г. – Центр иудаики и еврейской цивилизации) в ИСАА при МГУ.

¹⁵ Центр библеистики и иудаики РГГУ (существует с 1991 г.).

¹⁶ Имеется в виду XIV Всемирный Конгресс по иудаике в Иерусалиме в 2005 г. (The XIV World Congress of Jewish Studies), где Р.М. Капланов выступал с пленарным докладом.

¹⁷ Центр библеистики и иудаики на философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), созданный в 2000 г. как совместный проект СПбГУ и Еврейского университета Иерусалима.

Светлана Черенкова

Интервью с Рашидом Каплановым*

Ведущая Светлана Черенкова (*Радио Карелии*): Карелию посетил профессор Рашид Мурадович Капланов, человек, с необыкновенной родословной, владеющий 35 языками, объездивший всю Европу. В программе его визита – лекции для студентов, встречи в научных кругах. Не чужд Рашид Мурадович и нашей журналистской профессии: однажды ему довелось брать интервью у одного известного историка для швейцарского радио на итальянском языке. *Послушайте нашу беседу.*

Р. Капланов. Родился я в очень космополитической семье. Мои дедушка и бабушка венчались в Париже, в парижской мечети, тетя родилась в Стамбуле, моя матушка – в Китае, Манчжурии, в Харбине. Нормальная такая московская интеллигентская семья, хотя и весьма смешанного происхождения в этническом отношении. Какие-то мы были небольшие феодалы в Дагестане когда-то, нам разрешали даже пользоваться княжеским титулом. У меня до сих пор сохранился комплект французского журнала «L'Illustration», который дедушка и бабушка вывезли в свое время из Парижа. Правда, все это не очень сохранялось, из-за того, что определенные органы питали к нам большой интерес и периодически арестовывали. Но все-таки что-то из библиотеки осталось...

Языкам, конечно, уделялось большое внимание: моя бабушка по матери была вообще профессиональным преподавателем английского и немецкого языков. Меня пытались приобщать, и как ни странно, я не очень-то проявлял энтузиазм. А потом, где-то начиная с пятого класса, уже пошло-поехало. Я заранее уже поднимаю эту тему, потому что ме-

* В мае 2007 года по приглашению Карельского отделения «Молодежной правозащитной группы» Р.М. Капланов побывал в Петрозаводске и в рамках проекта «Все различны – все равны» прочитал свои лекции школьникам и студентам карельских вузов. По просьбе Максима Ефимова журналист «Радио Карелии» Светлана Черенкова взяла интервью у Рашида Мурадовича, которое и прозвучало в эфире карельского радио. Оно оказалось последним радиоинтервью Р.М. Капланова.

ня всегда спрашивают, сколько языков я знаю. Я обычно отвечаю, что говорю я примерно на дюжине, а читаю еще где-то на тридцати, и даже пытаюсь читать по-фински. И сейчас я пытаюсь составить какое-то представление для себя, овладеть карельским. У меня есть учебники собственно карельского и ливвиковского наречия. И работа моя тоже связана с этими сюжетами. Во-первых, я, как было и при советской власти, занимаюсь историей средиземноморских стран. У меня есть книжка, одна из немногих в нашем отечестве, по новейшей истории Португалии; часто бываю в Португалии, публикую что-то, вот для энциклопедии писал некоторые статьи по Португалии. У меня есть 40 печатных работ. После известных событий, после перестройки я очень активно занялся преподавательской деятельностью. До того я прочел только один небольшой курс в советское время для студентов Института иностранных языков по португальской конституции. Когда я с пеной у рта им пытался объяснять тонкости португальской конституции, они задавали мне очень интересные вопросы, например: Рашид Мурадович, как Вы думаете, сколько может стоить видеомаягнитофон в Мапуту? Ну, во-первых, у меня и сейчас нет видеомаягнитофона, во-вторых, если я вдруг захочу его купить, я не поеду за ним в Мапуту. Они готовились к карьере военных переводчиков в то время и потом собирались этим всем приторговывать. Так что аудитория у меня была в этом смысле не очень благодарная.

С.Ч. Вот, значит, как взращиваются военные переводчики...

Р.К. Сейчас, слава Богу, никто там, в Мозамбике, не воюет, но имейте в виду, что это тоже какая-то сторона деятельности военного переводчика... А теперь мои студенты – это те, кто интересуются иудаикой, кто специально хочет этим заниматься, – кто просто для интереса, кто хочет работать в этой области.

С.Ч. И на сегодняшний день Вы являетесь...

Р.К. Я являюсь академическим директором организации, которая протезирует, чтобы по всему бывшему Советскому Союзу эти темы изучались, преподавались. Мы приглашаем людей на повышение квалификации. У нас каждый год есть несколько конференций, школ. Это для нас, прежде всего, научная тема, мы абсолютно равнодушны к этнической и конфессиональной сторонам вопроса. Так что кто только на наших конференциях ни выступает: выступал, например, гражданин африканской республики Сан-Томе и Принсипи; есть очень активная девушка-японка, которая собирается заниматься русско-еврейской литературой.

С.Ч. Рашид Мурадович, Вы приехали в Петрозаводск по приглашению Молодежной правозащитной группы. Какова основная цель приезда и почему это сейчас важно?

Р.К. Этнические вопросы, к сожалению, актуальны всегда. Я считаю, что у Карелии в этом смысле опыт совсем неплохой, поэтому я собственно и приехал. Я хочу посмотреть, как все сосуществует, что происходит с этими языками, которые были в большом загоне (вепский, например). И вроде бы лед тронулся. В моей программе есть визит в соответствующие научные учреждения, которые занимаются этими вопросами, и я просто хотел как-то самообразоваться в этой области. Что же касается прав человека и политических моментов, повторяю, что это всегда актуально, во-вторых, к сожалению, даже и у вас, в такой спокойной северной республике были малоприятные эксцессы. И я, конечно, пришел не разведывать, но просто хотел бы узнать, как вы собираетесь решать эту проблему в будущем, потому что она не уйдет и никуда не денется. Не думаю, что чисто административные меры могут как-то изолировать Карелию от миграции, в том числе, из южных республик нашего отечества.

С.Ч. Вопросы миграции остро стоят не только у нас в республике, они остро стоят в целом в России. И сейчас много об этом говорится, но пока мало делается.

Р.К. Совершенно верно. Но у вас еще такое недавнее сочетание многих национальностей, немножко искусственное, которое и в Москве возникло (все-таки Москва при всех, так сказать, общинах всегда была русским городом). Это то, что есть во всем мире, во всей Европе. Поскольку я часто бываю, например, в Англии, я иногда проезжаю кварталами, где едешь километры и километры, и ни одного английского лица не видишь. Этнически это в основном индийцы и пакистанцы, но как-то все-таки там все уживаются. Во Франции даже в самое последнее время происходят всякие не очень приятные вещи. Так что это тоже входит в сферу моих интересов. Я не являюсь профессиональным правозащитником, но, конечно, слежу за этими вопросами и, разумеется, стараюсь способствовать, чтобы они решались в гуманном духе.

С.Ч. Кого бы Вы хотели видеть в числе слушающих Вас?

Р.К. У меня обычно отношения с молодежью складываются хорошо. Я почти уверен, что найду хотя бы нескольких заинтересованных ребят.

С.Ч. Рашид Мурадович, как Вы считаете, уделяется ли должное внимание вопросам освещения прав человека у нас в стране?

Р.К. Все надо видеть в развитии. Одно время это была очень популярная тема. Сейчас ситуация несколько изменилась. Утратили несколько интерес к этой теме. Может быть, в свое время немножко и пересолили, и в качестве реакции возникло какое-то почти пренебрежительное отношение к этой тематике, что, на мой взгляд, в России с ее историческим опытом, и в Карелии с ее историческим опытом совер-

шенно пагубно. Поэтому я считаю, что нужно без истерики, которая иногда у некоторых правозащитников проявлялась, спокойно, всерьез вернуться к обсуждению этой тематики, посмотреть, насколько мы соблюдаем эти права. Но, прежде всего, конечно нужно как-то влиять на ментальность народа вообще, и особенно молодежи.

С.Ч. Т.е. инфантилизм не только молодежи, но и народа в целом в отношении вопросов защиты или соблюдения прав человека все-таки налицо?

Р.К. Бесспорно. И ксенофобия, и вообще ненависть к «другому», или, по крайней мере, пренебрежительное отношение, презрительное, распространены в высшей степени широко. Думаю, что Карелия, к сожалению, в этом смысле – не исключение. Но, в общем, у вас народ, по моему, очень терпимый. Мне уже сразу атмосфера человеческая в городе понравилась: люди вежливые, приятные. На этой почве можно что-то такое строить, чтобы избежать последствий негативных явлений.

С.Ч. А теперь коснемся антисемитизма.

Р.К. Не стоит думать, что антисемитизм бывает только там, где много евреев. Иногда вполне достаточно небольшой общины, и евреи важны не сами по себе (извините, для человека, который занимается профессионально еврейскими сюжетами, это может быть еретическое высказывание), но там, где их немного, это просто лакмусовая бумажка, по которой видно, как люди относятся к «другому»... Можно заниматься еврейской историей, там тоже много интересного. Будем надеяться, что у вас эта отрасль знания постепенно будет развиваться. Уже есть один коллега, который занимается иудаикой. Наш Центр даже получил в свое время предложение от университета совместно провести проект, связанный со ссыльными евреями в Олонецкой губернии, есть много материалов на эту тему.

С.Ч. Рашид Мурадович, как Вы считаете, в отношении к евреям сейчас у нас в стране есть какие-то особенные черты, которые появились в последние годы?

Р.К. Вы знаете, очень противоречивая картина. С одной стороны, более благополучной ситуации по части официального антисемитизма, точнее, его отсутствия, в России не было со времен В.И. Ленина. Не то, чтобы я был большим поклонником Владимира Ильича, но явно он не проводил антисемитскую политику. Потом все, как Вы знаете, сильно изменилось, но вот сейчас мы снова в такой ситуации, когда власти абсолютно не интересуются борьбой с евреями, борьбой с сионизмом и т.д. Неплохо развиваются российско-израильские отношения. Могу выдать небольшой секрет МГУ, что настоящую полноценную кафедру иудаики согласились открыть (все-таки были всякие сомнения, был центр какой-то, было что-то еще) только после визита В.В. Путина в Израиль.

С.Ч. Показательно, правда?

Р.К. Да. Это с одной стороны. С другой стороны, массового народного антисемитизма сейчас очень много. Я думаю, что тут сыграла роль наша перестройка, и процесс еще не закончившегося довольно болезненного становления рыночной экономики. Не все смогли приспособиться. Сами понимаете, что какой-то мелкий хозяйчик, который разоряется от конкуренции универмагов, часто принадлежавших евреям, большим юдофилом от этого не становится. Чтобы не быть голословным, назовем несколько примелькавшихся фамилий: г-н Березовский (правда, принявший православную веру, но, тем не менее, люди воспринимают его как еврея), г-н Чубайс, который наполовину еврей. Так что, это все есть, этого всего меньше не стало, как бы не стало больше. С другой стороны, все-таки, я абсолютно не склонен к панике. Я считаю, что еврейская община уже проявляла чрезмерный алармизм, причем он даже дирижировался, с одной стороны, из ЦК (я говорю о последних годах советской власти), который был заинтересован в уменьшении еврейского населения как наиболее «взрывоопасного», а с другой стороны, израильские круги тоже пытались стимулировать. И люди действительно верили, что завтра начнутся еврейские погромы. Я в это никогда не верил, потому что я все-таки не слепой, я вижу людей. Но все-таки надо быть очень осторожными. Другое дело, сейчас есть (и я не считаю, что это так уж хорошо) другие, более сильные раздражители. Вы об этом после Кондопоги кое-что знаете.

С.Ч. Можно сказать, акценты сместились?

Р.К. Да, акценты сместились. Ну, что такое евреи? Во-первых, они ассимилированы, во-вторых, они даже по возрастным категориям так людям глаза не мозолят. А такие молодые, энергичные, не всегда свято соблюдающие законность, они есть среди других национальностей, сами знаете, каких. Так что, это отвлекающий фактор, но не думаю, что стоит сильно утешаться, что где-то там бьют чеченцев, потому что геноцид – он всегда геноцид. Ну, у нас, слава Богу, до таких ужасов дело не дошло, но, разумеется, если какая-то национальность менее подвержена насилию, притеснениям, чем другие, это вовсе не дает основания для оптимизма, потому что этот пожар довольно легко перекидывается на другие деревья.

**ВОСПОМИНАНИЯ
О
РАШИДЕ КАПЛАНОВЕ**

Галина Окунева*

Семья Каплановых¹

Чижик – так звали его в семье, а настоящее имя – Рашид он получил в честь своего знаменитого деда Рашид-хана Капланова, дагестанского князя, чья родословная восходит к временам глубокой древности²; известного государственного и политического деятеля, возглавившего после февральской революции борьбу народов Северного Кавказа за свободу и социально демократические преобразования. Он был главой и министром внутренних дел Горского правительства, одним из руководителей Союза Объединённых Горцев Северного Кавказа; работал министром финансов, а также министром просвещения и вероисповеданий в Правительстве Азербайджанской демократической республики; возглавлял Совет Терско-Дагестанского правительства и одновременно был в нём министром иностранных дел. Является основателем Бакинского университета³.

Чижику повезло родиться в семье талантливых, глубоко порядочных людей и унаследовать от них лучшие качества.

Его отец – Мурад Рашидович Капланов – выдающийся ученый и инженер, Генеральный конструктор Спутника – «Молния 1», автор изобретения «Автоматическая подстройка частоты», сыгравшего важную роль в развитии космической и радио-телевизионной связи; дважды Лауреат Государственной премии; награждён двумя орденами Трудового красного знамени и другими наградами. Работал под непосредственным руководством Сергея Королева. Доктор технических наук, профессор, заведовал кафедрой «Конструирования и производства радиоаппаратуры» МИРЭА.

«Капланов относился к категории людей, которым веришь с первой встречи. Это сродни чувству “любовь с первого взгляда”... Таланта, энтузиазма, оптимизма и доброжелательности ему было не занимать... Коллеги и друзья, хорошо знавшие Мурада Рашидовича, высоко ценили его не только как блестящего специалиста, но и прекрасного, интеллигентного, остроумного и доброжелательного человека»⁴.

* Галина Исаевна Окунева (по матери – Капланова) – кузина Рашида. Историк, экономист и журналист

Мать Рашида – Лилиана Исаевна Капланова (в девичестве – Рамбах) родилась в интеллигентной еврейской семье в городе Харбине (Китай). Очень красивая, способная и умная женщина, обладавшая прекрасным чувством юмора.

В молодости она была артисткой и, судя по ее данным, вполне могла достичь больших успехов, однако, предпочла посвятить свою жизнь семье – любимому мужу и обожаемому сыну, сыграв существенную роль в их становлении и карьере.

У Лили был хороший вкус, и она всегда выглядела очень элегантно. За бесконечный поток острот и неизменно весёлое настроение в нашей семье ее называли «Фонтанчиком», а мы, дети, очень её любили и радовались ее приходу.

В послевоенные годы, выйдя замуж за вернувшегося с фронта голодного и бездомного жениха – будущего отца Чижика – она проявила свойственную ей изобретательность: готовила «французскую» тушь для ресниц, упаковывала ее в изящные (абсолютно фабричного вида) ею же изобретенные и сделанные коробочки из плотной золотой фольги и сама же продавала их на Тишинском рынке. Какое-то время это помогало семье держаться на плаву. Позднее свои дизайнерские способности она использовала при изготовлении дамских шляп; и здесь её фантазия не знала границ, а шляпы разлетались с большим успехом по головам состоятельных клиенток. Эта творческая деятельность продолжалась довольно долго, правда, руки умницы-красавицы почти всегда были в краске, а вокруг неё царил в то время художественный беспорядок.

Когда Мурад стал зарабатывать на «прожиточный минимум» для семьи, Лилиа прекратила свою шляпную эпопею и вскоре превратилась в великолепную светскую даму:

«Чёрное море коричневых глаз,
Ум отшлифован, как будто алмаз,
Волос – то светлый, то тёмный, но рыжий...
Женщина, ты рождена для Парижа!»

Столь яркое впечатление она производила не только на меня. Мурада и Лилию познакомила его сестра – Фатъма Рашидовна на встрече какого-то послевоенного Нового года. Любовь вспыхнула, как спичка, и тридцать три года они благополучно прожили вместе...

Дед Чижика – князь Рашид-Хан Капланов был высоко образованным человеком. «Самый культурный человек в Дагестане», – так писал о нём один из современников⁵.

Несмотря на княжеское происхождение и доставшееся от отца очень внушительное наследство, он был убежденным демократом – социали-

стом, и на этой почве ещё со времён учёбы в Париже дружил с Джелал-Эд-Дин Асельдеровичем Коркмасовым, в дальнейшем – выдающимся государственным и политическим деятелем СССР и с Серго Орджоникидзе.

Он получил блестящее образование в Сорбонне на юридическом факультете, владел минимум восемью языками: русским, французским, турецким, английским, немецким, арабским, кумыкским и азербайджанским. Серьезно занимался самообразованием, прекрасно знал историю; работал в комиссии по реформе законодательства при Министерстве юстиции и преподавал право в Школе судей и в Гражданской школе в Константинополе, а с начала 20-х годов – в Институте востоковедения в Москве.

Во время учёбы Рашид-хан познакомился со студенткой медицинского факультета Сорбонны, Ольгой (Элькой) Ефимовной Аршон, еврейской девушкой из России, страстно в нее влюбился и женился вопреки воле отца. За это был лишен наследства. Спустя три года отец все-таки простил непослушного сына.

Ольга Капланова – бабушка Рашида – красивая и умная женщина была очень обаятельна, хорошо пела, танцевала, писала стихи и тянула воз семейных забот, пока её любимый муж боролся за независимость Северного Кавказа.

В 1911 г. в семье Каплановых родилась дочь – Фатьма Рашидовна (1911–1982), моя мать, а в 1915 – сын Мурад Рашидович (1915–1980) – отец Рашида.

Воспитанию и образованию детей в семье уделялось очень большое внимание. У них была гувернантка-француженка (в доме говорили на русском и на французском языках). Мурад с отличием окончил электрофизический факультет Московского энергетического института, а Фатьма – Московский институт Кооперации, успешно совмещая учёбу с преподаванием (в этом же институте) политэкономии. Преподавать она начала с 18 лет.

Мураду было суждено стать отцом замечательного сына – Рашида Мурадовича Капланова, проявившего с самого раннего возраста необыкновенные способности, любознательность и добродушие. В трехлетнем возрасте он влюбился в книгу, и она стала для него первой и единственной любовью. Впоследствии он скажет: «Книга составила главное счастье моей жизни». Его домашняя библиотека насчитывала около 15 000 томов.

В 6–7 лет он уже вполне осмысленно читал научные книги и мог себе позволить обсуждать «Капитал» с профессиональным экономистом – своей тётёй Фатьмой. Очень рано серьезно увлекся географией и сохранил этот интерес на протяжении всей жизни. Когда бывал у нас, его

невозможно было оторвать от большого глобуса, который был выше Чижа, но как умело и толково он с ним обращался.

Уже тогда он знал названия всех материков и почти всех стран и столиц, множества городов, рек и т.д. и поэтому, на зависть нам, кузинам, мог на равных со взрослыми играть в «города».

Трудно поверить, но в его детской головке хранилось столько интересной информации по самым различным вопросам. Особенно он любил историю.

Было ясно, что мальчик обладает необыкновенными, феноменальными способностями. В наше время такие дети называются «индиго».

Узнав что-то новое, он должен был срочно сообщить об этом всем, кто попадался на глаза.

Мысли при этом опережали слова, и некоторое время его речь буквально захлебывалась. Потом Лиля научила Чижику говорить спокойно и размеренно.

Наблюдать за ним было интересно и смешно.

Наши семьи были очень дружны, поэтому мы – дети Мурада и Фатьмы – часто встречались, а летом жили вместе на даче.

Кузины относились к Чижику заботливо и нежно. Он действительно был очень забавным мальчиком. Помню, как, приезжая к нам, он сочинял и рассказывал всякие небылицы, часто – под «музыку». За пианино обычно сидела моя старшая сестра Лора и извлекала из него душераздирающие звуки, то закидывая голову назад, то низко склоняя ее над клавишами, и без конца раскачиваясь из стороны в сторону. Играть она, конечно, не умела. Когда в доме собирались гости, Чиж принимал «важную» позу, выпячивал живот и, вальяжно расхаживая по квартире, бил себя в грудь своим маленьким кулачком и говорил: «Я – знатный иностхганец». В то время букву «р» он ещё не выговаривал.

Кто знает, может быть, именно тогда он начинал осознавать себя человеком мира и ведь действительно стал им впоследствии, выучив для этого 35 иностранных языков.

Тогда же, вероятно, возникло его представление о человечестве как о целом и неделимом сообществе дружных и равных людей, не раздираемом на враждующие части различными религиями, партиями и предвзвешенными рассудками. Позднее это представление получило детальное отображение и развитие в его научных трудах.

С детства Чиж был абсолютно бесконфликтен, добр, доверчив и деликатен, вполне самодостаточен, независим от мнения окружающих и умудрился остаться таким навсегда.

Однажды случилась большая беда – он заболел полиомиелитом, и только благодаря самоотверженной борьбе Лили за жизнь и здоровье сына, болезнь прошла почти бесследно, осталось чуть заметное при-

храмывание. (Счастье, что Бог сохранил великолепную голову и психику мальчика).

Но никогда, даже в юном возрасте, Чиж не комплексовал по этому, и вообще по какому бы то ни было, поводу. Да и кто станет обращать внимание на такую мелочь, когда перед тобой такое чудо, дар божий – интереснейший, образованнейший, остроумный, добродушный и абсолютно свободный человек, пленяющий тебя с первой же минуты общения раз и навсегда. «Ничто не нужно человеку так, как душа другого человека», – писал А. Платонов и был, безусловно, прав.

Помню, какое впечатление произвел он на членов еврейской общины города Гейдельберга (Германия) своим обаянием и тем, что с удовольствием легко и просто общался со всеми, кто к нему подходил, на их «родном» языке – немецком, французском, румынском, польском, молдавском, украинском и др. Рашид, как магнит, притягивал к себе людей; он их любил, и они отвечали ему взаимностью. «Я питаю дружеские чувства практически ко всем», – это его слова. У Рашида было много настоящих друзей, и он очень ценил дружбу. Никогда не слышала от него ни одного плохого слова о ком-то, даже в адрес тех, кто, как показала жизнь, оказались недостойны не только его дружбы, но и внимания.

С ним всегда было удивительно комфортно, интересно, легко и весело. У нас с Рашидом было много общих привычек; некоторые из них раздражали окружающих, например, бесконечные «напевки» одного и того же куплета из какой-нибудь песни или частушки. Ни голоса, ни слуха у нас не было вообще. Часто под свою же «музыку» мы сочиняли, дополняя друг друга, какие-то «складушки». А с каким аппетитом поедали всё, что попадалось на нашем пути, во время поездок по Германии и прогулок по Москве! Главное, мы никогда не раздражали друг друга.

К сожалению, в зрелом возрасте мы редко виделись, и теперь я об этом бесконечно сожалею.

Но в последние годы после моего переезда в Германию, к которому Чиж относился снисходительно-скептически, он периодически навещал меня.

В последний свой приезд в мае 2007 г. Рашид совершенно неожиданно (у нас всегда были «чисто братские» отношения) сделал мне предложение. Перед этим он полдня ходил и напевал: «Я люблю свою кузину, подарю цветов корзину». Учитывая к тому же, что Чиж на десять лет младше меня, предложение, которое он повторил еще несколько раз и даже объяснил, что в таком браке нет ничего плохого, т.к. у евреев разрешается жениться на кузинах, я не восприняла серьезно, и даже не помню, что ему ответила. А спустя четыре месяца, когда узнала, что именно довело его до инфаркта, поняла, что Рашид просто искал у меня защиты, надеялся, что я помогу ему выйти из невыноси-

мого положения, в котором он оказался, «благодаря» своей доброте, доверчивости и верности данному слову... Но об этом немного позже. Как жаль, что тогда у меня не хватило ума понять, в чём дело. А он не хотел и не умел жаловаться.

И всё-таки где-то в тайниках души льщу себя надеждой, что предложение было сделано не только поэтому и не совсем случайно. Просто в то время мы оба были одиноки, а между нами всегда существовала какая-то невидимая, не зависящая от расстояний и времени связь, общность. Нам всегда было хорошо, «свободно» и легко друг с другом.

Что ж, теперь остается только благодарить Бога за то, что в нашей семье был такой необыкновенный и благородный человек, и я имела счастливую возможность с ним дружить.

Радостно возвращаться к воспоминаниям о наших поездках по Германии, о том, с какой неукротимой жадностью впитывал он информацию буквально обо всём, даже о том, что казалось вообще совершенно неважным. Но для него не существовало ничего неважного, за исключением, конечно, его собственного быта и «нарядов»... Зато, как он любил поесть, и какие роскошные обеды устраивал он, приглашая меня в гости!..

Дом Каплановых даже в трудные времена был всегда открыт для друзей, и Рашид достойно продолжил эту традицию. Лиля – прекрасная хозяйка – содержала домашнее хозяйство в чистоте и красоте, прекрасно готовила, а, главное, радушно принимала гостей и искренне радовалась их приходу. Встречи наших родителей всегда были веселыми, наполненными интересными разговорами и искромётным юмором. Это было непринужденное общение равных по духу, открытых, умных и мужественных людей, сохранивших свое достоинство и оптимизм, даже несмотря на испытания, которым их подвергла кровожадная Советская власть.

У незаурядных людей, как правило, не бывает простых судеб, особенно когда во главе государства стоит циничный маньяк. И семья Каплановых – яркий тому пример.

Началось с Рашид-хана Капанова. За активное участие в борьбе за независимость Кавказа и против большевиков его четыре раза арестовывали, и каждый раз он находился под угрозой смертной казни.

В архиве КГБ чудом уцелели бабушкины письма, в которых она угоривает деда успокоиться, прекратить бесконечную борьбу и принять сделанное ему предложение – стать Ректором Бакинского университета. Но он, конечно, с нею не согласился... Также, как отклонил предложение одного из своих соратников – Т. Чермоева – эмигрировать, даже когда стало очевидно, что надежды на успех их самоотверженной борьбы не осталось. Не последовал он и примеру своей сестры Наджабат и брата Ирбая, эмигрировавших и благополучно проживших свою жизнь во Франции и в США.

Первый раз Рашид-хан был арестован и уже находился в расстрельной камере у Деникина, когда случайно выяснилось, что адъютант Деникина – родной брат Р. Капланова – кадровый военный, полковник Царской армии – Ирбай Капланов, благодаря которому деду удалось спастись.

Второй раз он был арестован уже по решению Особого отдела XI-й Красной Армии. И только благодаря личному вмешательству его лучшего друга – Джелала Коркмасова, в то время главы правительства Дагестана и члена Всероссийского ЦИК, Капланов был освобождён.

Решение об освобождении подписали Серго Орджоникидзе (тоже друг Капланова) и председатель Ревкома Азербайджана Н. Нариманов (вскоре – председатель Совнаркома Азербайджана, а позднее – председатель ЦИК СССР). После освобождения Рашид-хану было запрещено оставаться в Дагестане, и он вместе с семьёй отправился в «ссылку»... в Москву, якобы на «перевоспитание», с целью уничтожения его националистических корней. Националистом он никогда не был: в составе Горского правительства, которое он возглавлял, так же, как и в Союзе Объединённых Горцев Кавказа были представители различных конфессий, да и женат этот мусульманин был на иудейке, дочери раввина.

В Москве Рашид-хан преподавал в Институте Востоковедения, работал юрисконсультантом во Всесоюзном Комитете нового тюркского алфавита.

В 1930 году он был снова арестован за контрреволюционную деятельность на Кавказе в период 1917–1921 гг. И опять, несмотря на своё высокое положение, в дело вмешался и спас Капланова его старый и верный друг Джелал Коркмасов. Уголовное дело было прекращено, и Капланов вышел из Бутырской тюрьмы.

Через 7 лет, в июне 1937 года Джелал Коркмасов тоже попадает под гильотину сталинских репрессий. Его осудили и расстреляли как врага народа. В то время он занимал должность Секретаря Совета Национальностей ЦИК СССР. Но о процессе и о приведении приговора в исполнение не сообщалось. Вслед за ним арестовали и отправили в восьмилетнюю ссылку «члена семьи врага народа» – его жену Коркмасову (Пацхверия) Наталию Дмитриевну. Тогда она ещё не знала, что больше никогда не увидит не только мужа, но и единственного, талантливого и необыкновенно красивого сына – Джелал-Эраста Джелал-Эд-Диновича. О его красоте ходили легенды. Всемирно известный исследователь Арктики, писатель и общественный деятель, лауреат Нобелевской премии Фритьоф Нансен в своей книге «Через Кавказ на Волгу» пишет об этом сказочно красивом ребёнке: «Я смотрел на мальчика, как зачарованный. Ведь это был ангел с картины Корреджио. До сих пор я не подозревал, что жил рядом с небесным созданием под одной крышей. Мальчик был сыном Коркмасова»⁶.

Не остались равнодушны к красоте обаятельного мальчика также А. Рыбаков (в романе «Дети Арбата»), М. Кошунов – в книге «Тайные легенды дома на набережной» и др. Моя сестра рассказывала о том, какое сильное, потрясающее впечатление произвёл на неё статный красавец Джелал-Эраст, появившийся у нас дома уже в зрелом возрасте после всего того, что ему пришлось пережить.

В октябре 1941 года «ангел» ушёл добровольцем на фронт. В 1943 – после четвёртого ранения его комиссовали. А в следующем 1944 году студент МГУ Э. Кормасов был обвинён по описанному в книге «Дети Арбата» сфабрикованному делу за участие в якобы существовавшей студенческой организации «За смерть отцов». И пять лет отбывал наказание в зловещей Лефортовской тюрьме. Однако, никакие, даже самые страшные превратности судьбы, обрушившиеся на него после ареста отца и матери (тогда мальчику было всего 15 лет), не сломали этого замечательного человека. Пройдя путь от техника-конструктора до зампредоблисполкома и заместителя начальника стройуправления «Даг-нефть», он в 1970 г. после катастрофического землетрясения в Дагестане по своей воле сменил высокую должность на должность начальника участка, чтобы вернуть из небытия, из руин своё родное село, названное в честь его отца, Джелала Кормасова, «Кормас-Кала».

После XX съезда все репрессированные члены семьи Кормасовых были реабилитированы. Размышляя над трагедией семьи Кормасовых, невольно обращаешь внимание на удивительное сходство не только личных судеб неразлучных с момента знакомства в Сорбонне (1903) и до конца оставшихся преданными друг другу Рашид-хана Капланова и Джелала Кормасова, но и членов их семей...

В 1937 году, после ареста Джелала, Капланов понял, что скоро придут и за ним; приготовил небольшой французский чемодан с адвокатским «обмундированием» – накрахмаленной манишкой и т.п. Он был адвокатом и прекрасным оратором, – очевидно, собирался сам выступить в свою защиту, ещё не зная, что ждёт заключенного в советской тюрьме, – какие там манишки, какие адвокаты...

В октябре 1937 г. Капланов действительно был арестован и приговорён к ВМН (высшей мере наказания) – расстрелу за «активное участие в контрреволюционной, антисоветской, националистической, террористической организации». Заседание суда состоялось 10 декабря 1937 года и «длилось» всего 15 минут. Как оказалось, достаточно, чтобы решить судьбу человека. От последнего слова Капланов отказался, – теперь он имел полное представление о советском «правосудии». Приговор приведен в исполнение в тот же день. В 1991 г. он был посмертно реабилитирован.

И все-таки он «их» победил! У Капланова хватило ума и мужества оставить их в дураках. И вот каким хитроумным способом. Его показа-

ния, зафиксированные в следственных протоколах, начинаются со слов: «Всю свою жизнь я посвятил борьбе с советской властью». Конечно, такая формулировка устраивала и «следователей», но в данном случае это была чистая правда, а со стороны Капланова – явный плевок в их лица. Необходимо только уточнить, что здесь имеются в виду не вообще советы как форма организации власти, а именно советская власть ленинско-сталинского типа. Особого же внимания заслуживают ответы Капланова на вопросы следователей о том, где он встречался с представителями Гитлера (!) и что именно он делал для подрыва экономики страны. На первый вопрос он ответил, что делегацию Гитлера принимал в гостинице «Москва» (а где же ещё принимать гитлеровскую делегацию находившемуся под постоянным присмотром чекистов ссыльному в Москву Капланову? Ведь всем хорошо известно, что это – гостиница НКВД!).

А подрывал экономику страны вообще очень просто: проводил коллективизацию, делая особый упор на создание колхозов в высокогорных районах. И далее следует изложение основных положений экономической политики КПСС. Вот и получается, что политика партии вредит экономике.

Дальше по логике вещей должны были бы последовать далеко идущие выводы о том, что эта партия – враг народа. Но, к величайшему сожалению десятков миллионов невинных жертв сталинских репрессий, доблестным представителям советского «правосудия» никогда не было дела ни до логики, ни до самого «преступления», т.к. преступниками в данном и в подобных миллионах случаев были не подследственные, а сами следователи – палачи и бездарные фабриканты фальшивых дел.

На требования следователя назвать своих соучастников Капланов назвал фамилии либо уже уничтоженных или погибших соратников, либо представителей высшего государственного и партийного руководства среднеазиатских и кавказских советских республик, с которыми он боролся не на жизнь, а на смерть. Чем не блистательная победа ума и духа? Однако трудно придумать более трагичную победу...

Вскоре после ареста Рашид-хана были арестованы его жена и сын, практически одновременно, но со свойственным советским карательным органам иезуитством. Ночью, когда пришли за Мурадом, его не было дома, мать ждала возвращения сына с выпускного бала по поводу окончания института. Институт он окончил отлично, с красным дипломом. Когда Мурад пришёл, его тут же увели и сразу вернулись за матерью, Ольгой Ефимовной. Изверги, – ведь это они уже по своей инициативе решили арестовать сына на глазах у матери... Мурад был приговорен как сын врага народа к 10 годам лагерей, а бабушка – к десятилетней ссылке в необжитые казахские степи.

Мурад отсидел в концлагере где-то под Воркутой 5 лет и дошел до полного истощения. Сестра Фатъма, посетившая его в лагере, была потрясена тем, что он (этот красавец, свыше 180 см ростом) вышел к ней... на четвереньках (ходить он уже не мог). Ни о чем не расспрашивая, набросился на еду и заснул. Так прошли три дня их свидания.

В разгар войны, в 1943 г. из-за нехватки специалистов было принято решение о мобилизации связистов-заключенных. Это и спасло Мураду жизнь. Правда, сначала его направили в штрафбат, чтобы кровью искупил свою «вину». Чудом выжил и после демобилизации получил блестящую характеристику как замечательный во всех отношениях человек и солдат, пользовавшийся большим авторитетом не только у солдат, но и у офицеров.

Достоинно перенесла все муки советского ада и бабушка – Ольга Аршон-Капланова. В ссылке она находилась в ужасных условиях, но не пала духом, а организовала детскую туберкулезную больницу и стала ее главным врачом. Больных детей она разыскивала сама, разъезжая в открытой повозке по вьюжной заснеженной степи, часто преследуемая стаей голодных волков, которых отпугивала, без конца зажигая лучины.

Больных детей было много, в основном дети таких же ссыльных, как и она. Вероятно, именно они и помогли ей заглушить нечеловеческую боль за своих детей и за очень любимого мужа, о судьбе которых она долгое время ничего не знала, но могла догадываться. Она так привязалась к больным и коллегам, что даже по истечении десятилетнего срока ссылки еще несколько лет не возвращалась в Москву, и согласилась переехать только после второго инфаркта. Здесь, в Москве, находясь уже в весьма преклонном возрасте (около 65 лет), начала снова работать, но уже по своей основной специальности – гинекологии – и работала до конца дней, ещё около десяти лет.

Судьба не пощадила и семью дочери Рашид-хана и Ольги Каплановых – родную тётю Рашида. В 1938 году, вскоре после ареста отца, матери и брата Фатъма Рашидовна перенесла еще одну катастрофу, – был арестован ее муж, Окунев Исай Семенович (мой отец) – талантливый руководитель и инженер. В то время, в 26-летнем возрасте, он уже руководил отделением с 6000 рабочих на первом Шарико-подшипниковом заводе (ИГПЗ). Комната, где жили Фатъма с мужем, также как и комната её уже арестованных родителей и брата, была опечатана. Она оказалась на улице, беременная, без средств к существованию, вообще без ничего и без никого. Но именно это, по-видимому, и спасло ее от ареста. Однако, не только это, а благороднейший поступок ближайшей подруги и коллеги её матери – Екатерины Журавской. Прекрасно понимая, что рискует не только своей головой, но и семьёй, она за несколько месяцев до родов

и 2–3 месяца после них скрывала Фатьму и её новорожденную дочь в родильном доме.

Муж Фатьмы мужественно (на удивление даже работникам МВД) перенёс выпавшие на его долю и длившиеся два года (!) бесконечные издевательства, пытки и допросы, продолжавшиеся по 2–3 суток, но ничего не подписал, не назвал ни одной из выбивавшихся из него полуграмотными следователями фамилий и спас тем самым не только себя, но еще 9 человек, проходивших по одному с ним делу и вынужденных под угрозами и пытками подписать всё, что от них требовали, включая показания против Окунева. Этот – один из очень редких случаев невероятной стойкости и мужества описан в нескольких номерах газеты «Московская правда» (30 июня 1998 г. и др.). После выхода из тюрьмы в 28-летнем возрасте он стал главным инженером 1-го ГПЗ; во время войны руководил его эвакуацией, а также возведением Куйбышевского и Саратовского шарикоподшипниковых заводов. В 1943 г. Окунев и его коллеги – руководящий состав завода – были снова арестованы, но вскоре условно осуждены и освобождены, так как без них работа застопорилась, а стране были нужны новые конструкции подшипников для самолетов, танков, пушек, и многого другого. Вот их и выпустили, правда, условно, чтобы работали эти «вредители» на благо Родины, которой они «вредили». И они работали, как всегда, добросовестно и на износ, – иначе просто не умели.

Надеюсь, что тем, кто не знал историю семьи Каплановых, стало ясно, откуда в Рашиде такая сила духа и высочайшая нравственность, феноменальные способности, такая тяга к науке и языкам, неутолимая жажда знаний, невероятная трудоспособность и трудолюбие, крайне обостренное чувство справедливости и равнодушие к судьбам отдельных людей и малых народов, любовь к людям и уважение к человеку, готовность прийти ему на помощь и защитить независимо от его социального статуса, национальности и вероисповедания, даже если это связано с большими рисками; стремление сделать все, чтобы проблемы решались гуманно, патриотизм, честное служение своему делу, просветительство, приверженность к идеям демократии и социализма, неиссякаемый оптимизм и великолепное чувство юмора.

Трудно понять, каким образом получаем мы в наследство от предков не только ДНК, но и черты характера. Однако, совершенно очевидно, что такой загадочный механизм существует. Иначе, чем объяснить удивительное сходство благородных характеров Рашида, его отца и деда? Например, деда и внука, которые вообще никогда не видели друг друга... Оба были носителями социалистических идей.

По поводу «социализма» следует подчеркнуть, что в данном случае речь идёт, конечно, не о советском «лже-социализме», скрывавшем под

своей вывеской обыкновенный фашизм, а о таком общепринятом понятии социализма, в основе которого лежит идея создания общества, в котором реализуются принципы справедливости и равных возможностей для всех.

Рашид отрицал революционный, марксистский путь перехода к социализму и считал единственно возможным и допустимым – эволюционный, по которому пошла (и почти пришла) Швеция.

Социалистические идеи Рашид-хана Капланова нашли непосредственное отражение не только в его теоретических работах, посвященных проблемам организации государственного управления, но и непосредственно – в практической деятельности.

Социалистические взгляды Рашида «младшего», как и у его деда, в значительной степени обусловлены обостренным чувством справедливости.

У Рашида это проявилось и в выборе в качестве основного объекта исследований истории малых народов, которые, по его мнению, заслуживают не меньшего внимания и уважения, чем «большие». «Нельзя обижать маленьких», – говорил он. Какие простые слова, а какая мощная истинно социалистическая идея в них заложена. Он делал все от него зависящее, чтобы возможность получить хорошее образование имели «не только дети академиков», как говорил он, а все желающие, независимо от их социального статуса, места проживания, национальности и т.д.

Он всегда был готов поделиться всем, что имел, – даже своей квартирой, жить в которой вплоть до своей смерти он предложил совершенно незнакомым людям, и сдержал своё обещание, даже несмотря на то, что они полностью нарушили обычный уклад его холостяцкой жизни и на их, мягко говоря, неблагодарность.

Общей чертой характеров деда и внука был патриотизм, во многом предопределивший их жизненную позицию и сферу деятельности. Под патриотизмом имеется в виду не «показной ура-патриотизм», а прежде всего искренняя любовь к Отечеству и своему народу, готовность защищать его интересы; добросовестно служить; изучать и хранить народные традиции; ощущать связь с Родиной. Патриотизм Каплановых – это патриотизм высокой пробы.

Рашид-хан всю свою жизнь посвятил и отдал борьбе за свободу своего (и не только своего) народа и демократические преобразования общества, которые должны были существенно улучшить жизнь его соотечественников. По этому поводу имеется большое количество документов и публикаций. Он категорически отказывался покинуть свою Родину, но был вынужден подчиниться решению Ревкома, в соответствии с которым ему было запрещено жить в Дагестане.

Патриотом, несомненно, был и его внук. Во-первых, потому, что 30 лет изучал историю своего еврейского народа, несмотря на то, что начало работы по этой тематике было связано с очень серьезными рисками, т.к. еврейская тема в СССР фактически была запрещена и все, кто был с нею связан, находился под пристальным вниманием КГБ. По этой причине многим из коллег Рашида пришлось выехать из страны.

Он же этого не сделал, несмотря на то, что с началом перестройки получил возможность беспрепятственно переехать практически в любую страну Западной Европы, в США, Израиль и т.д. Причем не только въехать, но и прекрасно устроиться на престижную работу, благодаря великолепному знанию языков, личному авторитету выдающегося учёного, широко известного и признанного на международном уровне, обширным связям с коллегами из лучших зарубежных университетов и т.д.

Кроме того, у него были довольно близкие родственники в Англии, и, более того, его мать, Лилиана Исаевна, имела английское гражданство.

Патриотизм проявился и в любви Рашида к его исторической Родине. Вообще он никуда не собирался уезжать из России, но говорил, что если бы пришлось это сделать, – отправился бы только в Израиль.

При этом он никогда не забывал также о том, что в нём течёт не только еврейская, но и кавказская кровь, и испытывал по этому поводу вполне определенные патриотические чувства.

Глубоко переживая «кавказские» события, неоднократно (в том числе, и в официальных интервью) говорил о необходимости решения чеченской проблемы только гуманным способом.

Как истинного патриота Рашида серьёзно волновали проблемы российского общества и перспективы его развития. Он пристально следил за происходящими в стране событиями, занимая активную гражданскую позицию. Участвовал в демократических демонстрациях начала 90-х годов и т.п.

На вопрос журналиста о его отношении к теперешней власти дипломатично, но однозначно ответил: «Обычно меня об этом не спрашивают, так как о моем отношении нетрудно догадаться».

На аналогичный вопрос в отношении советской власти, заданный ему ещё в советское время, последовал не менее изобретательный ответ: «Почему она нам не нравится? Это мы ей не нравимся»...

Настоящим патриотом может быть только свободный человек; по моему, это совершенно очевидно. И дед, и внук были абсолютно свободными людьми.

Капланов старший продолжал самоотверженную борьбу, рискуя при этом не только жизнью, но даже семьёй. Показательно, что, занимая высшие посты в правительствах, он не был членом какой-либо партии. Это позволяло ему оставаться независимым и свободным. И лишь незадолго до переезда в Москву вступил в партию «Эхрар», (в переводе –

«Свободолюбивые») и возглавил её. Он был независим и в принятии решений, относившихся к его личной жизни: отказавшись от наследства, женился вопреки воле отца на еврейской девушке.

Свободолюбие Рашида-младшего также – одна из важнейших черт его характера. Ему удавалось оставаться абсолютно свободным даже в условиях советского режима, находясь под колпаком КГБ: он свободно общался и дружил с иностранцами (надо же было с кем-то говорить на 35 языках, которыми владел); с удовольствием принимал приглашения посольств различных, в том числе и капиталистических стран на приемы; поддерживал постоянную переписку с зарубежными коллегами и друзьями; давал интервью иностранным журналистам; занимался изучением запрещенных тем и т.д., и т.п.

Любимый друг Рашида, португальский журналист Жозе Мильязеш рассказывал: однажды, когда они сидели в кафе (тогда ещё в советской Эстонии), Рашид неожиданно встал и громко, на весь зал, произнёс тост «За свободную Эстонию!»

Свобода и смелость – как тесно связаны эти понятия между собой... Но за свободу надо было платить. И то, что он был невыездным, Рашид считал вполне приемлемой платой. Для многих в то, советское время цена свободы оказалась гораздо выше. А кто тогда мог знать, во что она обойдётся Рашиду?

Может быть, он и не женился потому, что не хотел ограничивать свою личную свободу... Ведь была же у него в молодости вполне достойная и взаимная любовь.

Высоко нравственные люди, как правило, обладают одним и тем же «джентльменским набором» основообразующих качеств, к которым, прежде всего, относятся доброжелательное, внимательное, уважительное и дружеское отношение к людям. Замечательный тому пример – самоотверженная, жертвенная дружба Рашид-хана и Джелала Коркмасова.

Неисчерпаемым дружелюбием Рашида-младшего восхищались все, кто был с ним хоть немного знаком, а теперь об этом с такой любовью пишут его коллеги, ученики, родственники и знакомые, – все те, кого он так нежно и трогательно любил. Достаточно посмотреть на его «записную книжку», – целый том из потрепанных и мельчайшим почерком исписанных страниц, с которым он никогда не разлучался, даже в больнице, до самой последней минуты...

Рашид, вобравший в себя не только благородную кровь и мощный дух своих предков, но, что не менее важно, – мысли величайших философов мира, стал их богатейшим наследником и, судя по его убеждениям и образу жизни, приобрел какие-то новые, еще не ведомые человечеству сокровенные знания, драгоценные россыпи которых содержатся не только в его научных трудах и лекциях, но почти в каждой фразе и слове.

К сожалению, он не любил тратить время на «писанину», предпочитая охотиться за новыми знаниями и делиться ими с коллегами и учениками, со всеми, кому это было интересно.

Лично я убеждена в том, что добросовестное и внимательное изучение научного наследия Рашида поможет значительно расширить горизонты знаний в области истории, философии, социологии, политологии, теологии, филологии и других наук, и, может быть, даже приоткрыть тайну смысла жизни, во всяком случае, более правильного к ней отношения.

Расшифровке должны быть подвергнуты также отдельные реплики, содержащиеся в его многочисленных интервью; в них тоже, судя по уже опубликованным, заложен глубокий смысл. В этом направлении предстоит большая работа. Но и теперь ясно, что Рашид Мурадович Капланов – великий учёный и прекрасный человек, оставивший яркий след в науке и в сердцах знавших его людей, достойный пример для подражания, безусловное свидетельство, что хорошее воспитание и образование никогда не пропадают даром, и природа в этом случае не отдыхает на следующем поколении...

Когда-то по случаю поступления Рашида в аспирантуру, я написала ему следующее «послание»:

Ура! Да здравствует Рашид,
Пусть счастье каждый миг приносит,
Пусть в душе огонь горит,
И имя Деда с честью носит;

Пусть разгрызёт гранит наук
И превратит его в песочек...
Ирина-внучка, Женя-внук,
Фатьма, зятя, и трое дочек.

Чиж с честью пронес имя нашего деда – князя Рашид-хана Завитовича Капланова и отчество своего замечательного отца – Мурада Рашидовича.

О том, чьё имя он носит, и о его княжеском происхождении Рашиду объяснили ещё в раннем детстве, несмотря на то, что это могло привести к весьма неприятным последствиям. «Ещё в детстве, – пошутил он в одном из интервью, – я понял, что я – простой советский князь». С тех пор Рашид совершенно серьёзно осознавал себя князем. И стал им не только по крови, но и по духу, в самом высоком смысле этого слова.

Часто, когда он представлялся: «Князь Капланов», на лице собеседника появлялись недоумение и улыбка. Но Капланов не обращал на это никакого внимания. Он никогда не кичился княжеским титулом (ведь и князья бывают разные), сформировав по этому поводу свое собствен-

ное представление, считая, что быть князем – это не привилегия, а большая ответственность. И к этой ответственности он относился так серьезно, что, в конце концов, это даже приблизило столь ранний его уход из жизни.

А произошло это так: знавшим Рашида хорошо известно его неуёмное желание помогать буквально всем, кто встречался на пути и нуждался в какой-либо помощи. Прежде всего, он, конечно, помогал своим подопечным – студентам и аспирантам. Многих из них, используя свои связи за границей, устроил на учебу в лучшие университеты Европы и США, другим помог с работой и т.п.

Известно также, что Рашид всегда был по-детски доверчив и открыт... Однажды совершенно незнакомый, ехавший с ним в поезде попутчик поведал ему, что не может принять предложение на работу в Москве, т.к. ему негде жить. Чиж тут же предложил жить в его квартире, дав при этом «слово князя», что тот может жить у него до скончания его, Рашида, века. Незнакомец переехал, прихватив с собой подружку. Вскоре Рашид понял, что совершил непоправимую ошибку; глубоко это переживал, но никому не жаловался. А сделать ничего не мог – слово Князя нерушимо. Эта ситуация, безусловно, подорвала его здоровье. Он сам сказал об этом, но только незадолго до смерти. Слишком поздно. Вот что значило для Рашида слово «князь» и «княжеское слово», которые он ценил больше жизни.

Остается сказать, что и ушел он из этого мира с величайшим достоинством, как подобает настоящему князю: несмотря на тяжелейшую, оказавшуюся смертельной болезнь – ни разу ни на что не пожаловавшись, без единого каприза и свойственного больным людям раздражения, не проявляя абсолютно никакого интереса к тому, что с ним происходит, каковы результаты исследований и прогнозы. До последней минуты радушно принимал многочисленных посетителей, шутил, острил, и... строил планы. Попросил принести в больницу учебник китайского языка – один из немногих языков, который он так и не успел выучить.

Нельзя объять необъятное, а Чиж был необъятен во всех своих проявлениях. И надо быть слишком самоуверенным, чтобы взять на себя смелость адекватно оценить этого замечательного человека, этот до конца ещё не опознанный объект.

В день рождения Рашида, наступивший вскоре после его ухода из жизни, нахлынувшие на меня светлые воспоминания и печальные чувства смешались, смутили душу и сложились в обращенные к нему слова:

Чудесный день рождения Рашида, –
Восторг и боль от радости печальной,
Сжимает сердце горькая обида,
Что он ушёл от нас дорогой дальней,

Дорогою длиною в бесконечность;
Куда она ведёт, – никто не знает,
Явив собой любовь и человечность,
И нежный свет, что душу согревает.

Непостижимый взлёт изящной мысли,
Блистательно-роскошного ума,
Они как будто в воздухе повисли...
Какой полет! Какая глубина!

Он жил задорно, честно и привольно,
Наедине с собой, чуть-чуть грустил,
Но, даже если было очень больно,
Так остроумно, весело шутил.

А не женился, – велика ль беда ли?
Да для него ль такая канитель?
И без жены – вы б только подсчитали –
Каких и сколько вырастил детей!

Он не делил на наших и не наших
По верам и по партиям людей
И всех любил, не разбираясь даже,
Кто? – христианин ты иль иудей.

Он в этот странный мир был послан Богом,
Чтоб показать, как следует нам жить:
Не копошиться в суете убогой,
А как по-настоящему любить.

Не омрачим же светлый день печалью,
Возьмем пример с Рашида и, смеясь,
Возрадуемся, – это ж триумфально,
Что с нами жил великолепный князь!!!

Примечания

¹ Статья публикуется в авторской редакции. – *Ред.*

² *Алиев К.* Шаухалы Тарковские. Страницы кумыкской родословной. Махачкала: Республиканская газетно-журнальная типография, 2008. С. 202.

³ *Пчёллов Е.В., Чумаков В.Т.* Правители России от Юрия Долгорукого до наших дней. 4-е изд. М.: «ГрантЪ», 2000. С. 192.

⁴ *Черток Б.* Ракеты и люди. 2-е изд., М., 1999. Т. 3. С. 160–161.

⁵ *Джамбулатов Р.* Из истории города Хасавюрт // КНКО. Вести. Вып. № 12–14. Махачкала, 2006–2007. www.Kumukia:23/11/2008.

⁶ Глазами друга. Перевод главы из книги Ф. Нансена «Через Кавказ на Волгу». Махачкала: Даг. книгоиздат, 1981. С. 33–34.

Михаил Гребнев*

Мой двоюродный брат Рашид

Мой брат Рашид родился в Москве 18 января 1949 года. Я младше на пять лет.

Его отец был по специальности радиоинженером, и даже занимал пост генерального конструктора космической техники.

Профессор Мурад Рашидович Капланов, по рождению кумыкский князь, родился в 1915 году во Владикавказе. Фамилия кумыкских князей Каплановых происходит от тюркского слова «каплан» – крупный зверь семейства кошачьих, лев или тигр. Мурад Капланов учился один год в Московском институте связи, затем – до 1937 года – в Московском энергетическом институте. В ноябре 1937 года его с матерью арестовали как членов семьи врага народа. Его отец, Рашидхан Завитович Капланов был арестован 8 октября 1937 года, приговорен к расстрелу уже 10 декабря, и в тот же день приговор был приведён в исполнение.

В 1943 году Мурад Капланов из лагеря был мобилизован на фронт. В своей автобиографии Мурад пишет: «В 1944 году по постановлению Госкомитета обороны был демобилизован и направлен для работы в промышленность. 30 лет проработал на одном предприятии, который сначала был заводом, а потом НИИ». Впоследствии этот НИИ стал МНИИРС. Мурад Капланов был генеральным конструктором спутника «Молния-1», автором ряда изобретений. Он умер в 1980 году.

Мурад был остроумным и обаятельным человеком, всегда рассказывал интересные истории. Мне запомнилась одна короткая история. Както в 60-х годах на вокзале вор схватил его чемодан. «Поставь угол», – сказал ему Мурад на блатном жаргоне. Вор послушался.

Бывало, Мурад шуточно изображал Шарля де Голля, президента Франции в 1959–1969 годах: он с улыбкой отдавал честь, вскидывая два пальца к виску. Действительно он отдаленно напоминал де Голля: Мурад был высок, худощав, с прямым длинным носом.

Накануне моего поступления в институт Мурад вооружил меня цитатами из классиков марксизма-ленинизма. В жизни, – сказал он, – его

* Михаил Наумович Гребнев – переводчик, литератор, редактор.

выручали две цитаты. Когда начальство его ругало, в ответ он цитировал Маркса: «В науке нет широкой столбовой дороги, и лишь тот сможет достичь ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по каменистым тропам». Я записал и выучил эту цитату, но ни разу мне не пришлось ее применить, разве что рассказывая эту историю. Вторую цитату я забыл – Мурад применял ее, когда сам отчитывал подчиненных.

Мать Рашида, Лилиана Исаевна Капланова (1918–1999), сестра моего отца, Наума Исаевича Гребнева (1921–1988), не имела высшего образования. Она прекрасно готовила: когда она устраивала праздники, на столе была фаршированная рыба, форшмак, селедка под шубой, салат оливье, много другой аппетитной еды. Конечно, она закармливала сына. Но ей трудно было воевать с Рашидом, учитывая его требовательность в отношении продуктов питания. В прошлые, голодные годы, чтобы свести концы с концами, она изготавливала на продажу тушь для ресниц, а позднее искусно мастерила шляпки на заказ. Хотя Рашид почти не умел сам приготовить себе еду, едва ли стоит упрекать мать, которая страстно его любила, и всю жизнь старалась для него.

Интерес к политике и истории Рашид начал проявлять ещё в раннем детстве, и, по свидетельству родителей, «сидя на горшке, обличал китайских догматиков».

В детстве Рашид заболел полиомиелитом. Моя бабушка Юдифь Давыдовна Каплан, глазной врач, заподозрила полиомиелит, о чем сказала родителям Рашида. Они возражали, считали, что у ребенка обыкновенная простуда. «Что же он ножку-то волочит?» – настаивала моя бабушка. Отец больного, Мурад, посоветовал ей «не соваться не в свои дела». Спихватились слишком поздно, с опозданием стали лечить. В результате болезни одна нога стала хуже расти. Поэтому Рашид всю жизнь прихрамывал.

Позднее, в студенческие годы, у Рашида развился диабет, к которому он относился очень легкомысленно – ел булки, всякие сладости, которые шутливо называл «затеями». Когда он приезжал к нам, и подавали чай, он спрашивал: «А будут ли затеи?».

Некоторые образчики советской рекламы запомнились Рашиду столь ярко, что годами он со смехом вставлял в разговор со мной такие ободряющие строки:

Если хочешь сил моральных
И физических сберечь,
Пейте соков натуральных,
Укрепляют грудь и плеч!

— и при этом чувствительно тыкал меня пальцем в живот.

В 1966 году он закончил школу № 109 Ленинского района в Москве. Классный руководитель Д.Б. Кадина писала в характеристике ученика

10-«в» класса для поступления в МГУ: «Капланов Рашид глубоко знает, любит и изучает историю, занимается философией, литературой, русским и иностранными языками. Он свободно владеет английским, французским, испанским и португальским языками, читает и переводит с немецкого языка, изучил эсперанто».

В школьные годы вместе с друзьями Рашид издавал шуточную газету «Кабанье авеню» для домашнего пользования. Газета была посвящена политической и культурной жизни выдуманной страны Кабании. Я помню иллюстрацию в правом верхнем углу машинописной страницы: цветной портрет в профиль ученого профессора-кабана – видимо на странице была напечатана какая-то важная научная статья, выражающая кабанью идеологию. Печатал газету на машинке кто-то из друзей. Сам Рашид никогда не умел пользоваться ни печатной машинкой, ни компьютером. К сожалению, как я ни искал, после его смерти мне не удалось найти драгоценную подшивку этой газеты.

Из техники Рашид как сын радиоинженера со школьных лет умело пользовался радиоприемниками с короткими волнами, чтобы слушать BBC, Deutsche Welle, другие станции на иностранных языках. С возрастом освоил самые разные электробритвы, от сети и на батарейках, и никогда не применял опасную бритву. Он также успешно пользовался междугородным телефоном, чтобы звонить в заморские страны, или оттуда – домой, покупал телефонные карточки в Лиссабоне и Париже, но печатную машинку так и не освоил, хотя делал попытки. Я даже помню у него громоздкую электрическую машинку, на которой он хотел научиться печатать.

В детстве у Рашида была собака, такса. Рашид назвал ее Чомбой – в честь чернокожего президента Катанги и антикоммуниста Моиза Чомбе. В ту пору советская пресса пестрела сообщениями о трагической судьбе Патриса Лумумбы, расстрелянного по приказу Чомбе. В комнате Рашида на стене висел портрет черной таксы, написанный моей мамой, Ноэми Гребневой. После смерти собаки новую заводить не стали. «О таксах я знаю всё», – с грустью говорил Рашид.

К диктаторам и реакционерам Рашид относился с шутливой снисходительностью, как ученый, с интересом изучающий их историю. Так, например, на вопрос, кто такой Победоносцев, он бы, вероятно, лучезарно улыбнулся и произнес: «Реакционер», при этом широко разводя руки в стороны и приседая, словно делая книксен.

У отца Рашида была машина «Волга», и я помню, как наши два семейства, бывало, на двух машинах выезжали на природу, устраивали пикники. Мурад с Рашидом приезжали к нам как-то летом на «Волге» и в Дом творчества писателей в Малеевке под Москвой.

Дядя Рашида со стороны матери, мой отец, Наум Исаевич Гребнев – известный переводчик восточной поэзии, ее классиков и фольклора.

В его переводах или с его участием вышло более 150 книг. Война застала моего отца с самого ее начала, поскольку в это время он служил на границе, под Брестом. Он отступал вместе с Красной Армией, попал в знаменитое Харьковское (Изюм-Барвенковское) окружение, где немцы убили 70 тысяч и взяли в плен 130 тысяч красноармейцев, вышел одним из немногих, форсировал Северский Донец, воевал под Сталинградом, был трижды ранен, в последний раз — 12 января 1944 года. Свои воспоминания о войне он озаглавил «Война была самым серьезным событием моей биографии».

Его жена, моя мама Ноэми Гребнева, по основной специальности художник-график, пробудила у Рашида интерес к еврейской истории. В детстве на протяжении трех лет, вплоть до 1933 года, когда Гитлер объявил о своих планах по изгнанию евреев и уже запретил евреям ходить по тротуарам, она жила в Берлине у своего родного дяди Симона Каплана, преподавателя философии. Выучив немецкий как родной и вернувшись в Москву к матери, она увидела в Москве много похожего на нацистский Берлин — портреты вождей, лозунги на фасадах домов и на центральных улицах, услышала песни с теми же мелодиями. Она была самым трезвым человеком среди своих знакомых, одурманенных величием Сталина, и «открывала им глаза» в домашних разговорах задолго до XX съезда. Пятеро ее родственников, в том числе бабушка, были убиты нацистами в Латвии.

Из-за нового интереса Рашида к еврейской истории с Ноэми поссорился отец Рашида, и простил ее лишь несколько лет спустя, когда она попала в больницу и перенесла сложную операцию.

Нашу общую с Рашидом бабушку Лизу (Лея Иосифовна Рамбах) Рашид иногда называл «пожилые» и обращался к ней в третьем лице: «Как себя чувствуют пожилые?». Впрочем, он очень любил ее и после ее смерти не выбросил ни одной из простеньких английских книжек, адаптированных для обучения английскому языку — бабушка в молодости давала уроки и зарабатывала этим на жизнь. Бабушка без напряжения говорила по-английски, легко переходила на немецкий и французский. Муж бабушки, наш с Рашидом дед, Исай Нахимович Рамбах, умер очень рано от диабета, и она мыкалась в трудные довоенные годы, работала переводчицей, давала уроки, одна воспитывала двоих детей — моего отца и мать Рашида.

Моя мама также пробудила у Рашида интерес к поэзии. Переписанные ее рукой избранные стихи опальных поэтов — Гумилева, Мандельштама, Ахматовой, Цветаевой — Рашид хранил в правом ящике письменного стола. Без сомнения, Рашид был любителем и ценителем поэзии. Он собрал внушительную поэтическую библиотеку, включавшую не только старинные издания по-русски, но и сборники стихов по-шотландски, на валлийском языке, на иных редких языках.

Мой папа очень любил племянника, то и дело дарил ему деньги на книги – прихоть, которую Мурад не приветствовал.

В детстве, в школьные годы у Рашида была странная привычка: между указательным и средним пальцем он крутил карандаш, к концу которого была привязана то ли резинка, то ли какая-то ленточка. Для меня в этом не было ничего предосудительного. Я даже скорее рассматривал увлечение брата как пример для подражания. Мурад же и мой отец привычку эту весьма осуждали и требовали, чтобы Рашид с ней расстался навсегда. В конце концов, Мурад заключил с сыном пакт: он дарит ему на день рождения энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, а Рашид прекращает крутить карандаш. (Брокгауз и Ефрон не был таким дорогим словарем, как сейчас. За несколько лет до этого моя мама купила 85 томов по рублю за том). Я помню, что вначале подарок отца стоял у Каплановых в коридоре справа от входной двери. И Рашид действительно навсегда отбросил карандаш. Зато он взял в руки нитку, и стал крутить нитку между большим и указательным пальцем.

При советской власти словарь Брокгауза и Ефрона был большой ценностью для будущего историка, да и вообще для всякого, кто хотел узнать что-то о событиях минувших веков без примеси классово-теоретической. Возможно, с той поры и развился у Рашида вкус к старинным книгам.

Однажды летом, кажется в 1967 году, мы – мой папа, мама, я и Рашид – поехали на машине на Рижское взморье в Дубулты, в писательский дом творчества, где в двухкомнатном номере провели больше двадцати дней. Всю дорогу Рашид напевал советские песни, что было весьма неприятно – пел он плохо. Свое занятие он объяснил тем, что хочется, чтобы стало еще противнее, и тогда бы мы все поскорее эмигрировали. Напевал он без конца и наименование цели нашего маршрута:

— Дууу'-блты, Дубл-ТЫ! Дууу'-блты, Дубл-ТЫ!

Моего папу он называл *mon oncle*, или дядюшка, а маму – *ma tante*, или тетюшка. Меня он отказывался квалифицировать как брата, что в детстве меня обижало, – я завидовал тем, у кого были родные братья – и называл «кузеном». В последние годы свою мать он называл по имени – Лиля.

В 1966 году Рашид поступил на исторический факультет МГУ, где специализировался по истории Италии Нового времени. Тема его дипломной работы была «Кризис партии «правая» и парламентская революция 1876 года в Италии». Он закончил МГУ в 1971 году. Как пишет в его характеристике декан исторического факультета Ю.С. Кукушкин, Капланов «учился на «отлично», участвовал в общественной жизни факультета, избирался профоргом, старостой учебной группы, работал в лекторской группе факультета. Принимал активное участие в субботниках и воскресниках, организуемых факультетом».

Приблизительно в эти годы у Рашида появилась новая мягкая и широкая кровать из Египта. «Народ, который делает такие прекрасные кровати, не может воевать», – сказал мне Рашид. В те времена арабы еще терпели поражения.

В 1971 году Рашид поступил в аспирантуру Института всеобщей истории, а по ее окончании защитил диссертацию по истории Португалии и стал кандидатом исторических наук.

В шуточной форме Рашид напоминал или требовал, чтобы друзья и родственники называли его «князь». Однажды я записывал его рабочий телефон в новую записную книжку, Рашид заглянул через плечо и сказал: Перед моей фамилией напиши «князь». Я так и сделал.

В начале 1987 года Наум Гребнев подарил Рашиду свою новую книгу переводов «Поэму о скрытом смысле» Джалаладдина Руми с таким посвящением:

Прошу прощенья, досточтимый князь,
За то, что наша родственная связь
Собой являет подлое злодейство:
Она на Вашу честь бросает грязь,
Опровергая мысль, что отродясь
В семействе Вашем не было плебейства.

18.01.87. Н. Гребнев

В 1985 году Рашид выполнил для моего отца такую работу: сверил ряд подстрочных переводов с оригиналами пословиц на идиш, которые должны были войти в книгу переводов Н. Гребнева «Песни былого. Из еврейской народной поэзии» (Москва, 1986). Папа надписал эту книгу племяннику: «Дорогому Рашиду с великой благодарностью за помощь. 24.IX.1986. Н. Гребнев».

Вместе с тем я помню, как мой отец упрекал Рашида, что тот не трудится над наукой: не пишет статей, основательных исследований.

Рашид любил путешествовать, но всегда подчеркивал, что это связано с большими трудностями. Он рассказывал, что ему неоднократно приходилось ночевать в телефонных будках в Чехословакии (там был закон против бродяжничества, поэтому нельзя было провести ночь на скамейке в парке или прикорнуть на лавке на вокзале). «Что может быть хуже путешествия? – риторически спрашивал он, и сам же отвечал, – это оставаться дома».

Рашид легко завязывал знакомства, у него было много знакомых среди иностранных подданных, он бывал в посольствах разных стран, что при советской власти было чревато неприятностями. Однажды ему предложили сотрудничать с КГБ – писать отчеты о встречах с ино-

странцами. Несмотря на свой вспыльчивый характер, он вежливо отказался под благовидным предлогом.

О советской власти Рашид говорил: «Ведь мы не против советской власти, это она против нас».

В конце 1980-х годов, с тех пор как у меня появилась машина, я часто ездил в Шереметьево встречать Рашида. Мы говорили о том, чтобы как-нибудь на машине поехать путешествовать в Германию и другие страны. Но этому не суждено было случиться.

В институте, на переводческом факультете, я учился с Володей Стабниковым. У нас был преподаватель португальского языка – Жузе Брага из Португалии. Однажды, кажется в 1975 году, мы собрались втроем у меня и очень весело пировали. Шутили над советскими чиновниками и над советской властью вообще, хохотали до упаду. Позднее Рашид подружился с Володей и его женой – они втроем ездили путешествовать в Эстонию.

У Рашида были некоторые пристрастия: ему нравилась оперетта. Порою он напевал какие-то фрагменты, которые казались ему особенно забавными. Еще он любил «ужастики» – произведения таких авторов как Лавкрафт и Дин Кунц.

У Рашида, конечно, были очень близкие друзья, но не меньше друзей он любил книги, и среди книг его самыми близкими друзьями были Брокгауз и Ефрон.

Иные книги брата на редких языках, которые я никогда не смогу прочесть, я поставил у себя на полку. Они полны его уникальностью.

На похоронах Володя Стабников сказал:

— В детстве Рашида называли «Чиж»... Чиж улетел.

Борис Шпотов*

Однажды погожим сентябрьским днем 1966 г. я сел в автобус, идущий через Манежную площадь до корпусов МГУ на Ленинских горах. Как новоиспеченный первокурсник Исторического факультета, я должен был отвезти какие-то бумаги или где-то там расписаться. Старенький автобус был переполнен, и меня притиснули к толстому парню с черными висячими усами, напоминавшему персонаж из восточной сказки. Парень добродушно улыбался, как будто московская теснота доставляла ему невыразимое удовольствие.

Что-то такое мы одновременно сказали друг другу, но явно из классики сатиры и юмора. Кажется то, что отметили еще Ильф и Петров по аналогичному поводу: в московских трамваях достигнута высшая степень тесноты, неизвестная в мире физических явлений и высоких энергий. «А как твое имя, человек хороший», спросил парень, «и куда держишь путь?». Оказалось, что мы едем в одно и то же место – из старого университетского здания в новое, и по одному и тому же вопросу... Мы это назвали «казенной надобностью».

Знакомство приняло неожиданный оборот

Я сразу почувствовал симпатию к новому знакомому – Рашиду Капланову, с которым предстояло учиться на одном курсе. Моя врожденная память и любовь к цитированию разных писателей нашли не только самореализацию, но и полную поддержку. Эти качества стали развиваться с обеих сторон подобно цепной реакции. Вначале – благодаря подстановке в известные цитаты новых слов и ситуаций, что получило название «синхронный перевод».

Вскоре возник необыкновенный повод для полета фантазии. На лекторскую трибуну взгромоздился человек, ставший притчей во языцех не только у нашего курса. Его познания простирались черт знает до каких пределов вглубь и вширь, а внешностью он поразительно напоми-

* Борис Михайлович Шпотов – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

нал Жана Габена в фильме «Гром небесный». Покойный профессор Анатолий Бокщанин походил и на Тараса Бульбу – «он был одним из коренных, старых профессоров, и отличался грубой прямоотой своего нрава» (синхронный перевод из Гоголя). Походил и на Великого инквизитора Испании Торквемаду, и на доктора Моро из повести Г. Уэллса (широкоплечий рослый старик, хирург-мучитель), и тому подобных личностей, которые, как писал Гоголь, имели похвальное обыкновение налегать на тех, кто не может кусаться. Бокщанина роднило с ними неуемное желание карать, поучать, распекать, не принимая никаких возражений и не выслушивая оправданий.

Особенностями Бокщанина были неизменные зимой и летом серый костюм, берет, галстук и большие ботинки. Эти аксессуары, как и красное лицо, седой чуб, указка и географическая карта, бывшие всегда при нем, обратили на себя внимание Рашида, я это подхватил, и так стали вырисовываться черты имевшего место в странах античности и Древнего Востока земного божества, но с трансцендентной ипостасью, близкой к природе Св. Духа. Имя ей (ипостаси) было БОКЩ, созвучное слову Бог.

Были и другие атрибуты божества в виде слов и выражений, которыми профессор постоянно пересыпал свои лекции. «Вот жена, вот змея» (из рассказа о том, как он убил камнем змею, которая бросилась на его жену), «Франш-Контэ» (историческая провинция Франции – Бокщанин произносил эти слова с необычным прононсом), наконец – «молодежь». Это – воплощение антибокщанского начала. «Молодежь» Бокщанин называл не только студентов, но и – независимо от возраста, тех, кто не читал или не соглашался с его книгой «Парфия и Рим», не знал исторической географии, курил, носил темные очки и не снимал в помещении шапку. Шапка в помещении вызывала взрыв ярости – но не по причине нарушения этикета, а из-за того, что шапка якобы способствует облысению. Казалось бы, какое ЕМУ дело до блага молодежи – но за отсутствием логики скрывалась какая-то непостижимая Серая (как Его костюм) тайна.

Всеобщий Иллюстрированный Бокщанин

Я не случайно задержался на Бокщанине, дабы читатель понял, что Серому Профессору было чем завладеть нашим воображением. Рашид и я создали секту «Истинных обновленных бокщан», в которой Рашид был Первым бокщесловом и Католикосом всех бокщан, а я – Первым бокщемазом и Архиепископом Краснопресненским и Маяковским, поскольку проживал неподалеку от этих станций метро. Бокщемазание – выпуск газеты «Всеобщий Иллюстрированный Бокщанин» (ВИБ № ...)

на листках из тетрадей для конспектов лекций. Сюжеты подсказывал Рашид, а я рисовал обычной авторучкой и передавал ему на хранение. Сам же кумир ничего не знал о поклонявшихся ему, что случилось в мировой истории религий.

Среди иконографических сюжетов – «Бокщанин поучает мудрецов вселенной»; «Вот, молодежь, где должен стоять ваш первый батальон» (Бокщанин пронзает указкой карту окрестностей Иерусалима, а рыцари-крестоносцы отшатываются в ужасе); «Турецкая империя была страшилищем!» (голова Бокщанина вылезает из экрана телевизора – более чем наглядный метод обучения с использованием технических средств).

Но Рашид вдохновенно творил и сам, заведя отделом литургической поэзии. Он написал статью от имени историка Рене Пумона (Сорбонна, Франция) «Бокщане: языческая секта в СССР». «Цель данной статьи – дать хотя бы самое общее представление об удивительном феномене языческого религиозного ренессанса в самом центре Советского Союза...». Такова и «Песнь о том, как князь Игорь был злодейски убит отнюдь не древлянами, но дикими бокщанами». Прибыв в их становище, князь не снял шлема, и это его погубило.

«На конунге латы надеты и шлем.
Сей шлем породил очень много проблем.
Ведь шлем – это шапка, а шапок род
Давно ненавидит бокщанский народ.

Князь входит в терем, он держит меч,
О дани тотчас же заводит речь.
Не снял он шлема, а шлемов род
Давно ненавидит бокщанский народ.

«О дани еще потолкуем с тобой»,
Огромный Бокщанин басит трубой,
Ему отвечая. «А щас, молодежь,
Скажи – Отчего столь велик стал падеж
Овец на полях и волос на главах,
Что часто встречается в ваших краях?
Кто Волоса-бога достойно не чтит –
Тот лыс как колено, и глуп его вид.
Кто шапку, входя в помещение, не снял –
Того, глядь, и лысиной бог наказал!
Теперь же скажи, ничего не боясь,
Ты хочешь плешивцем заделаться, князь?»

Варяжская дерзость бушует в крови,
И князь отвечает: «Как хочешь зови
Мое поведенье. И вот мой ответ:
Я лыс, долгогрив ли – тебе дела нет.
Я, может быть, шлем не желаю снимать
Поскольку плешивым намерен я стать!

«Так мы это мигом!» – взревел великан
И скальпа лишился отважный норманн...»

Был и мой рисунок-иллюстрация этого незабываемого диалога.

Так это или нет, но фамилия «Капланов», происходящая от тюркского «каплан», означавшего крупного хищника кошачьей породы (крымский хан Каплан-Гирей становится понятен) по-видимому, влияла на подсознание Рашида, раз в его фантазиях доминировал образ большого и хищного существа. Скорее большого, чем плотоядного, но также способного расщепить, раздавить, сокрушить, смести с лица земли. И тут раскрылся в полном объеме смысл слов «профессор Бокщанин». Профессорами мы стали называть крупных зверей – их тотемов, и учредили при бокщанской секте «тотемную комиссию». Она провела ряд заседаний (радений) в Московском Зоопарке. Вычислила профессоров в слоновнике, в купальне для бегемотов, в загоне для кабанов. Кабан даже зрительно напоминал профессора, читавшего послевоенную зарубежную историю, а написал так же мало научных работ, как и чтец этого предмета, впрочем, вскоре перебравшийся в Дипакадемию. А его тотема услали по культурному обмену в Харьковский зоопарк, получив взамен бородавочника, мелкотравчатого, худосочного, и потому не тянувшего на профессора.

Веселый палач Бурхарт

В 1971 г. нас зачислили в аспирантуру Института всеобщей истории. Бокщанин был по-прежнему неисчерпаем, но однонаправлен, как Божья кара. Надо было чем-то разбавить. И тут появился господин, читавший лекции по мировой философии. Толстяк и весельчак, пересыпавший лекции задорными шутками, прибаутками, анекдотцами, даже не вполне приличными. Эпикурец и совершенно раблезианский тип по фамилии Бурхарт. По общительности не уступал гайдаровскому дяде из «Судьбы барабанщика». Внешностью же напоминал Лёву Задова из «Хождения по мукам» в исполнении Владимира Белокурова.

Рашида осенило: в «Квентине Дорварде» Вальтера Скотта изображены два палача: мрачный и веселый. Мрачный – нетрудно догадаться, кто, а веселый – это же Бурхарт! Тоже Анатолий, Бурхарт изводил

людей, но своей неуемной веселостью и общительностью, и мог расшевелить и зашевелить до смерти. По нашему с Рашидом сценарию, любил ездить в поездах дальнего следования, где попутчики были замкнуты стенами купе. На столе в мгновение ока появлялись теплая водка, какая-то особенно ядовитая и валившая с ног, вонючие папиросы, звучало «Впрочем, позвольте представиться: Бурхарт, философ!». Все попытки оштрафовать и снять Бурхарта с поезда были бесполезны: в разборку включался напарник философа, здоровенный кабан Гаврила, сбивавший с ног проводников и начальников станций. И тут являлась известная водка, чтобы «запить неприятное происшествие», да и само представление Бурхарта публике вгоняло ее в паралич и «немую сцену».

Откуда взялся Гаврила? А из песни Жигана в фильме «Путевка в жизнь»:

«Жили-были два громилы,
Ах, тиритирибумбия!
Один – я, другой – Гаврила,
Ах, тиритирибумбия!»

Тема «веселый палач» стала фонтанировать. Рисунки сыпались как из рога изобилия. Среди них – поездка Бурхарта в Анапу (любимый курорт, где можно было развернуться и в дороге, и на месте), и в США с лекциями, которые «Нью-Йорк Таймс» назвала «воплощением антиинтеллектуализма», а журнал «Плейбой» – «походом на нравственность»... Образ Гаврилы – своеобразная реинкарнация ранней газеты Рашида «Кабанье авеню».

В аспирантуре Рашид выдал по крайней мере два известных мне бессмертных афоризма. На вопрос одного парня, жуткого болельщика, как он, Рашид, сумел выучить столько языков, ответ, сопровождавшийся широчайшей улыбкой, был таков: «я никогда не смотрю футбол». Спортом он интересовался постольку-поскольку: борцы-тяжеловесы это, конечно, профессора по определению, а легкоатлеты – молодежь.

Был еще афоризм, навеянный визитом Остапа Бендера в приют Старсобеса для старушек («12 стульев»). «В вашем кефирном заведении негде и посидеть с комфортом», сказал Остап завхозу. А в нашем академическом институте тоже был скудный инвентарь. И вот прилепилось к нему название «кефирное заведение». Потом оно стало просто «кефиром», потом расширилось до обозначения **всяких** присутственных мест. И – осталось. Мои друзья оценили это, и, говоря «я завтра иду в кефир», «я только что из кефира», мы понимаем друг друга. Лиле Исаевне тоже полюбилось это определение – вероятно, еще и за

то, что оно не связано с государственными тайнами, электроникой и ракетами.

* * *

Рашид был абсолютно уникален своими привычками и характером. Получивший домашнее воспитание в лучшем смысле слова, но и зависимый от него, удивительно добродушный, улыбчивый, бесконфликтный, напичканный разнообразными познаниями и в то же время не высокомерный, а деликатный и очень интеллигентный, он буквально светился. Он завоевывал умы и сердца, всегда чувствовал собеседника, и собеседники это ценили. Женский пол не увлекался им как мужчиной – Рашид не был «мачо» по состоянию здоровья, но я замечал восхищение на лицах тех девушек, которые понимали его натуру, а он умел поднять настроение окружающим, произнеся лишь несколько малозначащих слов.

Насколько я его узнал, он не давал глубоких и мудрых советов в трудных жизненных ситуациях, но всей своей судьбой, даровавшей ему столько талантов, он как бы давал понять: мне труднее физически, но немало дано и открылось в этой жизни **другого**. Он любил книги, путешествия по экзотическим странам, отличался, как сейчас говорят, толерантностью к разным культурам, легко завязывал знакомства, в том числе с иностранцами, бывал в посольствах разных стран, что в советские времена могло навлечь неприятности. Он этого не боялся. А рассказывая о поездках по нашей стране, Рашид как-то изобразил разговор с эстонцем, которого он спрашивает по-украински: «А що, дядько, иде ж у туточки шляху до Таллину?». Типичный рашидовский юмор, умноженный на воображение...

Светлая ему память!

Светлана Данченко (Бочкарёва)*

Я называла его Рашидик

А как иначе я могла его называть? Ведь когда мы встретились в первый раз в далеком 1966 году, мы были такие молодые, даже юные, потому что семнадцатилетние, студенты-первокурсники. И всё у нас было впереди – мы свято в это верили: интересная долгая жизнь, далекие путешествия, незабываемые встречи, научные открытия. А на ближайшее время – пять счастливых студенческих лет в МГУ, на историческом факультете, куда мы поступили, выдержав огромный конкурс – 18 человек на место. Недавно я прочитала в одной специальной статье по демографии, что в 1949 году в СССР родилось больше всего детей за все годы советской власти – свыше трех миллионов; почти столько же – в 1948-м. И можно себе представить, какой был «наплыв» в вузы, особенно московские, когда в 1966 году все эти выросшие послевоенные дети, окончившие десять и одиннадцать классов (в этот год в стране был двойной выпуск в связи с очередной реформой – переводом школьного образования на десятилетнюю форму обучения), решили получать высшее образование.

Позже на нашем курсе говорили, что Рашид на письменном вступительном экзамене по литературе написал не одно, а три сочинения, на все предложенные абитуриентам темы, и все три на «отлично». И это никого не удивляло – достаточно было хотя бы один раз поговорить с ним, и всё становилось ясно. Его эрудиция во всех областях гуманитарного знания просто потрясала.

Мы учились с Рашидом в разных группах, но встречались на общих лекциях, в буфете во время перерывов, в читальном зале, иногда – по дороге от метро на факультет (истфак находился тогда в центре, на ул. Герцена). Какой он был в студенческие годы, наш Рашидик? Сейчас, через четыре с лишним десятилетия, я могу точно сказать – такой же, как спустя многие годы, до того, конечно, как стал себя хуже чувство-

* Светлана Ивановна Данченко – доктор исторических наук, заведующая аспирантурой Института славяноведения РАН.

вать. Он мало изменился внешне – всегда был «мило-пушистым». В юности у него были такие же добрые, мудрые глаза, чудесная, чуть ироничная улыбка. Как-то, несколько лет тому назад, он мне сказал про себя: «Я – большое дитя, ты не находишь?» Конечно, он был именно большим ребенком, был и остался им. Наверное, и это тоже так тянуло к нему абсолютно разных по происхождению, образованию, характерам людей, ценивших его искренность, непосредственность, чистоту его души.

Как сейчас вижу: вот он в перерыве между лекциями стоит в аудитории возле кафедры и ведет сугубо научную беседу на английском языке с Сергеем Карповым, нынешним деканом истфака МГУ, тоже нашим однокурсником. А вот еще яркая картинка: Рашид в очереди за пирожками и чаем в буфете скороговоркой рассказывает что-то про итальянские музеи – расширяет наш кругозор. А вот мы вместе с ним идем, почти бежим (опаздываем на лекцию) по ул. Герцена. При этом он трещит, как сорока, да еще шоколадные конфетки одну за другой глотает (всегда любил сладкое), не забыв, разумеется, и меня угостить. И при этом в общении никакого снобизма, чванства, высокомерия, ни одного намека на знатность происхождения, на родство с талантливейшим поэтом Наумом Гребневым! Просто поразительно!

Но одна наша встреча мне особенно запомнилась. Дело было в середине июня 1967 года. Конец первого курса, летняя сессия, экзамен по истории Древнего Рима, экзаменатор – профессор Бокщанин, легендарная личность, известная очень многим поколениям истфаковцев.

Надо сказать, что нас, первокурсников, уже с сентября 1966 года студенты старших курсов «пугали» Бокщаниным, рассказывая, как он «зверствует» на экзаменах, и что сдать на «отлично» у него – всё равно, что выиграть в лотерею автомобиль. По факультету даже ходил такой незамысловатый стишок: «Тот настоящего страха не знал, кто Бокщанину Рим не сдавал!»

И вот иду я от метро к факультету на экзамен, разумеется, в полубморочном состоянии, трясусь от ужаса и думаю о том, что спустя десять дней подготовки я ничего ни про кого из древних римлян не знаю. И вдруг меня догоняет Рашид – радостный, улыбающийся, сразу понятно, счастливый. Увидев мое лицо, он тут же спросил: «Что случилось, Светлана?» – «Рашидик, у меня экзамен у Бокщанина», – чуть не рыдая, ответила я. «Ну и что?» – искренне удивился он. Ну конечно, как же ему не удивляться – он-то, наверное, его уже сдал или не сдал, но все равно знает про этот Древний Рим, может, больше самого Бокщанина. «Рашидик, я не успела кое-что выучить – совсем ничего не знаю про походы императора Августа». «Подумаешь, я тебе сейчас про них расскажу». И он рассказал, причем, во-первых, успел это сделать по доро-

ге, за пять минут, а во-вторых, изложил всё так кратко, чётко и доходчиво – только слушай и запоминай. Дело в том, что при подготовке к экзамену я и отложила этот вопрос на «потом», потому что он был изложен в учебнике чересчур объемно (император Август почти всю жизнь ходил в военные походы) и довольно сумбурно.

Войдя на факультет, мы с Рашидом попрощались, я еще раз его поблагодарила и, по-прежнему дрожа, отправилась на «римскую экзекуцию». И случилось то, что обычно случается только в сказках: вторым вопросом в билете оказались «походы императора Августа». А еще говорят, что чудес не бывает! В общем, после «консультации» Рашида я так бойко и толково про них ответила, что даже грозный профессор Бокщанин смилостивился и поставил мне «отлично», наверное, еще и потому, что первый вопрос, про братьев Гракхов, я отвечала по его лекции.

Интересно, что когда спустя три десятилетия я напомнила Рашиду про этот случай с римским императором, он очень удивился – совсем его не помнил. Я же никогда не забывала ни этот день, ни его помощь и всегда храню их как одно из чудесных воспоминаний о студенческой юности, в которой у меня был такой уникальный сокурсник.

На старших курсах мы с Рашидом мало общались, так как учились на разных кафедрах. И, тем не менее, при редких встречах на факультете он всегда шумно приветствовал меня, всегда находил какие-то милые шутливые слова, удивительным образом ободрявшие меня. Мы были ровесники, но рядом с ним я чувствовала себя намного младше, и внимание такого умного, образованного, воспитанного «старшего» мне было приятно, даже льстило. Глядя на него, я всегда думала, что таких как Рашид, больше нет нигде на свете – он существует в единственном экземпляре.

После окончания истфака жизнь развела нас. Потом от однокурсников я узнала, что он работает в Институте всеобщей истории.

И вот однажды уже в 1990-е годы, я увидела знакомую фигуру в коридоре нашего Института славяноведения. Сведущие сотрудники объяснили мне, что Рашид Мурадович Капланов – один из руководителей нового научного подразделения, Центра славяно-иудаистических исследований.

Да, теперь его именовали по имени-отчеству, он был всемирно известный ученый, читал лекции на разных языках во многих странах мира, писал гениальные труды (других писать просто не умел). Всё это так и должно было быть – он для этого родился и получил столько талантов при рождении. Внешне Рашид стал более солидным, реже улыбался. Но вот в чем он совершенно не изменился, так это в своем отношении к людям. Его приветливость, доброжелательность, искренность порази-

ли меня не меньше, чем в юности. И мне не нужно было ничего ему рассказывать про себя, мне казалось, что он видит меня насквозь и сразу всё про меня понял: кто я и что из себя представляю, прожив 30 лет. И я почувствовала, что Рашид «одобрил» меня, особенно после его слов: «А ты, Светлана, совсем не изменилась». В глубине души я тоже так считала и поэтому была ему очень признательна.

В последующие годы, вплоть до его болезни, мы нередко встречались в стенах нашего Института (наши комнаты были рядом на восьмом этаже), обменивались короткими приветствиями, а также сведениями о наших однокурсниках. Было видно, что воспоминания о студенческой юности тоже ему приятны. Я радовалась, что он так почитаем в своем научном Центре, что его безмерно ценят его коллеги и ученики. Спасибо Виктории Валентиновне Мочаловой, ближайшей помощнице и соратнице Рашида, о которой он всегда так возвышенно и восторженно отзывался, что она рассказала мне о его происхождении, достижениях, заслугах и необычайном авторитете во всем мире. Рашид бы сам никогда не рассказал – скромность, господа, скромность.

Свой пietet по отношению к Рашиду я передала моей младшей сестре – Татьяне Ивановне Чепелевской, тоже сотруднице нашего Института. Она его уважала, восхищалась его талантами и простотой в общении и по-соседски поила чаем со сладостями, когда он сидел в своей комнате один и, как нам казалось, был недостаточно окружен вниманием и заботой, которых в высшей степени заслуживал.

Неумолимая судьба забрала его у нас. Невероятно горько и тяжело видеть портрет Рашида на том столе, за которым он обычно сидел.

Я называла его в юности Рашидик. Так продолжаю называть и сейчас. Он был потрясающе светлой личностью, таким и останется навеки в моих воспоминаниях. Я счастлива, что он был в моей жизни, и убеждена, что так же могут сказать о себе и многие другие люди. А значит, наш Рашидик жил не зря!

*Александр Локшин**

Вспоминая Рашида

До сих пор я иногда забываю, что его нет, и ловлю себя на мысли, что давно с ним не разговаривал и надо бы ему позвонить. Потому что последние годы нашего общения это стало еженедельной (а то и чаще) привычкой. Я звонил ему, а он, вернувшись в Москву из очередной поездки, первому звонил мне, по крайней мере, мне так казалось. Возможно, потому, что меня легче было застать дома, в Москве. Рашид перво-наперво желал узнать новости в еврейском мире, в нашем кругу, среди наших общих знакомых, о каких-то событиях, без чего он не мог жить. Замечу, что я никогда не называл его, как многие, – «князем», или «Вашим сиятельством», а – по сложившейся еще в университетскую пору привычке – Рашидом.

Последний наш разговор состоялся, когда его ненадолго выписали из больницы. Хотя в его голосе чувствовалась некоторая усталость и слабость, он был все таким же, и если бы не эта многомесячная гонка по больницам, переезды, могло бы показаться, что ничего и не произошло. Я позвонил ему, и он сказал: «Знаешь, а я думал о тебе». Я ему дал несколько банальных советов: беречь себя, не начинать сразу активную жизнь. Мне и в голову не могло прийти, что его вновь увезут в больницу, и этот мой разговор с ним – последний.

Мои воспоминания очень мозаичны, фрагментарны, это некий поток сознания, даже хронологически не вполне последовательный.

В первый раз я увидел его в 1970 году, когда мы оказались в одной группе на занятиях по гражданской обороне – предмету, который студенты именовали не иначе как «гроб». Точно уже не могу сказать, почему мы оказались в одной сборной группе по «гробу», хотя он был старше меня на 2 курса. Возможно, дело в том, что я переходил с вечернего отделения на дневное, а он, наверное, первый год почти не учился. Помню, что он, подняв голову и устремив на меня свои очи,

* Александр Ефимович Локшин – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

сказал примерно следующее: «А ковырять в носу – некрасиво». Вообще он мне часто делал замечания. Они сводились к тому, чтобы я вынул руки из карманов. Меня это совсем не трогало, Правда, стало обижать, когда я после травмы в 2001 г. растолстел, а он хлопал меня по животу и спрашивал: «А это – что?».

В годы учебы я не помню, чтобы мы плотно общались, во всяком случае, это общение было крайне эпизодическим. Мы были на разных курсах и кафедрах, а основное общение происходило в общежитии, где я жил, а он – москвич – и не бывал. Я стал с ним общаться значительно позже, наверное, во времена Историко-этнографической комиссии, в которую меня ввел один из ее членов – мой учитель идиша, подавший документы на выезд и находившийся в отказе, Дмитрий Якиревич. Помню, как мы собирались у него дома и слушали и обсуждали очередной доклад. Спустя много лет Рашид мне поведал историю о том, что на одном из заседаний комиссии – в мое отсутствие – был разговор обо мне, и кто-то заподозрил во мне сексота. Эти подозрения основывались на том, что казалось странным мое поведение: оказавшись в том или ином доме, я очень внимательно, по мнению некоторых, рассматривал полки с книгами. Эта моя внимательность объяснялась совсем иным: я приезжал из провинции (Загорска), и для меня каждая такая встреча была знаковым, важным событием, поскольку, в отличие от большинства участников встреч, работавших в академических институтах, я работал на спичечной фабрике и был абсолютно лишен научного общения, тем более, – на еврейскую тему. Рашид тогда, по его словам, решительно выступил в мою защиту и предложил присутствующим посмотреть на себя со стороны и признать, что в каждом можно заподозрить сексота. Это была свойственная тому времени паранойя, подозрительность, вытекающая из определенной опасности, которой подвергали себя участники столь безобидных, на сегодняшний взгляд, встреч.

В период перестройки Валерий Энгель организовал Еврейское историческое общество, и мы с Рашидом в него вошли. Рашид играл в нем очень заметную роль, и в дальнейшем, уже на последней стадии существования общества, был избран его председателем и периодически по своей инициативе устраивал заседания, которые проходили на журфаке МГУ. Как-то Рашид пригласил Аполлона Давидсона, известного специалиста по Южной Африке, который долгие годы жил в этой стране, но, по его словам, не имел никаких контактов с тамошней еврейской общиной. Теперь же, по просьбе Рашида он напряг свою память и, призвав все свои знания, достаточно ярко рассказал нам о еврейской общине этой страны. Если мне не изменяет память, Рашид приглашал также выступить и Бориса (Дов Бера) Керлера, известного специалиста в области языка идиш.

Я многим Рашиду обязан. Например, по его совету и с его рекомендациями я отправился в Прагу в период, непосредственно последовавший за бархатной революцией. Я нашел там одного из выходивших из подполья служителей синагоги (Александра Путика), который и дал мне приют на время моего пребывания в Праге. Рашид знал уйму людей. В Дербент – познакомиться с бытом и культурой горских евреев – я тоже отправился по его рекомендации, постучавшись по указанному им адресу.

Рашид был такой темой, благодаря которой можно было знакомиться и вести беседу с очень многими людьми. Приехав в Окфорд, я встретился с Геной Эстрайхом и его женой Леной, которая была потрясена манерой покупок Рашида в магазине. Они указали ему на его потрепанный пиджак и сразу повели его в какой-то магазин одежды. Надев первый же пиджак и даже не посмотрев на себя в зеркало, он сразу же полез в карман за бумажником, оплатил покупку и вышел из магазина. Лена сказала, что это продолжалось всего минуту. Гена называл Рашида «академический плейбой», и это определение, мне кажется, очень подходило для него. Он не мог жить без путешествий, новых впечатлений, контактов с людьми.

Первый раз я с ним отправился в поездку в Запорожье в начале 90-х годов, когда разные профашистские элементы митинговали у Останкино, у Белого дома. Мы оказались в купе как раз с одним из подобных активистов. Тот почему-то принял меня за своего и стал все время подкатываться к Рашиду, намекая на его еврейское происхождение и говоря об этом вслух. Рашид, недолго думая, не стал с ним препираться, встал и вышел, тем более, это было не его купе. На поезд тогда он чуть было не опоздал, поскольку оказался у вагона без билета, который явно посеял, но успел сбежать к кассе и купить новый.

Когда мы приехали в Запорожье и жили в одной гостинице, я впервые обратил внимание на то, что его обувь – разного размера. Я был потрясен, что он ни разу, будучи, в сущности, глубоко больным человеком, даже намеком не упоминал о своих хворях. Лишь помню однажды, в Потсдаме, когда я в 1996 году был стажером в Центре им. Мендельсона, а Рашид заехал ко мне, во время прогулки в парке Сан-Суси я шел довольно быстро, он с трудом поспевал за мной, сказав: «Ну, уморил!», и остановился, тяжело дыша.

В Потсдаме он останавливался у одного историка, бывшего одессита, перебравшегося в Германию. Последний очень ждал и как будто гордился, что у него будет жить «сам» князь, и даже уступил ему свою кровать. Однако, в конце концов, все кончилось печально. Тучный Рашид сломал выброшенную добропорядочным немцем и подобранную эмигрантом кровать. И они навсегда поссорились, да так, что Ра-

шид, оставивший там свой портфель (с нужными ему книгами, непременно учебником неведомого мне языка), не хотел за ним возвращаться.

Мы вместе летали в Кишинев на конференцию, посвященную 100-летию кишиневского погрома. Израильскую делегацию на конференции возглавлял Авигдор Либерман, выступивший на траурном митинге. Рашиду Либерман решительно не понравился: он упомянул Жореса, назвав его Жоресом, и это определило отношение Рашида к израильскому политику.

В самом центре Кишинева установлено множество бюстов разного рода видным фигурам тамошней культуры, имен большинства из которых я даже и не слышал. Рашид в перерыве между заседаниями провел для меня целую экскурсию, останавливаясь около каждого бюста и подробно рассказывая о деятельности и творчестве каждой увековеченной в камне персоны, что меня сразило наповал.

На обратном пути, как только самолет приземлился во Внуково, Рашид бросился к дверям, оставив свой заграничный паспорт на кресле салона. Пришлось захватить его паспорт и перед самым пограничным контролем, когда он еще не ведал о его пропаже, вручить его обладателю. Рашид сунул паспорт в карман, не выказав при этом никаких чувств.

Я помню, когда начиналась в конце 80-х годов деятельность израильского культуртрегера, Ицхака Варшавского, тот нередко использовал Рашида для переводов. Рашид делал синхрон блестяще. Варшавский громко кричал в поточной аудитории 1-го гуманитарного корпуса МГУ: «Где здесь Каплан?», манил его пальцем, Рашид садился рядом с лектором и делал блестящий перевод его лекций по иудаике.

Вспоминаю встречу с Рашидом на кладбище Донского монастыря на траурном собрании, посвященном 50-летию гибели Еврейского Антифашистского комитета. Рашид был полон энергии и сказал: «Можешь пожать руку президенту», и сообщил, что его только что избрали президентом Европейской Ассоциации еврейских исследований. Он был очень горд этим званием.

Я редко бывал у него дома. Однажды мне было нужно передать письмо в Израиль, в начале 90-х годов (хотя Рашид начал ездить в Израиль несколько позже, чем я, мне кажется, во многом это связано с его именем, которое у некоторых израильских организаторов наших поездок вызывало недоумение), я пришел к нему вместе с сыном Мишей. Рашид не преминул сразу же сообщить Мише, что он – князь, чем мой сын, который ходил в первый класс, был просто потрясен. Он признался, что не знал о том, что в стране, где он живет, могут быть настоящие князья, и на обратном пути меня долго выспрашивал, как это могло случиться.

Личная жизнь Рашида не была устроена. У нас с ним была общая знакомая по университету, весьма яркая личность, известная в узких кругах как «анархистка Маша». Она занималась Бакуниным и Чаадаевым, сочиняла неплохие стихи и занималась переводами. У нее, как и у Рашида, была интересная семья: ее дедушка был репрессирован, как и дедушка Рашида, прошел через Еврейскую независимую рабочую партию (которая была зубатовской), затем был бундовцем, а потом стал одним из лидеров Евсекции. Рашид значительно позже рассказал мне о том, что Машу прочили ему в невесты, но из этого ничего не вышло, впрочем, Рашид не очень-то горевал о несостоявшемся браке со слишком эксцентричной «анархисткой».

Вспоминаю и другой эпизод – звонок Рашида и радостное сообщение о том, что он решает свои матримониальные проблемы и женится на даме из академического мира Праги (потом из этого ничего не вышло). Меня удивило, что такая достаточно интимная вещь, еще никак не оформленная, столь детски и непосредственно была сообщена мне. Вообще, он был удивительно по-детски непосредственен.

С эпохи «Сэфера», если можно так выразиться, Рашид обрел новое дыхание. «Сэфер» был для него всем: здесь он почувствовал, как мне представляется, что место председателя Академического совета было как будто создано для него. Он ощущал себя руководителем некоей невидимой империи, некоего сообщества, которое занимается иудаикой в разных странах мира. В Оксфорде, точнее в поместье Ярнтон, где находился Центр еврейских исследований, его гостям, таким же стажерам, как он, Рашид представлялся как руководитель всех еврейских исследований на постсоветском пространстве. Для меня это было то же самое, как, скажем, «начальник Каспийского моря». Но очень быстро привык к своей единственной в мире должности. Он несколько раз мне говорил, что мечтал о дипломатической работе, о должности посла в каком-нибудь небольшом государстве, и в должности председателя Академического совета он эту мечту в какой-то степени реализовал. Ему, несомненно, очень нравилось председательствовать на различных конференциях и форумах в разных странах мира.

В последние годы жизни он обратил внимание и на Россию. Мне он не раз говорил: «Да, ты Россию знаешь куда лучше, и любишь ее». Но с начала 2000 г. он не пропускал возможности съездить в русские города и веси, посетить различные регионы необъятной России. Он стал участвовать в конференциях историков Сибири и Дальнего Востока, и в качестве московского гостя, представителя «Сэфера» побывал в Улан-Удэ, Биробиджане и Красноярске. Я знаю, что он по приглашению профессора Губмана бывал и выступал перед студентами в Тверском

университете. После моей поездки он побывал и в Петрозаводске, и его лекции там имели большой успех.

Как он относился к своему происхождению, какова была его самоидентификация, говоря современным языком? На этот вопрос ответить непросто. Часто мне он говаривал: «Вот у вас, у евреев...». По крайней мере, он часто говорил о евреях в третьем лице, и конечно, он, несомненно, педалировал свою четвертинку – кумыкское происхождение. Конечно, он был далек от *идишкайта*. Тем не менее, интерес к еврейству, еврейской культуре, был у него огромен. Особенно его интересовали на протяжении десятилетий различные «экзотические» группы, «другие» евреи: крымчаки, караимы, горские евреи, различные группы вроде евреев Прованса, Лангедока, папские евреи Авиньона, покинувшие Ватикан и жившие на юге Франции, но находившиеся под юрисдикцией пап. Немало интересного он рассказывал о евреях Испании и Португалии, специалистом по истории которой он был. Память его была безукоризненна, она хранила сотни имен и дат, и поэтому он мог выступить с лекцией, охватывающей очень широкий диапазон и в хронологическом и в географическом плане. Он был одним из немногих, а в свое время едва ли не единственным в России знатоком еврейского Средневековья в Западной и Центральной Европе.

Мне приходилось бывать вместе с ним на нескольких школах и международных конференциях. Он любил рано вставать. В иерусалимской университетской гостинице на горе Скопус можно было видеть его читающим свежий номер газеты Jerusalem Post, когда еще многие участники конференции видели утренние сны.

На одесской школе я очень сочувствовал ему: была страшная жара, от которой нас спасало море. Но дойти до него в Черноморке (бывший Люфсдорф), пригороде Одессы, для Рашида было невозможно, да и не всякому здоровому человеку было легко спуститься и, тем более, подняться. Тем не менее, Рашид не унывал, был одет в пиджак при 30-градусной жаре, и, по крайней мере, внешне выглядел бодро, ездил на все экскурсии и как будто чувствовал себя комфортно. Неприятность случилась с ним в Биробиджане, когда он забыл в Москве лекарства от своего давления. Когда лекарство было куплено и доставлено ему, он ожил. Хотя, повторю, не в его правилах было жаловаться на свое здоровье.

Общение с ним дало мне немало. Всегда можно было ему позвонить и получить информацию о том или ином историческом деятеле. По своим знаниям и кругозору он, несомненно, был энциклопедистом.

В заключение достаточно сказать банальную фразу, которая, тем не менее, уместна и справедлива: эту потерю невозможно восполнить. Его личность была неповторима во всех проявлениях. Это был большой ребенок, друг и человек, преданный своему делу.

Владимир Стабников*

Памяти Рашида

Когда умирают близкие друзья, а тем более – умирает человек, повлиявший на твоё восприятие мира, изменяется понимание смерти, и она перестаёт быть реальностью. Рашид живёт в моей душе и памяти, он продолжает оказывать влияние на мои взгляды и суждения.

В Рашиде удивительным образом соединялись аристократизм князя Капланова, блистательного историка-либерала с уникальным системным видением истории, и очарование ироничного «Чижика», как с детства его называли в семье, способного двумя остроумными словами заставить собеседника поставить под сомнение любую доктрину.

Мы познакомились в 1970 году в столице советской империи, где было очень непросто получить доступ к объективной информации. Физически не приемля все советское, я, будучи студентом Иняза и полным неопитом в истории, находился в поисках Истины. Рашид быстро объяснил мне разницу между авторитаризмом и тоталитаризмом, познакомил с Орвеллом и Киркегором и постепенно научил меня любить мир либеральных идей. Я думаю, что многие люди, имевшие счастье серьёзно общаться с ним в те годы и стремившиеся к познанию, получали уникальный доступ в его великий и удивительный «Интернет».

Мы много путешествовали по России и по странам Балтии, которые в то время, в середине 80-х, входили в СССР. Рашид собирал материалы по истории евреев, караимов, других малых народов в этих странах. Различие в конфессиях не только не мешало, а помогало нашей дружбе и вырабатывало способность более глубоко воспринимать разнообразие мира. Не могу не вспомнить, как во время нашего путешествия в Эстонию в декабре 1979 года (Рашид был свидетелем на моей свадьбе с Ириной Седаковой и спутником в нашем свадебном путешествии) мы вместе с нашими эстонскими друзьями весело обсуждали, что Рашид

* Владимир Юрьевич Стабников – генеральный директор издательства «Олимп-Бизнес», вице-президент Международной ассоциации издателей деловой литературы.

будет послом Израиля в Таллинне, а Артур Лааст станет послом Эстонии в Москве, и пили за это. Несмотря на то, что эти слова в то время казались абсолютно фантастическими, через 20 с небольшим лет Рашид возглавил Европейскую ассоциацию иудаики, а Артур стал эстонским дипломатом в посольстве Эстонии в РФ.

Меня восхищало в нем сочетание знания большинства европейских языков и истории всех народов с тем, что газовой плитой он научился пользоваться только на третьем курсе обучения в Московском университете. Порой такое незнание повседневности приводило к умилительным ситуациям, когда, например, Рашид по возвращении с одной исторической конференции с удивлением рассказывал мне о встрече с коллегой из Польши, который, по его мнению, стал таким фанатом учения Леви Стросса, что выгравировал его имя на всех пуговицах своей джинсовой куртки.

Годовщина нашей с женой свадьбы, которую мы ежегодно весело отмечали с Рашидом и близкими друзьями, после его кончины стала грустным днем.

Очень многим людям в мире не хватает общения с ним, и они оплакивают его преждевременный уход из жизни. Но мне кажется, что деятельность Рашида Капланова создала некую общину, большую семью учеников разных возрастов национальностей и конфессий, которые, благодаря его знаниям, демократизму и высоким моральным принципам, навсегда обрели связь с мировой историей, с либеральной европейской мыслью и толерантностью.

Аркадий Ковельман*

Рашид

В порту Александрии Египетской мы нашли извозчика. Рашид взгромоздился на сидение, прижимая к толстому брюху большой портфель. В этот момент он достиг наивысшего сходства со своим любимым персонажем, инженером Талмудовским из «Золотого теленка». Осталось только показать Александрии кукиш, сославшись на оклад жалования, квартиру-свиношник и т.п. Он и был инженером Талмудовским, бегущим по глобусу в поисках не оклада и клуба, а текстов и впечатлений. Зоопарк в Мельбурне и архив во Львове – оба годились. За этим бегом было удивительное ощущение внутренней свободы, собственного достоинства и мужества – три качества, которых мне никогда не хватало. Сказывались, видимо, его кавказские корни. От впечатлений ему не нужно было ничего, кроме впечатлений. Он не хотел и не собирался их капитализировать. Разве что разменивать на новые впечатления, языки и визы. У Филона Александрийского есть потрясающий рассказ о мудреце, который плачет перед смертью – не из страха, но из жалости к себе: он больше не сможет учиться! На поминках (обычай не еврейский, но соблюдаемый) сиделка рассказала о предсмертном плаче Рашида, и я немедленно вспомнил тот древний рассказ. После смерти Рашида его место в поколении опустело. Место в пролетке извозчика. Так и слышатся его прощальные слова: «Плевал я на оклад! Я даром буду работать! Вы это крепостное право бросьте. Сами всюду пишут: “Свобода, равенство и братство”, а меня хотят заставить работать в этой крысиной норе».

* Аркадий Бенционович Ковельман – доктор исторических наук, профессор, зав. Кафедрой иудаики, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова.

Елена Сморгунова*

Миссия «Истоки»¹ – Князь. Крохотные воспоминания

Наш теплоход «Тарас Шевченко» шел по Эгейскому морю. Среди всей группы «ученых», – так нас называли на корабле (в отличие от артистов и начальников), выделялся Князь – крупный и спокойный, с негромким, но очень уверенным голосом, с большой и красивой головой, всегда в белой рубашке с черной бабочкой. Он сидел в середине обеденного стола, обычно что-то рассказывал, и все почтительно и заинтересованно слушали.

Было 14 ноября 1993 года, воскресенье. Первая стоянка в порту Пиррей, из репродуктора несетя на весь порт «Разве пленники так живут?», а на борт корабля грузят продукты.

Мы все с изумлением наблюдаем, как поднимают в больших плетеных корзинах разные фрукты – груши, виноград, огромные сливы, и что-то еще, нам неизвестное.

Сверху, поверх глядящих в воду голов, раздается властный вопрос Князя:

– А авокадо не забыли погрузить?

Внизу некоторая суматоха, что-то переводят с русского на греческий распорядителю погрузки, тот подзывает матроса, явно, судя по интонации, ему выговаривает. Все смотрят на Князя: он выглядит важнее капитана корабля, который никогда не ходит в такой одежде и суетен, всегда торопится. А этот стоит гордо и ждет ответа, который, видимо, для него важен.

Через пару минут появляется матрос с огромной корзиной нежнейших зеленовато-желтых авокадо, и корзину медленно и аккуратно начинают поднимать на борт корабля.

А Князь и мы все смеемся радостно...

* Елена Михайловна Сморгунова – канд. филол. наук, преподаватель колледжа «Наследие».

Примечание

¹ Миссия «Истоки»: истоки мировой цивилизации. Международные симпозиумы по проблемам славяно-греко-иудейских отношений / Mission «Sources»: Sources of earthly civilization. International Symposiums on problems of Slavonic-Greek-Jewish relations – так назывался проект, в рамках которого в 1993 г. группа ученых и деятелей искусства посетила Грецию и Израиль, приняв участие в симпозиумах, организованных в этих странах.

*José Milhazes**

Rachid Kaplanov, o Mestre e Amigo Dos Portugueses

É para mim uma grande honra falar desse grande intelectual e amigo que foi Rachid Kaplanov, embora continue com grande dificuldade em falar dele no passado. Não exagero quando afirmo que ele fazia parte da minha família, tantos foram os momentos de contacto intenso existentes entre Rachid e mim, minha esposa e meus dois filhos. Não obstante Rachid ser mais velho do que eu dez anos, nós e ele tínhamos decidido que era o nosso “terceiro filho”.

Conheci Rachid Kaplanov em Moscovo, nos finais de 1977, pouco tempo depois de ter chegado à União Soviética. Olhava-o com suspeita, pois, como jovem comunista que era, fazia-me confusão ouvi-lo defender políticos e partidos da direita liberal portuguesa. Não se trataria de um provocador do KGB? De um dos “poucos ingratos” para com “a bondade” do poder soviético?

Mas não, rapidamente compreendi que ele dizia, na realidade, o que pensava, não escondia as suas ideias democráticas e anticomunistas num país onde isso poderia transportar sérios riscos. A minha simpatia para com o “gordo simpático” foi também cimentada pelo facto de ele falar correctamente na minha língua natal, sem nunca ter visitado Portugal, e ser uma verdadeira “enciclopédia móvel”.

Foi também Rachid que despertou em mim o interesse pelo estudo das relações russo-portuguesas, pelo importante papel desempenhado por judeus portugueses na aproximação dos impérios da Rússia e de Portugal. Foi através dele que soube que o primeiro chefe da polícia de São Petersburgo foi o judeu português António Vieira ou que o médico Ribeiro Sanches salvou a vida à imperatriz Catarina II, etc.

Os nossos encontros, ora na residência estudantil da Universidade de Moscovo, ora na sua casa hospitaleira da Leninski Prospekt, ora nos restaurantes quando a bolsa de estudo o permitia, tornavam-se cada vez mais interessantes pois ganhava terreno a confiança entre nós, tanto mais que a boa disposição e os risos de Rachid nunca deixavam azedar as conversas, por muito acesas ou complicadas que fossem.

* José Milhazes, historiador e jornalista, PhD.

*Жозе Мильязеш**

**Рашид Капланов,
наставник и друг португальцев**

Полагая для себя большой честью возможность рассказать о Рашиде Капланове, видном интеллектуале и близком друге многих из нас, сразу же отмечу, что трудно говорить о нем в прошедшем времени. Ведь с моей стороны нет никакого преувеличения в словах «близкий друг» – именно таковым он был не только для меня, но и для моей жены и двоих детей. Хотя Рашид старше меня на целое десятилетие, мы в семье давно решили считать его нашим «третьим сынком».

С Рашидом Каплановым я познакомился в Москве в конце 1977 года, где-то сразу после приезда в Советский Союз. И поначалу я, португальский «комсомолец», относился к нему с некоторым подозрением: еще бы – он ведь защищал наши праволиберальные партии и их вождей! Не КГБэшный ли он провокатор?! Один из этих «неблагодарных» сынов «добршей» советской власти... Но вскоре стало понятно, что он просто говорил, что на самом деле думал, невзирая на то, что выражение демократических и антикоммунистических идей было в ту пору чревато серьезными последствиями. Вызывал уважение к этому «симпатичному толстяку» еще и тот факт, что он, никогда до того не бывавший в Португалии, вполне пристойно говорил на моем языке, а еще был настоящей «ходячей энциклопедией».

Именно Рашид зародил во мне интерес к изучению российско-португальских отношений, к важной роли, которую сыграли португальские евреи в деле сближения Российской и Португальской империй. Благодаря ему, я узнал, что первым начальником полиции Санкт-Петербурга стал португальский еврей Антониу Виэйра, а врач Рибейру Саншес спас жизнь Екатерине II и т.д.

Наши встречи – то в студенческом общежитии Московского Государственного университета, то в его гостеприимном доме на Ленинском проспекте, то, когда стипендия позволяла, в каком-нибудь кафе или ресторане – становились все более интересными, все большее доверие

* Д-р Жозе Мильязеш – португальский историк и журналист.

Neste sentido, acho que Rachid Muradovitch, sendo um homem de uma sabedoria singular e enciclopédica, nunca deixou de ser uma criança, no sentido em que o seu coração não se deixava apoderar por ódios e desconfianças, acreditava em todos. A minha família adoptou-o como “terceiro filho”, irmão do Olev e da Liina.

Embora tenha de reconhecer que essa sua inocência lhe tenha trazido fortes dissabores.

Recordo-me que, ao visitá-lo no centro de cardiologia de Moscovo, poucos dias antes da sua morte, ele me disse que continuava à espera da chamada telefónica de um português com quem realizava um longo e profundo trabalho conjunto sobre a vida e obra de António Ribeiro Sanches. Ele e eu sabíamos que essa chamada não chegaria, pois um dos alunos portugueses que ele mais apoiou, ajudou, o tinha traído, ficara com os resultados de anos de trabalho de Rachid em arquivos russos e europeus. Mas ele recusava-se a acreditar na traição, não obstante as evidências.

Kaplanov era realmente um príncipe, não só pelo título herdado por linha paterna de nobres daguestaneses, mas também e mais pela nobreza e coragem que revelava no dia a dia, qualidades que, a meu ver, pareciam quase atingir a fronteira da loucura.

Um exemplo apenas. Durante uma das suas visitas a Tallinn, capital da Estónia, no início dos anos 80 do séc. XX, eu, ele, minha esposa, alguns amigos portugueses, espanhóis e estónios juntamo-nos no Café Moscovo para jantar. A determinada altura, Kaplanov levanta o seu copo de champanhe e surpreende com o brinde: “Bebo à República da Estónia independente!” Pareceu-me que a maioria dos presentes à mesa viu nessas palavras mais uma das profecias “loucas” feitas por Rachid, como aquelas de que o poder comunista não era eterno, de que um dia visitaria livremente Portugal, etc., etc.

Os acontecimentos deram-lhe razão e permitiram-lhe realizar numerosos dos seus sonhos, mas, antes disso, sofreu.

Lembro-me da alegria com que nos comunicou a sua futura viagem a vários países africanos na qualidade de tradutor e consultor de uma delegação do Partido Comunista da União Soviética, do sorriso quando nos informou que já tinha tomada as vacinas e da desilusão quando soube que tinha sido substituído por um “homem de confiança” do PCUS.

A proibição da sua viagem à República Democrática Alemã foi um golpe ainda mais rude, pois tratava-se de um sinal de que o regime comunista fazia dele mais um preso político no seu próprio país, tanto mais que, periodicamente, se sentia perseguido por “pessoas estranhas”.

Foi talvez o único período em que vi Rachid triste, preocupado, desalentado, mas não partiu para Israel, como fizeram muitos dos seus irmãos. Ele acreditava viver até ao dia em que a democracia liberal chegaria à Rússia e assim foi. Daí o seu respeito e admiração, diria mesmo quase veneração, por Mikhail Gorbatchov.

возникало между нами, чему в немалой степени способствовало умение Рашида сглаживать ироничными шутками острые углы во время жарких дискуссий. Следует отметить, что Рашид Мурадович, будучи энциклопедически образованным человеком, навсегда сохранил в душе какое-то детское отношение к миру, не допуская в свое сердце ненависть и недоверие к людям. Поэтому-то нашей семье удалось «усыновить» его в качестве брата наших детей – Олафа и Лиины.

С другой стороны, надо признать, что излишняя доверчивость нередко приносила Рашиду изрядные неприятности. Вспоминаю, что во время нашей встречи в Московском кардиологическом центре за несколько дней до его смерти, Рашид сказал мне, что все еще ждет звонка от одного португальца, с которым он долго и напряженно работал над исследованием жизненного и творческого пути Антониу Рибейру Саншеса. При этом мы по-видимому оба понимали, что звонка не будет, так как один из его португальских учеников, которому он особенно много помогал, фактически предал его, присвоив результаты многолетней работы Рашида в российских и европейских архивах. Но он отказывался признать предательство, несмотря на всю его очевидность.

Рашид Капланов был воистину Князем – не только по праву наследования по линии отца, знатного дагестанца, но и по тому безграничному, иногда чрезмерному, благородству и мужеству, которые отличали его поступки. Вот только один пример: в начале 80-х годов XX века во время одного из посещений Таллинна, столицы Эстонии, мы с ним, моей женой и несколькими нашими общими друзьями (португальцами, испанцами и эстонцами) ужинали в кафе «Москва», и в какой-то момент Рашид поднимается с бокалом шампанского и провозглашает тост «За независимую Эстонскую республику!». Мне показалось, что большинство из присутствовавших сочли эти его слова еще одним из «сумасшедших» предвидений горца-интеллектуала, среди которых и пророчество о том, что коммунистический режим не вечен, что однажды он непременно сможет свободно выехать в Португалию и т.д., и т.п. Дальнейший ход исторических событий подтвердил его правоту, позволив сделать явью многие мечты, но сколько же довелось пережить по пути...

Вспоминаю, с какой радостью он как-то сообщил нам о намечавшейся поездке в несколько африканских стран в качестве переводчика и консультанта делегации Коммунистической партии Советского Союза. Вот уже и прививки были сделаны, как вдруг выяснилось, что вместо Рашида поедет в Африку проверенный товарищ из КПСС. А еще более болезненный удар был нанесен ему отменой поездки в Германскую Демократическую Республику, что явилось сигналом к тому, что коммунистический режим делал из него еще одного политического заложника, а затем уже Рашид стал замечать за собой слезку. Труды «топтунов» не прошли даром: никогда – ни до, ни после, – я не видел

Recordo a primeira visita de Kaplanov ao meu país. Fomos almoçar com a Ana Mourão a um restaurante do centro de Lisboa e, depois de um repasto farto e bem regado, pois tratava-se do seu primeiro contacto directo com a cozinha portuguesa em Portugal, decidimos passear. De súbito, deparámos com um português que estudara na URSS, vinha acompanhado de sua esposa, soviética de uma das repúblicas da Ásia Central. Em vez do habitual “Olá!” ou “Boa tarde!”, ouvimos da boca da senhora: “Foram vocês que destruíram a nossa União Soviética!”.

A situação poderia ser embaraçosa, mas um sonante riso de Rachid desarmou os nossos “adversários ideológicos” e foi um sinal de que não estava para discussões, ele queria desfrutar da sua primeira visita a Portugal, país a cuja História dedicou grande parte da sua vida.

Passava os dias em bibliotecas e arquivos, procurando documentos relativos às relações entre Portugal e a Rússia. Mas, infelizmente, Rachid, sendo um excelente comunicador oral, não gostava muito de escrever, não passou ao papel muita da sua sabedoria. Eu não era o único a dizer-lhe insistentemente para escrever, mas a resposta era sempre a mesma: “Tens razão, vou começar a escrever, mas primeiro...” e enumerava as viagens que precisava de fazer, as conferências e colóquios que tinha de organizar ou onde deveria participar, etc. Compreendo-o: depois de tantos anos impedido de viajar e de leccionar Estudos Judaicos, tentou desferrar-se quando teve possibilidade de fazer aquilo de que gostava.

Da minha parte, consegui apenas convencê-lo a escrever comigo alguns artigos sobre Ribeiro Sanches que foram publicados em jornais e revistas portuguesas. Estávamos a planear escrever um livro sobre a implantação da República em Portugal visto por olhos de jornalistas e políticos russos, mas a sua morte impediu a realização desse plano.

Rachid Kaplanov deu numerosas entrevistas a órgãos de informação portugueses não só sobre relações entre Portugal e a Rússia, mas também análises políticas sobre a situação no Cáucaso e noutras regiões da URSS.

Merece particular destaque a sua participação no filme documental “O gelo e o fogo”, realizado pelo jornalista português Carlos Fino para a Rádio Televisão Portuguesa.

E claro que não se pode esquecer a sua monografia, publicada em russo: “Portugal após a Segunda Guerra Mundial”, que constitui um excelente estudo sobre o regime totalitário de António Oliveira Salazar e Marcelo Caetano.

Não posso também deixar de sublinhar a preciosa ajuda que Rachid me deu durante a elaboração da minha tese de doutoramento: “Influência das ideias liberais espanholas e portuguesas nos dezembristas russos”. Nada teria conseguido sem ele e magoou-me profundamente o facto de ele não ter vivido até à sua defesa na Universidade do Porto.

Рашида столь удрученным, озабоченным, потерянным, и, тем не менее, в отличие от многочисленных своих братьев, он не стал эмигрировать в Израиль, ибо продолжал верить, что несмотря ни на что либеральная демократия придет в Россию, что, как известно, и произошло. Отсюда, кстати, его уважение, восхищение и я бы даже сказал безмерное почитание Михаила Сергеевича Горбачева.

Помнится, во время его первого посещения моей родины, Португалии мы обедали в компании Анны Моуран в ресторанчике в центре Лиссабона: еда, обильная и разнообразная, сопровождалась добрым вином (как-никак человек знакомился с вожденной португальской кухней, о которой столько слышал и читал), а затем мы решили прогуляться. Только вышли, а нам навстречу идут учившийся в СССР португалец и его жена, родом из одной из среднеазиатских республик. Не успели мы и рта раскрыть для обычного учтивого приветствия, как вместо «здравствуйте» услышали из уст среднеазиатской дамы: «Это из-за вас погиб СССР!» Ситуация на несколько секунд показалась нелепой, но раздавшийся вовремя громкий хохот Рашида обезоружил наших «идеологических противников»: ему действительно не хотелось пустопорожних споров, ему хотелось наслаждаться каждой минутой своего пребывания в стране, изучению истории которой он посвятил значительную часть своей жизни.

Дни напролет он проводил в библиотеках и архивах в поисках документов о российско-португальских отношениях, но будучи великолепным устным рассказчиком, Рашид, к сожалению, не очень любил письменную составляющую своей работы, из-за чего изрядная часть его идей и мудрых соображений теперь уже кажется безвозвратно утраченной. Сколько раз не только я, но и многие другие друзья и коллеги говорили ему: «Напиши об этом!», и он всякий раз соглашался: «Да-да! Ты прав, я обязательно напишу, но раньше надо...». Далее следовало перечисление конференций, коллоквиумов, командировок, которые он должен был организовать или, как минимум, принять в них участие. И это, в общем-то, вполне понятно: после стольких лет фактического запрета на поездки и еврейские исследования, он старался наверстать упущенное и использовал любую возможность предаться любимому делу.

Со своей стороны мне удалось подвигнуть Рашида на совместную работу над статьями о Рибейру Саншесе, опубликованными в португальских газетах и журналах. В наших планах была еще книга об установлении Республики в Португалии – своеобразный взгляд со стороны российских политиков и журналистов, но, увы, его преждевременный уход сделал невозможным их осуществление.

Рашид Капланов дал многочисленные интервью различным португальским СМИ, посвященные не только отношениям Португалии и России, но и анализу ситуации на Кавказе и в других регионах бывшего СССР. Особо стоит отметить его участие в документальном фильме

Penso que a sua biblioteca e os seus escritos não publicados deveriam ser sujeitos a um estudo atento, pois certamente aí se poderão encontrar numerosos documentos copiados por ele nos arquivos e bibliotecas da Europa e talvez alguns esboços de obras que pretendesse escrever.

Rachid Muradovitch Kaplanov foi uma personalidade marcante no estudo das relações históricas, políticas e culturais entre Portugal e a Rússia, mas reconheço com tristeza que nenhum destes dois países soube utilizar devidamente os seus conhecimentos. E muito menos algum deles soube reconhecer o trabalho feito por este intelectual.

As autoridades portuguesas poderiam, no mínimo, lhe ter dado alguma condecoração pelos serviços prestados ao meu país no campo da cultura e da história, mas esqueceram-se, embora tenham condecorado pessoas por muitos menores serviços.

Mas Rachid não vivia e trabalhava por condecorações, para ele a melhor recompensa eram os seus amigos dos mais diversos países, os seus alunos da Universidade Judaica. Por isso, Celso, Florentino, Ana, António, Siiri, Liina, Olev, José e muitos, muitos outros choraram a sua morte.

«Лед и пламень», снятом португальским журналистом Карлушем Финну для РТП (Португальского Радио и Телевидения).

Нельзя не сказать об его опубликованной на русском языке монографии «Португалия после Второй мировой войны», представляющей собой блестящее исследование тоталитарного строя эпохи Антониу Оливейра Салазара и Марселу Казтану.

Не могу также не выделить особо ценную помощь, оказанную Рашидом мне лично при подготовке моей докторской диссертации «Влияние идей испанских и португальских либералов на русских декабристов», написание которой было бы попросту невозможным без его неопределимого вклада – тем горше сознавать, что он не дождался ее недавней защиты в Университете города Порту...

Полагаю, что его библиотека и его неопубликованные записи должны быть подвергнуты внимательному изучению, потому что там наверняка можно будет найти копии многочисленных документов, обнаруженных Рашидом в архивах и библиотеках Европы, а возможно и наброски трудов, над которыми он собирался работать.

Рашид Мурадович Капланов был видным исследователем исторических, политических и культурных отношений между Португалией и Россией, но следует с горечью признать, что ни одна, ни другая страна так и не смогли в должной мере использовать его творческий потенциал, не говоря уж о достойной оценке его труда. В частности, португальские власти могли бы (и должны были бы!) воздать ему должное в виде какой-нибудь награды за заслуги перед моей Родиной в развитии культуры и истории, но как-то «руки не дошли», хотя зачастую награждают иных деятелей по значительно меньшим основаниям...

Впрочем, Рашид жил и работал не ради наград, а для своих многочисленных друзей из самых разных стран и учащихся из Еврейского университета. Поэтому-то Селсу, Флорентину, Анна, Антониу, Сири, Лиина, Олаф, Жозе и многие-многие другие, знавшие и любившие его люди, оплакивают его уход...

Пер. с португальского Виталия Гнатюка

Ангеле Чепенайте*

Вспоминая Рашида...

Трудно рассказывать о друге, которого уже нет. В памяти так много воспоминаний о прекрасном человеке, общение с которым надолго запоминалось каждому, кто когда-либо с ним познакомился.

Я встретила с Рашидом в 1979 году в Москве, в период моего обучения в аспирантуре. В огромном здании общежития на Островитянова жизнь делилась на время, проведенное в библиотеке, и время, разделенное с приятелями, единомышленниками, когда мы обменивались своими идеями, впечатлениями. Рашид в академических кругах аспирантов был известен как полиглот, свобододлюбивая харизматическая личность, одаренная особым умением общаться, но прежде всего все знали Рашида как человека, для которого океан знаний всемирной истории был любимой средой познания, начинавшегося с истории конкретного человека.

Рашид был столь дружелюбен, а круг его интересов был так широк, что он был постоянным участником жизни аспирантов. В этой академической среде все восхищались его знанием языков, его энциклопедической образованностью, непринужденностью общения.

Когда я познакомилась с Рашидом, он представился “*Rašidas Kaplanovas – kumukų kunigaikštis*” (Рашид Капланов – кумыкский князь). Было удивительно слышать, что он прекрасно говорит по-литовски. Меня приятно удивило его знания истории Литвы до мельчайших подробностей. Например, Рашид назвал имя и девичью фамилию супруги первого Президента Литвы – *Sofija Chodakauskaitė*, без ошибок произнеся эту довольно трудную фамилию. В Литве, конечно, и в советский период все знали имя первого Президента Литвы – *Antanas Smetona*, а вот девичью фамилию его супруги вряд ли кто из молодых ученых мог назвать. Позднее мне показалось, что в этой как бы шуточной фор-

* Д-р Ангеле Чепенайте – Angele Cepenaite, PhD, associate professor of Mykolas Romeris University, Lithuania; Sphere of interest: social welfare, community and ethnic groups.

ме представления Рашида с указанием на генеалогию рода выражалось его стремление в истории событий видеть конкретного человека.

Род и родные всегда присутствовали в жизни Рашида. Он очень любил свою маму – всегда его понимающую и поддерживающую. Всю жизнь он ее нежно называл «моя матушка». Среди важных для него людей особое место занимала и его бабушка – мать его матери – прекрасная переводчица с немецкого, приглашавшаяся переводить и в Кремль. Рашид любил рассказывать о своем знатном роде, об отце, славном дедушке. Его радовало, что он всегда желанный гость в краях своего отца и деда, как он говорил, «своем поместье и виноградниках». Ему было приятно, что спустя много лет в тех краях его встречали так тепло и дружелюбно не только родственники, но и другие люди, которых он не знал, но они знали о его существовании, и история его рода и достижения как бы хранились в их памяти из поколения в поколение.

О своем детстве Рашид всегда рассказывал шутливо, и его заразительный смех звучал, когда он вспоминал: «Я – дитя грузинского ресторана, я в нем вырос, я знаю все блюда наизусть и знаком со всеми его посетителями: пока мои родители со мной по воскресениям обедали в ресторане, я успевал познакомиться со всеми».

С Рашидом мы часто виделись в библиотеке ИНИОН. Он был очень популярен среди читателей библиотеки. Все как бы привыкли – Рашид в библиотеке, значит библиотека «укомплектована». О популярности Рашида может свидетельствовать, например, то, что каждый знающий его, старался хотя бы во время обеда посидеть в столовой, если и не за его столиком, то хотя бы рядом с ним. Мне кажется, что они хотели примкнуть к процессу создания живой истории, которая рождалась во время непринужденной беседы с Рашидом. А Рашид всегда находил возможность развить какую-нибудь веселую нить разговора, и его искренний смех заставлял многих пересаживаться к нему поближе. Обаяние Рашида, его эрудиция, компетентность, владение многими языками делали его желанным гостем не только в академических, но и в московских интеллигентских кругах. Рашид очень любил людей и, если мог, старался не разочаровывать приглашающих и присутствовать на встречах, где часто становился основным гостем.

Талант общения и веселый нрав – неотъемлемые черты Рашида. Както приехав в Москву уже после аспирантуры, я с двумя подругами остановилась у Рашида. Узнав, что одна из моих подруг – художник по текстилю, он стал шутить: «А ты могла бы соткать мой портрет с надписью внизу: “Князь Рашид”?» После он всегда шутя меня спрашивал: «Ну как мой портрет, еще не готов? Ведь мне надо заранее приготовить к выставке».

Интерес Рашида к истории различных стран был сознательным профессиональным выбором историка, а также и интересом его разносторонней личности. Некоторые его старшие коллеги из Института в то время считали, что Рашид своими разносторонними интересами раздробляет свой талант. Такое суждение, относящееся к обыденному пониманию ученого, стремящегося к сужению исследуемого объекта, не могло быть отнесено к Рашиду, который иногда сознательно расширял свое поле исследования. Он успевал углубляться в любимые исторические предметы, писать статьи, выступать на конференциях, изучать новые языки и общаться с друзьями, приятелями. Кстати, Рашид твердил, что изучение языков – несложное занятие, главное, по его мнению – «изучить систему языка». Мне кажется, что языки Рашид изучал в первую очередь из-за уважения к народам, историю которых он хотел понять, к ней приблизиться.

На XI Всемирном конгрессе международной ассоциации политических наук (IPSA), проходившем в Москве, в МГУ, 12–19 августа 1979 года, Рашид использовал свои знания иностранных языков в качестве переводчика. Но так как он разговаривал на многих иностранных языках, организаторы его попросили встречать участников конгресса в здании университета и предоставлять им необходимую информацию, чтобы они не терялись в огромном здании. Рашид превосходно выполнил эту роль: он дружелюбно разговаривал с участниками на их родных языках, и эти несколько минут общения с Рашидом вызывали их восторг от его знания языка и милого неформального общения. Участник из Италии его спросил: «Ты – итальянец? Не может быть, что ты не итальянец, наверняка кто-нибудь у тебя, папа или мама, итальянцы». Работа на конгрессе была утомительной, Рашид переводил выступления участников на многие языки (например, с французского на арабский, с его арабского другой переводчик переводил на идиш). Замечая неточности переводов своих коллег, он говорил, что хороший переводчик должен не только владеть огромным запасом слов, но и внимательно следить за смысловым контекстом перевода.

Сам Рашид очень бережно относился к знанию иностранного языка – он никогда не мирился с ошибками или неправильным произношением: когда кто-либо из друзей, даже самых близких, разговаривая, делал ошибки, – он всегда исправлял, показывая, как надо правильно сказать. Мне кажется, что это уважение к слову, в первую очередь, было обусловлено уважением к народу, языком которого он владел. Для него не существовало понятия «великий» или «маленький» народ. Все народы и народности для него были важны. Как-то, когда Рашид сказал, что изучает язык очень малочисленной народности, я его спросила: «Зачем тебе изучать язык, на котором говорит всего лишь несколько сотен человек?» Он мне ответил: «Вот именно поэтому».

В то время многие коллеги Рашида не представляли, в какой степени он владел разными языками. Иногда убедиться в этом им помогали международные конференции. Рашид рассказывал, что его сотрудники были искренне удивлены, когда он сделал доклад и отвечал на вопросы на португальском.

В глазах сотрудников, я думаю, Рашид был смелым человеком, примером свободной личности – он не избегал поздороваться с человеком, попавшим в немилость советских властей.

Конечно, его «большой любовью» была Португалия, которая отвечала ему взаимностью. Рашид постоянно следил за португальской прессой. Однажды он очень нетерпеливо стал читать информацию о выборах в Португалии. Я спросила его, чему он так рад. Рашид, искренне выражая эмоции, сказал: «Мы победили!» и добавил: «Большие не должны обижать маленьких, это не естественно и не морально». Мне кажется, что здесь была удивительно просто высказана высокая истина Рашида, которую он всегда исповедовал.

В своей любимой Португалии Рашид был настоящей «звездой» – после интервью в прессе, выступлений на телевидении к нему просто на улице подходили люди – они улыбались, здоровались и старались с ним поделиться мыслями.

Как историка и как человека Рашида интересовала история многих народов – евреев, караимов, сорбов, азербайджанцев, пакистанцев и др. Узнав, что у меня есть друзья, Ханжа (Hanža) и Мато Шолта (Mato Šolta) – семейство лужицких сорбов, живущие в культурной столице Будишине (Бауцен), Рашид в 1989 г. их впервые навестил. Ханжа рассказывает: «Летом 1989 г. кто-то позвонил в дверь нашего дома. Открыв ее, я впервые увидела Рашида и традиционно поздоровалась с ним: “Witajće k nam!”. На это Рашид ответил по сербо-лужицки “Wjerš pomazy”!»

Мато Шолта – внук Михала Навки (Michał Nawka, 1885–1968), известного лужицкого патриота, публициста, композитора, дирижера, педагога. В свой первый приезд Рашид вошел в круг сорбских интеллектуалов, с которыми он за бокалом вина обсуждал новости перестройки. Это происходило в период, когда в ГДР было запрещено читать советскую газету «Спутник», где критически оценивался коммунизм. Тогда в ГДР было мало информации о том, что на самом деле происходило в Москве, и Рашид рассказывал об этом новым друзьям.

В 1989 г. в Будишине Рашид не только работал в архивах и библиотеке Сорбского института, но и присутствовал на одной из нелегальных месс в Дрездене, где в стенах храма вызревали первые импульсы больших политических перемен. Семь лет спустя Душан, сын Мато Шолта, в течение одного семестра обучался в Москве. Рашид был для него не только прекрасным гидом, его взгляды помогли молодому лужичанину

изменить свой выбор образования – вернувшись домой, Душан решил стать учителем лужицкого языка, как и его дед, Михал Навка.

Последний раз лужичане увиделись с Рашидом в Будишине весной 2007 г. Тогда Рашид познакомился с Яном Нуком (Jan Nuk) – председателем Союза лужицких сербов «Домовина», и никто из лужичан не мог предположить, что эта встреча – последняя.

Посвятив свои научные изыскания вопросам иудаики, Рашид прилагал большие усилия для активизации академических исследований в этой области ученых различных стран. Особенно его радовало, что академические исследования в иудаике приобрели международный характер, что творческий интерес к ним проявили молодые ученые различных стран, в том числе и Литвы.

За свою недолгую интенсивную жизнь Рашид сумел раскрыть себя как исключительно одаренный трудолюбивый ученый, чья творческая личность, открытость к миру, профессиональная и моральная ответственность, а также человеческая чуткость к происходящему в мире позволили постичь глубину исследуемых вопросов. В его исследованиях история и культура представляли как поле деятельности и стремлений людей, где каждый находил свое место.

Как ученый и как личность, Рашид заслужил широкое признание в мире науки, восхищение тех людей, которые его знали, соприкасались с его творчеством. Тому, кто в будущем будет знакомиться с его деятельностью, хочется пожелать ощутить его любовь к слову, знаниям, истине и человеку.

*Анхель Луис Энцинас Мораль**

Мы познакомились с Рашидом 9 ноября 1981 года, когда он пришел с бутылкой шампанского ко мне в общежитие, где я только что поселился, поступив на истфак МГУ. С этого дня мы дружили 26 лет, т.е. половину моей жизни. Рашид представлялся мне уникальным человеком, не только благодаря своим энциклопедическим историческим и языковым познаниям, но и, прежде всего, благодаря своим человеческим качествам и великолепному еврейскому юмору.

Мы часто гуляли с ним по Москве и Мадриду, встречались на многих международных научных конференциях по испанистике, русистике и иудаике. Я много раз останавливался в его доме в Москве, а он – у нас с моей женой Еленой в Мадриде.

Последний раз мы встретились в сентябре 2006 года в ресторане «Елки-палки» на Кузнецком Мосту, где я устраивал обед для моих мадридских и московских еврейских друзей из далеких времен нашей учебы в МГУ.

В сентябре 2007 года, во время своего очередного приезда в Москву я звонил ему домой, но не смог дозвониться – он был тогда на Украине.

В его лице уходит не просто один добрый друг, соплеменник, коллега и товарищ, с ним уходит целая эпоха нашей жизни.

Мне остается лишь читать очередной кадиш, чтобы проститься с ним и сохранять память о нем в нашей семье и в земле Сфарада, которую он очень любил.

* Prof. Dr. Angel Luis Encinas Moral, кафедра славянской филологии, Мадридский университет Complutense.

Михаил Членов*

Капланова я знал давно, с начала 80-х годов, мы часто виделись, много общались. Нас трудно назвать близкими друзьями, мы были скорее приятелями, коллегами, и наше общение было обычным, коллегиальным.

Однако иногда у нас случалось довольно плотное общение вдвоем, в течение долгого срока: в 1985 году мы вместе ездили в Дагестан, в 1996 году он приезжал ко мне и жил у меня около недели во время моего пребывания в Оксфорде, в 1998 г. мы с ним вместе были на съезде Европейской Ассоциации иудаики в Толедо.

Наше с ним знакомство началось с Этнографической комиссии Российского Географического общества, которая была как бы реликтом дореволюционной, императорской, впрочем, довольно симпатичным реликтом.

В Географическом обществе испокон века существовала Комиссия этнографии, которую возглавлял зам. директора Института этнографии, Соломон Ильич Брук, очень известный этнограф и издатель прекрасного атласа народов мира, автор многих книг о населении мира. Этот яркий человек практически создал особую науку – этническую картографию. Соломон Ильич любил в шутку говорить, что считает себя «главным сионистом» в Институте этнографии. Сионистом он не был, но был самым высокопоставленным евреем в советской этнографии, заместителем директора Института, какое-то время даже исполнял здесь обязанности директора. К 1970 году ему надоело возглавлять эту Комиссию, и он передал ее тоже очень яркому и светлому человеку Павлу Ивановичу Пучкову¹, тоже этнокартографу, очень крупному ученому (к сожалению, умершему в 2008 г.), и пообещал, что даст ему «раба», и в виде такового дал ему меня.

Я пошел «рабствовать» в эту комиссию, чего мне, честно говоря, совершенно не хотелось. А там надо было что-то делать: комиссия заседала

* Михаил Анатольевич Членов – этнограф, профессор, декан филологического факультета Государственной Классической Академии им. Маймонида, Генеральный секретарь Евразийского Еврейского конгресса.

примерно раз в месяц, надо было искать доклады, темы, одну или несколько, и я начал втягиваться в эту работу.

Итак, предыстория: в 1971 г. я впервые попал в экспедицию на Чукотку, где встретился с 19-летним студентом географического факультета Игорем Крупником. С этого и началось наше с ним творческое сотрудничество, которое продолжается до сих пор. Через 2 года Крупник этот факультет закончил и его зачислили (не без труда, объяснявшегося 5-м пунктом) в аспирантуру, и так в этнографической комиссии Географического общества появился второй персонаж. Комиссия начала раздувать пары. Пучкову к тому времени стало совсем скучно ею заниматься, он бросил ее на меня, тем более, что кроме меня появился еще и Крупник, все как бы шло и шло, и в 70-е годы мы работали в этой Комиссии.

Первый опыт еврейской тематики, вынесенной на Географическое общество, относился, если мне не изменяет память, к концу 70-х годов. Здесь надо заметить, что я вошел в еврейское движение приблизительно в 1971 г. (тогда же, когда впервые попал на Чукотку): стал ходить на «Горку», учить иврит, затем начал его преподавать. Первый опыт, когда я решился представить в Географическом обществе доклад на еврейскую тему («Евреи Индонезии», основанный на собственных воспоминаниях и впечатлениях, поскольку я по первой своей специальности – индонезист, и провел два года в этой стране), относился к концу 70-х годов.

Крупник также активизируется в этом же направлении, представляя собой спонтанного, может, не вполне осознанного еврейского националиста «с человеческим лицом». Вместе с ним мы начинаем думать, что надо как-то воспользоваться ситуацией, ведь у нас в руках целая Комиссия Географического общества. И Крупник тогда изобретает тему, о которой совершенно справедливо упоминает М. Куповецкий, – «Городское население и национальные меньшинства в городах СССР». Эта тема привлекает исследователей – у Крупника имелись какие-то свои татарские связи и интересы (он был связан родственными узами с татарским народом), плюс в Институт этнографии из разных мест приходят молодые люди, аспиранты. К этой теме присоединяется Наталья Васильевна Юхнева из Ленинграда, занимавшаяся исследованием этнографии большого города – Ленинграда. Ее темой были «национальные меньшинства», и она тоже приняла близко к сердцу запрет на исследование чего-либо, что как-то касалось евреев (она сама – не еврейка по происхождению, но любой ленинградский, московский интеллигент, бесспорно, связан с еврейской средой, любит и знает ее). У нее было накоплено большое количество материала, и она становится очень активным респондентом этого второго направления (первое – малайское, индонезийское, второе – этнография городов) деятельности нашей Комиссии в Москве.

В 1980 году я активно занимался еврейским движением, в котором образовалась некая группа так называемых активистов. Большинство среди них составляли отказники, но было изрядное количество и не отказников типа меня (я не подавал заявления на выезд, и поэтому, соответственно, сидел в Москве) или Льва Городецкого.

К тому времени ко мне начали обращаться разные люди, которые пытались или стремились заниматься иудаикой как наукой. Одним из первых был Абрам Наумович Торпусман – филолог, работавший в Книжной палате, сейчас здравствующий в городе Иерусалиме, очень интересный человек, которому принадлежит заслуга славянской интерпретации нескольких имен Киевского письма; в 1988 г., перед своим отъездом он написал на эту тему статью².

Абрам Наумович знакомит меня со студентом кафедры этнографии истфака МГУ, Велвлом Черниным, таким стихийным еврейским националистом, увлекавшимся идишем. Его отправляли на летние каникулы к дедушке в Пирятин, где в ту пору еще сохранялся идиш. Будучи способным мальчиком, он освоил этот язык, и потом, когда ему было лет 14–15, он сам явился в редакцию журнала «Советиш Геймланд» и очаровал его главного редактора Арона Вергелиса. Вергелис был советским идишским поэтом и как бы главой советского еврейского официоза, ездившим по всему миру и кричавшим, как хорошо живется евреям в СССР.

Мы довольно быстро подружились с Велвлом, и в 1980 году он предложил мне поговорить с Вергелисом о создании Историко-этнографической комиссии. Чернин, Крупник и я пришли к Вергелису, который нас радостно принял, потому что Чернин ему сказал, что мы – настоящие ученые со степенями, которые хотят заниматься научной деятельностью, а не эта «сионистская мразь»... Вергелису это очень понравилось, и действительно тогда именно в этом разговоре появилась идея создания при журнале Историко-этнографической комиссии.

Вергелис отвел нам целую комнату в редакции, которая располагалась на улице Кирова, нынешней Мясницкой, напротив здания Главпочтамта, возле знаменитого магазина «Чай». Сюда нам Хаим Бейдер³, известный идишский поэт, а в журнале – заместитель Вергелиса принес какие-то письма, чтобы мы с ними разбирались. И тогда же первым пришел Геннадий Эстрайх⁴, который до этого писал в «Советиш геймланд» письма, но не получал ответа. Ему подсказали, что если он хочет получить ответ, лучше прийти лично. Он пришел и тут же влился в эту еще эмбриональную Комиссию.

Как только образовалась Комиссия, она начала обрастать разными людьми, среди них – Куповецкий и Капланов, которых привел Крупник. Они пришли разными путями: Куповецкий был в то время уже в отказе, Капланов появился среди нас как какой-то экзотический фрукт,

знающий много языков, и я бы сказал, имеющий не столько четко очерченную сферу академических интересов, сколько целый ряд всяких экзотических, штучных тем – как бы в виде хобби.

Я по образованию востоковед, и не только по образованию, но и вообще по многим вещам в своей жизни. Капланов решительно не любил Восток, хотя генеалогически оттуда происходил. Он любил Европу, считал себя европейским человеком. Отчасти потому, что там – либерализм, свобода, отчасти потому, что – ближе. Все-таки русская интеллигенция имеет свойство считать себя европейцами без, на мой взгляд, должных на то оснований, но, тем не менее, такая идея есть. Капланов в Европе любил не только либерализм и свободу, но и всякие малые народы, которым он в глубине души сочувствовал (ни разу их не видя, между прочим). Изучал их языки и считал, что каждый из них на самом деле должен быть независимым, иметь свое государство. Он любил албанцев – и учил албанский, любил валлийцев – и учил их язык.

Возвращаясь уже к более позднему нашему общению, я вспоминаю, как он восторженно приветствовал распад Югославии, считая, что это здорово, что так и должно быть. Но с чего вдруг, – говорю я, – князь? Что ж хорошего?! Смотрите, чудовищная война и т.д., ну, сейчас вроде уже закончилась...

– Нет, еще не закончилась, – говорит он, – я бы с удовольствием увидел независимой Черногорию (что и случилось⁵).

У него была какая-то внутренняя симпатия ко всякого рода национальным сепаратистским движениям. Он исходил из этой внутренней симпатии (она была свойственна не только князю, она как бы жила в среде советской интеллигенции, особенно, если эта интеллигенция каким-то образом принадлежала к каким-либо из меньшинств; у князя их было два: и кумыкское, и еврейское), и очевидно, что эта симпатия его сближала с разными умеренными националистами внутри СССР.

Капланов стал ходить не только в Комиссию, куда его ввел Крупник (а с Крупником его познакомил Кожановский), но и в Географическое общество. Комиссия начинает свою деятельность. Мы решили делать публичные лекции, и первая лекция была моя – «Евреи в СССР». На первую свою лекцию я позвал своих друзей, отказников, и они действительно пришли, туда нельзя было войти из-за массы народа, люди стояли на цыпочках. На вторую лекцию «Задача советской этнографии по изучению еврейского населения СССР» Крупника, пришло еще больше народу.

Третья была поделена между двумя докладчиками, из которых один был Капланов с лекцией на тему: «Еврейские политические партии в лимитрофных государствах в межвоенный период» («лимитрофными» называли пограничные страны, оказавшиеся между западными странами и СССР – Латвию, Литву, Эстонию, Польшу, Чехословакию, Венг-

рию, – и не имевшие независимости до Первой мировой войны). Термин «лимитрофный» имел хождение между двумя мировыми войнами, а Капланов любил всяческую архаизированную терминологию. В его докладе говорилось об официальной еврейской автономии в Польше, в Литве, о попытках создания политических блоков вместе с украинским меньшинством и т.д.

Вторым был доклад В. Чернина, если мне сейчас не изменяет память, про горских евреев⁶. В то время горско-еврейская группа, можно сказать, дагестанская элита, начала вести войну с нашей Комиссией. Война велась непосредственно в виде доноса, который был направлен в ЦК КПСС, с требованием немедленно предать какому-нибудь «усекновению членов» разных наших коллег, в том числе – Чернина, Крупника, меня и др. за попытку объявить их вместо «татов» евреями. Чернин напечатал толковую статью в журнале «Советиш Геймланд» которая называлась «Нуждается ли гипотеза в научных доказательствах?». Здесь он писал о том, что, собственно говоря, «татизация» не является никакой научной гипотезой и в доказательстве не нуждается, потому что и так ясно, что горские евреи – это очень старая часть еврейского народа, но сейчас, в силу известных обстоятельств, они как бы пытаются от этого уйти.

Это третье заседание Еврейской историко-этнографической комиссии оказалось ее последним официальным собранием. После этого меня вызвал к себе Вергелис, и сказал: «Вы думаете, что я – идиот? Так я – не идиот! Мне в ЦК сказали: «Арон, ты что, сошел с ума? Ты не понимаешь, что происходит вообще?! И с кем ты связался?!». – Я сказал им: Все, никаких больше публичных собраний».

Собственно, на этом и завершилась публичная часть работы этой Историко-этнографической комиссии, после чего последовало 5 или 6 лет ее уже непубличной деятельности. Мы собирались по квартирам, делали доклады, ездили в экспедиции. Куповецкий ездил в Сибирь, на Кавказ. Там же в рамках работы этой Комиссии мы обнаружили лахлухов, курдистанских евреев. Потом была статья Крупника и Куповецкого про курдистанских евреев⁷, потом к нам стали присоединяться ленинградские коллеги из числа отказников, в частности, Михаэль Бейзер, который увлекся экскурсиями по еврейскому Ленинграду, стал их создателем. Так это все превратилось в полуполюгальную комиссию – в том смысле, что никогда со стороны властей не было прямого стремления ее прикрыть, хотя она не особенно и одобрялась. Они, конечно, что-то знали о ней, но по сравнению с существовавшим сионистским движением это действительно была такая, в общем, невинная вещь. Кроме того, что было важно для властей, среди людей, которые там собирались, за исключением Куповецкого, не было отказников. С отказниками

они могли делать все что, угодно: сажать, хватать, и пр. А мы все были сотрудниками Академии наук, как бы людьми с известными именами, и тут был немного другой подход. Например, и Крупник, и я были уже известны, у нас было много публикаций на английском. Я тогда уже знал, что разные западные университеты осаждали советскую власть, требуя предоставления мне возможности ездить на конференции в Америку и прочие страны.

С другой стороны, само сионистское еврейское движение относилось к Комиссии свысока, для его участников это было неинтересно, потому что она не была частью их политического движения. И реакция еврейского мира на Комиссию была странной и, как мне казалось, даже обидной. В основном связью Комиссии с еврейским движением занимался я, понятно, что там считалось, что это – мое творение, что поскольку я профессионал, то кроме участия в движении, я еще себя тешу как этнограф.

На Западе в разных еврейских журналах появилось несколько статей, reagировавших на закрытие публичной части деятельности комиссии: вот до чего дошли советские власти! Даже какое-то просветительское общество, и то прикрыли!

Вместе с тем, сами участники этой Комиссии, такие как Куповецкий, Крупник, Капланов, ощущали себя на баррикадах, чувствовали, что находятся как бы под постоянным оком. И действительно, нескольких людей, таких особо тихих, куда-то вызывали, и у них было ощущение, что они находятся на поле битвы.

Капланов еще в ту пору нашел тему, которую и разрабатывал дальше – сефарды в петровской России, в XVII–XVIII веках, отдельные персонажи типа да Косты и пр. Понятен его интерес к этому: Рашид Мурадович по базовой профессии лузитанист, его любимые языки, безусловно, романские, которые он все и освоил: и португальский он действительно знал прекрасно, и испанский, по-каталонски говорил хорошо. И поэтому сама тема испаноязычных евреев для него была естественной. Испаноязычных евреев, как известно, в России было мало, но нашлось несколько.

В 1985 году мы с Каплановым совершаем совместную поездку в Дагестан. Как ему и свойственно, он меня как бы приглашает «в свое родовое имение, поохотиться на фазанов». Ну, что ж, почему бы не поохотиться, – говорю я, – очень мило. И мы с ним поехали в Дагестан. В Дагестане в 1985 г. проходила этнографическая конференция, нечто вроде ежегодной полевой сессии. Я подал на нее заявку с докладом «Численность разных этнических групп евреев на территории СССР», которую, понятно, не приняли и, соответственно, командировки в Дагестан не дали. Я заявил, что поеду туда сам, просто так. Так что на сессии я появился.

Вместо того, чтобы посещать эту конференцию, мы пришли к Михаилу Матаговичу Ихилу (1917–1998), горско-еврейскому этнографу (сейчас его вдова, Татьяна Биньяминовна Мусаханова, живет в Махачкале). Он был интересным человеком, защитил диссертацию по горским евреям в 1951 году в Институте этнографии, в самый разгар сталинского антисемитизма. И он не присоединился к тому движению «татов», которое возглавлял известный горско-еврейский писатель Хизгил Авшалумов (1913–2001), а как бы выступал с третьей позиции. Одна позиция, что таты – евреи; другая – что они не евреи, а таты, а он говорил, что они – не таты, а горские евреи, но кавказский народ, в чем, на мой взгляд, был, глубоко прав.

Когда мы были у него дома, туда пришли некоторые этнографы с этой конференции, и мы все вместе, так сказать, бражничали. У меня сохранилась запись этой встречи, где присутствует и Рашид Мурадович. После этого мы с ним отправились в Дербент, где он меня познакомил с рядом своих знакомых из горских евреев, и мы занимались полевыми исследованиями (у меня сохранились обширные записи по этой поездке 1985 года).

Но любопытно, что фазанов не было, имения тоже никакого не было. Если и сохранился какой-то дом князей, то это никому не известно.

Там, в Дагестане я понял, что он действительно является последним представителем этого княжеского рода, но что он совершенно оторван абсолютно от всего, с этим связанного: от кумыкской среды, от кумыкского народа, от кумыкского языка, которого он не знал. Это очень любопытно, что он знал массу языков, но среди них не было именно тех, на которых говорили его предки: он очень плохо знал иврит, ему было сложно читать на идише, и он абсолютно не знал кумыкского.

Он действительно знал все европейские языки, плюс ко всему любил «малые» языки – ретороманский, ладинский (не еврейский язык ладино, а язык ладинов, христиан, живущих в восточной Швейцарии и Тироле), на котором говорят около 30 тысяч человек. Он еще собирал газеты на этих малоизвестных языках, в частности, на ладинском, фризском.

Где-то он выискивал, как вспоминают, фризских националистов, хотя я не знаю, где он их взял. Я вот полтора года назад ездил по Фризландии, там и фриза-то уже почти не найдешь, а националиста – тем более очень трудно. Я там искал хоть кого-нибудь, кто рассказал бы о фризах (правда, потом нашел несколько человек), но националистов, да еще и сепаратистов встретить не удалось. Впрочем, может, там и были какие-то, может, он кого-то и нашел, я не в курсе. У ладинов и ретороманов тоже трудно сейчас найти сепаратистов, которые хотели бы именно отделиться от Италии или Швейцарии и создать собственное государство, может, он их и находил, всегда ведь имеется молодежь. Он

любил такого рода языки, мог читать по-валлийски, что мало кто умеет, а где валлийский, там, соответственно, и бретонский.

Он действительно прекрасно знал романские языки – это был его конек – и практически на всех хорошо говорил – на французском, итальянском, испанском. Он прилично знал немецкий, и идиш он знал через немецкий, как бы лингвистически, а поскольку он еврейской графикой владел плохо, разбирать идиш, если была в том надобность, ему приходилось с трудом.

О восточных языках не знаю, не могу сказать точно, думаю, он имел общее представление о них. А европейские, действительно, особенно романская группа. Из германских он знал немецкий и английский, голландского он, по-моему, не знал. Ну, понятно, что когда знаешь столько языков, если знаешь немецкий и английский, то при необходимости можно прочесть и по-голландски, и по-шведски, и по-датски.

Потом наступает перестройка, и Комиссия прекращает свое существование по причине того, что все как бы куда-то разъезжаются и вообще занимаются другим. Крупник, который в ту пору еще не знал, что через два года уедет в США, пытается вывести эту Комиссию на более высокий уровень, превратить ее в какое-то научное учреждение – отдел в Институте этнографии, или самостоятельный институт (возможно, так оно и было бы, но судьба решила иначе). С этой целью Крупник в декабре 1989 года созывает научную конференцию по иудаике, где, в частности, Капланов выступил с докладом «Правило или исключение? Политическая жизнь евреев Прибалтийских государств в межвоенный период». По материалам этой конференции был создан – хотя еще и в СССР, но уже на пике революции, – первый, ставший затем довольно известным сборник статей по иудаике⁸. До этого выходили только сборники Географического общества, где кое-что появлялось, отдельные статьи – Капланова о литературном караимском языке⁹, Куповецкого¹⁰, и других.

Итак, в начале 90-х всех разносит, кого куда. Здесь остаются Куповецкий, Капланов, Локшин, я, и все встраиваются в импортируемые в СССР из Израиля разные инициативы, например, джойнтовскую в купе с Международным центром университетского преподавания иудаики при Еврейском университете Иерусалима – по созданию «Сэфера»; Шауль Штампфер со своим Свободным Университетом, который вначале возглавляет Куповецкий, как бы уже начинает с 1991 года ту структуру иудаики, в которой выросли следующие поколения. И князь, соответственно, как бы встраивается в это.

Куповецкий совершенно правильно вспоминает о князе, как о таком балованном ребенке. Князь – человек больной с детства, неженатый, проживший свою жизнь при маме. Он относился к тому типу людей, который плохо приспособлен к жизни и к жизненным ударам, поэтому

после смерти матери ему пришлось очень тяжело. Эта неприспособленность проявлялась всегда: ему вообще какие-то шаги в жизни, связанные с радикальной переменой, были чужды.

В начале 90-х годов он находился в поиске. Среда, где существовала Комиссия, безусловно, была его средой, она ему очень нравилась, была приятной, привычной. Но она как бы рушилась, и он искал чего-то взамен.

Я помню, как в начале 90-х годов у меня была мысль сделать его заведующим международным отделом Ваада. И я послал его в Калифорнию с миссией прояснить возможности сотрудничества с местными группами русских евреев, которые в то время начали расселяться по разным континентам, создания совместной объединяющей организации. Выяснилось, что князь – никоим образом не политик и не дипломат, и я вскоре понял, что моя мысль была абсолютно неправильной.

А вот созданный в 1991 году по инициативе Шауля Штампфера Свободный еврейский университет, который вначале возглавил Куповецкий, прообраз будущего Еврейского Университета в Москве, становится его новой средой. С этого времени уже начинается та структура иудаики, в которой выросли следующие поколения. И князь, соответственно, встраивается в это.

Затем его рекомендуют на пост главы «Сэфера», что было очень хорошо и для него, и для «Сэфера», ибо он был очень подходящей для этого представительской фигурой. Джойнт видел этот пост как общественную, неоплачиваемую должность, но в виде бонуса ему ежегодно оплачивались научные поездки, в которые он мог ездить по своему усмотрению, что было для него чрезвычайно важно.

Он действительно нашел уже в постперестроечный период эту сэферовскую среду, и стал преподавать. Раньше я не слышал, чтобы он преподавал. Я его пригласил читать лекции на моем факультете в Академии Маймонида. Некоторое время он там преподавал, как и Виктория Валентиновна Мочалова, читал курсы по еврейской истории. Любим был студентами и коллегами.

В 1998 году мы с ним ездили в Толедо на съезд Европейской Ассоциации иудаики (EAJS). Нас было на этом съезде всего двое от России, даже от всего бывшего СССР. Князь привез туда очередной доклад про своего Санчеса, а я – также очередной – про еврейскую цивилизацию. Когда в последний день происходило заседание правления EAJS, и они приветствовали делегатов из России, я предложил, поскольку это принято, избрать в правление нашего представителя. И Капланов там был единогласно избран. В результате этого он позже стал и президентом Европейской Ассоциации иудаики, и возглавил ее Конгресс в Москве в 2006 году.

Во время нашей поездки в Испанию, в массе разного рода ситуаций Рашид Мурадович часто проявлял себя как ребенок. Доходило до того, что я пришивал ему пуговицы, следил за его обувью, в общем, это было как-то мило. Мы там много разговаривали, а в конце 90-х годов у многих из нас был период каких-то переоценок прошлого, в частности, каких-то прошлых увлечений.

Князь там задавал мне, а, в сущности, и себе ряд вопросов: об отношении к сегодняшней израильской политике, о правых и левых направлениях в ней, о политических движениях, о разных российских делах. У всех нас в советский период были какие-то стереотипы, обусловленные определенным противостоянием, существовавшей «баррикадностью». Когда они начали исчезать, обнаружилось, что те, кто были по эту сторону баррикад раньше, вовсе не обязательно оказываются по эту сторону теперь.

Он был достаточно мягким, безобидным человеком, но иногда ершистым. Это наблюдалось в каких-нибудь, скажем, демонстративных действиях. В частности, он очень остро воспринял чеченский конфликт, в соответствии со своими воззрениями – симпатиями к разным национальным движениям, сепаратистским, а особенно – чеченским, поскольку он чеченцев числил среди своих предков. Чеченскую войну, трагическую саму по себе, он воспринимал очень болезненно и принимал очень близко к сердцу. В этот момент он начал заявлять, что по религии – мусульманин, хотя был человеком в принципе абсолютно нерелигиозным. Он стал разрывать отношения с некоторыми из коллег, которые позволяли себе, по его мнению, неуважительно высказываться о будущей чеченской стране.

Что касается родословной Каплановых, то на эту тему на конференции «Сэфера» в 2009 г. был сделан прекрасный доклад А. Воробьева, обнаружившего много сведений об этом роде, вплоть до Рашида Мурадовича. В его генеалогии были некоторые линии, позволявшие ему говорить, что он вообще родственник всем своим, как он выражался, «братьям по классу», т.е. всем монархическим домам мира. В этом было некое преувеличение, но такая родственная связь могла существовать на том основании, что какой-то из испанских королей до завершения Реконкисты женился на какой-то арабской принцессе, которая восходила к пророку Мухаммеду, и соответственно, приходилась Рашиду какой-то прабабкой. Через эти связи он считал себя родственником всех царствующих домов Европы. Но все это очень трудно доказать, поскольку точной генеалогии не сей счет мы не имеем. Сам он это все-таки воспринимал, скорее, с изрядной долей юмора, чем считал реальностью. Но любил эту тему – в его рассказах о том, как он приезжает к своим «братьям по классу», она постоянно присутствовала.

В последние годы его жизни мы общались не часто, но, тем не менее, периодически встречались. Князь был таким, я бы сказал, светлым образом для своих студентов и аспирантов. Да, это были его дети, как он их называл, он принимал их у себя дома, устраивал посиделки, и очень хорошо, что это осталось в памяти у очень многих.

Примечания

¹ Павел Иванович Пучков (1930–2008) – академик РАН, специалист по картографии религий и религиозной ситуации в современном мире; руководил Центром изучения религий и этноконфессионального картографирования Института этнологии и антропологии РАН, где работал с 1964 г. – *Здесь и далее прим. ред.*

² Киевское письмо X века – знаменитый наиболее древний памятник еврейского письма в России, первый письменный документ на территории России. См.: *Торпусман А.Н.* Антропонимия и этнические контакты народов Восточной Европы в средние века // *Имя – этнос – история.* М., 1989. С. 48–53). Наиболее убедительной представляется интерпретация имени Гостята, известного по новгородским берестяным грамотам XI–XII вв., как славянского: Гостята, сын Кавара Когена, может считаться евреем – выходцем из Хазарии, где его отец был назван тюркским (каварским) именем; в Киеве этот выходец из хазарских «коганим» получил славянское имя.

³ Хаим Волькович Бейдер (1920–2003) – поэт, филолог, журналист, один из ведущих исследователей идишской культуры в Советском Союзе. В 1973–1991 гг. – заведующий отделом, затем – заместитель главного редактора журнала «Советиш геймланд»; с 1996 г. проживал в Нью-Йорке, где публиковался на идише и русском языке, а также стал редактором еврейского литературно-художественного журнала «Ди цукунфт».

⁴ Геннадий Эстрайх – литературовед, прозаик и журналист, пишущий на идиш (в нью-йоркской газете «Форвертс»), преподает идиш и идишскую литературу в Нью-Йоркском университете. В 1980-е годы начал работать в журнал «Советиш геймланд» в должности ответственного секретаря. В приложении к журналу печатался составленный им «Краткий еврейско-русский словарь» на 7 тыс. слов приложением к *Советиш эймланд* (1989, № 1–4; 1990, № 6–8). Эмигрировал в Великобританию, затем переехал в США.

⁵ Независимость Черногории была провозглашена 3 июня 2006 г.

⁶ Опубликован на идише.

⁷ *Крупник И.И., Куповецкий М.С.* Лахлухи: курдистанские евреи в СССР // *Советская этнография.* 1988. № 2. С. 102–111.

⁸ Исторические судьбы евреев в России и СССР: начало диалога / Под ред. И. Крупника. М., 1992. Ср.: *Куповецкий М.* Советская иудаика на русском языке / 1980–1989 гг. / Библиографический указатель // *Вестник Еврейского Университета* в Москве. 1994, № 1 (5), с. 246–259.

⁹ См.: *Капланов Р.М.* К истории караимского литературного языка // *Малые и дисперсные этнические группы в Европейской части СССР (география, расселение и культурные традиции).* Сб. статей / Под ред. И.И. Крупника. М.: МФГО СССР, 1985. С. 95–106; переизд. в: *Капланов Р.М.* К истории караимского литературного языка // *Saraimica.* 2008. № 6. С. 40–46. Публикуется в настоящем сборнике.

¹⁰ См., например: *Куповецкий М.* Динамика численности и расселение караимов и крымчаков за последние двести лет // География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983. С. 76–93; *его же.* Еврейское население Латвии и Эстонии в XVI – первой половине XX века // Малые и дисперсные этнические группы в Европейской части СССР. М., 1985. С. 70–83; *его же.* Еврейское население Москвы (XV–XX вв.) // Этнические группы в городах Европейской части СССР. М., 1987. С. 58–73; *его же.* К этнической истории крымчаков // Этноконтактные зоны в Европейской части СССР, М., 1989. С. 53–69.

*Марк Куповецкий**

**Рашид Капланов
и Еврейская историко-этнографическая
комиссия в Москве 80-х гг.**

Наше общение с Рашидом началось в конце 1980 г. в рамках Этнографической комиссии Московского филиала Географического общества (МФГО) при АН СССР. МФГО представлял собой одну из наиболее ярких форм феномена «параллельной гуманитарной науки», характерной для интеллектуальной жизни Москвы 80-х. Сотрудники академических институтов и университетов, которые по разным причинам (необязательно – из-за идеологических запретов) не могли заниматься теми или иными проблемами в рамках своих официальных штудий за зарплату на кафедрах и в отделах, искали иные формы научного общения (как правило, это реализовывалось путем создания междисциплинарных семинаров «на стороне»).

Этнографическая комиссия МФГО была одной из таких «междисциплинарных площадок». Географическое общество при АН СССР, частью которого была Этнографическая комиссия, представляло собой любопытный рудимент досоветской эпохи. В царской России оно называлось Императорским Русским географическим обществом и, разумеется, его центром был Петербург. Практически все подобного рода институции в 30-х годах перестали существовать, но Географическое общество неведомым образом продолжило свою просветительскую, исследовательскую и публикаторскую деятельность. Московский филиал Географического общества в 80-х гг. располагался на нынешней Никольской улице в историческом центре Москвы. Здесь собирались как географы, зоологи и экологи, так и историки, филологи и этнографы, объединенные в более чем десяток специализированных комиссий.

В рамках Этнографической комиссии Московского филиала Географического общества под руководством научных сотрудников Институ-

* Марк Семенович Куповецкий – исполнительный директор Центра библеистики и иудаики Российского государственного гуманитарного университета.

та этнографии АН СССР М.А. Членова и И.И. Крупника с 1981 г. функционировал семинар, который, как помнится, назывался «Малые и этнодисперсные группы в городах Европейской части СССР». Этот семинар привлекал внимание не только профессиональных ученых, но также активистов и сочувствовавших из числа представителей тех национальных меньшинств, которые в рамках официальной советской гуманитарной науки попросту игнорировались.

Среди них были татары, крымские татары, цыгане, ассирийцы, поволжские немцы и, конечно, евреи. Еврейское национальное движение в Москве начала 80-х гг. было уже весьма структурированным идеологически и персонально. Одним из лидеров культурнического течения как раз был уже упомянутый М.А. Членов.

Меня в Этнографическую комиссию пригласил Игорь Крупник, как и некоторых других, в частности, Р. Капланова. Их познакомил Александр Кожановский¹. Это произошло, как рассказывал И. Крупник, в столовой общего для четырех академических гуманитарных институтов (Института Археологии, Института Этнографии, Института Всеобщей истории и Института истории СССР) здания на улице Дм. Ульянова.

Колоритную фигуру Рашида я заметил уже во время своего первого посещения Этнографической комиссии МФГО. Если не ошибаюсь, этого вальяжного господина, наряду с разного рода экзотическими национальными движениями Западной Европы (шотландцев, ирландцев, валлийцев, фризов, басков и т.п.) интересовали также еврейские субэтноты и караимы. Тогда это был вполне преуспевавший молодой кандидат наук – специалист по новейшей истории Португалии из Института всеобщей истории, написавший монографию о Салазаре. Нас объединил, прежде всего, интерес к феномену караимов, языком которых Рашид владел наряду с еще несколькими десятками индоевропейских и тюркских языков. Он объяснял эту свою заинтересованность происхождением. Рашид искренне гордился предками – кумыкскими князьями, и принадлежностью своих еврейских предков к курляндерам – германоязычной этнографической группе ашкеназов, сформировавшейся на территории западной Латвии. Помню, он это шутливо формулировал примерно так: «как кумыкский князь, я отношусь к своим подданным, в том числе и еврейским, с большим интересом и заботой об их судьбе». (Кстати, он иногда встречался с дагестанцами – потомками подданных своего кумыкского деда).

Рашид в рамках Этнографической комиссии наиболее тесно общался с таким же полиглотом, как и он сам, Львом Черенковым². Их объединял, в частности, интерес к тюркоязычному миру, в том числе, к караимам. Они часто разговаривали друг с другом на непонятных другим тюркских языках, включая западно-караимский диалект.

В Москве 80-х было какое-то количество «странных» людей, которым система «кое-что позволяла вне общепринятых правил игры», и Р.М. Капланов входил в их число. С точки зрения советских властей, эти «избранные», на мой взгляд, должны были являть для Запада показательный пример. Мол, в СССР не столь закрытая и тоталитарная система, если советские граждане могут посещать посольства и переписываться, в частности, с разного рода западными институтами гражданского общества. Меня, тогда студента-демографа, оказавшегося в отъезде, поразило, что Рашид, например, свободно общался с западноевропейскими журналистами и дипломатами, особо не скрывая от институтского руководства свои «нестандартные» научные интересы. Он также поддерживал письменные контакты с фриулами, ладинами и ретороманцами в Швейцарии и Италии, валлийцами и шотландцами в Британии. Впрочем, каких-либо видимых последствий это для него не имело, если не считать, что за рубеж Капланова не выпускали, он был «невыездной». Как он сам оценивал ситуацию, это была его плата за свободу общения с иностранцами. Впрочем, позиционируя себя «свободным человеком», Рашид, не скрывая, уточнял: «Я предпочитаю не знать того, что спровоцировало бы власти на грубое со мной обращение. Как кумыкский князь я не опускаюсь до прямой конфронтации с системой. Да и не выдержу ее прямого давления».

Рашид тогда увлеченно играл роль «большого ребенка». Это была важная составляющая его внешнего имиджа, да и реального образа жизни. Прежде всего, он оставался таковым дома для мамы и бабушки. В 80-х гг. он очень комфортно себя ощущал в таком положении. Мама была домохозяйкой, дамой волевой, а отец, насколько мне известно, был доктором технических наук, принадлежавшим к научной элите. К моменту нашего знакомства его уже не было в живых. По причине своего нездоровья Рашид получил очень хорошее домашнее образование и закончил среднюю школу экстерном. Поступил на престижный исторический факультет МГУ, затем в академический институт, где быстро защитил кандидатскую диссертацию. Но полностью играть по общепринятым в те годы для младших научных сотрудников Института Всеобщей истории, правилам, видимо, не захотел.

Заседания Этнографической комиссии в Географическом обществе пользовались все возрастающим интересом, но становилось также очевидным: еврейская тематика на нем не могла стать преобладающей без того, чтобы привлечь внимание «искусствоведов в штатском». Поэтому те участники Этнографической комиссии, в том числе и Рашид, для которых еврейская составляющая была приоритетной, начали искать иные возможности для общения.

Когда в начале 1982 г. один из наших молодых коллег, тогда студент кафедры этнографии истфака МГУ, В. Чернин (увлекавшийся языком

идиш и печатавшийся в «Советиш Геймланд») сказал, что главный редактор этого журнала Арон Вергелис готов предложить создание под эгидой «Советиш Геймланд» Еврейской историко-этнографической комиссии, некоторые из нас, в частности, М.Членов, встретили это с интересом. Другие, в частности, и я, отнеслись к этому, мягко говоря, без особого энтузиазма, учитывая имидж А. Вергелиса. Как и по многим другим «трудным вопросам», Рашид предпочитал однозначно не высказываться, но если я не ошибаюсь, на встречу с Вергелисом, как и я, он не пошел. Однако, когда в редакции «Советиш Геймланд» начали проходить публичные заседания Еврейской историко-этнографической комиссии, многие согласились читать там доклады, в том числе и Рашид. Некоторым из нас на трех публичных заседаниях Еврейской историко-этнографической комиссии в редакции «Советиш Геймланд» удалось прочитать не более чем по одному докладу. На первое такое заседание пришли несколько десятков человек, на второе – больше, а на третье собралось такое количество слушателей, что многим пришлось стоять на улице. Если не ошибаюсь, на третьем и последнем публичном заседании Рашид прочитал доклад «Еврейские политические партии в лимитрофных государствах в межвоенный период». Это для всех была крайне экзотичная проблематика, связанная с политической и общественной активностью евреев в независимых государствах Прибалтики. Как представляется, интерес Рашида в данном случае объяснялся происхождением из Латвии его предков по матери.

Видимо, кого-то сильно испугало, что в центре Москвы (редакция «Советиш Геймланд» располагалась на нынешней Мясницкой (в то время – улица Кирова, 17) собирается несколько десятков евреев, и к весне 1982 г. в «крыше» «Советиш Геймланд» Еврейской историко-этнографической комиссии было отказано. Вергелису, видимо в ЦК КПСС, сказали, что публичные заседания выходят за пределы предполагавшегося властями в данном случае «сценария». Он в ультимативной форме заявил нам, что публичных заседаний комиссии больше не будет, и мы можем собираться в редакции только в узком кругу собственно членов комиссии. Вергелис также обещал опубликовать наши доклады в своем журнале в рубрике «Еврейская этнография». Однако и эти «узкие» заседания длились недолго. Рашид продолжал активно в них участвовать. Потом через В. Чернина было сообщено, что собираться в стенах редакции – даже в узком составе – запрещено. Однако, согласно той же информации, осталась в силе договоренность о возможности желающим публиковаться в рубрике «Еврейская этнография». Рашид в «Советиш Геймланд» опубликовал свою работу о португальском марране, придворном враче периода императрицы Елизаветы Петровны Рибейро Саншесе³.

Начиная с создания Еврейской историко-этнографической комиссии при журнале «Советиш Геймланд», я начал более тесно общаться с Ра-

шидом, часто бывал у него в гостях. У Капланова была потрясающая библиотека, в том числе, новой зарубежной литературы по иудаике, которую он предпочитал показывать только у себя дома. Зайти что-то у него почитать было всегда хорошим поводом для общения.

Бывал он и у нас в гостях, поскольку у Рашида сложилась явная взаимная симпатия с моей женой Леной. Их объединяло прекрасное знание французского и неподдельная любовь к французской культуре.

С середины 1982 г. заседания Еврейской историко-этнографической комиссии проходили уже на квартирах ее участников. Чаще всего у М.А. Членова и Рашида. Собирались также на квартирах у Игоря Крупника, Анатолия Хазанова, Эстер Годинер и у меня. В комиссии не существовало такого понятия, как членство; председательствовали, как правило, Членов или Крупник. Наши встречи проходили ежемесячно, иногда реже, и строились обычно по модели семинара. Заседания всегда проходили в виде чаепитий, нередко со спиртным, чтобы в случае чего это выглядело бы как обычное застолье. На этих семинарах Еврейской историко-этнографической комиссии Рашид прочитал несколько докладов, нередко выбирая весьма экзотичные сюжеты, к которым затем не возвращался (например, о судьбе марранов в Гоа – португальской колонии в Индии). Несколько его докладов были посвящены также истории и культуре караимов.

Иногда Рашида явно коробил европоцентризм в оценках некоторых участников комиссии тех или иных событий еврейской истории и культуры. Он, тем не менее, позиционировал себя как «западно-европейского либерала по духу». Определенно, Капланов не причислял себя к еврейскому национальному движению и видел свое участие в деятельности Еврейской историко-этнографической комиссии, прежде всего, как одну из форм самовыражения в рамках «параллельной науки». Впрочем, он часто подчеркивал, что такие люди, как он, могли бы быть неким «интеллектуальным мостом» в диалоге евреев и мусульман.

На заседания с докладами часто приглашали коллег из других городов. В частности, по инициативе Рашида, был приглашен львовский историк, крупнейший специалист по этническим меньшинствам в средневековой Восточной Европе Ярослав Романович Дашкевич⁴. Во время приездов Р. Дашкевича в Москву мы иногда встречались с ним у Рашида и вне рамок комиссии. Помнится, Рашид очень дорожил общением с Дашкевичем⁵, впрочем, как и я.

В период Перестройки, примерно в 1987 г., мы стали собираться все реже и реже. Основных причин было две: для тех, кто собирался оставаться, появились, видимо, более интересные возможности для самореализации, другие стали готовиться к эмиграции. Начался новый этап нашей жизни, который для Рашида стал периодом трудного социально-

го выживания. Как представляется, лишь создание «Сэфера» дало ему в середине 90-х точку опоры в ситуации потери бабушки, а затем и мамы, утраты престижного в советские годы статуса научного сотрудника академического института.

Примечания

¹ Александр Николаевич Кожановский – этнограф, в описываемое время – научный сотрудник Института этнографии им Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, кандидат наук (1979), однокурсник Р.М. Капланова. – *Здесь и далее прим. ред.*

² Лев Николаевич Черенков – этнограф, языковед. Выпускник исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова (1970), в описываемое время – старший научный сотрудник ИНИОН РАН. Является действительным членом Русского географического общества, членом правления Цыганского фонда в Цюрихе (Швейцария). Одна из его работ того времени: Некоторые проблемы этнографического изучения цыган СССР // Малые и дисперсные этнические группы в Европейской части СССР / Под ред. И.И. Крупника. М., 1985. Также является автором работ по истории и этнографии малых тюркских народов (таврических ногайцев, литовских татар и др.).

³ Публикуется в настоящем сборнике.

⁴ Ярослав Романович Дашкевич (1926–2010) – украинский историк, археограф, этнограф; в 1949–1956 гг. находился в заключении по политическим обвинениям. В 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию «Армянские колонии на Украине в источниках и литературе XV–XIX вв.»; доктор исторических наук (1994), профессор (1996).

⁵ Ярослава Романовича и Рашида Мурадовича связывали не только профессиональные интересы, но и многолетняя дружба. Еще 18 февраля 2010 г., за неделю до смерти он писал нам о своем (увы, не успевшем осуществиться) намерении участвовать в данном сборнике: «Меня очень заинтересовала Ваша идея подготовить сборник памяти Рашида Мурадовича Капланова. Сообщите, пожалуйста, сроки подачи материалов. С уважением, Ярослав Дашкевич».

*Абрам Торпусман**

Вспоминая Рашида

Если не ошибаюсь, познакомились мы с ним в 1980-м (может быть, в 1981?) В то время по инициативе Мики Членова и Игоря Крупника в Москве создавалась Еврейская историко-этнографическая комиссия. Мика пригласил в Комиссию меня. (Мы с ним стали знакомы недавно: я тогда основательно увлёкся еврейской антропониимикой, которой интересовался и Мика, он меня и разыскал).

В те времена у меня шла интенсивная переписка со Львом Исааковичем Кая из Симферополя, который консультировал меня по именам евреев-крымчаков и заодно «просвещал» в вопросах этнографии и истории караимов. Кая в самом деле много знал в этой области, но слово «просвещал» не зря взято в кавычки – отношение добрейшего Льва Исааковича к караимам было очень предвзятым и несправедливым. Зато по части крымчаковедения он был адекватен и уникально осведомлён.

Я предварительно поговорил с Микой о возможности пригласить в Комиссию Кая – ведь в ней предполагалось объединить тех, кому есть что сказать по еврейской истории. Мика, предупредив об осторожности (организация, создававшаяся по инициативе снизу, имела большие шансы стать подпольной), идею одобрил. Где-то в августе 80-го Кая оказался в Москве, и мы договорились встретиться у меня. В некий замечательный день он вошёл в нашу квартиру, и не один, а со своим молодым другом Володей Черниным, жителем Калининграда Московской области, студентом выпускного курса истфака МГУ. Володя интересовался историей крымчаков и еврейской культурой вообще (через несколько лет он стал поэтом на идиш Велвллом). Я уже на свой страх и риск пригласил в Комиссию обоих. Лев Исаакович стал «членом-корреспондентом» Комиссии, а мы с Володей побывали на учредительном и всех последующих очень волнительных собраниях, которые всегда (почти всегда?) проходили на квартире Крупника.

* Абрам Наумович Торпусман – филолог, научный редактор Краткой еврейской энциклопедии, Иерусалим.

Там мы и познакомились с Рашидом, который с первой встречи произвёл незабываемое впечатление – эрудицией, знанием невероятного количества языков (преимущественно в блестящей и письменной, и устной форме) и манерами обхождения, включавшими демократизм, почтительное внимание к собеседнику вместе с достоинством и какой-то восточной величавостью.

При этом стоит отметить, что полиглотом номер один в Комиссии (и, кажется, во всей Москве) считался не Рашид, а обаятельнейший Лев Николаевич Черенков, с которым все были (или стали) дружны, в том числе, разумеется, Рашид. Помнится, поначалу и русский по национальности Черенков, и кумык по паспорту Капланов пришли в Еврейскую комиссию не как члены её, а наблюдатели (в самом хорошем смысле слова). Потом как-то само получилось, что Рашид стал одним из нас, а Лев дружески попрощался с Комиссией, оповестив, что подвергается усиленному «уговариванию» стать тем самым «наблюдателем», а он того не хотел бы...

Замечательно, что Рашид после первой же встречи проявил симпатию к нам с Володиёй и вскоре пригласил в гости. Так мы оказались в странной коммуналке в центре столицы с высоченными потолками, наполненной книгами, лежавшими в явном беспорядке. Однако хозяин в этом беспорядке ориентировался блестяще. На его письменном столе лежали учебник ирландского языка (по-английски) и множество словарей. Угощал он нас чем-то редким и изысканным, но подробности из памяти ушли. Зато помнится кое-что из разговоров.

Рашид сказал, что считает себя и евреем, и кумыком. Полагает, что имеет какое-то отношение к исламу, хотя и агностик. Питает особое, родственное отношение к караимам: «Они и тюрки, и евреи, и я тоже». Я возразил, что караимы – тюрки только по языку, а он, Рашид, – только по крови. Рашид ответил, что этногенез многих из еврейских общин – дело тёмное, а раз караимы убеждены, что они по происхождению тюрки, то этнографы обязаны с самосознанием считаться, даже если когда-нибудь выяснится, что биологически это не так. Я, вспомнив «уроки» Льва Исааковича, заметил: во времена Второй мировой караимы вели себя по отношению к евреям не самым лучшим образом. Рашид ответил, что так не считает. Караимам надо было выжить, и это соответствует еврейской традиции: «Если я не за себя, кто же за меня?» Немцы, как правило, караимов не трогали, но тщательно следили, чтоб евреи не выдавали себя за караимов. Караимы принуждены были доносить – вина на нацистах. Я вышел тогда из разговора в убеждении, что вина не только на нацистах.

Однако, когда в конце восьмидесятых мир ужаснулся геноциду армян в Баку, оказалось, что бакинские евреи (горские и ашкеназы), находясь в ситуации караимов Второй мировой, вели себя точно так же.

Праведников не нашлось. Прав был Рашид – самосохранение и особенно сохранение жизни ближних приоритетно важны в еврейском (в том числе караимском) списке ценностей, и с этим ничего не поделаешь. От себя добавлю: когда речь идёт о высоких материях – судьба страны, традиционное «прославление Божьего имени» и т.п., – тогда еврейский героизм не пустое слово, и это доказано многократно. А вот когда речь идёт о деле «мелком» – рискнуть собственной жизнью, да ещё жизнью домочадцев, чтобы спасти соседа и его детей, – тут «не дождётеесь». Рад, что много лет спустя на встрече в Иерусалиме я напомнил ему этот разговор и признал его правоту.

Мы уходили от Рашида, и возбужденный Володя, помнится, сказал, что мечтает тоже заняться ирландским языком. Я посоветовал ему тогда не разбрасываться, заняться толком еврейскими языками...

Рашид, к сожалению, «разбрасывался». Жадность к познанию не покидала его и не давала остановиться. Поэтому он в науке преуспел меньше, чем мог.

В январе 1988-го я уехал в Израиль. С Рашидом мы не переписывались – только после его печального ухода я кое-как приобщился к интернету. Но мы встречались – во время его редких визитов в Израиль и ещё более редких моих – в Москву. Общаться с ним было очень интересно и приятно, хотя после смерти матушки он стал грустен. Мы говорили о положении дел в России и в Израиле, дискутировали по истории еврейского народа. Рашид остался космополитом, но еврейская тема всё более им овладевала.

Мы часто говорим о Рашиде с Наташей Дараган в Иерусалиме (во время своих приездов в Израиль он останавливался у Наташи).

Пока живу, Рашид останется для меня образцом высокого знания, достоинства и милой поведенческой нормы, ассоциируемой с XIX веком...

Наталья Флора-Дараган*

Либерализм как образ жизни

Либеральные ценности на удивление мало популярны среди бывших советских граждан – как оставшихся на постсоветском пространстве, так и поселившихся за рубежом. Когда я вспоминаю, как малочисленно было развернувшееся в перестройку движение за отмену смертной казни, когда вижу как легко и охотно русские израильтяне отдают свои голоса за сильное государство и отмену демократических свобод, мне становится обидно за своих соотечественников. Ведь всех нас когда-то учили: «Человек – это звучит гордо!», «человек – мерило всех вещей», бедным и слабым надо помогать и т.д. и т.п. На фоне общей неутешительной ситуации Рашид выглядел каким-то сказочным принцем. Кстати о принцах: Рашид говорил, что по чистой случайности он оказался и князем и евреем, поскольку отец его был кумыкским князем, а мать – еврейкой, а если бы все случилось наоборот (отец еврей, а мать – княжна), то он не был бы ни тем и ни другим. И он всегда помнил, что могло бы быть наоборот.

То, что не могло быть иначе, – это его потрясающее образование и всесторонняя эрудиция, далеко выходящие за рамки того, что дает своим выпускникам МГУ. Рашид гораздо большего добился самообразованием, чем вынес из университетских аудиторий, и сохранял способность учиться и живой интерес ко всему новому в течение всей жизни. Поэтому неудивительно, что он возглавил Еврейское историческое общество в те годы, когда научиться этому еще было негде, а участвовать в его деятельности могли лишь смелые одиночки.

Мы познакомились с Рашидом в 1980-ые годы, работая в соседних институтах АН СССР, он – во Всеобщей истории, а я – в Этнографии. В 1984 г. мне надо было защищаться, а рецензентов найти было трудно, поскольку работа немалая и не оплачивалась никак, но коллега Александр Кожановский, учившийся с Рашидом в одном классе, обещал: «Рашид добрый, он тебе напишет». И действительно, он как-то фанта-

* Наталья Флора-Дараган, канд. ист. наук, Председатель совета Научно-образовательного общества «Теена» (Израиль).

стически быстро прочел и отрецензировал 200 страниц. Потом я убедилась в том, что он обладал навыками быстрого чтения.

Еврейские дела затронули меня лишь по касательной, я тогда была увлечена открывшимися с перестройкой возможностями политической деятельности – карабахским кризисом, который вскрыл многие противоречия национальной политики, движением за отмену смертной казни. Но быть совсем в стороне не удалось, поскольку я работала в одном секторе с Михаилом Членовым и в одной редколлегии с Игорем Крупником, а их увлеченность просто не позволяла окружающим евреям оставаться равнодушными. Общение с Рашидом было более или менее опосредовано этими замечательными людьми, а потому я его не разглядела в те годы, хотя и обратила внимание на его потрясающую эрудицию.

По-настоящему близко мы познакомились уже после моего переезда в Израиль, куда Рашид регулярно навещался для участия в Конгрессах еврейских наук и в других конференциях. По окончании этих мероприятий он обычно задерживался на несколько дней – неделю и останавливался у нас, чему я несказанно рада. Вот тогда мне и довелось оценить его живой ум, легкий характер и талант общения с людьми.

Рашид удивительно находил общий язык не только со всей нашей пестрой семьей, но и со всеми людьми, которые случайно или закономерно оказались рядом с ним у нас дома. С моей дочкой, переживавшей тогда период подросткового нигилизма, он вполне серьезно обсуждал ее жизненные планы, которых, как нам казалось, у нее нет и быть не может. Уважать ребенка, считаться с любым мнением было для него совершенно естественно. С моим мужем он на румынском дискутировал о философских концепциях Петре Цуци и Эмиля Чьорана. Мне давал почитать двухтомник Константина Кавафиса с переводами на польский. Эти переводы хвалил Иосиф Бродский в одном из своих эссе. Как-то у нас в гостях был араб-христианин из Назарета, и Рашид с небольшим знанием дела обсуждал с ним достоинства разных католических школ. В другой раз оказались новые репатрианты, обиженные МВД: муж-еврей из Казахстана, жена-украинка из Киева и ее сын от первого брака. Понятно, что МВД пыталось не признать их семьей и не давало никому из них гражданства. Рашид, к моему удивлению, принял живейшее участие в их судьбе и во все последующие приезды неизменно справлялся о них.

Обычно он садился с огромной амбарной книгой, где были записаны все его знакомые со всего света, к телефону и застывал там на несколько часов. Причем среди его партнеров оказывались как легко вычисляемые лица – сотрудники Еврейского университета, преподаватели еврейских дисциплин в диаспоре, так и совершенно экзотические персоны, например, жена индийского посла. Ни о ком он никогда не ото-

звался с пренебрежением или уничтожением, максимум, мог удивиться тому или иному поступку. Конгресс еврейских наук вообще – не вполне академическое мероприятие: всякий, кому есть что сказать о любой еврейской общине и любом явлении еврейской культуры, может принять в нем участие. Поэтому некоторые секции получают скорее научными, а некоторые – скорее сентиментальными. Таковы, например, секции израильского краеведения, языков идиш и ладино. Рашид неизменно посещал «сентиментальные» секции. Я помню его после секции ладино в окружении латиноамериканских старушек в немислимых нарядах и украшениях. Но и в такой компании он чувствовал себя как рыба в воде.

Вещи при соприкосновении с Рашидом теряли свою вещественную предметность и превращались в платоновские «сущности», которые носятся в надземном мире.

Остановившись у него в один из своих приездов в Москву, я спросила, играет ли он на том концертном рояле, который стоит у него в гостиной. Нет, – сказал Рашид, – это память о маме. В другой комнате стояла замечательная детская библиотека на английском. Это память о бабушке, – сказал он, – впрочем, если хочешь отсюда что-нибудь – бери. Я сказала, что в другой раз, трудно было разрушить эту целостность. Он рассказывал, что его мама, модистка по профессии и коммунистка по убеждениям, приехала из Великобритании в Советский Союз, прихватив с собой соломку и тесьму, чтобы шить шляпки первым леди Советского государства. Соломка, конечно, истлела, но тесьму он тоже хранил, как память.

И в нашем доме сохранились некоторые вещи, напоминающие о Рашиде. Это не свитера и тапочки, которые он часто забывал, – те я ему передавала с оказиями, – а нечто гораздо более романтическое. Как-то он приехал в январе и собрался после конференции в Эйлат. Зачем ты туда поедешь, – спросила я, – пусто, скучно и купаться нельзя. Вода-то постоянной температуры, – ответил он, – я буду плавать под водой с аквалангом, изучать подводный мир. Те, кто помнит его, по комплекции похожего на Карлсона, который живет на крыше, вряд ли подозревают, что он занимался хоть каким-либо видом спорта. Тем не менее, чтобы узнать нечто новое, он не жалел никаких усилий. Вот и дайвинг оказался ему по силам. Ну, привези тогда ракушек со дна Красного моря, – попросила я.

Рашида уже нет с нами, а ракушки лежат причудливой россыпью под окном...

Светлана Лучицкая*

Вспоминая Рашида

В сборник научных трудов Рашида прилично было бы написать о нем как об ученом. Но когда вспоминаешь Князя, понимаешь, что подобное определение для столь яркой и своеобразной личности как-то узковато. Сам Рашид вряд ли считал себя в первую очередь ученым, хотя его блестящей эрудиции, неординарным знаниям во всех сферах гуманитарных наук – от истории и лингвистики до философии и литературоведения – могли бы позавидовать многие специалисты, обремененные учеными степенями и званиями. Действительно, в процессе общения с Рашидом люди, которые репрезентировали себя как ученые, часто обнаруживали, что в их проблематике, в тематике их кандидатских или докторских диссертаций Рашид порой был осведомлен намного лучше, чем они сами. Князь мог бы стать автором пухлых томов по самым разным дисциплинам, претендовать на всевозможные научные звания и степени. Но он не сделал этого, несмотря на то, что его энциклопедическая образованность, его невиданная лингвистическая одаренность была притчей во языцех. Почему? Да просто ему было это скучно! Рашид не был человеком пера, письменной культуры, он был человеком слова. Он выразил себя в общении с людьми, в преподавательской деятельности, в лекциях и диспутах, а не в толстых скучных книжках, единственным благодарным читателем которых остается только сам автор. Рашид был слишком живым, чтобы быть ученым сухарем. В его системе ценностей профессорские звания и академические чины не имели никакого значения. «Зачем мне ученая степень? Звание профессора? – говорил он. – Я – князь».

Что значит быть князем, его собеседники не сразу понимали, но потом, как казалось, все становилось ясно. Быть князем – это значит сознавать свое высокое происхождение («Мы – князья Каплановы») и обладать высоко развитым чувством собственного достоинства («У нас в лагере говорили – «знай свою фамилию»), это значит знать все и не

* Светлана Игоревна Лучицкая – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

придавать этому никакого значения, постоянно острить, веселиться и веселить других, любить общаться с людьми, вкусно поесть и много путешествовать. Рашид никогда не унывал и не позволял киснуть другим, он всегда радовался жизни и больше всего на свете ценил человеческое общение.

«Я не люблю грех, но люблю грешников», – говорил он. Круг его знакомств был необычайно широк. В советское время нас поражало, сколько у него друзей за рубежом. Конечно, владея в совершенстве несколькими десятками иностранных языков, он должен был завести себе друзей среди иностранцев. Все это понимали, но та свобода и раскованность, с которой он сходилась с людьми, производила большое впечатление на *homines sovietici*, обремененных столь привычными для этой эпохи предрассудками и страхами. Рашида знали ВСЕ, и он тоже знал всех. Его привечали все – от студентов и аспирантов до патриархов академической науки. Без него не обходилась ни одна конференция и научное заседание, – его яркие выступления на научных симпозиумах всегда были запоминающимися, – а также ни одна дружеская пирушка, ни одно застолье – он был непревзойденным тамадой. Все ждали ЕГО. И он являлся – веселый, остроумный, он всегда сыпал шутками и остротами, всегда рассказывал что-то необычайно интересное и увлекательное, безудержно хохотал, – и начинался праздник. Рашид был неиссякаемым источником энергии и оптимизма, люди тянулись к нему, как если бы он был каким-то сильно действующим средством против скуки и серости жизни. Стоило ему появиться, и жизнь начинала играть яркими красками.

Я часто спрашивала себя: в чем источник неутомимого оптимизма и жизнерадостности Рашида? Казалось, все ему давалось легко, и к жизни он тоже относился очень легко. Однако мы знали, что он был очень нездоровым человеком, и у него было много проблем, груз которых заставлял бы любого другого человека замкнуться в своем мире и отстраниться от людей. Но только не его. Иногда создавалось впечатление, что Рашид на самом деле очень грустный человек, что за всегдашней веселостью кроется какая-то серьезная жизненная драма. Быть может, он сознательно стилизовал свою жизнь в духе веселых и никогда не унывающих персонажей? Он казался нам сэром Джоном Фальстафом и Мингером Пеперкорном и Чакко одновременно.

У Князя было немало ценных человеческих качеств. Обладая энциклопедическими знаниями и феноменальными лингвистическими способностями, он был начисто лишен амбициозности и снобизма. Его эрудиция не была чем-то напускным, искусственным, он никогда не создавал из своих знаний некую стену между собой и собеседником – нет, он обладал способностью тонко чувствовать людей и умел их слу-

шать. Он всегда предвосхищал реакцию своих собеседников, умел угадывать их мысли, принимать их сторону и сочувствовать их взглядам. Эта способность к мимикрии, умение подстраиваться под тон других людей не имело ничего общего с беспринципностью – это было проявлением его толерантности и широкой души. Разговаривать с ним было ни с чем не сравнимым наслаждением. В общении проявлялись все присущие ему качества – блеск эрудиции, острота реакции, веселость, живость. Было такое ощущение, будто он бросал вам мячик, и нужно было быстро и ловко отбить подачу – процитировать упомянутого им автора, прореагировать шуткой на его остроуту, расшифровать его тонкую аллюзию.

Князь был очень непосредственным человеком. До самых последних дней своей жизни он сохранил эту детскую непосредственность, которая присуща многим богато одаренным природой людям. Иногда он напоминал большого избалованного капризного ребенка, которого взрослые просто не в состоянии понять. Но его детский простодушный эгоизм не вызывал раздражения – он был его органичным свойством, как и его умение говорить на разных экзотических языках.

Князь был удивительным рассказчиком. Из своих путешествий – а он, наверное, объездил весь мир, – он всегда привозил поразительные истории. Они напоминали новеллы Боккаччо или средневековые *exempla* – в них помимо увлекательного сюжета и изящной формы всегда был свой особый острый смысл, своя «изюминка». И, конечно, эти истории всегда были смешными, они были рассчитаны на публику, на живую реакцию слушателей. Мне не посчастливилось слушать его лекции, но думаю, это должно быть захватывающее театральное зрелище – Рашид умел в эмоциональной форме преподнести самые сложные вещи.

Князь очень остро реагировал на проявления несправедливости, лицемерия, лжи, предательства. Сам он был очень порядочным человеком, с весьма четкими жизненными принципами, от которых никогда не отступал. Рашид происходил из знатного и древнего рода, его ближайшие родственники сильно пострадали во время сталинских репрессий.

У Князя была очень четкая гражданская позиция, и он всегда говорил и писал то, что думал, даже в то время, когда для этого требовалось немалое гражданское мужество. Он был настоящим либералом и демократом (еще в советское время он предлагал созвать Пятую государственную Думу и забыть как страшный сон все, что было между Четвертой и Пятой Думами), и неудивительно, что он с радостью воспринял происходившие в нашей стране с середины 80-х гг. перемены и активно в них участвовал. И в этой сфере он тоже был неисправимым оптими-

стом и с надеждой смотрел в будущее, подтрунивая над нытиками и пессимистами, которые рисовали мрачные перспективы развития нашей страны...

Трудно, невозможно сознавать, что Рашида больше нет. Все, что связано со смертью, как-то не вяжется с обликом этого веселого, бодрого, брызжущего энергией жизнелюба.

*Владимир Петрухин**

Князь из Академии наук

Мое «прямое» знакомство с Р.М. Каплановым (помимо случайных встреч в коридорах Истфака МГУ в студенческие годы) было достаточно официальным и даже церемонным. Как сотрудник Института Всеобщей истории АН СССР Р.М. в начале 1980-х гг. получил официальный заказ из издательства «Советская энциклопедия» на написание статьи «Португальцы» для энциклопедии «Народы мира». Я, редактор этого энциклопедического справочника, был наслышан о чрезвычайных способностях Р.М. к языкам и о том, что не только любовь к филологии, но и болезнь привязывали князя к «лежачей» работе со словарями. Я не ждал, что написать по заданной схеме статью в несколько страничек составит труд для сотрудника академического Института. Дело оказалось не в сложности задачи, а в неприятии автором заданных схем и даже сроков (ждать статьи пришлось долго...).

Более близким и неформальным наше знакомство стало в комиссии этнографии Географического общества: там в советские времена можно было свободно обсуждать проблемы, которых избегала официозная наука, в том числе и проблемы этнографии евреев. На заседаниях комиссии и не менее того в кулуарах колоритная фигура кумыкского князя Капланова, еврея по материнской линии (этнографический парадокс, сам по себе несовместимый ни с каким официозом), обрела особый смысл.

Необычайная эрудиция и ирония делали Р.М. незаменимым в дискуссиях: он был тем характерным для отечественных интеллигентских кружков персонажем, который генерировал идеи, не заботясь специально об их фиксации в виде манифестов или монографий. Уже став председателем академического совета центра «Сэфер», он так и не обзавелся престижным и впечатляющим ученой публику величиной списком публикаций, что иногда вызывало недоумение ученых собратьев.

* Владимир Яковлевич Петрухин – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Самоирония князя была несовместима с каким-либо пафосом (национальным, научным или религиозным), хотя он вполне серьезно относился к своему титулу и генеалогии. Это было естественным предметом подшучивания у общающихся с князем. Во время замечательного путешествия по Святой земле в 1994 г., на раскопки в Циппори, которыми руководил наш общий друг по заседаниям в Этнографической комиссии, Шломо Коль Яков, мы не могли не воспользоваться «туристическим» маршрутом и не искупаться в озере Кинерет. В воде я ёрнически заметил: «Если ты из дома Давидова по материнской линии, можешь пройти аки по суху?» – «Ты что, не помнишь, что с ним за это сделали?!», – возмущенно пыхтя ответил князь и поплыл прочь.

Р.М. был неизменным участником напряженных будней центра «Сэфер» и отдела славяно-иудаистических исследований Института славяноведения Академии наук. Когда ситуация, особенно в период подготовки конференций, накалялась до предела, князь снимал напряжение, воспроизводя мелодию из любимой им оперетты Имре Кальмана – «Поедем в Вараждин...» Теперь нам так не хватает этого живого голоса в офисах Академии.

*Sandro Teti**

Incontrai la prima volta il professor Kaplanov nel corso della Fiera Internazionale del libro di Mosca del 1989. Rimasi colpito, sia dalla sua ottima padronanza della lingua italiana, sia dalla sua conoscenza della storia del pensiero politico italiano e della situazione politica del nostro Paese. Si interessava in particolare del federalismo e della nascita della Lega Nord. Credetti di avere di fronte un eccellente specialista di storia e di politica italiana. Invece, come scoprii successivamente, la sua cultura era estremamente piú vasta. Mi raccontò la sua storia di principe daghestano, di ebreo e di specialista di storia ebraica dello spazio postsovietico.

Le nostre frequentazioni non sono state mai assidue, potevano passare anche interi mesi senza sentirlo, ma sapevo di poter contare su di lui in qualsiasi momento. Non solo per qualsivoglia domanda in merito ad argomenti legati all'ebraismo nell'ex-URSS, ma anche per avere informazioni e giudizi di carattere storico e politico riguardanti quell' area.

Il mio rapporto con il professore era caratterizzato soprattutto dall'amicizia e dallo scambio intellettuale, tuttavia ho avuto anche il piacere di organizzare delle iniziative con lui. Tra queste, oltre a due convegni in Italia, un servizio per la trasmissione ebraica "Sorgente di vita" per la televisione di Stato italiana Rai. Il servizio, al quale abbiamo lavorato per molti giorni, tra Mosca e San Pietroburgo, era un dettagliatissimo reportage sulla rinascita della cultura e della religione ebraica in Russia dopo la fine dell'Urss. Prima della sua scomparsa gli avevo anche sottoposto il libro "Perché Stalin creò Israele", di Leonid Mlechin, che mi era piaciuto molto. È stato il suo giudizio positivo a farmi prendere la decisione di pubblicarlo in Italia con la mia casa editrice.

Con lui Rai tv "Sorgente di Vita" riacia ebraica in ex Urss Lui giudicò corretto e serio libro mlechin che poi ho pubblicato in italiano Eravamo in procinto di organizzare un convegno sugli ebrei di Sardegna, argomento su cui era preparatissimo.

* Sandro Teti, Editore e presidente della Fondazione Alferov Italia.

*Сандро Тети**

Впервые мы встретились с профессором Капановым на Международной книжной выставке в Москве в 1989 году. Меня поразило как его отличное владение итальянским языком, так и его знание истории итальянской политической доктрины и политической обстановки нашей страны. В частности, он интересовался федерализмом и возникновением итальянской партии «Лега Норд» (Северная Лига). Я нашел в нем превосходного специалиста в области итальянской истории и политики. Но, как мне удалось понять в дальнейшем, его культура была гораздо разностороннее. Он рассказал мне свою историю дагестанского князя, еврея и специалиста еврейской истории Восточной Европы, Советского Союза и России.

Наши встречи никогда не были регулярными, проходили даже месяцы без нашего с ним общения, но я всегда знал, что могу рассчитывать на него в любое время. Не только по вопросам, связанным с иудаизмом в СССР, но также в случае необходимости информации или мнения, исторического и политического характера о постсоветском пространстве.

Мои отношения с профессором характеризовались в основном дружбой и обменом идей, тем не менее, я также имел удовольствие организовать вместе с ним несколько мероприятий. Помимо двух конференций в Италии, мы подготовили репортаж для еврейской передачи “Sorgente di vita” («Источник жизни») на итальянском государственном телевидении. Этот репортаж, над которым мы работали на протяжении многих дней, между Москвой и Санкт-Петербургом, являлся подробнейшим рассказом о возрождении еврейской культуры и религии в России после падения СССР.

Три года назад я обратил его внимание на книгу Леонида Млечина «Зачем Сталин создал Израиль», которая мне очень понравилась. Именно его положительная оценка этой книги подтолкнула меня к решению о ее публикации в Италии, в моем издательском доме.

* Сандро Тети – издатель, председатель “Fondazione Alferov Italia”.

Qualche tempo dopo la sua morte mi ero rivolto al centro Sefer, per chiedere informazioni su Cernovtsy, presentandomi come amico di Rashid Muradovič. Mi hanno risposto con grande cortesia e gentilezza, dandomi moltissime informazioni e contatti, in particolare la neo direttrice, subentrata al professor Kaplanov, Victoria Mochalova. Mi sono recato a Cernovtsy sulle tracce dei miei antenati, poiché nelle vicinanze è nata la mia bisnonna Amalia, morta a Milano. Il professor Kaplanov era molto legato a Cernovtsy, dove si recava molto spesso assieme a colleghi e studenti. Aveva organizzato campi estivi per giovani ricercatori di storia e cultura ebraica. Più volte avevamo parlato di quella città e più volte ci eravamo ripromessi di andarvi insieme: voleva guidarmi personalmente in un itinerario ebraico locale e presentarmi i suoi colleghi. Purtroppo la mia visita si è svolta senza di lui, ma l'ho sentito presente in tutti gli incontri che ho avuto sul posto con i suoi conoscenti e amici, a cominciare da Natalia Shevchenko, direttore del Museo storico degli ebrei di Bukovina. Non avevo mai visto prima Natalia e le altre persone con cui ho parlato, avrebbe voluto presentarmele il professore. Ma in fondo, seppure in spirito, lo ha fatto.

Quello che non è possibile dimenticare di Rashid Muradovič è quanto il suo aspetto fisico e il suo modo di vestire, connotati di una grande trasandatezza, fossero uniti alla sua grande cultura, al suo avvincente eloquio e al suo spiccato senso dell'ironia, che creavano un'atmosfera particolare, quasi gioiosa, anche quando si trattavano argomenti molto seri. A questo proposito voglio raccontare un episodio particolare accaduto alcuni anni fa a Mosca. Avevo un appuntamento con il professor Kaplanov e un mio amico russo, nei pressi dell'alto edificio dell'Accademia delle Scienze di Russia, che ospita anche il centro Sefer. I due non si conoscevano. Arrivarono sul posto prima di me, poiché portavo un leggero ritardo, e notai l'aria sorpresa del mio amico quando gli presentai il professore. Al termine dell'incontro, che fu molto interessante e cordiale, quando rimanemmo soli l'amico mi disse di aver scambiato il professor Kaplanov nientemeno che per un barbone, e questo per via della sua aria estremamente trasandata: calzava addirittura scarpe di colore diverso. Ecco, questo era Rashid Muradovič: un genio, in grado di parlare tante lingue quante mai avrei pensato una persona fosse capace di fare, dotato di una curiosità ipertrofica, di una vastissima cultura, e nello stesso tempo assolutamente disinteressato a tutto ciò che aveva a che fare con l'aspetto esteriore delle persone e delle cose, così come era del tutto indifferente al denaro e al suo fascino.

Мы также планировали организовать конференцию, посвященную евреям в Сардинии, – теме, в которой Рашид оказался специалистом, но, к сожалению, его смерть помешала осуществлению этих планов.

Через некоторое время после его смерти я, в качестве друга Рашида Мурадовича, обратился в Центр «Сэфер» с просьбой об информации о городе Черновцы. Мне ответили очень вежливо и любезно, предоставив большое количество информации и контактов, в частности, директор Виктория Мочалова. Я отправился в Черновцы по следам моих предков, так как там поблизости родилась моя прабабушка Амелия, скончавшаяся в Милане. Профессор Капланов был очень привязан к городу Черновцы, который он часто посещал вместе со своими коллегами и студентами. Там он организовывал летние школы для молодых исследователей еврейской истории и культуры. Порой мы с ним разговаривали об этом городе и планировали поехать туда вместе: он лично хотел провести меня по местному еврейскому маршруту и познакомить со своими коллегами. К сожалению, мой визит в этот город состоялся без него, но я ощущал его присутствие во время всех встреч с его знакомыми и друзьями, начиная с Натальи Шевченко, директора Еврейского Исторического музея Буковины. Я никогда ранее не встречался с Натальей и другими, с кем я общался, которых профессор был бы рад мне представить лично. Но, в сущности, пускай и духовно, он это сделал.

Незабываемыми являются его отличающиеся небрежностью внешний вид и манера одеваться, которые связывались с его широкой культурой, захватывающей речью, ярко выраженным чувством иронии, создавая особенную атмосферу, почти радостную, даже когда обсуждались серьезные темы.

В этой связи вспоминается случай, произошедший несколько лет назад в Москве. Я договорился с профессором Каплановым и с одним моим российским другом о встрече около высотного здания Российской Академии Наук, в котором располагается и центр «Сэфер». Они не были знакомы друг с другом. На место встречи они прибыли раньше меня, поскольку я задержался, и когда я представил моему другу профессора, я обнаружил на его лице удивление. Потом, когда наша встреча, которая была очень интересной и сердечной, закончилась, и мы с моим другом остались одни, он сказал мне, что принял профессора Капланова за бомжа из-за его крайне небрежного вида: даже его ботинки были разного цвета.

Это и был Рашид Мурадович: гений, способный говорить на многих языках, на скольких я и не думал, что человек способен, одаренный гипертрофической любознательностью, разносторонней культурой, и в то же время абсолютно равнодушный ко всему, что было связано с внешним видом людей и вещей, как и безусловно индифферентный к деньгам и к их очарованию.

Хайнрих Пфандль*

КУМЫКСКИЙ КНЯЗЬ

Когда в начале ноября 2010 года я узнал о том, что неполных три года назад умер Рашид Капланов, мне не только стало необыкновенно грустно и больно, но еще и безмерно стыдно: не всем было дано, да еще в советское время, познакомиться с человеком, которому эта власть, ненавистная мне до кончиков ногтей, была хоть и противна, но и, по большому счету, безразлична. Стыдно же мне стало потому, что мне не удалось сохранить в своей жизни этого замечательного человека, поддержать связь с ним до... момента его смерти. Да, каюсь: я потерял его из виду примерно на рубеже веков, хотя с 2002 года опять стал частым гостем в Москве, которую знаю лучше других городов мира, с которой меня связывает многолетняя любовь-ненависть. Любовь, так как в ней я прожил лучшие годы моей жизни – 1976–1977 и 1981–1982, и с тех пор наезжаю сюда с ежегодными визитами, в 80-е годы непременно включавшими бесконечные кухонные разговоры с Рашидом. А ненависть, так как Москва, как усталая старая проститутка («как опьяневшая блудница», если переадресовать ей слова Ахматовой о другом имперском городе – Петербурге), отдавалась то советским людоодам-бюрократам, то – по сей день – новым русским капиталистам.

Хотя я на своем – теперь уже длинном и насыщенном – жизненном пути встречался со многими интересными и великими людьми (не буду их перечислять, назову для примера лишь Булата Окуджаву, Дмитрия Пригова и Илью Кабакова), Рашида нельзя поставить в один ряд даже с названными. Если можно сравнить эту фигуру с кем-либо из моих знакомых, то я бы в первую очередь назвал будапештского русиста-булгаковеда Ласло Халлера, такого же настоящего князя и аристократа духа, тайного поклонника Габсбургов (что его тоже роднит с Рашидом), – увы, этого удивительного человека я тоже потерял из вида, хотя надеюсь, что он еще жив... Смерть Рашида и запоздалое известие об этой смерти послужат мне уроком, хотя по себе знаю, что из истории мы извлекаем только то, что ничему не учимся на этом опыте.

* Хайнрих Пфандль – д-р наук, профессор Института славистики, Университет Грац (Австрия).

Помнится, когда мы с ним познакомились, а это было то ли в 1981, то ли в 1982 году (а может быть, и в 1976/77 годах, неважно), Рашид жил на Ленинском проспекте, куда он меня пригласил после какой-то совместно прослушанной лекции. Приняла нас его замечательная мать, с которой я поначалу поддерживал светский разговор, но вскоре нашел общий язык. Мы пили чай, ели мои любимые советские эклеры, и я угостил хозяев случайно оказавшимися в моем портфеле моцарт-кугелями. Скорее всего, я собирался в гости к другим людям, но решил перераспределить дары – мне показалось, что Рашид такой же сластёна, как и я. Шоколадки имени Моцарта ему понравились, и мы иронично переименовали их в «шарики Моцарта», а потом, не помню, с чьей подачи, стали называть по-английски “Mozart balls”, и в будущем я ему регулярно привозил из Австрии эти самые шарики (тогда они были редкостью, не то что сегодня, когда они продаются в каждом московском супермаркете – правда, раза в три дороже, чем в Европе).

Помню каплановскую квартиру, заваленную книгами, журналами и газетами, – последние приходили со всех концов света, однако их объединяло одно: они в большинстве своем происходили из регионов с этническими или языковыми меньшинствами. Если остальные мои друзья хранили дома газеты вроде “Le Monde”, “The Times” или журналы вроде “Der Spiegel”, или даже парижскую «Русскую мысль» (за что могли посадить), то Рашид был выше этого: ему было важнее из первых рук узнавать о судьбе национальных меньшинств, которые подавлялись другими народами, находились на грани вымирания или боролись за свои права. На этой почве мы и нашли общий язык: Рашид знал много о каринтийских словенцах (моих соседях), о бургенландских хорватах (которых он по-русски то и дело называл «градищанскими хорватами») и о наших цыганах. Однажды незадолго до отъезда в Москву я позвонил ему из Австрии и спросил, что привезти, какие лекарства или книги, а он ответил: «Привези по одному номеру газет ваших каринтийских словенцев и бургенландских хорватов». Я не помню, удалось ли мне за пару дней достать “Hrvatske novine”, но по экземпляру изданий каринтийско-словенского “Naš Tednik” и “Slovenski Vestnik” я ему точно привез. Ему было интересно услышать о том, что каринтийские словенцы расколоты на консервативно-католический и левый лагеря, которые делят между собой всю этническую жизнь словенцев, вплоть до газет. «Да, – говорил Рашид, – это часто так: злейшим врагом считаешь не своего угнетателя, а конкурента из твоих же рядов. Это печально, но это так».

Вспоминая теперь эти и другие его слова, я восстанавливаю в своей памяти образ чрезвычайно интересного собеседника, который не только умел говорить и спорить, но и обладал редким даром слушать и вос-

принимать чужое мнение. Его голос охватывал более двух, если не трех, октав, и он спокойно терпел, когда я или кто-то еще отвлекался на пустяковые бытовые вопросы, которые его принципиально не касались.

Однажды, в начале или середине 1990-х годов, он оказался в Граце и ночевал в нашем новом доме. Не помню, читал ли он у нас в институте доклад, приехал ли на конференцию, или был в Граце проездом – эти первые годы после падения «железного занавеса» были временем максимальной открытости, когда ежегодно (особенно в 1989–1993 годах) к нам приезжали многочисленные друзья и коллеги из России и Украины, которых я в силу обстоятельств не мог приглашать к себе раньше. Молодым читателям напомню, что в те годы советская власть в индивидуальном порядке никого, даже стукачей, не выпускала из страны, особенно в капстраны, и любая моя попытка пригласить моих советских друзей в Австрию повредила бы, в первую очередь, им самим. Когда я в мае 1981 года по официальному приглашению родителей моего друга попал из Москвы (где я тогда преподавал немецкий язык) в Черновцы, его после моего визита вызвали в местный КГБ и заперли на два дня в одиночную камеру.

Но вернемся к Рашиду. Моя жена, в те годы более чем привыкшая к моим разношерстным русским друзьям, гостившим у нас то неделю, то месяц, до сих пор помнит совершенно необычного даже на фоне этой колоритной компании кумыкского князя, с которым она всего-навсего протрела считанные часы за завтраком. Он с ней беседовал то по-французски, то по-английски, то по-немецки, то сказал пару слов на знакомом ей румынском языке. Однако больше всего ее поразила в этом интереснейшем человеке, помимо его начитанности, абсолютная независимость мышления – у нас было такое ощущение, что он «в грубу видал» не только советскую власть, но и любую власть вообще. И если я, в силу моей плохой памяти, лишь очень поверхностно помню детали наших с Рашидом многочисленных встреч, то впечатление об удивительной доброте и уникальном остроумии этого человека навечно осталось в моей памяти.

Для характеристики его высказываний очень хорошо подходит вошедшее тогда в моду словечко «дискурс» (с ударением на втором слоге), то есть манера выражать свои мысли. И в этом отношении Рашид проявлял свою абсолютную независимость: еще в советское время мне казалось, что я из его уст впервые услышал несоветскую русскую речь, без одиозной советской канцелярщины и фразеологии, уж не говоря о том, что из его уст я впервые услышал – без обычного для советского дискурса камуфлирования – имена Троцкого (троцкизм – «правый ревизионизм»), Сталина («период культа личности»), Хрущева («время волюнтаризма»). Рашид называл вещи своими именами, и не только на

кухне в Граце или на Ленинском проспекте, а, как мне казалось, везде и всюду. Из-за этой его открытости я в первые дни нашего знакомства даже не сразу смог доверять ему, и, чего греха таить, мелькала мысль: не стукач ли? Но когда я попал в его квартиру, я сразу понял, что имею дело с человеком, принципиально не похожим на всех остальных.

Жалею только, что не воспользовался уже тогда доступными техническими средствами и не записал наши беседы с Рашидом, ибо он был поистине мастером устного жанра – дружеской беседы, свободного диалога, злободневной дискуссии, размышления вслух. Многому я научился у него, и осознание утраты не проходит. Однако надо быть благодарным судьбе за то, что она пересекла наши жизненные пути хотя бы на короткое время.

Виталий Портников*

Файф-о-клок

— **А** сейчас файф-о-клок, файф-о-клок! – Рашид Капланов неожиданно прервал нашу беседу и помчался – именно помчался, несмотря на всю свою грузность – в соседнюю комнату с просьбой приготовить нам чаю. Почему-то я запомнил этот эпизод – один из многочисленных эпизодов в гостях у Рашида. Наверное, потому что в эту секунду удалось увидеть все сразу: импульсивность, традиционность и жизнелюбие.

Сказать, что Рашид любил жизнь – это было бы слишком уж банально. Кто ее не любит, собственно. Но он умел любить ее в самых мелких, самых неожиданных проявлениях. Большая часть помнящих его людей знает его как кропотливого исследователя еврейского наследия. Есть еще и те, кто помнит Капланова-португаловеда. О Португалии он тоже мог говорить часами, блестяще знал эту страну, великолепно разбирался в обстоятельствах, предопределивших ее парадоксальную историю. Я весьма сожалею, что в моей библиотеке нет написанной им биографии Салазара. Совершенно убежден, что эта книга как никогда актуальна в современной России, что ее читатель понял бы, что на самом деле происходит в его собственной стране гораздо быстрее, чем прочитав десятки собственно российских политологических текстов. Впрочем, о Салазаре мы тоже говорили не так уж часто.

Рашид был всегда устремлен как бы вглубь – маленькие народы, маленькие языки, маленькие страны... Всюду у него были друзья или хотя бы добрые знакомцы, всюду он умел увидеть большое. Петр Вайль как-то писал о бескрайних полях Люксембурга. Но это же так и есть, это знает каждый – только не каждый видит. Рашид Капланов умел увидеть бескрайнее поле в каждом языке, в каждой культуре, в каждом человеке, в конце концов. Именно поэтому он сумел столько сделать для возрождения – практически на пепелище – еврейских исследований в бывшем Советском Союзе и России.

* Виталий Эдуардович Портников – публицист, главный редактор телеканала TVi.

*Маргарита Каганова**

Рашид Мурадович Капланов, горский князь, учёный, историк, знаток чуть ли не сорока языков, был одним из моих любимых преподавателей.

Его так и называли – князь Капланов. Или просто Князь.

С ним много связано хороших воспоминаний.

Он любил принимать экзамены дома, спрашивал по своим лекциям, лекции читал сумбурно, но по книгам без его лекций к экзамену невозможно было подготовиться. Он знал очень много и выдавал нам квинт-эссенцию, мы усваивали гораздо меньше.

Он преподавал историю евреев Западной Европы в Средние века. В школе мы знали только одну историю Средних веков – запутанные линии феодалов и крестьян, отношений церкви с государством и прочую советскую муть. В нашем университете было несколько умных и ярких преподавателей, способных прорвать этот исторический туман в голове студента, и Князь был, безусловно, одной из самых колоритных фигур. На его лекциях Средние века буквально оживали. Они становились ближе, как будто их персонажи действовали в современности. Я понимала, что мне никогда не разобраться в этом калейдоскопе, у Капланова была редкая память (что позволяло ему с лёгкостью осваивать языки), и он рассказывал о судьбах людей, о которых ничего не писали учебники: торговцев, артистов, философов, алхимиков, мореплавателей, солдат. «Такой-то подвизался при дворе...»: подвизался – его любимое словечко. Он вытаскивал этих персонажей из небытия, рассказывал о каждом так непринуждённо, как будто помнил их лично.

На лекциях он любил накручивать на палец ниточку, разматывать и опять накручивать, он просто не расставался с ниткой, и мы в шутку гадали, где та катушка, от которой он постоянно нитку отматывает.

Однажды я пришла на лекцию одна и испуганно села на первую парту. Все опаздывали. Он, ничуть не смутясь, крутил ниточку и рассказывал одной мне свои уникальные, на самом деле, истории про средневе-

* Маргарита Александровна Каганова – историк по образованию, по профессии редактор, верстальщик, дизайнер. Работает в журнале «Новый мир».

ковых евреев. Я ужасно смущалась, старалась всё записывать, но его лекции было очень трудно конспектировать. Как это всё сдавать? Мы лихорадочно записывали всё, что успевали, другого выхода не было.

Зато дома у него было интересно, книги стояли в стеллажах до потолка, один стеллаж целиком был занят словарями различных языков – в культурном диапазоне примерно с севера на юг и вокруг экватора – только так это можно описать. Я спросила однажды про эфиопский язык, и Князь, смеясь, ответил, что с «пляшущими человечками» много возни.

По выходным он часто устраивал «детские праздники» – собирал учеников и приглашал заодно какого-нибудь заморского гостя. Это был обязательный жанр, то марокканец, то итальянец – кто-нибудь обязательно назначался гвоздём программы. Заморских гостей у него было много, как и заморских друзей. А на столе было много вкусного, и обязательно адыгейский сыр – по-моему, он любил его больше всего. А может быть, это та еда, которую ему было можно по здоровью, я только теперь понимаю.

Он в молодости на фотографиях очень красив, чёрен и усат, и говорят, разбивал женские сердца, во что легко верится, потому что он всегда был вежлив и галантен с дамами, независимо от возраста, называл по имени-отчеству, целовал руку, поддерживал светскую беседу. Ему нравилось вести себя светски и аристократично, он это умел и оправдывал звание князя с лихвой, и нам нравились его манеры.

А вот семьи у него так и не сложилось, он был довольно одиноким человеком, хоть и окружённым друзьями. Болен диабетом, и как оказалось, сердцем. Перенёс инфаркт, потом вроде пошло на улучшение, потом... Потом – это сейчас.

Мы не виделись почти десять лет. Я его плохо знала, но очень хорошо помню. Я помню его самого гораздо лучше, чем тех исторических персонажей, о которых он нам поведал. И, наверное, это важнее, хотя он бы, возможно, с этим не согласился.

Я всегда буду его помнить.

Максим Гаммал*

Воспоминания о Рашиде Мурадовиче Капланове

Заранее прошу у читателя моих заметок прощения за их отрывочный и сумбурный характер. Память о Рашиде Мурадовиче не формализуется, даже со временем не покрывается гляncем общих фраз. Она, эта память, яркая и непоседливая, и никак не хочет превращаться в канон, превращаться в историю.

Я познакомился с Рашидом Мурадовичем в 1991 году на встрече караимов Москвы, которая проводилась по случаю праздника Песах. Вернее сказать, не я познакомился, а меня познакомили, подвели со словами «а вот есть тут у нас один мальчик». После недолгого и светского (как всегда у Рашида Мурадовича) разговора, я был приглашен к нему в гости в ближайшие субботу-воскресенье.

Я очень хорошо помню свое впечатление от первых встреч с ним. Оно было ярким и ошеломляющим. В нем не было самого Рашида Мурадовича, он был скрыт под кучей фактов, историй, анекдотов, иностранных слов, о значении которых можно было только догадываться, и все это выдавалось светским тоном с характерным интонационным подъемом в конце каждой фразы. Под этой лавиной вдруг ожившей мировой истории я старался просто выжить, старался случайно не сказать какой-нибудь глупости, чтобы не получить в ответ фразу: «ну как же вы не знаете?». Конечно, было восхищение, хотелось знать и понимать хоть чуть-чуть так же, как Рашид Мурадович. Но он как историк, как «специалист разговорного жанра» (его любимое определение самого себя) оставался недостижимым идеалом, такой пестрой птицей истории, которая приветливо глядит на тебя своими бусинками черных глаз, но в руки не дается. Тогда мне казалось, что ему просто приятно со мной общаться. Позднее я понял наивность своего заблуждения. Ему, конечно, было приятно – приятно учить, отдавать знания. Это не было систематическое обучение, в наших разговорах не было какого-то определенного плана. Да, были темы, к которым мы возвращались с завидной регулярностью, такие как еврейская история, караимы, еврейские языки

* Максим Игоревич Гаммал (Заверьев) – научный сотрудник кафедры иудаики ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова.

и т.д., но все это подавалось почти случайно в общих рамках светского разговора, который могут позволить себе хорошо воспитанные люди. Скорее это было приобщение даже не к истории, а к мировой культуре, и как бы возвышенно это сейчас ни звучало, это было так. Мое участие в этом процессе во многом ограничивалось весьма короткими репликами, почти междометиями и ерзаньем на стуле, но я очень старался, старался быть приличным и культурным.

В этих разговорах был еще один участник – библиотека. Она окружала нас со всех сторон, нависала над нами. Собственно вся квартира была одной большой библиотекой. Состав книг был пестрым и неожиданным: на одной полке могли находиться английский детектив, купленный по случаю, чтобы было, что почитать в самолете, и Библия на амхарском языке. Библиотека отражала характер своего хозяина. Ее размеры и содержание оставались для меня загадкой, которую я так и не разрешил: книжные полки громоздились одна над другой до потолка и следовали прихотливым изгибам стен квартиры. Более или менее мне удалось познакомиться с той частью библиотеки, что располагалась в кабинете и, видимо, была важнейшей, так как это были те книги, которые были всегда под рукой. Когда Рашид Мурадович отлучался из кабинета, я вначале робко и издали рассматривал полки, забитые книгами, со временем осмелев, стал позволять себе копаться в них, вытаскивая и рассматривая заинтересовавшие меня книги, по большей части это были словари и справочные издания. Иногда во время разговора Рашид Мурадович с неожиданным для него проворством, жестом фокусника снимал с полки ту или иную книгу, чтобы проверить или уточнить информацию. Его обращение с книгой по точности движений было сродни движениям хирурга – ни одного лишнего.

Что еще поразило меня тогда, в начале 90-х, так это количество стран, которые посетил Рашид Мурадович. Позднее он заметно увеличил свой «охотничий» список, но уже тогда он был весьма солидным. Он не рассказывал о стране как таковой, упоминания о ней всплывали в контексте более общей темы и служили иллюстрациями. Он был необычный путешественник. Несмотря на то, что, как правило, маршруты его путешествий совпадали с туристическими, его взгляд на путешествие как на нечто в духе «Необычайных приключений Тартарена из Тараскона», или «Посмертных записок Пиквикского клуба» (произведений любимых и поэтому часто цитируемых), даже круиз по Средиземному морю (а что еще может быть банальней в качестве путешествия?) превращал в цепь забавных и опасных для жизни событий, из которых он выходил с честью. Он ожидал впечатлений и получал их. Кстати, в том памятном круизе финальной точкой приключения, уже на пути из Стамбула в Одессу, было прочтение «Золотого теленка» Ильфа и Петрова на украинском языке. Физическое путешествие и книжное приключение вновь соединились.

Центральными героями в его рассказах были встреченные им люди и книги, которые он привез. Последние, извлеченные из очередного потертого и выдавшего виды портфеля, демонстрировались немедленно в виде трофеев. Как правило, это были книги, подаренные благодарными и изумленными аборигенами, нередко с учеными степенями. Просто покупать книги было неинтересно, а вот выменять их на хороший рассказ было обязательной частью «настоящего» приключения.

Та легкость жизни, которую Рашид Мурадович демонстрировал окружающим, была сознательно выбранной позицией воспитанного человека, вернее сказать, светского человека. Необычное происхождение (Рашид Мурадович по отцу был потомком знатного кумыкского рода), блестящие лингвистические и гуманитарные способности – все это способствовало такому впечатлению, помогало ему скрываться под маской светского льва, князя (так же между собой, но с заглавной буквы, называли его и многие из окружающих). Он не обременял нас собой, потому что считал это неприличным. А это уже немало и заслуживает уважения, говорит о характере, которому присуща свобода и бесстрашие, качества редкие во все времена. Человек тяжело физически больной, он не позволял болезни стать доминирующей в своей жизни, он просто не замечал, отменил свои недуги.

Та же легкость бытия была присуща ему и в научной сфере, и точно так же она была не более чем формой. Так играть с историей и, рассказывая о ней, менять регистр повествования от серьезного исследования до забавного эпизода, анекдота, мог позволить себе человек, свободно владеющий предметом научного исследования. Его кажущаяся несерьезность в этой области была просто оборотной стороной предельного профессионализма, дарившего ему свободу выражения.

Позднее, уже студентом, мне посчастливилось написать несколько небольших работ в соавторстве с Рашидом Мурадовичем, и я в полной мере смог оценить его профессиональные качества. Его работа над текстом статьи производила впечатление. Это была работа фокусника, когда благодаря нескольким исправлениям (тогда мне казалось, что даже совсем и незначительным), текст из грубого, неумелого ремесленного произведения, которое рассыпалось прямо на глазах, превращался в нечто стилистически ажурное, легкое, скрепленное железной логикой повествования. Этому нельзя научиться, но такая работа задавала планку, показывала, каким должен быть идеал.

Идеал, конечно, недостижим – на то он и идеал, и место Рашида Мурадовича всегда будет вакантно. После его ухода оказалось, что природа все же терпит пустоту, и незаменимые есть и будут всегда. Сейчас, уже по прошествии времени, можно оценить то, что не замечалось в беге повседневности, ту задачу, которую видел перед собой Рашид Мурадович: вовлечение в орбиту научной иудаики как можно большего числа молодежи. И я благодарен, что был одним из них.

Семен Чарный*

В середине 2000-х годов в рамках проводившегося Международным «Мемориалом» конкурса «Человек в истории. Россия – XX век» по инициативе Международного исследовательского центра российского и восточноевропейского еврейства (МИЦРВЕ), руководимого Олегом Будницким, была образована номинация «История российского и восточноевропейского еврейства».

Автору, как координатору этого совместного проекта, выпала задача по поиску и привлечению участников Отборочного совета из числа известных ученых и преподавателей иудаики, которые и определяют, какие три работы по еврейской тематике будут признаны лучшими. Естественно, речь шла не обо всех работах по еврейской тематике, количество которых достигало 40–50, а о 10–15, прошедших предварительный отбор.

Когда я начал составлять список возможных кандидатов, готовых взяться за эту волонтерскую работу, фамилия председателя Академического совета Центра «Сэфер» пришла мне в голову одной из первых. В его кандидатуре идеально совпадало сразу несколько условий, необходимых для участников Отборочного комитета – широкие исторические познания (я хорошо помнил по своим студенческим годам лекции кн. Капланова, которые имели лишь один недостаток – очень уж их трудно было конспектировать ввиду огромного объема информации), и интерес к деятельности молодежи, делающей первые шаги на поприще иудаики, возможность (а главное – желание) заниматься волонтерской работой на благо российской иудаики.

Впрочем, изначально Рашид Мурадович отнесся к предложению с некоторой степенью осторожности. Встретив меня в своей квартире с неизменной ниточкой в руках (ниточка эта, как доверительно сообщил однажды Р.М., попала даже в один из спектаклей, поставленных его студентами), он заметил, что, конечно, посмотрит работы, но не обещает, что сможет сделать это быстро. Подобное скептическое отношение меня не удивило, поскольку многие из тех, с кем я общался, полагали, что речь идет о чем-то типа школьных сочинений – этакой лег-

* Семен Александрович Чарный – канд. ист. наук, сотрудник НИПЦ «Мемориал».

кой формы графомании. Впрочем, по мере знакомства с работами участников конкурса впечатления Рашида Мурадовича изменились и дочитывал он их с большим энтузиазмом.

Р.М. Капланов участвовал в работе Отборочного совета дважды: в 2005 и 2006 гг. Каждый раз для этого требовалось прочесть, проанализировать и оценить свыше 200 страниц текстов, напечатанных на компьютере, машинке, а иногда даже написанных от руки. Надо заметить, что Рашид Мурадович был внимательным и достаточно снисходительным к делающим первые шаги молодым исследователям – редко какая работа получала у него оценку ниже «четверки».

Интерес Рашида Мурадовича к оцененным работам сохранялся и по окончании очередного экспертного цикла. На последней для него Ежегодной конференции по иудаике центра «Сэфер» в начале 2007 г., представляя сборник лучших работ на еврейскую тематику, поступивших на конкурс «Человек в истории. Россия – XX век», выпущенный совместно «Мемориалом» и МИЦРВЕ под названием «Полустертые следы», он, отметив, что те истории, которые опубликованы в этой книге, показывают нам жизнь еврейских общин в разных городах с абсолютно иной стороны, чем обычно. «Мы можем быть уверены, что из этих молодых людей вполне вероятно могут вырасти ученые, и мы можем также сказать, что из них почти наверняка вырастут хорошие люди» – сказал тогда Р.Капланов.

В 2007 г. сотрудничество по разным причинам не сложилось, а в дальнейшем произошли известные события, в результате которых наше сотрудничество прервалось навсегда...

*Борис Котлерман**

В сентябре 2009 г. во Франкфурте-на-Майне, в издательстве “Peter Lang” под редакцией д-ра Б. Котлермана вышел сборник “Mizrekh – Jewish Studies in the Far East 2009”^{}.*

С ама идея зародилась в разговоре с Рашидом летом 2006 г. Мы вместе преподавали на школе по иудаике под Днепропетровском и, разумеется, много беседовали. Среди прочего выяснилось, что у Рашида были родственники среди харбинцев. Рашид тогда предложил рассматривать восточноевропейских евреев на Дальнем Востоке в общих рамках, невзирая на государственные границы.

Мы решили провести в Харбине или Биробиджане конференцию именно в свете этой концепции и, если удастся, создать журнал на языках, на которых евреи на Дальнем Востоке разговаривали. После этого мы еще пару раз обсуждали эту идею по телефону, он обещал связаться с председателем Евразийского еврейского конгресса, Александром Машкевичем, написать что-то о евреях Харбина...

Летом 2007 г. мне удалось организовать такую конференцию в Биробиджане во время Летней международной школы идиша. В сентябре 2007 г. я побывал в Харбине и договорился с местными исследователями иудаики о выпуске сборника. К сожалению, с Рашидом мне больше не удалось поговорить – он уже был в больнице... Все, что я смог сделать, – это поблагодарить Рашида за идею.

^{*} Д-р Бер (Борис) Котлерман – научный сотрудник и преподаватель университета Бар-Илан (Израиль); Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии (Россия).

^{*} См.: <http://www.peterlang.com/index.cfm?vID=59306&vLang=E&vHR=1&vUR=2&vUUR=3>.

Bibliographic Information published by the Deutsche Nationalbibliothek
 The Deutsche Nationalbibliothek lists this publication in the Deutsche Nationalbibliografie; detailed bibliographic data is available in the Internet in <<http://www.d-nb.de/>>

Front cover: Mosaic map of the Far East from the Tel Aviv Synagogue in Memory of the Jewish Communities in China (by "Eilon Mosaics", Kibbutz Eilon, Israel, 1963, donated by David & Esther Pönve)

ISBN 978-3-631-59306-6

© Peter Lang GmbH
 Internationaler Verlag der Wissenschaften
 Frankfurt am Main 2009
 All rights reserved.

All parts of this publication are protected by copyright. Any utilisation outside the strict limits of the copyright law, without the permission of the publisher, is forbidden and liable to prosecution. This applies in particular to reproductions, translations, microfilming, and storage and processing in electronic retrieval systems.

www.peterlang.de

This volume was issued under the aegis of:

Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
 Дальневосточное отделение Российской Академии наук
 Khabarovsk Scientific Center
 Хабаровский Научный Центр
 Far Eastern State Academy for Humanities and Social Studies
 Дальневосточная Государственная Социально-Гуманитарная Академия
 Far Eastern Research Center for Jewish Culture and Yiddish
 Дальневосточный Центр Изучения Идиша и Еврейской Культуры

Editorial Board:

Mordechai Altschuler, The Hebrew University of Jerusalem (Israel)
 Dan Ben-Gurion, Heilongjiang University (China)
 Jonathan Goldstein, University of West Georgia (USA)
 Dov-Ber Kerler, Indiana University (USA)
 Chizuko Takao, Rikkyo University (Japan)
 Pavel Tolstoguzov, Far Eastern State Academy (Russia)
 Sheva Zucker, The League for Yiddish (USA)
 Gilad Zuckerman, University of Queensland (Australia)

Editorial Secretary: Sara Davolt

Thanks to: Rashid Kaplanov o"l, Mike Aronson, Chanan Bordin, Josef Brenner, Lev Grunkrug, Pavel Minakir, Holger Nath, Ute Winkelkötter

Published with the support of Lerner Yiddish Fund for Israel

*Анна Шаевич**

6 августа 2007 года Рашид Мурадович опаздывал на поезд Москва – Черновцы. Его домашний телефон не отвечал, мобильного у него не было. Встретившиеся на перроне студенты говорили, что видели его на вокзале. Но поезд тронулся, а он так и не появился. Дважды пробежав весь состав, я поняла, что в этот поезд он так и не сел. Каково же было мое удивление, когда на странной станции Сухиничи, где, выпучив глаза, носятся по платформе люди с огромными и чудовищными мягкими игрушками, в наше купе совершенно неожиданно ввалился сияющий Рашид Мурадович: «А вот и я!».

Выяснилось, что часы на привокзальной площади у фонтана, где «Их сиятельство» беспечно почитывали газетки, стояли. Рашид Мурадович был страшно горд своей небывалой находчивостью – сидя в вагоне-ресторане и поедая борщ, он весело и подробно рассказывал, как всего за 500 рублей умудрился вскочить на молдавский поезд, который нагнал наш в Сухиничах...

Привокзальные часы пытались его спасти, но Рашид Мурадович не верил в приметы и, как оказалось, прыгая с поезда на поезд, догонял судьбу...

Я все время мысленно возвращаюсь в эту черновицкую школу и понимаю, что пропустила, не заметила, не доглядела... А теперь вдруг вижу, как он уже за завтраком заглатывает горсти таблеток, что в обычной жизни не было ему свойственно, как пропускает экскурсионные поездки, предпочитая отлежаться в гостинице, и слышу, слышу, как он, конечно, шутя, говорит мне, зазывающей его на лекцию: «госпожа Шаевич, Вы явно хотите моей смерти»...

Он был очень одиноким человеком: у него не было ни семьи, ни близких родственников, ни близких друзей. В сущности, мы и были его семьей в его последние годы. Иногда я подвозила его вечерами домой, и всякий раз он говорил: «Как? Вы не бывали у меня дома? Какое упущение! Я непременно Вас приглашу, но как-нибудь в другой раз... сегодня у меня как-то не прибрано». Мне довелось побывать у него дома однажды – уже после его смерти.

* Анна Шаевич – координатор студенческих программ Центра «Сэфер».

В квартире на Ленинском было много книг – остатки некогда огромной библиотеки. Почти сразу у нас возникла идея создания библиотеки его имени: отобрать книги по иудаике в «библиотеку Капланова», поместить ее в «Сэфере» (либо на кафедре иудаики, либо где-то еще) и дать возможность студентам пользоваться ею. Увы, нашу идею вряд ли удастся претворить в жизнь... Очень жаль, что не всем очевиден такой простой и естественный способ увековечения памяти Рашида Мурадовича. А ведь это, безусловно, соответствовало бы его пожеланиям, поскольку из всех людей его интересовали исключительно «милые крошки», которых он выуживал из разных городов и весей и привлекал к занятиям иудаикой.

Входя по утрам в «Сэфер», Рашид Мурадович неизменно задавал один и тот же вопрос: «Как там наши милые крошки, что пишут?». Он всегда принимал самое активное участие в отборе студентов на школы и конференции, помнил про каждого и очень настаивал на своих кандидатурах.

Когда же ему наскучивала сэферовская суета, он брался развлекать нас своим многоязычием: «Ну-с, кажется, сегодня мы еще не слышали итальянского? Французского? Португальского?» – и начинал называть многочисленным знакомым по всему миру, практикуя различные европейские языки.

“Сэфер” осиротел и опустел. Мы долго привыкали к «физическому» отсутствию Рашида Мурадовича, постоянно обмениваясь его фразами, кидая друг другу его излюбленные шуточки («не крал я сосисок!»), покупая столь любимый им зефир в шоколаде (с привлекательным для его уха названием «шармель»)..

В нашем вечном шуме, гаме и нервотрепке Рашид Мурадович был островком спокойствия и неиссякаемого оптимизма. Нередко слышалось из его угла: «Мне кажется, вы преувеличиваете размеры бедствия. Вы всегда опасаетесь провала, но в итоге все как-то устраивается. И на этот раз все будет хорошо. Каким-то чудесным образом придет спасение!». Так всегда и получалось...

Так, надеюсь, будет и впредь. Но только не появится уже на пороге Рашид Мурадович со своим неизменным «А вот и я!», не спросит: «Не желаете ли сушеной папайи?».

*David Rozenson**

In Memory of Professor Rashid Kaplanov, z"l

As young Sefer students step over old, crumbling stones that once served as the foundations of Jewish synagogues and houses of study; as we enter living fields of old Jewish tombstones in villages whose population was once more than 70% Jewish and young Sefer students carefully record the names, the dates, the Jews of influence; as growing numbers of academic articles focusing on various fields of academic Jewish study by young local scholars appear in print and repeatedly quoted; as we gather to think about ways to further strengthen, enhance, and expand Sefer and academic Jewish life in the former Soviet Union, Rashid Kaplanov, of blessed memory, comes to mind repeatedly.

He is no longer with us but his presence is everywhere; the voice of his childish laughter fills the busses as they move slowly across the wobbly streets of Ukrainian cities and the image of his way of playing with little pieces of string as he would share his vast encyclopedic knowledge is still in front of us as young students, the new generation of Judaica scholars, take over classes and the leadership of academic Jewish life.

Professor Rashid Kaplanov had no biological children but there is no doubt that he birthed, together with Dr. Victoria Mochalova, who continues to lead Sefer, an organization that has done much to give life to academic Jewish study in the former Soviet Union.

We miss him but are forever grateful for all that he has done.

May his memory be a blessing to us all.

* David Rozenson – Executive Director of the AVI CHAI Foundation in the former Soviet Union.

*Дэвид Розенсон**

Благословенной памяти профессора Рашида Капланова

Когда юные студенты «Сэфера» ступают по старым разбитым камням, которые некогда были частью фундамента еврейских синагог и домов учения; когда мы входим на еврейские кладбища, полные старых надгробий, в местечках, население которых некогда насчитывало до 70% евреев, и студенты тщательно записывают имена, даты жизни, сведения о выдающихся евреях; когда все большее число научных статей по различным областям академической иудаики здешних молодых ученых появляется в печати и многократно цитируется; когда мы собираемся, чтобы обсудить пути дальнейшего укрепления и расширения «Сэфера» и еврейской академической жизни в бывшем Советском Союзе, мы неизбежно вспоминаем Рашида Капланова, благословенна память его.

Его уже нет с нами, но его присутствие ощущается постоянно: его детский смех как будто звучит в автобусах, медленно едущих по извилистым улицам украинских городов, все еще перед нашими глазами его манера играть с ниточкой, делясь своими огромными энциклопедическими познаниями; его образ возникает и когда молодые студенты, новое поколение исследователей сами начинают преподавать и лидировать в сфере академической иудаики.

У профессора Рашида Капланова не было своих детей, но несомненно он – вместе с д-ром Викторией Мочаловой, которая продолжает руководить «Сэфером», – дал жизнь организации, много сделавшей для возрождения еврейских академических исследований в странах бывшего Советского Союза.

Нам его не хватает, но мы бесконечно благодарны ему за все, что он сделал. Пусть его память будет благословением для всех нас.

* Дэвид Розенсон – исполнительный директор Фонда АВИ ХАЙ в бывшем Советском Союзе.

Виктория Мочалова*

Мы познакомились с Рашидом Мурадовичем в самом начале 90-х годов, так сказать, на заре Еврейского университета в Москве (ЕУМ), где мы оба с ним читали лекции. Потом мы шутили, что осуществили раздел Европы, поделили европейскую карту – ему была отведена Западная и Центральная, мне – Восточная Европа.

Все мы в ЕУМе были «почасовиками», и потому поначалу я никого из других преподавателей не знала – приходила на свои лекции, и уезжала сразу после их окончания. Но вот однажды была анонсирована встреча с тогдашним главой университета – равом Адином Штайнзальцем, и был объявлен полный сбор преподавателей. Тогда я впервые увидела весь – довольно обширный – преподавательский состав. Рядом со мной оказался импозантный джентльмен, который представился князем и предложил мне обращаться к нему «по-свойски – Ваше сиятельство». Я без рассуждений и затруднений приняла эту, как мне показалось, игровую форму, и сохранила это обращение до конца наших земных отношений. С затруднением я столкнулась лишь однажды, при довольно комических обстоятельствах: мы с князем, уже как руководители Центра «Сэфер», были приглашены на какую-то вечернюю встречу в кошерный ресторан, располагавшийся тогда в одном из жилых домов в Большом Спасоглинищевском переулке, на знаменитой «Горке», и ехали из разных мест. Я с трудом нашла нужный номер дома и стала поджидать князя, потом увидела вдалеке, как он мечется в бесплодных поисках значительно ниже по переулку, на уровне синагоги. Мне предстояло громко крикнуть, чтобы позвать его, и тут я осознала определенную неуместность крика «Ваше сиятельство!» на весь синагогальный переулок. Пожалуй, это был единственный случай, когда я окликнула его по имени.

(Подвозивший нас однажды таксист, когда князь вышел у своего дома, спросил меня: «А почему вы все время называли этого человека “ваше величество”? – Да не “величество”, а “сиятельство”! – Ну, какая

* Виктория Валентиновна Мочалова – канд. филол. наук, ст. научн. сотрудник Института славяноведения РАН; директор Центра «Сэфер».

разница?!?» – Хорошо, что князь не слышал этой реплики, он довольно педантично относился к этого рода номинациям).

В первой половине 90-х годов мы общались периодически – ездили вместе на научные встречи – то в подмосковное Крекшино, где состоялась первая, теперь можно сказать, историческая, конференция по иудаике, то в Иерусалим, а с образованием Центра «Сэфер» (1994), где он стал председателем Академического совета, а я – директором, наше общение перешло в жанр повседневного сотрудничества. К тому же в 1995 году я переехала на юго-запад, и мы с князем стали еще и соседями. По утрам я обычно заезжала за ним, и мы вместе ехали на работу (к моменту нашей встречи он успевал купить свежие газеты и журналы и жадно их, я бы сказала, проглатывал; вообще чтение было его предпочтительным, если не сказать – перманентным занятием), вечерами я подвозила его домой. Встречались мы и в неформальной обстановке, ходили друг к другу в гости, вместе ездили на разного рода вечера, встречи, приемы. Столь плотное и многолетнее общение привело к тому, что князь прочно вписался в мой жизненный ландшафт, стал частью моей жизни, и пока она длится, во мне жива и память об этом необычайном человеке.

Мне, как и многим другим коллегам, увы, уже приходилось писать воспоминания о Рашиде Мурадовиче, когда мы готовили посвященный ему сборник материалов конференции 2007 года¹, ставшего последним годом его жизни.

Там я попыталась назвать то, что казалось мне основным в личности князя – его «великолепное презренье» к разделяющим людей и культуры границам, игнорирование всяких лингвистических, пространственных, географических, или хронологических пределов. Ему каким-то неведомым образом удавалось существовать не столько в определенном месте, сколько как бы в мире в целом, и не столько в конкретном времени (хотя он более, чем кто-либо из известных мне людей, интересовался текущими событиями, политикой, регулярно давал себе труд ездить в киоск на «Парке культуры» за свежим номером “Economist”), сколько во времени, понимаемом во всей его исторической протяженности.

Да и то, что принято называть личной жизнью, у него отнюдь не ограничивалось домашним кругом, напротив, в орбиту его широко понимаемой семьи самым естественным образом вовлекались его однокашники, приятели, коллеги (весьма международное сообщество) и – особенно – студенты, в неисчислимом своем множестве привечавшиеся в его доме и выполнявшие функцию «детей». Князь – опять же, видимо, в силу своей экзистенциальной безбрежности – пренебрегал и возрастными, поколенческими границами, чувствуя себя в молодежной среде

более чем комфортно. Впрочем, в нем самом сохранялись многие черты, обычно приписываемые детскому возрасту: непреходящая радость бытия, веселый нрав (“*semper felix*” было его девизом), неистощимая любознательность, склонность к игре, наивная доверчивость, иногда дорого ему обходившаяся, но при этом никак не вытесняемая горьким опытом (в его лозунге «я предпочитаю доверять людям!», казалось, содержался отказ от коррекции светлой картины мира из-за каких-то имевших место вполне мрачных фактов), нежелание выполнять скучные обязанности, отсутствие определенных навыков (вроде завязывания шнурков или попадания пуговицей в петлю). Список можно было бы продолжать, но в его итоге неизменно возникал бы образ этакого Питера Пэна, только увеличившегося в размерах и обретшего множество научных сведений.

Помню, как однажды наши студенты пригласили нас с князем на дискотеку, устраивавшуюся в связи с каким-то еврейским праздником. Я очень удивилась, сказав им, что в дни нашей юности мы отнюдь не стремились видеть на наших вечеринках «взрослых», однако студенты отвели это соображение, утверждая, что в отношениях с нами они не ощущают «конфликта поколений». Думаю, что в первую очередь и в высшей степени относилось именно к князю, который, как мне кажется, с присущей ему легкостью существовал одновременно в разных возрастных измерениях. Мы с ним приняли приглашение и поехали (ездили и в дальнейшем) в какой-то клуб, и князь там совершенно непринужденно веселился и отплясывал с «милыми крошками», как он называл своих студентов. Вообще казалось, что его любовь, снисходительность и терпимость к ним не знала пределов, и когда он обнаруживал в моем отношении к студентам значительно большую степень требовательности, взыскательности, то всякий раз настойчиво напоминал: «Ну, это же детки, милые крошки!!!». Если же эти «крошки», которых он, как правило, подчеркнуто называл по имени и отчеству, в своей безалаберности переходили какие-то и для князя очевидные грани (кстати, он любил цитировать чеховское «всякому безобразию есть свое приличие!»), то он лишь совершенно благодушно сокрушался: «Ох, уж эти милые детки! Вечно приходится за ними подтирать!».

Помню, как в Академии Маймонида, где мы с ним – по приглашению Михаила Анатольевича Членова – тоже читали лекции, студенты устроили капустник, на котором пародировались и преподаватели. Один из студентов изображал князя (судя по дошедшим до нас слухам – нас на этом капустнике не было, – весьма удачно и смешно, подражая привычке князя крутить пальцами нитку, вероятно, служившую ему суррогатом четок), и позже, на экзамене, опасался гневной реакции преподавателя. «Ну, что вы, – благодушно успокоил его князь, – нас

с вами, Рашидов Мурадовичей, не так много на свете!». И поставил хорошую (полагаю – незаслуженно) оценку.

Его отношение к студентам было одновременно и трогательно-отеческим (он их опекал, всячески стимулировал к занятиям наукой, особенно заботясь о молодых людях из каких-нибудь весьма отдаленных от серьезных научных центров регионов, привлекая их к участию в сэферовских программах, часто селил их у себя дома), и вполне дружеским, как бы – «без чинов», что среди других преподавателей встречается довольно редко.

В моей памяти постоянно всплывают какие-то сценки из нашей общей жизни (вот князь прислушивается к происходящему в его присутствии страстному коллективному обсуждению достоинств, а точнее – недостатков некоей коллеги и резюмирует: «Я, кажется, принял решение: пожалуй, я стану любить NN, ибо, как я понял, ее никто не любит»), его поговорки и прибаутки на разные случаи жизни (например, когда ему не хотелось погружаться в какую-то требующую решения проблему, он обычно говорил «ну, этому мы, пожалуй, посвятим отдельное заседание»). Очень часто, когда мы с ним куда-то ехали на моей машине, а я, по обыкновению теряясь в определении маршрута, просила его помощи, он неизменно отвечал, что не знает и не хочет знать этого чуждого ему города, что его предков сюда сослали (имелся в виду дедушка по отцу, знаменитый кумыкский князь Рашидхан Капланов, здесь же и расстрелянный в 1937 году), и цитировал из Александры Бруштейн «Ах, боже в небе! Откуда же я должна знать такое?». В нем причудливым образом сочетались прекрасное знание географии мира (он буквально стонал и долго, месяцами, не мог успокоиться, увидев в одном из университетских учебников неточные географические сведения) – и полное отсутствие ориентации в топографии города, в котором родился и вырос.

Вообще с практической стороной жизни он был мало знаком и не стремился к познаниям в этой неинтересной и незначительной области, в отличие от других сфер его обширных интересов, которые он неутомимо насыщал. Но житейское туда отнюдь не входило. Помню, как спустя некоторое время после смерти его мамы, Лилии Исаевны, с которой он, никогда не заводивший своего отдельного дома и семьи, прожил 51 год своей жизни, он спросил меня, не знаю ли я случайно, где вообще люди обычно берут носовые платки. Однажды мы брели по заснеженной дороге с работы, и он посетовал на дискомфорт – забивающийся сквозь оторванную подошву снег. Я порекомендовала купить новые ботинки, на что князь ответил, что он не в курсе, как это делается, ибо раньше этим всегда занималась мама. Когда она в конце своей жизни тяжело заболела и была прикована к постели, князь трогательно

заботился о ней. Как-то в этот период он сказал мне, что теперь, сидя у одра, не может заниматься никакой серьезной наукой, и потому принялся за изучение грамматики малайского языка.

По неведомой мне причине князь страстно любил оперетту (кажется – «из всех искусств»: к изобразительному искусству и театру он был холоден, не могу вспомнить каких-то его отзывов о концертах классической музыки, литературная классика была скорее составным, как бы конститутивным элементом его общей образованности, литературный же авангард, как мне представляется, был ему явно чужд), постоянно напевал разные партии, а, например, «Любовь такая глупость большая, влюбленных всех лишает разума любовь. Все это знают и понимают, но все равно влюбляться будут вновь и вновь» из Кальмана была просто его выходной арией (справедливости ради надо признать, что его пристрастие к пению не обеспечивалось какими-то заметными музыкальными дарованиями). Когда один наш коллега, однокашник князя, решил эмигрировать в Канаду (как полагал князь, увлекаемый туда любимой женой), мы в «Сэфере» подготовили для традиционной «отвальной» специальный номер – опереточный канкан на излюбленную музыку князя из «Сильвы» с несколько препарированным, однако по-прежнему подчеркивавшим неразумность любви текстом («...Все это знают и понимают, но все равно в Канаду едут вновь и вновь»). Этот канкан мы исполняли втроем – вдохновенно отплясывающий князь в центре, разумеется, с неизменной бабочкой, гротескно компенсирующей небрежность остальных деталей его гардероба, в окружении двух сэферовских дам. Возможно, это была единственная непосредственная реализация пристрастия князя к оперетте, и как можно было судить, она произвела на публику впечатление (спустя долгое время на каком-то вечере ко мне подошла дама и сказала: «Я вас узнала – вы танцуете», что, разумеется, было отраженным светом тогдашнего танцевального триумфа князя).

В последние годы князь стал уделять меньше времени собственным непосредственно научным исследованиям, активизировав свою преподавательскую, педагогическую деятельность. Мне кажется, что его студенты, как и любая аудитория, перед которой он выступал с лекциями (надо отметить, что при всем своем нездоровье, грузности и хромоте князь был весьма мобилен и, пренебрегая тяготами путешествия, объездил с лекциями едва ли не полмира), многое почерпнули от лектора с такой редкостной эрудицией и энциклопедической образованностью.

14 августа 2007 года, закончив читать свои лекции на студенческой школе, которую «Сэфер» на этот раз устроил в любимых им Черновцах, князь намеревался отправиться в свое очередное путешествие (его

страсть к перемещению в пространстве – от Петрозаводска до Биробиджана, от Южной Африки до Австралии, не говоря уже о европейских странах, Израиле, Америке, – была, возможно, одним из вариантов его общей неутолимой страсти к познанию) по Закарпатью, но уже на автобусной станции ему стало плохо, и очевидно только благодаря быстрой реакции и усилиям провожавшего его черновицкого коллеги Александра Безарова, обширный трансмуральный инфаркт на фоне букета других болезней не сразил его прямо на месте.

Последние месяцы его жизни были очень тяжелы – и для его оказавшегося изношенным организма (своим здоровьем он пренебрегал примерно так же, как и одеждой, они как-то не заслуживали его направленного на совсем иное внимания), и для пытавшихся его спасти врачей – в Черновцах и в Москве, и для его близких, друзей, коллег, учеников. Но сам князь совершенно не изменял себе, сохранял не только спокойствие духа, но и присущие ему радость жизни и чувство юмора. 16 августа я позвонила ему из Польши, где тогда была на другой нашей легкой школе, по мобильному Саше Безарова, который проводил у его постели много времени (своего мобильного, как и компьютера, у князя никогда не было, как и интереса к технологическим новинкам). Голос у него был ужасный – говорить мешала одышка, тем не менее, он не без своей обычной шутиливой интонации сообщил мне, что «скорее жив, чем мертв», в конце сеанса связи предложил поговорить «при более благоприятных обстоятельствах». Поговорить нам позже удавалось – и по телефону, и при личных встречах в больнице, но вот дожидаться более благоприятных обстоятельств – увы.

Неизменными в болезни оставались и общительность князя (Саша Безаров писал мне из Черновиц: «Очень много у него посетителей бывает, а ему нельзя много общаться. Посещают все его знакомые»), и его «политиканство» («а я, знаете ли, политикан», – говорил он мне в ответ на удивленный вопрос, почему его интересуют выборы, например, в Албании, – «вот если завтра будут выборы в Сьерра-Леоне, так у меня и там есть свой кандидат!»), сослужившее ему на этот раз дурную службу. В черновицкой больнице он вступил в жаркий политический спор с соседом по палате (видимо придерживавшимся прокоммунистических убеждений и негативно отзывавшимся о Ю. Тимошенко), в результате чего пережил новый сердечный приступ и был переведен в реанимацию. Возможно, тут сыграл свою печальную роль кумулятивный эффект: вызов был брошен и рыцарственности князя, считавшего своим долгом вступаться за даму, и его представлениям о научной корректности (его оппонент описал этническое происхождение Тимошенко неким абсурдным термином, князь же не замедлил парировать это утверждением, что «науке такая нация не известна»), и его декларируе-

мому «украинскому национализму» (точнее, как «антиимпериалист» он был, если можно так сказать, «националистом» всех когда-либо угнетавшихся Российской империей народов).

Мне в связи с этим эпизодом вспоминается еще один – давний и на нашей памяти уникальный – случай внезапно гневной и чрезвычайно бурной реакции князя на нелестное высказывание одного из его коллег о Г.В. Старовойтовой. К потрясению присутствовавших при этой сцене, князь мгновенно вскочил и не замедлил перейти к рукоприкладству. Однако тогда, несколько лет назад, его сердце, видимо, было еще способно переносить подобные потрясения.

Неизменными в болезни оставались и обычно ему свойственные любознательность, пристрастие к экзотическим сюжетам (свою студентку, навещавшую его в московской больнице, он попросил – собственно говоря, на пороге смерти, – привезти ему книгу по истории древнего Китая), и игривая шутливость (когда он заново учился садиться и вставать с помощью очаровательной медсестры, то периодически восклицал: «Нет, определенно женюсь!», а нам иронически сообщал, что уже с инструктором исполняет «танцы народов»), и привычная тональность общения: на мой вопрос, какие у него есть пожелания (имелось в виду, что привезти ему в больницу), он ответил, шутливо имитируя еврейскую интонацию: «Чтоб вы мне были здоровы и счастливы!», а на вопрос, как он сегодня (3 ноября) себя чувствует, – «Да все у меня замечательно! Слухи о моей смерти сильно преувеличены!».

В сохранившихся письмах того периода есть моя (датированная 4 ноября, т.е. за три недели до смерти) записка коллеге, который собирался навестить князя в больницу: «Не откладывай – можешь не успеть. Дела плохи (объективно, а субъективно он равен себе)».

В эти тяжкие месяцы мне казалось, что «весь мир», а не только «ближний круг» переживает, участвует, старается как-то помочь, звонит, пишет. Все многочисленные письма распечатывались и приносились князю в реанимацию или, когда наступало улучшение, в палату. Он был очень признателен всем корреспондентам (более всего его радовали письма студентов) и в своей обычной манере шутливо сообщал нам, что «знакомится с письмами трудящихся» и обдумывает, не создать ли том переписки – со своими ответами.

Было впечатление, что какая-то ранее незримая международная армия бойцов вдруг встала в разных концах мира, готовая к борьбе за спасение князя и по мере сил, и сверх сил выполняла разные задачи: на первой линии фронта – неутомимые Иосиф Зисельс в Киеве и Саша Безаров, «Хесед-Шошана», героические врачи – в Черновцах, затем – в Москве; казалось, весь «Джойнт» – в Иерусалиме, Киеве, Москве; все наши раввины, президент РЕКа Вячеслав Кантор, друзья и коллеги

в разных странах... С благодарностью упомянуть всех, кто сражался в рядах этой армии и давал возможность Рашиду, его кузине Галине Исаевне и нам в «Сэфере» ощутить атмосферу этой человеческой солидарности, немыслимо – их список слишком обширен.

Отдельной страницей этой общей борьбы за жизнь князя стала его сложнейшая транспортировка в реанимобиле из Черновцов в Москву, которую наш киевский коллега Володя Любченко, с годами перешедший из категории «милых крошек» в число друзей князя и приехавший в Черновцы его навестить, восхищенно назвал «сухопутной операцией ковер-самолет». В ней действительно было много чудесного, просто волшебного, обеспеченного высочайшим профессионализмом героической медицинской бригады «Экстрареда» во главе с доктором Алексеем Тимуровичем Пучковым, которого нам рекомендовала Наоми Зубкова. Эта локальная битва за перевоз князя была блистательно выиграна, но обеспечить победный исход всей войны за его жизнь оказалось выше сил. Мне пришлось публиковать хронику о состоянии князя в своем «живом журнале», чтобы не пересказывать эту информацию, то – обнадеживавшую, то (чаще) – нет, ежедневно и многократно всем интересовавшимся положением дел.

Кажется, все сражались, как могли. Кажется также, что в числе этих «всех» не было самого князя: сражения, борьба, усилия – все это было не из его словаря. «Он не сотрудничает», – сказал мне внимательный лечащий врач Георгий Владимирович.

Князь во время своей последней болезни не отступил от основного, как мне казалось, принципа своего существования, в силу которого неприятностям и печалям нет места в его жизни, и как будто вытеснял из сознания (и разговоров) все то, что могло бы омрачить радость бытия. Результаты (не обнадеживавшие) обследований, оценки и прогнозы врачей, дурное самочувствие – все это каким-то беспечным и беспечальным образом игнорировалось им, не принималось во внимание, или – как бы неким царственным жестом, княжеским указом – отменялось, лишалось значения, и «субъективность» торжествовала победу над печальной «объективностью» медицинских фактов. Вот одна из моих записей того периода: «Его боевой дух никуда не делся и как будто не зависит от состояния сердечной мышцы, как это ни странно».

Столь приверженный к перемещениям в пространстве, он и в больнице планировал какие-то будущие дальние путешествия (в том числе, например, в Стамбул), а утомленный долгой больничной неподвижностью, убеждал нас, что «морально готов к свободе», не считаясь с тем, что физические возможности позволяли ему проделывать лишь один печальный и короткий маршрут: из общей палаты в реанимацию – и обратно. Столь невелика была теперь амплитуда колебаний его маят-

ника, и только в этих узких пределах он мог балансировать. Самым дальним доступным ему путешествием этих дней оказался переезд домой – и, увы, практически сразу же – обратно в кардиологический центр.

25 ноября маятник опять качнулся влево: у князя повысилась температура, он перестал есть, стал задыхаться, и ему оставалось лишь проделать свое последнее земное путешествие – из общей палаты в реанимацию.

27 ноября 2007 года князя не стало. Он скончался, не приходя в сознание. Мы похоронили его в соответствии с еврейской традицией, на еврейском кладбище в Малаховке, где позже его родственники установили памятник.

Примечание

¹ Проблемы еврейской истории. Материалы научных конференций центра «Сэфер» по иудаике. Ч. II. Памяти профессора Рашида Мурадовича Капланова. М.: Книжники, 2009.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список печатных и рукописных работ Рашида Мурадовича Капланова*

1. Х. Ортега-и-Гассет и его концепция «массового общества» // Проблемы испанской истории. 1975. – М., 1975. – С. 74–98.
2. Россия и страны вооруженного нейтралитета // Война за независимость и образование США. – М., 1976. – Гл. XVIII. – С. 344–391 (в соавторстве).
3. Падение португальского фашизма. Аналитический обзор // Западно-европейские крайне правые. Сб. ИНИОН. – М., 1976.
4. Португальский фашизм после Второй мировой войны. Идеология и политика. 1945–1968. Автореф. дисс. на соиск. степени канд. ист. наук. Раздел 07.00.00 – исторические науки. Специальность 07.00.03 – Всеобщая история. – М., 1977.
5. Португалия (1945–1950) // Всемирная история в 13 т. – Т. XI. – М., 1977. – Разд. 3. С. 354–358.
6. Pensamiento de Ortega y Gasset // Ciências Sociais. 1977. – № 2.
7. Интеллигенция и крайне правые // Интеллигенция и политика. РЖ: ИНИОН. – М., 1978. – С. 303–327.
8. Португалия (1950–1960) // Всемирная история в 13 т. – Т. XII. – М., 1979. – Разд. 8. С. 298–301.
9. Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. В 7 тт. – Т. IV. – М., 1980; Т. V. – М., 1981 (разделы).
10. Португалия (1960–1970) // Всемирная история в 13 т. – Т. XIII. – М., 1983. – Разд. 8. С. 287–290.
11. Региональные и националистические партии и организации // Современная Испания. – М., 1983. – С. 152–167.

* Не включены в список тезисы выступлений на конференциях, лекции и программы курсов, как и отраженные в отчете Р.М. Капланова за 1986–1989 гг. работы, оказавшиеся недоступными для описания de visu: Эволюция и крах салазаризма // Неофашизм в Западной Европе; Андоррцы; Национальные проблемы в Западной Европе: государственно-правовые аспекты; Германно-польский конфликт в 1939 г. Работы, отмеченные знаком *, публикуются в настоящем сборнике. – Ред.

12. Иберизм в общественно-политической жизни Португалии // Расы и народы. Ежегодник. Вып. 13. – М., 1983. – С. 191–206.
13. Националистические и регионалистские буржуазные партии в странах Западной Европы // Буржуазные политические партии стран Западной Европы в 80-е годы. РЖ: ИНИОН. – Вып. 1. – М., 1984.
14. O iberismo na vida sociopolitica de Portugal // Ciências Sociais. 1985. – № 1. – P. 142–156.
15. Шпаниш-португалише йидн ин Русланд ун Украине (XVI–XVIII йорхундерт) // Советиш Геймланд, 1985, № 2. – С. 148–157.*
16. К истории караимского литературного языка // Малые и дисперсные этнические группы в Европейской части СССР. – М., 1985. – С. 95–106; переизд. в: Caraimica. 2008. № 6. – С. 40–46.*
17. Национально-региональные движения в странах европейского Средиземноморья (70–80-е годы XX в.) // Средиземноморье и Европа: исторические традиции и современные проблемы. – М., 1986. – С. 113–145.
18. As relações culturais luso-russas no século XVIII // Resistência, 1986. – № 2.
19. У истоков национальных движений народов Испании // Проблемы испанской истории. 1987. – М., 1987. – С. 80–95.
20. Мальтийцы: народ на перекрестке культур // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. Вып. 17. – М., 1987. – С. 189–203.
21. Русско-португальские культурные связи в XVIII – первой половине XIX в. (некоторые малоизученные аспекты) // Становление капитализма в Европе. – М., 1987. – С. 240–247.
22. Правый радикализм в Западной Европе // Лабораторные тетради ИОН. – М., 1988. – Вып. 8.
23. Португальцы // Народы мира, Историко-этнографический справочник / Гл. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Советская энциклопедия, 1988. С. 372–373.
24. Вопросы новейшей истории в португальской историографии // Современная зарубежная немарксистская историография. Критический анализ. – М., 1989. – С. 461–472.
25. La idea europea en la obra de José Ortega y Gasset // España y el Mundo. – Moscú, 1990. № 6. – P. 124–132.
26. Франсуа Гизо: у истоков либерального европеизма // Европейский альманах. – М., 1990. – № 1. – С. 52–63.
27. Los orígenes del nacionalismo vasco y catalán // España Moderna y Contemporánea. – Madrid, 1990.
28. Orígenes de los movimientos nacionales de los pueblos de España // El Contacto. España vista por los historiadores soviéticos y españoles. Moscú: Instituto de Historia Universal, 1990. P. 174–198.

29. Португалия после второй мировой войны (1945–1974). – М., 1992. – 187 с. (монография).
30. Le Portugal d'un ingenu muscovite // *Belvédère*. 1992. № 4, Janvier-Février. – P. 54–63. – Trad. par A. Coldefy-Faucard.
31. El futuro de la CEI // *La Vanguardia*. 1992. 19 enero. P. 25. – Trad.: E. Fernández.
32. Лужичане // *Европейский альманах: история, традиция, культура*. 1992. – М., 1992. – С. 163–169.
33. Политический либерализм в истории евреев Центральной и Восточной Европы в XX веке (доклад на Пятом ежегодном семинаре «Еврейская цивилизация и еврейская мысль», Москва, 1993)
34. Судьба западноевропейского либерализма в XX в. // *Демократия в Западной Европе XX века*. – М., 1996. – С. 18–46.
35. Эволюция и крах авторитарного режима в Португалии // *Тоталитаризм в Европе XX века: из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления*. – М., 1996. – С. 402–420.
36. Евреи и национальное движение Восточной Европы в период между двумя войнами (доклад на конференции «Евреи в меняющемся мире», Минск, 1996).
37. The Second Half of the XVIII Century: Spiritual Decline or Rebirth? (доклад на конференции “*The Gaon of Vilnius, and the Annals of Jewish Culture*”, Вильнюс, 1997)*.
38. Антонио Нунес Рибейро Саншес – первый еврейский интеллигент в Российской империи (1 часть) // *Вестник Еврейского университета в Москве*. – М.–Иер., 1997. – № 1(14). – С. 154–176.*
39. Португальцы // *Страны и народы мира*. М., 1998. С. 428–429.
40. Jews in the Former Soviet Union: Between Dissolution and Renaissance // *Jewish Centers & Peripheries. Europe Between America and Israel Fifty Years After World War II* / Ed. by S. Ilan Troen. – New Brunswick & London, 1999. – P. 101–111.*
41. К читателю нашего журнала // *Вестник Еврейского университета*. – М.–Иер., 1999. – № 1 (19). – С. 3–4 (фрагмент предисловия, написанного в соавторстве с И. Барталем)*.
42. António Ribeiro Sanches nasceu há 300 anos. O médico dos “males de amor” // *Público*. 7 Mar. 1999 (в соавторстве с José Milhazes)
43. Intellectual Contact between the Sephardic Diaspora and the Baltic Lands in the XVIII Century (доклад на III международной конференции “*Jews in a Changing World: Outstanding Jewish Personalities in the History of Latvia and Baltics*”, Riga, 1999).
44. Судьба «диктатуры с человеческим лицом» // *Журнал GEO*. – М., 2000. – № 3.
45. Марранизм как литературное явление (доклад на IX Международной научной конференции из цикла «Еврейская история и культура

- в странах Центральной и Восточной Европы»: «Судьба еврейского духовного и материального наследия в XX в.», Киев, 2001)
46. Помбал в России (доклад на Международном научном colloквиуме «Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России», Саратов, 2001).
 47. Jewish studies in Eastern and East-Central Europe: a historical perspective // Jewish Studies and the European Academic World; Plenary Lectures Read at the VIIth Congress of the European Association for Jewish Studies, Amsterdam, 2002 / Ed. by A. van der Heide and I.E. Zwier. – Paris: Peeters, 2005. – P. 121–126.*
 48. Новые тенденции в западной историографии европейского антисемитизма (доклад на Международной научной конференции «Погром 1903 года: взгляд через столетие», Кишинев, 2003).
 49. Иудаизм (раздел) // Религии мира: история, культура, вероучение / Под ред. А.О. Чубарьяна и Г.М. Бонгард-Левина. – М., 2006. – С. 122–151.
 50. Становление и тенденции развития португальской партийно-политической системы (70–80-е гг.) (недатированная рукопись).
 51. Что теперь? (публицистический текст о распаде СССР, рукопись)
 52. От века мы молчали? (публицистический текст о ситуации в Белоруссии, 1991, рукопись).
 53. Le voyage au bout de l'Empire (рукопись, 1991).*
 54. [О суверенитете Татарстана] (рукопись без заголовка, 1992)
 55. Испано-португальские евреи в России и на Украине (XVI–XVIII вв.) (недатированная рукопись).*
 56. А.Н. Рибейру Саншес и абсолютистское государство (по данным советских архивов) (недатированная рукопись).*
 57. Catholicism and Orthodoxy as seen by an XVIII century Portugal Jew (доклад).*
 58. R.Z. Kaplanov: A Political Profile (недатированная рукопись).*
 59. Ислам в современном мире: некоторые соображения (недатированная рукопись).
 60. Европейская идея у Х. Ортеги-и-Гассета (недатированная рукопись).
 61. Gli Ebrei post-Sovietici fra rinascita e emigrasione (недатированная рукопись).
 62. La Russia si guarda nello specchio Jugoslavo (недатированная рукопись).
 63. [Дом Багратионов] (недатированная рукопись по грузинской генеалогии).
 64. The Role of Religion in the Political Cultures of Nationalism (недатированная рукопись).
 65. Jews and Russians: 1000 Years of Contacts (недатированные тезисы)*.

Рецензии

1. *Lucena M., de.* A evolução do sistema corporativo portugues. Vol. 1. O salazarismo. Lisboa, 1976 // Новая и новейшая история. – М., 1976. – № 6. – С. 203–205.
2. *Mendelsohn E.* The Jews of East Central Europe between the wars. Bloomington, 1983 // Вестник Еврейского университета в Москве. – М.–Иер., 1992. – № 1. – С. 247–249.*
3. Новое о произношении иврита у караимов Восточной Европы // Вестник Еврейского университета в Москве. – М.–Иер., 1995. – № 1(8). – С. 242–246 (в соавторстве с М. Гаммалом).*
4. *Miller Ph.E.* Karaite Separatism in nineteenth-century Russia. Joseph Solomon Lutski's «Epistle of Israel's Deliverance». Hebrew Union College Press. Cincinnati, 1993 // Вестник Еврейского университета в Москве. – М.–Иер., 1996. – № 2. – С. 277–280 (в соавторстве с М. Гаммалом).*
5. *Fishman D.E.* Russian's First Modern Jews: The Jews of Shklov. New York, 1995 // Вестник Еврейского университета в Москве. – М.–Иер., 1996. – № 1(11). – С. 234–236.*
6. *Rubenstein J.* Tangled Loyalties: The Life and Times of Ilya Ehrenburg. New York, 1996 // Holocaust and Genocide Studies. – Oxford University Press, 2000. – 14, № 2. – P. 281–283.*

Переводы

1. *Фрайтаг Г.* «Синагогу – под клуб!» Дебаты о закрытии Московской хоральной синагоги в 1920-е годы // Московская хоральная синагога. 100 лет. Научные чтения. – М., 2006. – С. 104–119 (пер. с нем. яз.).
2. Тысяча лет культуры ашкеназов. – М., 2006. – 558 с. (пер. с франц. яз. совм. с Е.И. Лебедевой).

Анатолий Воробьев*

Князья Каплановы. Опыт генеалогии

Хочу сразу оговориться, что фамилия князей Каплановых не имеет никакого отношения к известной ашкеназской фамилии Каплан – кроме созвучия, разумеется. Княжеская фамилия Капланов образована прибавлением русского патронимического суффикса «-ов» к тюркскому имени Каплан («тигр») – не очень распространённому, но довольно известному (к примеру, мы знаем двух Каплан-Гиреев, правивших Крымским ханством в XVIII веке). Еврейская же фамилия Каплан произошла от польского слова *caplan* («священник», а оно – от латинского *capellanus* «капеллан»). Заметим также, что еврейская фамилия Каплан идентична фамилии Коэн (или Коган).

Следует иметь в виду, что еврейская фамилия Каплан имеет ряд производных (Капланский, Каплянский, Каплун, Коплун, Каплансон, Каплин, Каплунов и некоторые другие)¹, в том числе и Капланов. В то же время, некоторые князья Каплановы вне России использовали фамилию «Каплан». Но, несмотря на эти совпадения, по сути – это две совершенно разные фамилии.

Каплановы – один из кумыкских княжеских родов Дагестана. Все кумыкские князья (*бии*) ведут свой род от Султан-Мута (Султан-Махмуда), сына одного из *шамхалов*² Тарковских, жившего в конце XVI века. Многие исследователи считают, что им был Чопан, другие полагают, что отцом Султан-мута был сын Чопана – Андий.

Султан-Мут происходил от неравного брака. Согласно кумыкским адатам (которые в этом мало отличаются от обычаев других северокавказских народов), неравным считался брак *бия* (или равного ему по происхождению) с женщиной из более низкого сословия. Дети от такого брака не наследовали княжеского статуса и составляли особую сословную группу и назывались «чанка» (или «джанка»). *Чанки* формально не являлись наследниками своих отцов-биев и получали права собственности на землю только по воле самих отцов.

* Анатолий Борисович Воробьев – специалист по генеалогии, ученик Р.М. Капланова.

Браки *чанков*, как правило, заключались с женщинами одного с ними происхождения. Иногда *чанки* всё-таки женились на кумыкских княжнах (или женщинах столь же высокого рода); дети от таких браков считались полноправными *биями*. Подобные «высокие» браки допускались лишь в тех случаях, когда *чанки* «отличались умом, особенной храбростью или военными успехами»³.

Султан-Мут был сыном *шамхала* и дочери кабардинского *узденя* (этот статус приблизительно соответствует нетитулованному дворянину). Единокровные братья Султан-Мута, рождённые другой женой *шамхала* – дочерью *уцмья* Кайтагского, – не признали в Султан-Муте равноправного с ними наследника. Но ему всё-таки удалось заставить братьев выделить ему часть наследуемой земли (на правом берегу Сулака), и, таким образом, он стал хозяином собственного удела. Поскольку жёны Султан-Мута были дочерьми высокородных владетелей, его сыновья получили княжеский статус.

Так Султан-Мут стал родоначальником всех кумыкских князей.

Согласно преданию, Султан-Мут погиб при отступлении русских войск под командованием окольного И.М. Бутурлина из Тарков, что, судя по дипломатическим документам, происходило в конце 1604 года⁴. Однако есть исследователи, которые считают, что он прожил ещё 30, а то и 40 лет.

Для исследования более глубоких корней кумыкских княжеских родов необходимо установить происхождение *шамхалов*, ветвью которых они являются.

По этому поводу существует несколько гипотез.

1. О кипчакском (половецком) происхождении *шамхалов* писали Рашид ад-Дин (XIV в.) и Эвлия Челеби (XVII в.).

2. Хазарскую гипотезу поддерживал, в частности, известный отечественный востоковед Владимир Фёдорович Минорский (1877–1966).

3. Некоторые источники указывают на происхождение *шамхалов* от Чингиз-хана. Сторонники этой гипотезы аргументируют её этимологией слова «*шамхал*», которое они связывают с именем двоюродного брата хана Узбека – Шевкала или Чолхана (более известного в русских летописях как Щелкан), убитого во время восстания против Орды в Твери в 1327 г.

4. Наконец, наиболее популярная и самая лестная для мусульман гипотеза возводит *шамхалов* к арабскому племени *курайш*, а конкретно – к одному из дядёв основателя ислама Мухаммеда. Из дошедших до нас свидетельств эта версия впервые была выдвинута в «Дербенд-наме» (XVII в.). Согласно ей *шамхалы* происходят от потомка дяди Мухаммеда, уроженца Сирии по имени Шахбал. В ряде случаев слово «*шамхал*» связывается с наименованием места рождения Шахбала – провинцией

Шам (название Сирии) и городком Халь. В других источниках утверждается, что Шам – название не всей Сирии, а лишь города Дамаска (откуда халифы посылали правителей в Дагестан), а слово «хал» означает «князь». Некоторые крупные учёные ставили и ставят эту версию происхождения *шамхалов* под сомнение. Например, около ста лет назад академик В.В. Бартольд (1869–1930) на основании исторических источников утверждал, что исконная форма «*шаукал*» превратилась в «*шамхал*» именно под влиянием такой якобы арабской этимологии. В советское время выдвигались иные аргументы: так, один известный дагестанский историк в своей работе 1957 г. назвал гипотезу об арабском происхождении кумыкских правителей «легендой, выдуманной и раздутой мусульманскими феодально-клерикальными историографами»⁵.

К сожалению, в настоящее время наука не располагает достаточными данными для того, чтобы принять или опровергнуть каждую из приведённых выше гипотез. Более того, учитывая, что вообще крайне мало известно о шамхалах до XVI в., может оказаться, что все эти гипотезы достоверны: нельзя исключить, что династий *шамхалов* было несколько, и каждая из них могла иметь своё происхождение.

Вернёмся, однако, к Султан-Муту. Как было отмечено выше, у него было несколько жён, имевших высокое происхождение, позволившее его детям быть причисленными к княжескому сословию. Более того, один из сыновей Султан-Мута – Айдемир – был в 1635–1641 годах *шамхалом* Тарковским. От его внуков и правнуков произошли 9 родов кумыкских князей:

1. *Айдемировы* (родовое имение – село Эндирей)
2. *Хамзины (Хамзаевы, Алишевы)* (село Костек)
3. *Темировы* (Эндирей)
4. *Муртузали-Аджиёвы (Аджиёвы)* (Эндирей)
5. *Алибековы* (село Аксай)
6. *Эльдаровы* (Аксай)
7. *Арсланбековы* (Аксай)
8. *Уцмиёвы* (Аксай)
9. *Каплановы* (Аксай)

От брата *шамхала* Айдемира происходит десятый бийский род – *Казаналиповы (Казанальповы)* (Эндирей).

Родоначальником княжеского рода Каплановых был праправнук Султан-Мута и правнук *шамхала* Айдемира – Каплан Ахмедов (или Ахматов). Родился он, судя по имеющимся данным, в конце XVII в. Во всяком случае, в указе императрицы Елизаветы от 21 декабря 1743 г. (ст. ст.) и объявлении вице-канцлера графа Бестужева-Рюмина от того же числа фигурируют «аксаевские владельцы» Али-бек Султан-Муту и Каплан-бек⁶. Существуют также и другие документы, относящиеся

к 1722–1725 гг. (охранный лист от 8 сентября 1722 г., данный по повелению Петра I; письмо Петра I; указ Петра I от 22 сентября того же года донским и терским казакам; указ за подписью генерал-лейтенанта Матюшкина от 25 августа 1725 г.), в которых фигурирует «владелец Султан-Мут аксаевский»⁷. Известно, что селом Аксай владел правнук и тёзка упоминавшегося выше Султан-Мута, сына *шамхала*. Насколько известно из дошедших до нас документов, единственным Султан-Мутотом из аксайских владельцев был отец Али-бека и дядя Каплана – лицо, упоминаемое в документах 1743 года. Этот факт достаточно убедительно свидетельствует о том, что именно этот Каплан-бек – родоначальник князей Каплановых.

Такая генеалогическая интерпретация подтверждается также и «Родословной росписью Шевкалов (т.е. владельцев) Кумыцких и Тарковских, сочинённой в Санкт-Петербурге в сентябре 1758 года в бытность тамо Костековского воеводы Алиша»⁸.

Не противоречит нашему предположению о времени рождения Каплан-бека в конце XVII в. и тот факт, что его внук – князь Муртазали Капланов – умер в 1804 г., имея звание подполковника.

Нам известно также, что праправнук Каплан-бека Ахмедова – князь Абу-Муслим – родился в 1819 или 1822 г. (в послужном списке точная дата не указана), а старший из его детей – Будаи-хан – родился в 1859 г. Значит, князь Абу-Муслим Капланов моложе своего прапрадеда, Каплан-бека примерно на 120–130 лет, а Будаи-хан моложе его же (прапрапрадеда) примерно на 160–170 лет, то есть временной интервал между поколениями довольно продолжителен и составляет, в среднем, около 35 лет. Но если принять во внимание многодетность семей, а также тот факт, что многие из князей Каплановых (так же, как и другие кавказские и российские аристократы) женились, как правило, после выхода в отставку, такой интервал между поколениями не кажется нереальным.

К одной из ветвей княжеского рода Каплановых принадлежал князь Каплан-аджи. Обстоятельства его жизни нам, к сожалению, не известны, но, судя по его имени, можно выдвинуть предположение, что при рождении он был назван Капланом, а дополнение «аджи» («хаджи») получил после того, как совершил хадж – паломничество в Мекку. Вероятно, он был сыном упомянутого выше подполковника Муртазали и дядей также уже упоминавшегося генерал-майора Абу-Муслима. Из имеющегося послужного списка следует, что сыном Каплан-аджи Капланова был штабс-капитан, князь Завит Капланов (ок. 1838 – 1914), кавалер орденов св. Станислава 3-ей ст. (1869) и св. Анны 3-ей ст. (1879), позднее – и.д. начальника 3-го участка Хасав-Юртовского округа Терской области⁹.

Младший сын Завита Каплан-аджиевича, Ирбаин-хан, пошёл по стопам отца – на военную службу. После окончания Владикавказского реального училища он поступил в Николаевское кавалерийское, откуда был выпущен в 1910 г. корнетом. Затем служил в 17-м Нижегородском драгунском полку; в 1918 г. имел чин полковника. После Гражданской войны, во время которой он воевал в рядах армии А.И. Деникина, – и был его адъютантом, Ирбай-хан Завитович эмигрировал. Сначала он жил в Европе, а с 1923 г. – в США. В 1933 г. он женился на американке Вернон Роджерс Магоффин. Для неё это был четвёртый брак. По американским понятиям, для князя Капланова брак не был мезальянсом, ведь его супруга принадлежала к старой американской аристократии – её дед и прапрадед по отцовской линии были губернаторами Кентукки, а среди предков по материнской были губернаторы Мэриленда и Массачусетса ещё колониальных времён. Детей в этом браке не было. Через год после смерти князя его вдова вышла замуж опять.

Дочь Завит-хана, Наджабат, родная сестра Ирбая Завитовича, вышла замуж за представителя другого известного северокавказского рода – кабардинского князя Бекович-Черкасского. Фёдор Николаевич (Тембот Жанхотович) Бекович-Черкасский – генерал-майор русской армии, участник русско-японской и Первой мировой войн, командир полка «жёлтых» кирасир, кавалер орденов св. Георгия 3 и 4 степеней. 3 февраля 1919 года был избран правителем Кабарды. В 1920 г. супруги эмигрировали, жили в Париже. Здесь Бекович-Черкасский возглавил Объединение кирасир полка Его Величества. Это брак также был бездетен.

Старший сын Завит-хана – Рашид-хан Капланов – известный общественный и государственный деятель, адвокат. Он окончил юридический факультет Сорбонны. Во время младотурецкой революции и некоторое время после неё Рашид-хан жил в Константинополе (Стамбуле), работал в Комиссии по реформе законодательства при Министерстве юстиции, а также преподавал государственное право в Школе судей и гражданского права и читал лекции в Школе политических наук в Константинополе. Одновременно, как журналист, сотрудничал с русскоязычной газетой «Стамбульские новости».

С конца 1913 г. Рашид-хан жил в России, в Дагестане; работал присяжным поверенным во Владикавказе, в 1917 г., после февральской революции он возглавил борьбу народов Северного Кавказа за независимость и социальные преобразования. Был одним из организаторов и руководителей Союза Объединённых Горцев Кавказа, Главой и министром внутренних дел Горского правительства. С ноября 1918 г. по март 1919 г. входил в состав вновь организованного Горского (Терско-Дагестанского, располагавшегося в Темир-Хан-Шуре) правительства: сначала министром внутренних дел, а затем был избран на пост Главы

Союзного Правительства. Уйдя в отставку, по приглашению руководства Азербайджанской Демократической Республики занимал посты министра просвещения и, позже, финансов. В период Гражданской войны неоднократно арестовывался: и Деникиным, и красными. С 1920 г. Рашид-хан Капланов жил и работал в Москве, в частности, преподавал в Институте востоковедения.

8 октября 1937 года он был арестован в Москве, осуждён за активное участие в контрреволюционной и террористической деятельности. 10 декабря этого же года приговорён к расстрелу и в тот же день казнён. Реабилитирован посмертно 29 апреля 1991 г.

Его жена Ольга, дочь первого тобольского раввина, динабургского мещанина Хаима Аршона¹⁰, врач, окончившая медицинский факультет Сорбонны, тоже была осуждена и находилась 10 лет в ссылке как член семьи врага народа, впоследствии реабилитирована.

Сын Рашид-хана Капланова – Мурад Рашидович – также был арестован НКВД и приговорён как сын врага народа к 10 годам заключения в лагере. Отсидев 5 лет, он был мобилизован в действующую армию, в штрафбат. Демобилизовался в 1946 году и, несмотря на приговор и срок, сделал блестящую карьеру: стал выдающимся учёным и инженером – генеральным конструктором спутника «Молния-1», автором изобретений в области средств и систем космической радио- и телевизионной связи; дважды лауреатом Государственной премии СССР. Награждён двумя орденами Трудового Красного Знамени и другими наградами, доктор технических наук, профессор.

Его сыном был Рашид Мурадович Капланов, историк, один из главных участников возрождения иудаики в России, профессор, Член Европейской Академии наук, Член Совета Всемирной Ассоциации исследователей иудаики, в 2002–2006 годы – Президент Европейской Ассоциации исследователей иудаики (European Association for Jewish Studies).

К другой (возможно, более старшей) ветви рода Каплановых принадлежал князь Камил Даниялович Капланов – известный дагестанский писатель и литературовед¹¹, взявший псевдоним Султанов, который носят и его потомки. Его сын – князь Казбек Камилович Капланов (Султанов) – известный литературный критик, доктор филологических наук, профессор, ведущий специалист и заведующий Отделом литератур народов РФ и СНГ Института мировой литературы РАН.

Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность Казбеку Камилловичу за помощь, оказанную при подготовке данного исследования. Выражаю также благодарность Анатолию Джелал-Эрастовичу Коркмасову и Рафаэлу Михайловичу Абрамяну.

Приложение 1

Происхождение князей Каплановых

1. Султан-Мут, 1-я жена – дочь Али-бека Кази-Кумыхского, 2-я жена – дочь уцмия Кайтагского, 3-я жена – дочь нуцала Аварского
- 1.1. Айдемир (*шамхал*: 1635-41), 1-я жена – сестра кабардинского князя Мурада Алкасова, 2-я жена – дочь князя Джучилава Казикумухского
 - 1.1.1. Орусхан => чанки
 - 1.1.2. Чопалав
 - 1.1.2.1. Айдемир => **князья Айдемировы** (Эндирей)
 - 1.1.2.2. Хамза
 - 1.1.2.2.1. Хамза => **князья Хамзины (Хамзаевы, Алишевы)** (Костек)
 - 1.1.2.2.2. Темир => **князья Темировы** (Эндирей)
 - 1.1.2.3. Чопан
 - 1.1.2.3.1. Муртузали-Аджи => **князья Муртузали-Аджиевы (Аджиевы)** (Эндирей)
 - 1.1.3. Али
 - 1.1.4. Алибек
 - 1.1.4.1. Султан-Махмуд (Султан-Мут Аксайский)
 - 1.1.4.1.1. Алибек => **князья Алибековы** (Аксай)
 - 1.1.4.1.2. Эльдар => **князья Эльдаровы** (Аксай)
 - 1.1.4.1.3. Арслабек => **князья Арсланбековы** (Аксай)
 - 1.1.4.1.4. Уцуму => **князья Уцмиевы** (Аксай)
 - 1.1.4.2. Ахмед-хан
 - 1.1.4.2.1. Каплан => **князья Капановы** (Аксай)
 - 1.1.5. Муртазали
- 1.2. Казаналып => **князья Казаналиповы** (Эндирей)

Приложение 2

Князья Каплановы

Приведённая ниже роспись включает в себя всех известных князей Каплановых и их потомков по мужским и женским линиям.

К сожалению, в настоящий момент нам не представляется возможным с уверенностью представить единую родословную князей Каплановых. *Курсивом* выделены те из князей, чьё место в родословной указано предположительно.

кн. Каплан-бек

1. кн. Ахмад-хан

1.1. кн. Муртаз-Али

1.1.1. кн. Каплан-аджи Капланов¹²

1.1.1.1. кн. N. Капланов

1.1.1.1.1. кнж. Умухали Капланова, совладелица с дядей, кн. Завитом, земли во 2-м участке Хасав-Юртовского округа¹³

1.1.1.2. кн. Завит Каплан-аджиевич Капланов (ок. 1838–1914)
+ Айбала (ок. 1868 – ?), дочь узденя Аджиева¹⁴

1.1.1.2.1. кн. Рашид-хан Завитович Капланов (30.7/11.8.1885, Дагестанская обл., с. Аксай – 10.12.1937, М., полигон «Коммунарка»)¹⁵.
+ (Париж) Ольга Ефимовна (Элька Хаимовна) Аршон (17.12.1886, Двинск – 29.09.1964, М.)

1.1.1.2.1.1. кнж. Фатъма Рашидовна Капланова (в некоторых документах ошибочно – Фатъма Фашидовна Каплан¹⁶; 31.5.1911, Константинополь – 18.10.1992, М.)

+1. (? – 15.4.1936) Юрий Александрович Мазель

+2. (25.7.1937, М.) Исай (Израиль) Семёнович Окунев (5.10.1911, Черкассы – 15.2.1963, М.), сын купца Семёна Наумовича (Симхи Нухимовича) Окунева (1879 – 13.2.1973, М.) и Брониславы Наумовны Жаботинской

1.1.1.2.1.1.1. Флора Исаевна Окунева (30.3.1938, М. – 21.4.2005, Штутгарт)

+ (10.1.1959, М.) Юрий Яковлевич Прохоров (7.4.1930 – 1998, Штутгарт), сын Якова Михайловича Прохорова и Анны Николаевны)

- 1.1.1.2.1.1.1. Евгений Юрьевич Прохоров (*26.10.1959, М.)
- 1.1.1.2.1.1.2. Галина Исаевна Окунева (*10.07.1941, М.)
+ (2.3.1963, М.) Александр Михайлович Любимов-Либинзон
(позже – Любимов; 18.03.1937, М. – 21.1.1999, Хайдельберг, Германия), сын Михаила Матвеевича (Матусовича) Либинзона
(псевдоним – Любимов; 27.2.1897 – 22.6.1958) и Татьяны Исааковны Пинес
- 1.1.1.2.1.1.2.1. Ирина Александровна Любимова (*23.03.1965, М.)
+ (24.4.1984, М.) Руслан Олегович Бешенцов (*23.08.1959, М.)
- 1.1.1.2.1.1.2.1.1. Ольга Руслановна Любимова (Бешенцова; *2.11.1984, М.)
- 1.1.1.2.1.1.2.2. Валерия Александровна Любимова (*24.04.1972)
+ Павел Юрьевич Филенков (*24.05.1957)
- 1.1.1.2.1.1.3. Нонна Исаевна Окунева (*25.04.1944, Куйбышев)
+ Александр Иванович Горелов (*19.11.1945)
- 1.1.1.2.1.1.3.1. Дмитрий Александрович Горелов (*30.08.1974, М.)
+ Вера Ивановна Гусева (*24.08.1974), дочь Ивана Николаевича
и Раисы Александровны
- 1.1.1.2.1.1.3.1.1. Михаил Дмитриевич Горелов (* 30.05.1997)
- 1.1.1.2.1.2. кн. Мурад Рашидович Капланов (1915, с. Аксай¹⁷ – 1980, М.)
+ (1.9.1951, М.) Лилиана Исаевна Рамбах (30.10.1918, Харбин –
1999, М.), дочь Исаея Рамбаха и Леи Иосифовны Гальберг (1900 –
25.9.1991, М.¹⁸)
- 1.1.1.2.1.2.1. кн. Рашид Мурадович Капланов (18.1.1949, М. – 27.11.2007,
М.)
- 1.1.1.2.2. кнж. Нажабат/Надживат Завитовна Капланова (29.10/10.11.
1886 – 7.3.1979, Монморанси, пригород Парижа)¹⁹
+ кн. Фёдор Николаевич (Тембот Жанхотович) Бекович-Черкасский
(14/26.5.1870, с. Бековичево, Малая Кабарда – 16.11.1953,
Париж)
- 1.1.1.2.3. кн. Ирбай-хан/Ирбиан-хан Завитович Капланов (28.12.1887/
9.1.1888 – 10.10.1947, Нью-Йорк)²⁰
+ (11.1.1933, Нью-Йорк) Vernon Marguerite Rogers Magoffin (? –
IV.1956), дочь 21-го губернатора Кентукки Берии Магоффина
(Beriah Magoffin; 1815–1885) и Элизабет Моран Роджерс (Elisabeth
Moran Rogers)²¹; её четвёртый муж. 1-й муж (11.5.1911):
Chester P. Siems (? – 23.10.1918)²²; 2-й муж (1.1.1920 – XII.1920;
развод): Rushton Peabody²³; 3-й муж (1923/4 – V.1932; развод):
George Drexel Steel²⁴; 5-й муж (27.12.1948): E. Dudley Haskell²⁵
- 1.1.1.2.4. кнж. Абидат Завитовна (18/30.3.1890 – ?)²⁶

1.1.2. Меджид-Султан

1.1.2.1. кн. Абаду-Муслим/Абумуслим Капланов (1819/20/22 – 10/22.2.1874) – генерал-майор²⁷
+ Айбала/Айбулла, дочь князя Темирова²⁸

1.1.2.1.1. кн. Будай-хан (25.12.1859/6.1.1860 – ?) – генерал-майор²⁹

1.1.2.1.2. кн. Ахмад-хан (Ахмед Саиб Каплан; 4/16.12.1860 – 1920), один из лидеров младотурок, историк, профессор Стамбульского университета³⁰

1.1.2.1.3. кжн. Хаджарай (7/19.12.1862 – ?)³¹

1.1.2.1.4. кжн. Айханым (2/14.11.1863 – ?)³²

1.1.2.1.5. кн. Муртазали (20.11/2.12.[или 21.11/3.12.]1864 – ?)³³

1.1.2.1.6. кн. Муцал-хан (18/30.12.1865 – ?)³⁴

1.1.2.1.7. кн. Умахан (8/20.11.1867 или 9/21.12.1869 – ?)³⁵

1.1.3. кн. N. Капланов

1.1.3.1. кн. Адиль-Султан Капланов, прапорщик, награждён знаками отличия Военного ордена 4 и 3 ст.³⁶

1.1.3.1.1. кн. Алхаз Адиль-Султанович Капланов³⁷

1.1.3.2. кн. Халил-Султан Капланов (1840 – ?), поручик 14-го гусарского Митавского полка, заболел умопомешательством³⁸

1.1.3.3. кн. Тау-Султан (Тав-Султан) Капланов (ок. 1845 – ?), поручик³⁹

1.1.3.3.1. кн. Даниял Тау-Султанович Капланов⁴⁰

+1. NN.

+2. NN.

1.1.3.3.1.1. [1 бр.] кн. Камил Даниялович Капланов (псевдоним – Султанов; *V.1911, с. Туршунай Бабаюртовского р-на – П.2002, Махачкала)

+ Кука Исмаиловна Намитокова (2.1.1922, село Понежукай, Псекупский район, Адыгея – 17.1.2006, Махачкала), дочь Исмаила Алиевича Намитокова (1883, Понежукай – 1970-е, Кисловодск)⁴¹ и Дарихан Ереджибовны Нехай⁴² (ок. 1905, аул Вочепший, Адыгея – 1980-е годы, Кисловодск)

1.1.3.3.1.1.1. кнж. Лейла Камиловна Капанова (Султанова; *17.5.1945, Махачкала), доцент Дагестанского Государственного университета + Сиражудин Камилович Юнусов (*16.6.1944, Махачкала), доцент Дагестанского технического университета

1.1.3.3.1.1.1.1. Камил Сиражудинович Юнусов (*4.5.1971, Махачкала)

+1. Надия Бамматгереевна N. (*8.9.1977)

+2. Ирина⁴³

- 1.1.3.3.1.1.1.1. Тимур⁴⁴
- 1.1.3.3.1.1.1.2. Екатерина⁴⁵
- 1.1.3.3.1.1.2. кн. Казбек Камилович Капланов (Султанов; *26.07.1946, Махачкала)
 +1. (1981, Махачкала) Умсайтин Башировна Акаева (*30.11.1958, Махачкала), дочь Асельдеровой, врач
 +2. (1987, Махачкала) Мадина Гаджиевна Газимагомедова (*23.01.1955, Орджоникидзе), дочь Гаджи Гаджиевича Газимагомедова (23.2.1911, Карата, Ахвахский район, Дагестан – 12.7.1976, Махачкала) и Замиры Дзабоевны Моргоевой (1.5.1923, Гизель, Северо-Осетинская АССР – 17.6.2005, Махачкала)
- 1.1.3.3.1.1.2.1. [1 бр.] кн. Даниял Казбекович Капланов (Султанов; 13.4.1982, М.)
- 1.1.3.3.1.1.2.2. [2 бр.] кн. Камиль Казбекович Капланов (Султанов; 26.11.1988, Махачкала)
- 1.1.3.3.1.2. [1 бр.] кнж. Эсу Данияловна Капанова⁴⁶
- 1.1.3.3.1.3. [1 бр.] кнж. Н. Данияловна Капанова⁴⁷
- 1.1.3.3.1.4. [1 бр.] кн. Н. Даниялович Капанова (умер в раннем возрасте)⁴⁸
- 1.1.3.4. кн. Салим-Султан Капанов⁴⁹

В роспись не вошли:

- Махмуд Капанов и его сын Капан-аджи⁵⁰
- Поручик Абдул-Хамид Капанов⁵¹
- Маджид Капанов⁵²
- Салим-Султан Капанов (возможно – одно лицо с упомянутым выше кн. Салим-Султаном Капановым, см. № 1.1.3.4 выше)⁵³

Примечания

¹ *Beider A.* A Dictionary of Jewish Surnames from the Russian Empire. – Teaneck (NJ): Avotaynu, Inc., 1993. – P. 288.

² Шамхал (шаухал) – титул феодальных владетелей в Дагестане.

³ Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793–1897 гг. / Сост. Х.М. Думанов, А.И. Мусукаев, А.А. Максидов. – Нальчик, 2003. – Т. 1. – С. 56–57.

⁴ Там же. – С. 53–54.

⁵ *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX вв. – Махачкала, 1957. – С. 144. Цит. по: *Алиев К. М.* Шаухалы Тарковские. Страницы кумыкской родословной. – Махачкала, 2008. – С. 20.

- ⁶ Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. – С. 116.
- ⁷ Там же. – С. 114–115.
- ⁸ Архив внешней политики Российской империи. Ф. 121: «Кумыцкие дела». Оп. 7. Д. 1758. Л. 2. Цит. по: *Алиев К.М.* Шаухалы Тарковские. Страницы кумыцкой родословной. – С. 179–182).
- ⁹ Список лицам Хасав-Юртовского округа; Полный послужной список состоящего по армейской пехоте поручика князя [Завита] Капланова // РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 12053. Лл. 7–11.
- ¹⁰ *Гончаров Ю.М.* Очерки истории еврейских общин Западной Сибири (XIX – начало XX в.). – Барнаул, 2005. – С. 90 (<http://new.hist.asu.ru/biblio/evrei/84-95.html>).
- ¹¹ *Коркмасов А.Д.-Э.* История наших поколений...
- ¹² Об увольнении от службы поручика князя [Завита] Капланова // РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 12053. Л. 3.
- ¹³ Там же. Л. 10 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 10 об.
- ¹⁵ Там же; Списки жертв политического террора в СССР (<http://lists.memo.ru/d15/f209.htm>); <http://memory.pvost.org/pages/kaplan.html>.
- ¹⁶ Согласно, например, повторному свидетельству о перемене фамилии I-МЮ № 271326 от 5.1.1999.
- ¹⁷ Или г. Дзауджикау (ныне Владикавказ) Северо-Осетинской АССР (согласно свидетельству о браке II-A № 851051, выданному 1.9.1951 г. Управлением милиции г. Москвы).
- ¹⁸ Свидетельство о смерти IX-МЮ № 80607, выданное отделом ЗАГС исполкома Октябрьского райсовета гор. Москвы.
- ¹⁹ Полный послужной список... поручика князя [Завита] Капланова // РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 12053. Л. 10 об.; Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: В 6 т. / Сост.: В.Н. Чуваков; под ред. Е.В. Макаревич. Российская Гос. Биб-ка. Отдел литературы русского зарубежья – М., 1999 – Т. 1: А–В. – С. 247 (со ссылкой на: Русская мысль. – Париж, 1979, 15 марта, № 3247; 29 марта, № 3249).
- ²⁰ Полный послужной список... поручика князя [Завита] Капланова // РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 12053. Л. 10 об.; The New York Times. – 12.10.1947.
- ²¹ The New York Times. – 12.1.1933; The Clay Family by Hon. Zachary F. Smith and Mrs. Mary Clay. – Louisville (Kentucky), 1899. – P. 214; The New York Times. – 13.4.1956. – P. 25.
- ²² The New York Times. – 27.4.1920. – P. 12.
- ²³ The New York Times. – 2.1.1920.
- ²⁴ The New York Times. – 12.1.1933.
- ²⁵ The New York Times. – 28.12.1948. – P. 16.
- ²⁶ Полный послужной список... поручика князя [Завита] Капланова // РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 12053. Л. 10 об.
- ²⁷ Полный послужной список умершего генерал-майора князя [Абумуслима] Капланова // РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 2859. Лл. 3–13.
- ²⁸ Там же. Лл. 8об., 28об., 36об., 42об., 52об. и 54.
- ²⁹ Там же. Лл. 8об., 28об., 36об., 42об. и 52об.
- ³⁰ Там же; *Алиев К.* Ахмед Саиб Каплан. Общественно-политический деятель и интеллектуал XX века // <http://www.kumukia.ru/modules.php?name=Pages&file=print&pid=9001>.

- ³¹ Полный послужной список умершего генерал-майора князя [Абумуслима] Капланова // РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 2859. Лл. 8об., 28об., 36об., 42об. и 52об.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Список лицам Хасав-Юртовского округа, заявившим о привилегированном происхождении // ЦГА РСФСР-А. Ф. 262. Оп. 1. Д. 54. Лл. 37–38 об.; *Алиев К.* Забытые герои забытых войн России. Ещё раз о кумыках – кавалерах Георгиевских наград // <http://www.kumukia.ru/modules.php?name=Pages&file=print&pid=9422>.
- ³⁷ Список лицам Хасав-Юртовского округа...
- ³⁸ Там же; Полный список о службе поручика князя Капланова // РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 3632. Лл. 7–10.
- ³⁹ Список лицам Хасав-Юртовского округа; *Коркмасов А.Д.-Э.* История наших поколений, или кавказские гвардейцы в свите императора // http://renc.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=454&Itemid=51.
- ⁴⁰ Список лицам Хасав-Юртовского округа...
- ⁴¹ Списки жертв политического террора в СССР (<http://lists.memo.ru/d24/f110.htm>).
- ⁴² Старшая сестра Героя Советского Союза Даута Нехая (1917–1955)
- ⁴³ По информации К.К. Султанова.
- ⁴⁴ По информации К.К. Султанова.
- ⁴⁵ По информации К.К. Султанова.
- ⁴⁶ По информации К.К. Султанова.
- ⁴⁷ По информации К.К. Султанова.
- ⁴⁸ По информации К.К. Султанова.
- ⁴⁹ Список лицам Хасав-Юртовского округа...
- ⁵⁰ Список лицам Хасав-Юртовского округа...
- ⁵¹ Полный послужной список умершего генерал-майора князя [Абумуслима] Капланова // РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 2859. Лл. 8об., 28об., 36об., 42об. и 52об.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же.

Содержание

От редколлегии	5
From the Editorial Board	8
 <i>Работы Р.М. Капланова</i>	
К истории караимского литературного языка	13
Велвл Чернин. А как это звучит на идише? (<i>Предисловие к публикации</i>)	23
Испано-португальские евреи в России и на Украине (XVI–XVIII вв.)	26
Шпаниш-португалише йидн ин Русланд ун Украине (XVI–XVIII йорхундерт)	37
Антонио Нунес Рибейро Саншес – первый еврейский интеллигент в Российской империи	47
А.Н. Рибейру Саншес и абсолютистское государство (по данным советских архивов)	67
Catholicism and Orthodoxy as seen by an XVIII century Portugal Jew	71
Jews in the Former Soviet Union: Between Dissolution and Renaissance	75
Jewish studies in Eastern and East-Central Europe: a historical perspective	84
К читателю нашего журнала (<i>фрагмент предисловия</i>)	89
R.Z. Kaplanov: A Political Profile	91
Le voyage au bout de l'Empire	95
 <i>Лекции, программы курсов</i>	
Лекции по истории антисемитизма и Холокоста	111
Евреи Западной и Центральной Европы на рубеже Средневековья и Нового Времени	134
Еврейство в Западной и Центральной Европе в XIX в.	136
Политическая культура еврейской диаспоры XX века	139
 <i>Выступления на конференциях, тезисы</i>	
The Second Half of the XVIII Century: Spiritual Decline or Rebirth?	143
Jews and Russians: 1000 years of contacts	147
Dr. Antonio Nunes Ribeiro Sanches as a Jewish thinker	148

The Sephardim at the Russian Imperial Court in the first half of XVIII Century	149
The Ambiguity of New Christian (Marrano) Weltanschauung	150
Karaite ethnic identity in Russia and Poland in the XX century	152
Soviet anti-Semitism	153
Finding a refuge for the Jews	154

Рецензии

<i>Мендельсон Э.</i> Евреи Центрально-Восточной Европы между двумя мировыми войнами. Блумингтон, 1983	157
Новое о произношении иврита у караимов Восточной Европы (в соавторстве с М. Гаммалом)	160
<i>Миллер Ф.И.</i> Караимский сепаратизм в России девятнадцатого века. «Послание об избавлении Израиля» Иосифа Соломона Луцкого. Цинциннати, 1993 (в соавторстве с М. Гаммалом)	166
<i>Фишман Д.Э.</i> Первые современные евреи в России: Евреи Шклова. Нью-Йорк, 1995	170
<i>Рубинштейн Дж.</i> Запутанная лояльность: жизнь и времена Ильи Эренбурга. Нью-Йорк, 1996	174

Интервью

<i>Лев Кричевский.</i> Еврейская историческая наука в нашей стране с точки зрения Рашида Капланова	179
<i>Ариель Борцевский.</i> Интервью с Рашидом Каплановым	183
<i>Вячеслав Лихачёв.</i> Рашид Капланов: «Еще в детстве я понял, что я – простой советский князь»	188
<i>Раис Сулейманов.</i> Знакомьтесь: князь Капланов – «отец русской иудаики»!	196
<i>Борис Гельман.</i> Интеллигент княжеского рода	200
<i>Алек Д. Эпитейн.</i> Беседа с Рашидом Мурадовичем Каплановым	204
<i>Светлана Черенкова.</i> Интервью с Рашидом Каплановым	216

Воспоминания о Рашиде Мурадовиче Капланове

<i>Галина Окунева</i>	223
<i>Михаил Гребнев</i>	240
<i>Борис Шпотов</i>	247
<i>Светлана Данченко (Бочкарева)</i>	253
<i>Александр Локшин</i>	257
<i>Владимир Стабников</i>	263
<i>Аркадий Ковельман</i>	265
<i>Елена Сморгунова</i>	266
<i>Жозе Мильязеш</i> (Пер. с португ. В.Гнатюка)	268

<i>Ангеле Чепенайте</i>	276
<i>Анхель Луис Энцинас Мораль</i>	281
<i>Михаил Членов</i>	282
<i>Марк Куповецкий</i>	294
<i>Абрам Торпусман</i>	300
<i>Наталья Флора-Дараган</i>	303
<i>Светлана Лучицкая</i>	306
<i>Владимир Петрухин</i>	310
<i>Сандро Тети</i>	312
<i>Хайнрих Пфандль</i>	316
<i>Виталий Портников</i>	320
<i>Маргарита Каганова</i>	321
<i>Максим Гаммал</i>	323
<i>Семен Чарный</i>	326
<i>Борис Котлерман</i>	328
<i>Анна Шаевич</i>	330
<i>Дэвид Розенсон</i>	332
<i>Виктория Мочалова</i>	334
 Приложения	
Список трудов Рашида Мурадовича Капанова.....	345
<i>Анатолий Воробьев. Князя Капановы. Опыт генеалогии</i>	350
Оглавление	363
Contents	366

Contents

From the Editorial Board	8
--------------------------------	---

Works by R.M. Kaplanov

To the History of the Karaite Literary Language	13
<i>Velvl Chernin</i> . How it is in Yiddish? (<i>Foreword to Publication</i>)	23
Spanish-Portuguese Jews in Russia and Ukraine (16 th –18 th Centuries)	26
Shpanish-Portugalische Yidn in Russland un Ukraine (XVI–XVIII Yorhundert)	37
Antonio Nunes Ribeiro Sanches – First Jewish Intellectual in Russian Empire	47
A.N. Ribeiro Sanches and the Absolutist State (based on the Data from Soviet Archives)	67
Catholicism and Orthodoxy as seen by an XVIII century Portugal Jew	71
Jews in the Former Soviet Union: Between Dissolution and Renaissance	75
Jewish Studies in Eastern and East-Central Europe: a Historical Perspective	84
To the Reader of the Magazine (Fragment of the Foreword)	89
R.Z. Kaplanov: A Political Profile	91
Le voyage au bout de l'Empire	95

Lectures, Curricula

Lectures on the History of Anti-Semitism and the Holocaust	111
Jews in West and Central Europe at the Turn of Medieval Age and the Modern Time	134
Jews in West and Central Europe in XIX Century	136
Political Culture of Jewish Diaspora in XX Century	139

Conference Presentations, Abstracts

The Second Half of the XVIII Century: Spiritual Decline or Rebirth?	143
Jews and Russians: 1000 years of contacts	147
Dr. Antonio Nunes Ribeiro Sanches as a Jewish thinker	148

The Sephardim at the Russian Imperial Court in the first half of XVIII Century	149
The Ambiguity of New Christian (Marrano) Weltanschauung	150
Karaite ethnic identity in Russia and Poland in the XX century	152
Soviet anti-Semitism	153
Finding a refuge for the Jews	154

Reviews

<i>Mendelsohn E.</i> The Jews of East Central Europe between the Wars. Bloomington, 1983	157
New Data about Hebrew Pronunciation by Eastern European Karaites (in co-authorship with <i>M. Gammal</i>)	160
<i>Miller Ph.E.</i> Karaite Separatism in nineteenth-century Russia. Joseph Solomon Lutski's «Epistle of Israel's Deliverance». Hebrew Union College Press. Cincinnati, 1993 (in co-authorship with <i>M. Gammal</i>)	166
<i>Fishman D.E.</i> Russian's First Modern Jews: The Jews of Shklov. New York, 1995	170
<i>Rubenstein J.</i> Tangled Loyalties: The Life and Times of Ilya Ehrenburg. New York, 1996	174

Interviews

<i>Lev Krichevsky.</i> Jewish History Studies in our Country from Rashid Kaplanov's Point of View	179
<i>Ariel Borshchevsky.</i> Interview with Rashid Kaplanov	183
<i>Vyacheslav Likhachev.</i> Rashid Kaplanov: "Already in my childhood I understood, that I am a simple Soviet Prince"	188
<i>Rais Suleimanov.</i> Meet Prince Kaplanov – "Father of Russian Jewish Studies"!	196
<i>Boris Gelman.</i> An Intellectual from the Princely Family	200
<i>Alec D. Epstein.</i> Conversation with Rashid Muradovich Kaplanov	204
<i>Svetlana Cherenkova.</i> Interview with Rashid Kaplanov	216

Memoirs of Rashid Muradovich Kaplanov

<i>Galina Okuneva</i>	223
<i>Mikhail Grebnev</i>	240
<i>Boris Shpotov</i>	247
<i>Svetlana Danchenko (Bochkareva)</i>	253
<i>Alexander Lokshin</i>	257
<i>Vladimir Stabnikov</i>	263
<i>Arkady Kovelman</i>	265
<i>Elena Smorgunova</i>	266

<i>José Milhazes</i>	268
<i>Angele Cepenaite</i>	276
<i>Angel Luis Encinas Moral</i>	281
<i>Mikhail Chlenov</i>	282
<i>Mark Kupovetsky</i>	294
<i>Abram Torpusman</i>	300
<i>Natalia Flora-Daragan</i>	303
<i>Svetlana Luchitskaya</i>	306
<i>Vladimir Petrukhin</i>	310
<i>Sandro Teti</i>	312
<i>Heinrich Pfandl</i>	316
<i>Vitaly Portnikov</i>	320
<i>Margarita Kaganova</i>	321
<i>Maxim Gammal</i>	323
<i>Semyon Charnyj</i>	326
<i>Boris Kotlerman</i>	328
<i>Anna Shaevich</i>	330
<i>David Rozenon</i>	332
<i>Victoria Mochalova</i>	334
 <i>Appendix</i>	
Bibliography of Works by Rashid Kaplanov	345
<i>Anatoly Vorobyov</i> . Princes Kaplanov: an Attempt to Genealogy	350
Contents	366